

✠
О смерти
и бессмертии

✠

СВЕТ БУДУЩЕЙ ЖИЗНИ

О смерти и бессмертии

Даниловский
благовестник
Москва 2006

ББК 86-372
С 243

*По благословению
Святейшего Патриарха Московского
и всея Руси АЛЕКСИЯ II*

С 243 С ВЕТ БУДУЩЕЙ ЖИЗНИ: О смерти и бессмертии. – М.: Даниловский благовестник, 2006. – 536 с.

Эта книга о том, что такое смерть и как необходима нам память о ней; почему Господь не уничтожил смерти на земле и в чем смысл предсмертных страданий человека; об искушениях, которые ожидают нас в смертный час, и как не впасть в отчаяние, а сохранить твердость духа и доверие к Богу в этот решающий момент; о том, что поможет нам пережить смерть близких людей и как поминать наших дорогих усопших.

ISBN 5-89101-167-0

© Составление, набор, верстка и оформление —
«Даниловский благовестник», 2006

Слово к читателю

Поминай последняя твоя, и во веки не согрешиши – так говорит нам слово Божие. Оно говорит нам о том экзамене, который ждет нас в будущей жизни, а, как известно, к экзамену нужно тщательно готовиться.

Смерть – это не катастрофа, когда обрываются дни нашей жизни: дни удовольствий и наслаждений или, быть может, дни тягот и забот. Смерть – это переход из одной жизни в другую: из жизни земной, временной – в жизнь будущую, вечную, в которой для одних не будет ни болезни, ни печали, ни воздыхания, а других ждут вечные мучения.

Святые отцы учат, что говорить и размышлять о смерти – это говорить и размышлять о самом главном в жизни, о смысле жизни, и что чем чаще мы предаемся этим размышлениям, тем чище и светлее становится наша жизнь, тем более подготовленными становимся мы к своей смерти и своему бессмертию.

Размышления о смерти не должны приводить христианина в смятение, как это бывает, когда неверующего человека неожиданно оставляют силы и здоровье и ему кажется, что он стоит на краю пропасти. Страх смерти не должен сковывать наши духовные силы, а наоборот, должен подвигать нас на борьбу со страстями и пороками, вдохновлять на неуклонное шествие к небу, к свету будущей жизни.

**Архимандрит АЛЕКСИЙ (Поликарпов),
наместник Данилова ставропигиального
мужского монастыря г. Москвы**

От издательства

Эта книга о том, что такое смерть и как необходима нам память о ней; почему Господь не уничтожил смерти на земле и в чем смысл предсмертных страданий человека; об искушениях, которые ожидают нас в смертный час, и как не впасть в отчаяние, а сохранить твердость духа и доверие к Богу в этот решающий момент; о том, что поможет нам пережить смерть близких людей и как поминать наших дорогих усопших.

Но эта книга не только о смерти – это книга о бессмертии человека, которое так же неминуемо, как и смерть, о посмертной жизни души – с первых минут после ее выхода из тела и до Страшного Суда, о воскресении мертвых и *жизни будущего века*.

Здесь каждый читатель найдет себе близкого по духу автора. Кого-то заинтересуют современные проповедники – протоиереи Димитрий Смирнов, Валериан Кречетов, Александр Шаргунов, Артемий Владимиров, кто-то предпочтет творения святых отцов – святителя Игнатия (Брянчанинова), святителя Димитрия Ростовского, преподобного Силуана Афонского, святителя Иоанна (Максимовича), праведного Иоанна Кронштадтского, а кому-то будут ближе мысли духовных писателей XX века – митрополита Антония Сурожского, архиепископа Иоанна (Шаховского), священника Александра Ельчанинова, иеромонаха Серафима (Роуза), Николая Евграфовича Пестова.

Очень важно, что книга предназначена не только для православного воцерковленного читателя. Дайте ее почитать своим нецерковным родным или знакомым, когда они в трудное для себя время обратятся к вам за помощью и советом. Авторы этой книги смогут ответить на самые сложные вопросы о смысле жизни и смерти, смогут ободрить в скорбях и утешить в болезни и при потере близких.

Глава 1 ✦

ЧТО ТАКОЕ СМЕРТЬ...

Митрополит Николай (Ярушевич)✠

О СМЕРТИ, ВОСКРЕСЕНИИ МЕРТВЫХ И ЖИЗНИ ВЕЧНОЙ

Большого несчастья нет на земле, чем смерть; нет ничего, что возбуждало бы в нас такой страх, как смерть. Любая болезнь, и самая тяжкая, любое страдание и бедствие бледнеют перед лицом смерти. Никто не хочет смерти. Мы все отвращаемся от нее. Только больные духом ищут ее. Мы часто можем видеть старца, отягощенного годами, обремененного многими старческими недугами, – и все же он хочет жить и не хочет умирать. О чем это говорит? О том, что мы носим в себе предощущение своего бессмертия.

В каждом из нас врожден инстинкт самосохранения. При всякой грозящей нам опасности мы не только вздрагиваем, поднимаем руки для защиты себя. Прежде чем внезапно надвинувшаяся опасность дойдет до нашего сознания, мы уже защищаем свою жизнь. О чем это говорит? О том, что не для смерти мы созданы, а для жизни. Ни один из врожденных инстинктов не может быть ложным. И нет большего утешения для верующего сердца, чем знать, что смерти нет.

Первый человек был бессмертным, но после грехопадения смерть вошла в жизнь человека. Человек стал смертен по телу, оставаясь бессмертным своей

душой. Но, отдаваясь греховной жизни, человек стал забывать о своем бессмертии. Лишь немногие лучшие люди ветхозаветных времен сумели сохранить в себе память о своем бессмертии и веровали в него. Один из них – псалмопевец Давид восклицает: *Ты не оставишь души моей в аде и не дашь святому Твоему увидеть тление* (Пс. 15, 10).

Конечно, многие наблюдательные пытливые умы, даже и среди ветхозаветного человечества, неоднократно хотели приподнять завесу, скрывающую от них посмертное будущее. Наблюдая за природой, люди не могли не видеть того, что все в природе умирает для того, чтобы вновь родиться, воскреснуть: солнце заходит, чтобы взойти утром следующего дня; луна ущербляется, умалется, чтобы в свое время родиться вновь; семя, опущенное в землю, сгнивает и после этого дает росток и стебель; природа зимой умирает, чтобы с теплом опять ожить. Неужели, – мог думать человек, и мы знаем, что так многие и думали, – он, венец творения, хозяин природы, умирая, навсегда уходит с лица земли и превращается в прах земной? Почему же ум человеческий так стремится к знаниям, хочет охватить их возможно больше? Почему сердце человека так привязывается к людям, загорается такой крепкой и постоянной любовью, если человек смертен и смерть должна в нем оборвать всю его внутреннюю умственную и духовную жизнь? Ведь это было бы насмешкой природы над человеком. Все это пытливому человеческому уму не могло не говорить о том, что предощущение бессмертия врождено человеку, но человеческий ум сам по себе был бессилен понять эту тайну, понять и приподнять завесу над будущностью человека.

Но вот в сроки, предустановленные в слове Божиим, взошло над землею Солнце, взошло, чтоб никогда не заходить, и во свете этого Солнца все неясное, только предошутимое, стало ясным. Пришел на землю Сын Божий в образе Господа нашего Иисуса Христа, и люди услышали из Его уст такое волнующее, напоющее их радостью, слово: *Верующий в Сына имеет жизнь вечную* (Ин. 3, 36).

Теперь из Божественного Откровения мы все знаем о смерти и о своей будущей жизни. Мы знаем: то, что принято называть смертью, не есть только остановка дыхания и биения человеческого сердца. На церковном языке эта минута называется таинством смерти; тогда совершается воистину тайна: бессмертная душа разлучается с телом, покидая его, как свое временное жилище, и, как сказано в слове Божиим: *возвратится прах в землю, чем он и был; а дух возвратится к Богу, Который дал его* (ср.: Еккл. 12, 7).

Мы знаем теперь, что не умрет ни наше сознание, ни все те чувства, с которыми мы здесь живем, и в условиях новой загробной жизни все это раскроется во всей своей глубине и силе. Наша вера учит тому, что на сороковой день по смерти совершается Господом предварительный суд над душой человека. В течение этих первых сорока дней по смерти душа человека, проходя все «мытарства» через особый путь истязаний, на котором она вспоминает грехи своей жизни и бичует себя за них, а в третий, девятый и сороковой день по смерти приводится к Богу для поклонения. При последнем поклонении в сороковой день душа по суду Божию получает предопределение или к вечным радостям, или к мукам.

Господь наш так милосерд, что не оставляет без любви Своей те грешные души, которые предстают перед Ним и слабыми верою, и лишь с начатками покаяния, не укрепив первой и не довершив второго на пути своей земной жизни. По молитвам Церкви, силой Бескровной Жертвы, приносимой за этих умерших, действием милостыни за них облегчается участь этих грешников, и они не лишаются надежды на прощение и вечные радости.

Все те души, которые принесут с собою в вечную жизнь чистые и святые чувства: любовь к Богу, добрые дела, смирение, душевную и телесную чистоту, найдут в этих святых чувствах для себя источник возвышенных радостей...¹

Смерть – это дверь в вечность. Какое это великое, ни с чем не сравнимое счастье – наше бессмертие! Святой Григорий Богослов, рассуждая о бессмертии в одной из своих проповедей, говорит: «У меня дух замирает, когда я представляю себе то нескончаемое будущее, которое лежит предо мной». Перед духовным взором каждого из нас раскрывается дивное, святое зрелище, о котором нам говорит слово Божие: прекрасный нерукотворенный небесный Иерусалим – тот духовный град, обитатели которого будут наслаждаться вечным блаженством в будущей жизни. Солнцем, освещающим этот небесный град, будет Сам Господь Иисус Христос. В нем никто не будет знать слез, скорбей и болезней и, охваченный радостью вечного общения с Небесным Отцом, не будет и вспоминать о своих земных слезах и страданиях. У раскрытых дверей этого небесного Иерусалима

¹ Из сборника проповедей митрополита Николая (Ярушевича) «Слова и речи» в 4-х тт. «Смерти нет». Т. I. С. 115–116.

встречает души людей Сам Хозяин этого града – наш Небесный Отец. Для того Сын Божий и приходил на землю, чтобы никто из нас не погиб, но каждый из нас стал участником вечных радостей в этом небесном граде².

Смерть – рождение для новой жизни

Для православного христианина умереть – значит родиться для новой, вечной жизни. Еще в первых веках христианства день кончины святых мучеников назывался днем рождения. И сейчас дни смерти святых угодников Божиих – это наши праздники, в которые мы как бы присоединяем свою радость к их радости в вечной блаженной жизни.

Вечная жизнь, в которую мы рождаемся через смерть, совсем отлична от жизни земной. Это новая жизнь. В ней нет ни дней, ни ночей, нет времен года. В вечной жизни не женятся, не выходят замуж, как сказал Спаситель. В ней мы будем свободны от голода, жажды, холода, телесных слабостей, от всех болезней нашей земной жизни. До всеобщего Воскресения из мертвых мы пребываем в ней своей бессмертной душой, а потом, по воскресении нашего тела при конце века, душа соединится с воскресенным телом, уже преображенным, освобожденным от старости и всяких немощей. Начало этой новой жизни – минута нашей смерти.

Смерть бывает радостной и светлой только для чистых душой и праведников, когда они из этого

² Там же. Стр. 120.

мира переходят в руки Небесного Отца. Как сказал апостол Павел: *Для меня жизнь – Христос, и смерть – приобретение* (Флп. 1, 21) – приобретение тайны бессмертия, тайны бесконечности времени, тайны вечного общения с Господом. А для большинства из нас, слабых и грешных, смерть вызывает трепет и слезы при мысли о себе³.

* * *

Блаженны мертвые, умирающие в Господе; ей, говорит Дух, они успокоятся от трудов своих, и дела их идут вслед за ними (Откр. 14, 13). Смерть – это конец всем земным заботам, тревогам человека, земной суете, конец и многочисленным, нередко тяжким болезням и страданиям, каким мы подвергаемся так часто, можно сказать, в течение всей своей жизни. Мы еще с вами живы, мы путешествуем по земле, а они, мертвые, уже достигли небесного отечества. Мы, живые, еще плаваем по волнам житейским, а они уже вошли в тихую пристань вечной жизни. Мы еще в узах плоти своей, а они уже в свободе духа. Все земные радости, земные скорби и земные приманки теперь для них ничто. Телом они мертвы. Если бы около гроба с бездыханным телом усопшего рассыпать сокровища мира сего, холодные руки не протянутся за этими сокровищами. Никакие крики веселья, никакие рыдания не пробудят угаснувшего навсегда телесного духа усопшего. Никакие горячие слезы не согреют холодное, бездыханное тело. *Смерть – мужу покой* (Иов. 3, 23). Смерть – это покой телу человека. Но покой телу, какой наступает для каждого усопшего, не означает покоя души

³ «День рождения». Т. IV. С. 178–179.

покинувшего землю нашего брата. Для них, наших усопших, нет радостей и скорбей земных, но у них есть свои радости и свои скорби в вечной жизни, куда они переселились бессмертной душой.

С какими скорбями вступает в вечную жизнь душа грешника не раскаявшегося, лежавшего в своих грехах, не омывшего их благодатью покаяния, забывшего и о Боге, и о своей бессмертной душе! И какая радость и какое счастье, какое утешение – удел той преданной Господу души, которая готовила себя к жизни будущего века и перешла туда, в страну нескончаемой жизни, с верой и своей доброй христианской жизнью! Вот почему и говорит нам слово Божие: *Блаженны мертвые, умирающие в Господе* (Откр. 14, 13). Не сказано в слове Божиим: «блаженны мертвые», но – «умирающие в Господе». Перейдя в жизнь, не имеющую конца, они вошли в дом своего Небесного Отца.

* * *

Умирающий в Господе, – это тот, кто в своей жизни земной устремился душой к Богу, кто жил верой в Него... Тот, кто с миром в душе любил Господа и желал жить так, как Господь велит нам жить...

Тот, кто исполнял заповедь Христову о любви к ближнему, и целью его жизни было сделать как можно больше добра людям... тот, кто по заповеди Христовой, искал прежде всего Царства Божия и правды Его... заботился о своей душе и питал ее духовной пищей... Тот, кто был послушен Святой Церкви... посещал храм, любил святые праздники, благоговейно внимал словам молитв, словам Божественного Евангелия... Тот, кто не откладывал своего покаяния, со

страхом и трепетом, верой и любовью принимал Святые Тайны Христовы как залог вечной жизни...

Умирает в Господе тот, кто, – если благословляет его Господь умирать в сознании, – призывает служителя Христовой Церкви и напутствует себя последним напутствием, прощаясь с земной жизнью, стоя у таинственного порога смерти, через который неизбежно все мы переступим, когда придет для каждого из нас этот последний час.

* * *

Когда бы Господь ни восхитил душу его (человека) к Себе, – в глубокой ли человеческой старости, в расцвете ли земной жизни; пройдет ли человек через долгие жизненные испытания, болезни и скорби, или еще не успеет вкусить страданий и искушений; будет ли умирать, окруженный своими близкими и родными, как бы на руках самых дорогих ему людей, или, может быть, Господь пошлет человеку смерть вдали от всех, покинутому всеми и оставленному без всяких забот, может быть, среди тяжких мучений, от которых никто его не мог спасти или их облегчить, – тот, кто прожил в Господе свою жизнь, умирая, укажет своим верующим сердцем: *Ныне отпуцаеши раба Твоего, Владыко!* (Лк. 2, 29).

Скажет раб Божий в своем сердце: «Ты, Господи, выводишь душу мою из телесной темницы, берешь ее к Себе из страны плача, слез и скорбей туда, где нет ни воздыханий, ни болезней, ни печалей. Ты призываешь мою душу к Себе, чтобы я увидел Тебя там и поклонился Тебе перед Твоим Пречистым ликом. Да будет благая воля Твоя!»⁴

⁴ «Мертвые». Т. III. С. 25 и сл.

* * *

Если час смерти наступит не внезапно, но среди полного нашего сознания и мы будем понимать, что приближаемся к таинственному порогу смерти, за которым нас ожидает жизнь вечная, – что в эти минуты, в эти часы переживает нераскаянный грешник, не живший с Господом в своем сердце? Оборачиваясь назад, он вспоминает в своей кончающейся жизни только свои грехопадения, своих сообщников в грехах. Посмотрев вокруг себя, он видит, что все, к чему прилеплялось его сердце, исчезает как дым в его потухших очах, а его тело, которое он холит и любил, которому оказывал так много внимания, уже готовится стать трупом. Заглянет ли он в будущее, хотя бы и не представляя его себе ясно своим сердцем, – он увидит там, в наступающей вечной жизни, Праведного Судию, Который воздаст ему, как и каждому из нас, по деяниям его. Тяжко умирать грешнику. Потому и говорит пророк Божий: *смерть грешников люта* (Пс. 33, 22) .

Умирает и человек, который не порывал в своей жизни общения с Господом, умирает – веруя. Позади, в уходящей жизни у него – слезы, какие он проливал, омывая свою грешную душу, искупая ее в содеянных грехах. И он ободряется надеждой на то, что слезное покаяние, какое он не раз приносил в своей земной жизни, Господь примет как благоухающую жертву его верующего сердца.

В прошлом у него – побежденные им соблазны, от которых он сохранил себя. Он видит свои добрые дела, какие он спешил совершить в своей земной жизни, чтобы они пошли впереди его в вечную жизнь. Он умирает, но его утешают те евангельские

обетования, о каких он напоминает своему сердцу, обещания Божии о том, что верный Господу до смерти получит венец жизни вечной. Он принимает напутственные Таинства Святой Церкви, и очищается и омывается от последних греховных пятен его душа, готовящаяся перейти в жизнь будущего века. Своим верующим сердцем, своими верующими очами он взирает туда, вперед себя, и видит там страну вечного блаженства, в ней – Преблагословенную свою Заступницу, Которой молился в дни своей земной жизни и Которая, верует он, придет к нему в этот страшный час, чтобы облегчить переход души в вечную жизнь⁵.

О кончине мирной

Слова праведного Симеона («Ныне отпускаеши...») напоминают нам о смерти. Но о какой смерти? Какая ясность и спокойствие духа слышится в этих словах! Какое благословенное разлучение души с телом и миром! Кто из нас не пожелает себе такой кончины: мирной, безболезненной, непостыдной, о какой мы молимся за каждым нашим богослужением, по несколько раз произнося слова такой молитвы.

А когда она бывает такой? От чего зависит такая кончина? Она зависит не от внешних обстоятельств, а от нашего внутреннего мира и покоя совести. Вот умирает преклонный старец, для которого смерть должна служить концом его старческих болезней и немощей, но он умирает тяжелой смертью, если на совести его, обличающей его перед смертью, лежит тяжесть греховная. Но умирают юноша или девица,

⁵ «Цель». Т. III. С. 25 и сл.

только что расцветающие для жизни, и умирают спокойно и мирно, если в короткой своей земной жизни они жили со Христом в сердце. И тот, кто свою жизнь прожил в страданиях и нищете, лишениях и невзгодах, может умирать мучительной смертью, если его жизнь прошла в удалении от Бога, без небесных благословений. И в мире своего духа встретит кончину тот, кто в течение своей жизни уже наперед себя посылал в страну вечной жизни свои добрые дела, свои покаянные слезы и свои горячие молитвы.

Можно и в объятиях самых близких и любимых людей умирать тяжело, а можно радостно и спокойно умирать среди самых тяжелых опасностей и в руках врагов. Ирод умер на царском троне, но – мучительной смертью, а Иоанн Предтеча окончил свою земную жизнь в темнице под ударом палача, но – блаженной смертью.

Значит, мирная кончина зависит не от бедности или богатства, не от земного внешнего покоя или бедствий, несчастий, не от молодости или старости того, кто умирает, а исключительно от мирной и покойной совести.

Медицинская наука придумывает все новые и новые способы лечения телесных болезней, но наука никогда не сможет придумать средств для лечения болезней человеческого духа. А скажите, что может исцелить раны сердца, пронзенного страхом перед будущими вечными мучениями? Ничто, кроме утешающего и благодатного евангельского слова. Что может утешить сердце человека, наполненное тревогой перед мыслью о смерти и о Суде Божиим по смерти?

Только вера, утешающая каждого кающегося грешника милосердием и всепрощением Божиим. Вера, покаяние, молитва, добрые дела – вот тот путь,

который ведет каждого из нас к мирной и блаженной кончине и утешает нас в предсмертные минуты надеждой на отеческую любовь к нам нашего Небесного Отца⁶.

Недоумение о смерти юных

Люди, может быть, недоумевают: почему умирает в расцвете сил юное, молодое, безгрешное существо, которое подавало столько надежд, которое оплакивается слезами своих близких, – а человек порочный остается жить, продолжает свои пороки и свой разврат? Слово Божие говорит нам: *Как благоугодивший Богу, он возлюблен и, как живший среди грешников, представлен, восхищен, чтобы злоба не изменила разума его, или коварство не прельстило души его. Ибо душа его была угодна Господу, потому и ускорил Он ее из среды нечестия* (Прем. 4, 10, 11, 14). Господь берет к Себе чистую и непорочную душу, ибо знает, что грехами и искушениями осквернилась бы эта душа, если бы осталась в теле человека пребывать на земле. И оставляет Господь жить порочного и развратного, потому что, как Он сказал через пророка: *Не хочу смерти грешника, но чтобы грешник обратился от пути своего и жив был* (Иез. 33, 11).

Господь терпит и грешного, и порочного, терпит, ожидая его обращения ко Господу и спасения. И в том, и в другом случае проявляется любовь к нам нашего Небесного Отца⁷.

⁶ «Совесть». Т. II. С. 181.

⁷ «Мать и дети». Т. III. С. 46.

О внезапной смерти

Такая смерть может застать наше сердце во власти одной житейской суеты, страстей и пороков, с которыми мы так плохо боремся и очищать себя от которых мы так ленимся на своем земном пути. А после смерти человек перейдет в ту страну, где нет места покаянию и исправлению, где мир совсем иной, свободный от земных и плотских мыслей и чувствований.

Есть люди, которые желали бы себе скоропостижной, внезапной кончины, чтобы избежать предсмертных болезней и страданий. Но истинный христианин боится внезапной смерти и просит себе во многих молитвах, обращенных к Господу, Божией Матери и святым угодникам Божиим, сохранить его от такой смерти.

Мы знаем, есть среди праведников святые, которые умерли внезапно. Преподобный Афанасий Афонский был завален обрушившимся верхом соборного купола, который он осматривал. Праведный Артемий был убит среди поля молнией. И оба они: Афанасий и Артемий – сияют в сонме угодников Божиих. Но ведь они жили святою жизнью, ведь они по своей вере, по своим добрым делам, по жребию и чистоте были всегда готовы умереть. И когда смерть их застигла внезапно, – они своими чистыми душами ушли в вечную жизнь для вечной славы.

А мы, грешные, слабые духом, подверженные греховным искушениям, не умеющие и ленивые бороться с этими искушениями, непрестанно молим себе у Господа: «Прочее время живота нашего в мире и покаянии скончати»; мы просим «христианской

кончины живота нашего, безболезненной, непостыдной, мирной».

Мы хотим перед смертью проститься с близкими, примириться с Господом, очистив свою совесть в предсмертном Таинстве Покаяния, принять Святые Тайны Христовы в свои предсмертные дни, чтобы соединиться с Господом навеки своей душой, очищенной от греха в эти последние дни земной жизни, когда уже страсти и пороки, обычно властвующие в нашем сердце, по нашей немощи телесной не могут иметь обладания над нами.

Истинный христианин не боится перед своею смертью и пострадать в тяжелой и долгой болезни, ибо он знает, что, если перенесет эти предсмертные страдания с верой и терпением, Господь примет их в искупительную жертву за великое множество его согрешений⁸.

О воскресении из мертвых

И знает каждый из нас, что за осенью жизни его ждет неотвратимая смерть. И холодом будет сковано наше бездыханное тело, и земля примет это тело в свои объятия и саваном своим покроет его.

Но если тиеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода, – говорит Господь (Ин. 12, 24).

И никто из людей не умирает, когда бездыханное тело его опускается в землю. А потому и умерший на церковном языке зовется «усопшим», то есть уснув-

⁸ «Сокровище». Т. II. С. 253–254.

шим, – потому что, как открыто каждому христианину, тело его пребудет в земле только до той священной минуты, когда по гласу архангеловой трубы и недра земли, и дно морей и океанов отдадут прах человеческих тел; когда воскреснут мертвые, чтобы своими воскрешенными – уже нет – иными, преображенными, уже свободными от немощей и нынешних потребностей – телами соединиться со своими бессмертными, никогда не умирающими душами для вечной жизни⁹.

Красота вечной жизни и наша забота о ней

И если зной страстей и пороков человеческих не иссушит души на земном пути для жизни вечного блаженства; если холод и равнодушие к делу своего спасения не погубят душу вечною погибелью, – о, будет своя весна и для каждой Богу вверившей себя души человека! И все, что было в душе чистого, светлого, дорогого, с чем душа перешла туда, – все это раскроется на просторы жизни вечной во всей своей красоте, и не сравнится с этой вечной, нетленной красотой чистого человеческого духа ни синева моря, ни лазурь неба, ни золото солнца, никакая красота в природе!

О, только надо быть достойным этого счастья! Для того и даны немногие десятки лет жизни земной каждому из нас, чтобы в них заслужить это счастье.

⁹ «Осень». Т. I. С. 13.

О горнем помышляйте, – учит святой апостол Павел (Кол. 3, 2). Не спускайте в жизни своей своего духовного взора с высот горнего, прекрасного Небесного Иерусалима – места нашего вечного обитания! И пусть дума о своем вечном спасении будет первой в ряду других дум наших; забота о душе пусть будет впереди всех других забот, и труд над величайшей на земле задачей – над спасением своей души для счастья вечности – пусть будет целожизненным трудом для каждого из нас. Будем готовиться к вечной весне той жизни, которая не будет знать конца¹⁰.

О радости вечной жизни

А главная радость ожидает верующее православное сердце в жизни будущего века, в той жизни, которую верующий христианин видит своими духовными очами. Когда явится новая земля под новым небом, когда праведники просветятся как солнце, и Господь отрет слезы с очей человека и уже не вспомнит человек о скорбях, пережитых на земле, – не будет границ вечному блаженству, какое наследует всякий истинный раб Божий. Там, у Бога, – наше небесное отечество, и, идя туда, мы видим в бесконечной дали будущего через открытые двери Царства Небесного вечное счастье для каждого, кто в Господа верует, кто Его любит, кто с Ним живет, кто свою бессмертную душу оберегает от вечной гибели, спасая ее для этой вечности¹¹.

¹⁰ «Осень». Т. I. С. 13.

¹¹ «Вечная радость». Т. III. С. 94.

Мы все знаем, что царство вечной жизни – это царство красоты нетленных душ человеческих; и станет участником вечной жизни только тот, кто войдет туда в брачной одежде, о которой говорит Господь в Своей притче о вечере, – одежде, сотканной трудами самого человека из добрых дел, молитвы и покаяния. И тогда Божественный носитель совершенной красоты, Небесный Хозяин, узнает в нас Своих детей, исполнителей Его завета и введет нас в Свои обители радости и света¹².

Никакие богатства и сокровища земли, ни слава, ни почет, ни ум, ни красота, ни таланты, – ничто в сравнении с тем счастьем, какое дает бессмертной душе человека вечная жизнь с радостями, завещанными Господом каждому Его верному рабу, исполнителю Его заветов в земной жизни, тому, кто живет с верою и с нею умирает¹³.

О Царстве Небесном, в чем оно состоит

Царство Небесное – это не царство человеческое, земное. Это Царство, Владыкой которого является Господь Бог Всемогущий, сотворивший небо и землю Своим словом.

Оно состоит не в сокровищах земных, которые уплывают из рук человеческих быстрее воды, оно состоит из сокровищ небесных, какие накапливает каждый истинный христианин в душе, в своей земной

¹² «Красота». Т. I. С. 31.

¹³ «Иго и бремя». Т. I. С. 35.

жизни, молитвой, покаянием, добрыми делами. Это же небесные сокровища, какие Господь приготовил верным Своим детям в жизни не знающей конца.

Это Царство составляют не наслаждения земные, какие только отягощают душу человека, а наслаждения духовные – та радость о Духе Святом и все те радости, какие верующему человеку дает его святая православная вера.

Это Царство Небесное имеет своим украшением не земную человеческую славу, которая сегодня окружает человека, а завтра покидает его, а славу духовную, славу небесную, которой, по словам Господа Иисуса Христа, праведники просветятся, как солнце, в обителях Отца Небесного.

Гражданами этого Небесного Царства являются тьмы тем Ангелов и Архангелов, все святые Божии угодники, все истинные рабы Божии, которые не напрасно для жизни будущего века прожили свою земную жизнь и в глубине своего сердца потрудились над делом спасения души, очищая ее от греховной скверны и украшая ее той высотой, теми добродетелями, какие составляют вечную духовную красоту человека. В этом Небесном Царстве пребывают и те угодники, имена которых носит каждый из нас. В нем и все Ангелы-хранители православных людей. Ангел-хранитель каждого из нас, незримо охраняющий нас на всех путях нашей земной жизни, после окончания нами этой земной жизни войдет в Царстве Небесном в лик святых Ангелов и Архангелов, чтобы славословить Господа в радости и духовном восторге в бесконечных веках¹⁴.

¹⁴ «Царство Небесное». Т. III. С. 67.

Почему мы должны искать Царства Божия прежде всего?

Прежде всего потому, что нет ничего выше, ничего дороже, ничего священнее Царства Божия. Если человек приобрел в сердце своем Царство Божие, если он живет со Христом в сердце, то, хотя бы он не имел никаких земных благ, он все имеет; если он не нашел Царства Божия, то, хотя бы он имел бесчисленные блага мира, он ничего не имеет.

И разве каждый из нас не знает, как непрочны блага этого мира? Эти блага – легко увядающие цветы; это – облака, которые проносятся по небу, и от них не остается следа; это – пар, поднимающийся к небу и тающий в воздухе. Все блага этого мира: и богатство, и слава, и здоровье, и земное благополучие – рвутся, как паутина: сейчас ты имеешь, а к вечеру можешь лишиться всего. А Царство Божие, которое верующий человек имеет в своем сердце, при помощи благодати Духа Святаго может остаться в нем навсегда, и никто, и ничто, кроме нераскаянного греха, не может отнять у верующего человека этого счастья.

Спаситель велит нам искать Царства Божия прежде всего. Если мы будем искать прежде всего благ земных и временных, то они, эти блага, незаметно для нас будут поглощать всю нашу душу и тело, наш ум и волю, наше время и труды. Они опутают нашу голову и наше сердце, и некогда будет вспомнить о Царстве Божиим, потому что такая привязанность к земным благам обратится в привычку, а от привычек так трудно человеку отставать. Вот поэтому Спаситель и

сказал однажды: *Трудно богатому войти в Царство Небесное* (Мф. 19, 23). Трудно потому, что он начал свою жизнь с поисков земных благ, а не Царства Божия. У него уже нет порывов к Небу. Кто же по заповеди Христовой ищет прежде всего Царства Божия, тому легче найти его: и ум его, еще чистый, не омраченный излишними заботами о временных благах, и сердце его, не пристрастившееся ни к чему земному, – это лучшая нива, на которой могут произрастать плоды Царства Божия. Поэтому слово Божие ублажает тех людей, которые прежде всего, даже с самой юности, начинают искать Царства Божия. В слове Божиим сказано: *Благо человеку, когда он несет иго (Господне) в юности своей* (Плач. 3, 27).

Заповедуя нам искать прежде всего Царствия Божия, Спаситель добавляет: *И это все* (то есть потребности земной жизни) *приложится вам* (Мф. 6, 33). Господь не оставляет Своих верных детей без Своей Божественной помощи и, если посылает им испытания, то дает и силы эти испытания перенести. За каждой всенощной вы слышите слова псалмопевца Давида: *Взыскающие же* (ищущие) *Господа не лишатся всякаго блага* (Пс. 33, 11)...

Нужно искать Царства Божия – так, как человек ищет потерянную драгоценность, как человек голодный ищет себе хлеба, как мать ищет свое потерянное дитя, пока не прижмет его к своей груди¹⁵.

¹⁵ «Царство Божие». Т. II. С. 32–33.

Как искать Царство Божие?

Надо искать в слове Божиим света духовного, освещающего наш жизненный путь; надо трудиться над спасением своей души путем искреннего покаяния, слез и сердечных воздыханий; надо очищать, освящать и обновлять свой бессмертный дух святыми Таинствами церковными, приступая к ним с верою, благоговением и страхом Божиим. Надо искать, прежде всего, тех небесных и нетленных сокровищ, каких не могут отнять от нас ни болезни, ни скорби, ни испытания, ни сама смерть, ибо с этим богатством, с этим сокровищем мы уйдем в Царство будущего века. Надо искать радости о Духе Святом в молитве в храме Божиим и в своем домашнем молитвенном уголке. Надо стремиться к теснейшему общению со Христом через причащение Святых Его Тайн¹⁶.

Кто войдет в Царство Небесное?

Кто может быть достойным наследовать блага вечной жизни? Ответы на эти вопросы дает нам Сам Господь наш в Своем Евангелии. Он много говорил о Царстве Небесном и притчами, и сравнениями, и самую Свою проповедь на земле Он начал словами: *Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное* (Мф. 4, 17). Чаше напоминайте себе слова Господа нашего Иисуса Христа о Царстве Небесном! Вот они:

¹⁶ «Царство Небесное». Т. III. С. 78.

Еще подобно Царство Небесное сокровищу, скрытому на поле, которое, найдя, человек утаил, и от радости о нем идет и продает все, что имеет, и покупает поле то (Мф. 13, 44). И еще: *Подобно Царство Небесное купцу, ищущему хороших жемчужин, который, найдя одну драгоценную жемчужину, пошел и продал все, что имел и купил ее* (Мф. 13, 45–46). Господь говорит нам: Царство Небесное для нас – что бесценное сокровище, что драгоценная жемчужина. Надо понять это умом, надо переживать это сердцем, и потому надо всеми силами своего духа жаждать приобрести это сокровище, стремиться к нему день и ночь. Никогда нельзя забывать того, что мы получаем и самую жизнь земную из рук нашего Небесного Отца для того, чтобы приготовить себя к этой небесной жизни. Но это не все. Мало только желать, хотя бы и страстно желать получить это небесное благо.

Послушайте еще слов Христовых: *Если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное* (Мф. 18, 3) И еще: *Не всякий, говорящий Мне: «Господи! Господи!», войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного* (Мф. 7, 21). И еще: Царство Небесное подобно десяти девам, из которых пять было мудрых и пять юродивых. Мудрые встретили Жениха в полночь с горящими светильниками, у юродивых светильники потухли. И когда юродивые девы постучались в двери дома, Жених сказал им: истинно говорю вам, Я не знаю вас (ср.: Мф. 25, 1–12).

Вот что нужно для того, чтобы не закрылись перед нами двери Царства Небесного. Нужно приобрести смирение, простоту и чистоту, какие мы видим

у неиспорченного ребенка. Нужно переходить порог смерти, вступать в жизнь будущего века с горящими светильниками веры и добрых дел. Нельзя без добрых дел идти туда, где Господь при входе в двери Царства Небесного скажет одним: *Алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал и вы напоили Меня...* – и введет их в Царство, *уготованное... от создания мира*, А другим скажет: *Алкал Я, и вы не дали Мне есть, жаждал; и вы не напоили Меня...* – и перед ними навеки закроются двери Царства Небесного (Мф. 25, 34–46).

Святитель Димитрий Ростовский ✠

ЧТО ТАКОЕ СМЕРТЬ И СКОЛЬ ПОЛЕЗНО ПАМЯТОВАНИЕ О НЕЙ

В книге Бытия, начиная с Адама, о каждом праотце, в долголетию пожившем, читаем одно и то же заключительное слово: «И умре». «Поживе Адам лет 930 и умре». «Поживе Сиф лет 912 и умре». «Поживе Енос лет 905 и умре». «Поживе Каин лет 910 и умре». И о всех остальных читаем все то же, что они смертью окончили долголетнюю свою жизнь, в чем так очевидно открывается действенная сила словес Божиих к Адаму: *В оньже день снесите от древа заповеданного, смертию умрете* (Быт. 2, 17). А для нас столь часто повторяемое в Писании слово «и умре» – есть как бы молот, ударяющий в камень: оно вбивает в наш ум память смертную и сокрушает окаменение сердечное. Ибо если люди первого мира, столь долго жившие, не избежали смерти, то тем более надлежит умереть нам после скоротечной нашей жизни. Те по несколько сот лет ждали смерти своей, а нам недолго ждать ее: наш конец при дверях... Не каждый ли вечер читаем мы в молитвах на сон грядущим: «Се ми гроб предлежит, се ми смерть предстоит»?

Но что такое смерть? Каковы ее свойства, ее действия, и почему нам всегда потребно памятовать о ней? Размыслим о сем мы, смертные.

Смерть есть разлучение души от тела, разрешение их естественного союза, разложение составных частей, из которых состоит человеческое естество, бездействие органов телесных, потеря чувств, окончание жизни, разрушение всего состава человеческого. Человек состоит из души и тела, а когда он умрет, то он уже не человек; ибо хотя и лежит перед нами его тело, хотя и пребывает его душа бессмертною, но поскольку они разлучены друг от друга, то ни душа уже не составляет всего человека, а есть просто только душа, ни тело не составляет человека, а есть только труп. Вот почему естество земнородных боится смерти: смерть отнимает у него его бытие, отнимает то, чем оно было, человек не бывает уже человеком, собственно человек уничтожается до дня судного и трубы Архангельской, которая имеет возбудить мертвых от века.

Свойство смерти есть то, что она приходит к человеку неожиданно, хотя и каждому достоверно известно, что она к нему придет. Ибо что достовернее того, что мы умрем? По слову Апостола – *предлежит человеку единою умрети!* И с другой стороны, что безвестнее прихода или часа смертного, как и Сам Господь говорит в Евангелии: «*Не весте дне ни часа, в оньже Сын Человеческий, жизнью и смертию обладающий, приидет взять душу человеческую*». Смерть известна всем и каждому, потому что непреложно, непременно она придет ко всякому, и никому не избежать ее. Но неведом час прихода ее: она никому не дает о себе вести, что идет, не назначает времени, не исчисляет дней и лет, не ждет старости, не щадит юности, не спрашивает, готов ли ты? А когда придет и застанет неготовым, не дает ни одной минуты

сроку для приготовления. Смерть известна нам потому, что мы люди, и, следовательно, – смертны, но неизвестен нам час смертный, потому что мы подвержены разным случайностям. Смерть нам известна, потому что для всякого, кто родился в эту жизнь, предстоит пройти только одним путем – путем к смерти, но неизвестно время смерти, никто не знает, на каком месте ждет его смерть, где застанет его час смертный. Нам известно наверное, что душа наша разлучится с телом; но неизвестно, как она разлучится: по общему ли закону естественной смерти, или как-нибудь насильственно. Всякий знает, что умрет, но образа смерти своей, как и по какому случаю он умрет никто знать не может. Смерть нам известна потому, что она назначена правосудием Божиим, как наказание за грех прародительский для всего рода человеческого; но неизвестен час смертный, потому что Бог не открыл нам Своего определения о продолжении жизни того или другого человека, а сокрыл это в неведомых судьбах Своих. Мы знаем, что умрем, но не знаем, когда умрем: сегодня или завтра, рано или поздно, днем или ночью. Многие, отойдя ко сну ночному, уже не просыпались, их находили мертвыми, и делался для них этот сон смертью, а ложе ночное – гробом! Многие, встав от сна ночного и встретив день, до следующей ночи не дожили и умерли. Пирует царь халдейский Валтасар с вечера, и уже довольно навеселе, и вот появляется чья-то рука, которая загадочными словами пишет на стене суд смертный на пирующего царя, и он был убит в ту же ночь. Знал ли он, что так скоро наступит час смерти его? Думал ли в ту ночь умереть? Или уснул на ложе своем в поздний час ночной ассирийский полководец Олоферн, уснул, опьяненный вином, и

в тот же час его сон заменился смертью, и он был обезглавлен рукою женщины, – и вот, кто хвалится назавтра взять иудейский город Ветилую, как птицу с гнезда, – сам как птица попал в сети смертные. Тревожится богатый, у которого нива принесла обильный плод, заботится, куда бы ему собрать свою пшеницу: он задумывает разломать тесные, построить просторные житницы, назначает себе много лет жизни, чтобы есть, пить, веселиться, а Бог ему говорит: *Безумне, в сию ночь душу твою истяжут от тебе* (Лк. 12, 20). И тот, кто чаял много лет прожить, умер нечаянно, не пережив и одной ночи! О, сколь безвестен час смертный! Господь увещевает нас: «Будите готовы, бдите и молитесь, не весте бо, когда время будет».

Действия смерти таковы: она отнимает у человека все, что он имеет в этом мире: богатство, почести, славу, красоту, наслаждения всякими благами; ибо, когда человек умирает, то оставляет все, и не сходит с ним в могилу слава его. Смерть разлучает родителей с детьми, господина с рабами, со всем, что любил человек, она разрушает все надежды, все мечты о временных благах. Она отворяет перед человеком дверь вечности и начинает собою эту вечность, какова бы она ни была, блаженная или несчастная. Для праведников смерть отверзает дверь вечности блаженной, дверь Царства Небесного, а для грешников, умирающих без покаяния, отверзает дверь вечности мучительной, двери ада. Кто какую жизнь ведет здесь, таково и воздаяние получит там.

Нам, смертным, должно всегда иметь в мыслях память смертную, и в ней поучаться умом, чтобы страхом безвестности часа смертного воздерживать себя

от дел, прогневающих Бога, и быть всегда готовыми к исходу из этой жизни. Св. Иоанн Лествичник говорит, что память смертная столь же необходима человеку, как необходим хлеб, и как без хлеба нельзя жить, так без памяти смертной невозможно управлять жизнь свою. Без хлеба человек слабеет телесно, без памяти смертной – духовно. Хлеб укрепляет сердце человека, а память смертная укрепляет жизнь добродетельную. У кого есть хлеб, тот с голоду не умрет, и кто имеет всегда память смертную, тот не умертвит своей души смертью греховной, не согрешит смертно. Тот же св. Лествичник пишет об Исихии Хоривском, что он, проведя всю жизнь в великом небрежении, вдруг заболелся и умер; но через час после того возбудился от смерти, как бы от сна, и душа его Божиим повелением возвратилась в него. После воскресения своего он затворился в своей келье и оставался в ней неисходно двенадцать лет, отнюдь ни с кем не говоря ни слова, лишь немного вкушая хлеба и воды, и всегда пребывая в молчании, постоянно проливал из очей своих теплые слезы. А когда приблизилась его кончина, то братия, отбив дверь его кельи, вошли к нему и долго умоляли его сказать им что-либо на пользу души, и наконец услышали от него только эти слова: «Простите, братие! Кто стяжал память смерти, тот никогда не может согрешить». Сказав это, он отошел ко Господу. И удивлялись те, которые знали его прежнюю небрежную жизнь, как он исправился страхом смерти. Будем и мы поучаться в памяти смертной, будем исправлять себя, пока есть время, чтобы смерть не застала нас неготовыми. Будем внимать совету Лествичника: «Пусть память смертная и спит и встанет вместе с тобою».

Праведный Исаак, провидевший духом пророческим и предсказывавший будущее, не знал времени своей кончины: *Не вем*, – говорит он, – *дне скончания моего* (Быт. 27, 2). Почему же Господь Бог, открывший много тайн Своему угоднику, не благоволил ему открыть и час его кончины? Думаю – для того, чтобы он служил для нас примером памяти смертной и готовности к исходу из сей жизни. Не зная, когда придет к нему час смертный, он еще за много лет до своей кончины приготовился к смерти и ожидал ее каждый день в старости своей. За целых пятьдесят пять лет до смерти праведник уже был готов к ней, уже благословил своих детей последним отеческим благословением и жил так, как бы на всякий день умереть готовый! Кто из живущих ныне найдется, который бы, по крайней мере за год или хотя бы за один только месяц, оказался готовым встретить час смертный? Мы откладываем свое приготовление к смерти с году на год, со дня на день, с юности на старость, а старики откладывают оное до последнего недуга смертного и думают, что успеют приготовиться, возлежа на одре болезни, когда на это и времени будет мало, и силы изменят, и болезни тяжкие одолеют, а у иного и ум, и речь отнимется: не может он, бедный, тогда исповедать грехов своих и покаяться в них как должно. Так смерть одних постигает внезапно прежде старости и восхищает неготовых к оной, а других и достигших старости застает еще не подготовившимися, и посекает их, и во огонь геенский вметает! О, если бы каждый христианин всегда держал в своем уме эти слова праведного Исаака: «Не вем дне скончания моего»! Если бы каждый из нас страшился нечаянной смерти и

приготавливал себя истинным покаянием к исходу из этой жизни, не была бы тогда смерть грешников люта, не наполняли бы ада души христианские! Но – горе нерадению нашему! Мы живем, как будто никогда нам не придется умирать, как будто будем вечно здесь жить и наслаждаться в этом мире; даже и не помыслим, что конец уже при дверях, секира при корени, коса смертная над головою, день Господень, яко тать, близок, суд не коснит, погибель не дремлет, и вдруг мы впадем в сети смертные и в болезни адовы, как говорит Священное Писание: *Не разуме человек време свое, но якоже рыбы уловляемы в мрежи зле, и аки птицы уловляемы в сети, уловляются сынове человечества во время лукаво, егда нападет на ня внезапно* (Еккл. 9, 12).

О, смертные! Почто не помним о смерти, которой никоим образом не можем избежать? Почто не страшимся горького часа смертного, когда уже никто из людей не будет в состоянии нам помочь? Почему не приготавливаем себя к смерти, о коей не знаем, где она нас ожидает и в какой день, в какую ночь, в какой час придет взять нас отсюда? Как труба гласит предостерегающее нас благовестие Христово: *Бдите убо: не весте бо, когда Господь дому придет* (чтобы взыскать с нас долг смертный) *в вечер, или в полунощи, или в петлоглашение, или утро, да не пришед внезапно, обрящет вы спяща.* (Мк. 13, 35)... Но мы не внимаем сему гласу, мы, точно аспиды глухие, затыкаем уши, чтобы не слышать его, как будто это не нам сказано! Евангелие говорит, что господин злого раба, ядущего и пьющего с пьяницами, бьющего своих клеветов, придет в день, в который он не ожидает, и в час, которого не знает, и *растешет его полма,*

и часть его с неверными положит: ту будет плач и скрежет зубом (Мф. 24, 51). А мы нимало не страшимся сего, как будто мы и в самом деле добрые и избранные рабы Господа своего, хотя и преисполнены грехов и беззаконий! И если люди святые и праведные боялись смерти, приуговлявали себя к часу смертному великими подвигами и в продолжение долгого времени (как напр., праведный Исаак), не ведая дня скончания своего, – тем более нам, грешным, потребно бояться сего часа и уготавливать себя, очищая свои греховные скверны теплыми слезами покаяния, чтобы не застал нас конец жития нашего валяющихся в тине греховной и не подверг страшному истязанию. Для сего-то и сокрыто от нас время смерти нашей, день и ночь кончины нашей, чтобы мы, не зная сего грозного часа, всегда его ожидали и боялись, и готовились к исходу из сей жизни. Св. Златоуст, объясняя слова Евангелия *будите готови, яко в онъже час не мните, Сын Человеческий приидет*, так беседует: «Для того говорит Он им сие, чтобы они бодрствовали и всегда были готовы к сретению Его и всегда добродетельны, сказал им, что приидет тогда, когда и не ожидают Его. Если бы люди знали, когда умрут, то, без сомнения, позаботились бы о сем дне». – Он же, толкуя слова Апостола: *День Господень, якоже тать в нощи, тако приидет* (1 Сол. 5, 2), говорит: «Если хотим знать, для чего сокрыт этот день, и почему, *якоже тать в нощи, тако приидет*, то я, как мне кажется, справедливо скажу вам: никто никогда во всю жизнь свою не стал бы заботиться о добродетели, если бы этот день был известен и не был сокрыт, но всякий, зная последний день свой, совершал бы бесчисленные преступления,

и уже в тот день приступал бы к купели, когда бы стал отходить от мира сего». Вот слова Златоуста. И действительно: если мы, не зная ни дня, ни часа скончания своего, несмотря на страх ожидания его, решаемся на бесчисленные и тяжкие греховные деяния; то на что не решились бы, если бы знали, что еще проживем много лет на земле и не скоро умрем? А поскольку мы не знаем когда, в какой день и час умрем, то и должны каждый день так проводить, как бы ожидали ежедневно смерти, и при наступлении дня помышлять: «Не сей ли день будет последним днем жизни моей?» И при наступлении ночи говорить самому себе: «Не сия ли ночь будет последнею ночью моего пребывания среди живых?» Отходя ко сну ночному, говори себе мысленно: «Встану ли живым с ложа моего? Увижу ли еще свет дневной? Или уже сей одр будет гробом моим?» Равно и воспрянув от сна и увидев первые лучи света дневного, помышляй: «Доживу ли до вечера, до наступления ночи, или час смертный наступит для меня в течение сего дня?» Помышляя так, проводи весь день, как бы уже готовясь умереть, и вечером, отходя ко сну, исправляй свою совесть так, как бы имел ты в сию ночь предать Богу дух свой. Погибелен сон того, кто заснул в грехе смертном, не безопасен сон и того, чей одр окружают бесы, выжидая случая увлечь душу грешника в дебрь огненную. Худо тому, кто отошел ко сну, не примирившись с Богом, ибо если в том случае, когда мы чем-либо оскорбили ближнего, Апостол говорит: *Солнце да не зайдет во гневе вашем* (Еф. 4, 26), то тем более прогневавшему Бога должно заботиться о том, чтобы не зашло солнце во гневе Божиим, чтобы не уснуть ему, не примирившись с Богом, ибо

час кончины нашей неизвестен: как бы внезапная смерть не похитила нас неготовыми. Не говори, человек: завтра примирюсь с Богом, завтра покаюсь, завтра исправлюсь. Не отлагай со дня на день твоего обращения к Богу и покаяния, ибо никто тебе не сказал, доживешь ли до утра или до вечера. Хорошо поучает преподобный Антоний Великий, приводя изречение Апостола: *По вся дни умираю* (1 Кор. 15, 31): пробуждаясь от сна, будем думать, что не доживем до вечера, и, опять ложась спать, будем помышлять, что не доживем до утра, всегда памятуя безвестный предел жизни нашей. Живя так, мы не будем ни грешить, ни иметь похотения к чему-либо, ни воспламеняться гневом на кого-либо, ни собирать себе сокровищ на земле, но, ожидая каждый день смерти, все тленное будем презирать. Тогда остынет в нас и похоть плотская, и всякое нечистое пожелание, все будем прощать друг другу и будем предпочитать себя, всегда имея пред очами ожидание последнего часа и борьбы. Ибо сильный страх смерти и суда, опасение мучений восстанавливает душу, клонящуюся в пропасть погибели. Так говорит св. Антоний Великий.

ПОЧЕМУ ГОСПОДЬ НЕ УНИЧТОЖИЛ СМЕРТИ НА ЗЕМЛЕ

*Кто есть человек, иже поживет
и не узрит смерти?*

Пс. 88, 49

Если Христос Своею смертью поправил смерть, то отчего же люди и теперь умирают? Есть три вида смерти: телесная, душевная и вечная смерть, преисподняя. Телесная смерть есть разлучение души от тела: о ней говорит псалмопевец: *Отымеши дух их, и исчезнут, и в персть свою возвратятся* (Пс. 103, 29). Душевная смерть есть разлучение благодати Божией от души, ибо только «Святым Духом всяка душа живится». Эта смерть происходит от греха, который отгоняет благодать Божию от души, как ночь прогоняет свет. «О, человек! – говорит Св. Златоуст. – Ты плачешь над телом, с которым разлучилась душа, но не плачешь о душе, от которой разлучился Бог!..» Вечная смерть есть разлучение разумного создания от лика избранников Божиих и изглаждение из книги живых, о чем говорит Псалмопевец: *Да потребятся от книги живых, и с праведными да не напишутся* (Пс. 68, 29). Итак, все ли эти виды смерти Христос Спаситель наш Своею смертью поправил? Отвечаю: Он поправил, уничтожил только два вида смерти: душевную и вечную преисподнюю. Хочешь ли, человек, избавить свою душу от смерти греховной и вечной смерти преисподней? Притекай с покаянием ко Христу, Спасителю нашему. Он избавляет грешников от этих смертей. А смерть телесную Он оставил на этом свете до конца веков. – О, дражайший Спасителю мой! Зачем же попустил Ты такому зверю лютому терзать людей Твоих, Твое достояние, которое

купил Ты Своею Кровью безценною? И какое утешение нам будет в этой жизни, если нас ждет такой плачевный конец? *Кая польза в крови моей, внегда сходити ми во истление?* (Пс. 29,10). Не будем, братие, испытывать неисследимых судеб Божиих: *судьбы Господни бездна многа, – праведен еси, Господи, и прави суди Твои!* (Пс. 118,137). Одно нам нужно помнить, что Всемогущий Бог все устроит премудро на пользу нашу, и если не уничтожил Он смерти на земле, то тем самым нам же оказал великое благодеяние. Во-первых, Он оставил смерть телесную, чтобы люди отвращались от греха и гнушались им. Знаете ли, братие, какого смерть происхождения и кто ее отец? **Смерть есть дочь греха**; от греха родилась она, как о том говорит Божественное Писание: *Похоть зачещи рождает грех, грех же содеян рождает смерть* (Иак. 1, 15). Вот злосчастное родословие смерти! Вот ее происхождение! Каков отец – грех, такова и дочь – смерть; по плодам их познаете их! Не видишь ты, человече, мерзости греха: посмотри же на смерть, взгляни на смердящий труп, и от мерзкой дочери – смерти – познавай ее гнусного отца – грех! Если уже от двух- или трехдневного мертвеца исходит такое нестерпимое зловоние, что все стараются уйти от него подальше, кадят ладаном, курят благовониями, то что будет с этим трупом в могиле еще через несколько дней? Боже мой, какой страх и ужас, какой смрад и мерзость!.. Но ведь все это сделал грех: грехом вошла смерть, по плодам греха познавайте его! Когда Бог попускает на какой-либо город мор и поветрие, сколько бывает там бедствий, горя и печали! Люди сторонятся друг от друга и, не смотря на то, внезапно умирают; умирающих

все покидают, а умерших небрежно бросают в общую яму... И все это делает грех: грехом вошла смерть – о, как несказанно мерзок этот грех!.. Когда праотец Иаков увидел окровавленную одежду своего любимого сына Иосифа, то воскликнул: «Лютый зверь растерзал его, лютый зверь пожрал моего Иосифа!» Вот также и нам при мысли о смерти надо бы восклицать: «Зверь лютый, из всех зверей лютейший – грех терзает и губит род человеческий!..»

Во-вторых, Христос оставил смерть телесную на земле, чтобы люди не прилеплялись сердцем к мирским удовольствиям и красоте телесной. О, как часто уязвляет человеческое сердце эта красота! Но посмотрите, во что потом обращается она? В труп смердящий, не более... Вот почему св. Ефрем Сирин дает такой совет: «Когда огонь похоти плотской разгорится в твоём сердце, представь себе труп женщины, лежащий во гробе и снедаемый червями, и пламень страсти угаснет в тебе тогда».

В-третьих, Христос оставил смерть телесную для исправления наших нравов злых. Видит Всевидящим Оком Своим Всемогущий Бог, что приложился человек скотом несмысленным в своих безсловесных похотях, и потому постоянно взывает Он грешникам: *Не будите, яко конь и мекс* (лошак), *имже несть разума* (Пс. 31, 9). Видит Он, что человек идет туда, куда влечет его привычка греховная, что каждый заботится только о том, как бы плоти своей угодить, чтобы ни в чем она нужды не терпела, и взывает: *Не будите, яко конь и мекс, имже несть разума!*.. Но все напрасно, Боже мой: не слушают люди Твоих заповедей, не внимают, Сладчайший, Твоим увещаниям! Безумие людей уподобило их скотам несмысленным,

не хотят они слушать Твоих глаголов спасительных: *Не яша веры словеси Его и поропташа в селениих своих, не услышиаша гласа Господня* (Пс. 105, 24–25)! – Что же после того делает Всемиловитый Господь? Он востягает уздою смерти необузданное, безумное стремление людей ко всякому злу: *Броздами и уздою челюсти их востягнеши* (Пс. 31, 9) и – вы знаете, братие, из чего узду делают: из ремня, из мертвой кожи. Вот такую же уздою, то есть смертью, Он востягает и неукротимую злобу человеческую: *Броздами и уздою челюсти их востягнеши!* Как бы так говорит Он: «Ничто тебя, скот несмысленный, укротить не может; сладостное ярмо заповедей Моих ты попираешь и считаешь за ничто; ты говоришь: *Рассторгнем узы их, и отвержем от нас иго их* (Пс. 2, 3). Вот же тебе узда смертная, она обуздает твои нравы скотоподобные! – Так, православные, Всемиловитый Господь устрашает своевольных грешников смертью подобно судии, который приказывает поставить виселицу, чтобы злодеи, по крайней мере в виду ее, перестали злодействовать. Посмотрите, чем Господь Бог укрощает неукротимое волнующееся море? Чем Он останавливает его бушующие волны? Одним песком: *полагаяй морю предел песок!* А что такое человек, неукротимый в своих злых греховных похотях, если не свирепое море, взволнованное духом бурным врага душетленного (Иуд. 1, 13)? И чем укротишь эту бурю жестокою? Тоже песком: *Земля еси, – глаголет Бог, – и в землю отыдеши* (Быт. 3, 19)! *Полагаяй морю предел песок! Предел положил еси, егоже не прейдут* (Пс. 103, 9).

В-четвертых, Христос Спаситель оставил смерть на земле для того, чтобы смирать и низлагать гордыню

человеческую. И если бы не смерть, на что ни дерзнули бы люди, гордости исполненные? Александр Македонский, победитель многих народов и царств, гроза всего света, дошел же до такой гордости, до такого безумия, что называл себя богом, и если бы этот мнимый бог вечно жил, какого бы зла он не натворил? На какую степень гордости не вознесся бы? И без того он говорил, что одною рукою держит восток, а другою запад, — а тогда и подавно он перестал бы себя человеком считать! Но смерть открыла ему очи: на 32 году этот мнимый бог окончил свою жизнь подобно всем смертным, и над ним сбылось слово Писания: *Аз рех: бози есте... вы же яко человецы умираете и яко един от князей падаете* (Пс. 81, 6–7).

Есть и еще причины, почему Господь не уничтожил смерти: Он оставил ее на утешение бедным, дряхлым, несчастным, больным, которые желают найти в смерти себе упокоение. Но особенно вожделенна смерть для избранников Божиих, которые, презирая эту жизнь, полную стольких бедствий, всю надежду свою возлагают на жизнь Небесную, скорбям и тлению непричастную. Каждый из них говорит со св. Апостолом: *Желание имый разрешитися, и со Христом быти...* (Флп. 1, 23). *Окаянен аз человек: кто мя избавит от тела смерти сея* (Рим. 7, 24). *Наше бо житие на небесех есть* (Флп. 3, 20).

✠

Митрополит Антоний Сурожский ✠

О СМЕРТИ

Меня просили сказать что-нибудь о смерти и о подготовке к смерти – и себя самого, и других людей; и я вам скажу то, что мне приходится каждый год говорить на эту тему на медицинском факультете в Лондоне врачам, студентам, сестрам милосердия.

Для начала я эту тему расширю двумя воспоминаниями, чтобы вы поняли, с чего я начинал, что со мной случилось, почему мое отношение к смерти таково, каково оно есть. Первое мое впечатление о смерти было такое. Когда я был мальчиком лет шести, мы жили в Персии, в сегодняшнем Иране, и в Тегеране был очень знаменитый сад, известный розарий, принадлежавший местному жителю. По тогдашним обычаям, допускалось прийти к человеку и сказать: «Мы слышали, что у вас дивный сад, можно ли его посмотреть?» Так и было сделано, мы смотрели этот сад, потом ушли и только на следующий день узнали, что пока хозяин показывал свои розы, угощал нас шербетом, в одной из комнат дома лежал его сын, только что зарезанный на дороге. Но отец считал, что гостеприимство важнее всех его собственных чувств, и он нас принимал, как будто ничего с ним не случилось. Это было мое первое впечатление о том, как человек может стать лицом к лицу со смертью и победить свой ужас, свою боль ради любви

или, как бы он сам сказал, ради простого гостеприимства: «иначе люди не поступают».

Второе впечатление, связанное со смертью, это разговор с моим отцом. Я как-то вернулся из летнего юношеского лагеря, и отец мне сказал: «Что с тобой случилось? У меня было чувство, что с тобой случилось что-то неладное...». Я с легкостью (мне было пятнадцать лет) ему ответил: «Неужели ты думал, что я себе ногу сломал или шею свернул?». И он, который меня очень любил, крайне серьезно на меня посмотрел и сказал: «Нет, это было бы не важно; я боялся, что ты потерял свою нравственную цельность...». И прибавил: «Запомни, что жив ты или нет – не должно быть важно ни для тебя, ни для других; важно одно: ради чего ты живешь и ради чего ты готов отдать свою жизнь...».

И вот эти слова и то воспоминание детства у меня остались как очень яркие воспоминания, связанные с мыслью о смерти. Впоследствии я встречался со смертью очень часто, не говоря о семейных трагедиях, которых было много; я пятнадцать лет был врачом, из которых пять лет прошли на войне, и священствую сорок лет, так что, конечно, я видел и переживал много смертей. И поэтому я говорю о смерти не как о чем-то, о чем имею теоретическое представление, будто о вещах, которые я вычитал, – моя беседа будет очень личная. Она, может, не будет иметь универсального значения, но это будет беседа о том, как я реагирую на смерть, что она для меня значит.

Человек создан для бессмертия, это ясно из Священного Писания. И падение человека, то есть то, что он отвернулся от Бога и стал искать своих путей,

и привело к смертности и к умиранию. Есть одно очень озадачивающее место в III главе книги Бытия. После того как человек пал, Бог говорит: «Вот, Адам стал как один из Нас; как бы он не прикоснулся к древу жизни и не стал жить вечно» (см. Быт. 3, 22). Часто это комментируют как жестокую, бессердечную, недостойную насмешку. Но мне кажется, что в этом не насмешка, а признание глубоко трагичной ситуации. Человек мог быть цельным только через единство мужа и жены и единство этой четы с Богом; и в момент, когда раздробилась, разбилась эта чета и разорвалась связь с Богом, каждая из этих особей – Адам, Ева – оказалась хотя и созданной по образу Божию, но лишенной той цельности, которая могла быть вечностью. Кто-то – не из отцов, а из более поздних писателей – говорил, что пока Адам и Ева были одно, если бы они гляделись в зеркало, они видели бы себя как чету и друг друга как взаимное отражение. Когда случилось падение, зеркало разбилось, можно было видеть те же самые лица, но они не составляли уже одно целое, и жизнь уже не могла продолжаться вечно, так же как это зеркало перестало быть целым.

Когда я впервые читал Священное Писание лет в пятнадцать, меня очень поразило свидетельство апостола Павла: «Жизнь для меня – Христос, смерть – приобретение, потому что, пока я живу в теле, я отдален от Бога» (см. Флп. 1, 21; 2 Кор. 5, 6). И в другом месте он говорит: «Для меня умереть вовсе не значит совлечься временной жизни, то есть ее потерять, а облечься в вечность, то есть войти в вечность уже в такой мере, в какой нельзя ее переживать, будучи в теле». И это мы все знаем в зачаточном смысле.

Скажем, мы хотим молиться, душа рвется к Богу, а берет верх усталость души, одолевает усталость тела, и – как волна, которая ударяется об утес, всплескивается кверху и опадает вновь, – этот порыв уже кончен. Мы все знаем на опыте, как самые глубокие, сильные переживания разбиваются о такие простые вещи, как телесная усталость или что-то подобное. Так это бывает жалко и больно: вы сидите, например, с больным человеком, с умирающим, кого вы любите всей своей любовью, и вдруг обнаруживаете, что заснули. Как это можно?! Человек умирает, а я заснул – тело победило. Душа бы бодрствовала, а тело не осилило. Так что в этом отношении апостол Павел выражал что-то очень понятное, когда говорил: Кто меня освободит от этого тела тления, тела, которое меня тянет вниз? – не потому, что тело плохо, а потому, что оно не пронизано вечной жизнью и поэтому не может меня держать на уровне вечной жизни.

И вот, когда мы думаем о смерти – своей или чужой, – мне кажется, нам надо помнить, что ни себя, ни другого по-настоящему к смерти приготовить нельзя, так же как нельзя научить человека тому, чему ты сам не научился. Никто из нас не имеет опыта смерти. Некоторые из нас, когда тяжело болели, может быть, доходили до грани смерти, но вернулись; и поэтому мы можем говорить о постепенном умирании, во всяком случае, те, которые прошли через этот процесс; говорить о том, что смерть стояла перед глазами, могут те, которые были на войне или в какой-нибудь катастрофе; но о самой смерти никто из нас не может сказать ничего; единственно могли бы сказать Лазарь воскресший или Спаситель Христос. О чем же мы можем тогда говорить? Как мы

можем готовить себя или другого человека к этому таинственному переходу? Мне кажется, нам может единственно помочь именно то слово апостола Павла, что для него смерть – облечение в вечность. Что мы можем сделать для себя и в какой-то мере для других – это им помочь вырасти в какую-то меру опыта вечной жизни, который снимает страх временного умирания.

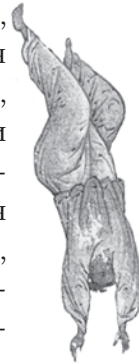
И тут я вам хочу дать пример, который меня очень поразил в свое время. У нас в Лондоне был староста, старше меня, проживший очень тяжелую жизнь. Девятнадцати лет он попал на Соловки, потерял там ногу, был возвращен на материк в свое время (тогда это было возможно) выкуплен и приехал в Англию. Как-то он заболел желтухой. Его взяли в больницу и обнаружили, что у него неизлечимый рак. Ему об этом не сказали, но сообщили его сестре и мне. И когда я его увидел в больнице (он был в отдельной комнате, потому что был слишком плох для общей палаты), он мне сказал: «Как это скучно; столько мне надо еще в жизни сделать, и вот я лежу без всякого дела здесь, и врачи мне даже не могут сказать, сколько это продлится...». Я ему тогда сказал: «Артемий, вы ведь мне говорили много раз: как бы я хотел остановить время и какой-то срок *быть* вместо того, чтобы *делать*. Вы этого никогда не сделали. Бог вам сейчас дает такую возможность: будьте, то есть войдите в себя, войдите в ту долю вечности, которую вы знаете уже, и перестаньте думать о делании, потому что, если вы выздоровеете, вы это сможете делать, а если нет, не нужно этого делать вовсе». Он задумался и сказал: «Да, но я всю жизнь *делал* и не знаю, что значит *быть*...». И тогда мы начали целый

процесс, который длился несколько месяцев до его смерти. Я ему посоветовал продумывать свою жизнь, начиная с данного момента, и ее постепенно решать. Сейчас вы лежите в постели, подумайте, какие у вас отношения с людьми вокруг – не только здесь в больнице, но в той жизни, которую вы вели, – и исправьте все, что «не то». Всю горечь изжить надо, все ссоры надо исправить, все недоброе исцелить и так далее. Он это делал из недели в неделю. Сначала он занялся отношениями со своей сестрой, с друзьями, с которыми ссорился, потом дальше и дальше вокруг, в настоящее время. Когда это было сделано, мы перешли в прошлое. Знаете, как археолог копает: сначала находит самое поверхностное, то есть недавнее, а потом, копая дальше и дальше, находит более старое, более древнее; и так мы заходили дальше. Он постепенно примирялся со своим прошлым, со всеми людьми, которых когда-то знал, но которые или уже умерли, или были так далеки, что невозможно было у них просить прощения или с ними примириться, но с которыми он мог внутренне примириться, к которым он мог мысленно обратиться и сказать: «Прости!» – где бы тот ни был: жив ли он еще, на земле или нет. Помню, в самом конце его жизни, когда он был до того слаб, до того исхудал, что не мог сам ложку поднести ко рту, и остались только большие светящиеся глаза на изнуренном лице, он мне сказал: «Отец Антоний, телом я почти уже умер, и я никогда себя не чувствовал так интенсивно живым, как теперь, потому что все, что убивало душу: обиды, горечь, ненависть (можно найти бесконечное число слов для этого), – ушло, и в нем ничего не осталось кроме жизни; но жизни не той, которая

поддерживается телом, – та уже исходила, а жизни, которой никто не может отнять: живая душа в общении с Живым Богом».

Я вам хочу дать еще другой пример, который вас, надеюсь, куда-то поведет. Одна из проблем Артемия была в том, что многие из тех, с кем он был в ссоре, были, конечно, «где-то такое» – или в вечности, или недостижимы. Что же с ними делать? Мы тогда говорили, он примирялся внутренне с ними, обращался мысленно к ним; но позже у меня был другой случай, более резкий пример в этом отношении... Я знал старика лет восьмидесяти шести. Как-то после исповеди он мне сказал: «Отец Антоний, я хочу с вами поговорить. У меня проблема, которая не относится к исповеди, поэтому я о ней не упоминал, но она – трагедия моей жизни. Когда мне было лет двадцать, я воевал в Белой армии; в нашем отряде была молодая сестра милосердия, мы друг друга любили всей душой и намеревались пожениться, как только это будет возможно. Во время какого-то боя, когда мы стреляли, она высунулась и я ее насмерть убил из своего собственного ружья. Не то что она умерла от чужой пули – я ее убил, я прекратил молодую жизнь, я убил девушку, которая меня любила, которую я любил всей жизнью своей... С тех пор прошло 60 лет с лишним, и я не могу прийти в себя, я не могу примириться с тем, что случилось, потому что я не могу примириться с ней. Я ходил на исповедь, исповедал это убийство: священник мне разрешительную молитву давал как убийце, но это не относилось к ней; это относилось ко мне. Я был убийцей, я каялся, он именем Христовым меня прощал, я причащался после исповеди, но покоя не находил. Я раздавал

милостыню и просил других людей молиться о прощении моего греха, но опять-таки это было обо мне...». Я ему сказал (иногда, бывает, нечаянно придет какая-то мысль, которая не могла бы прийти, если не была бы вызвана какой-то ситуацией): «Знаете что, вы просили прощения у Бога, Которого вы не убили, у священника, которому никакого зла не делали, и единственный, кто может вас простить, это Маша, которую вы застрелили. Почему вы с ней не говорили?» – «Как же я могу с ней говорить, она умерла?» – «А вы верите или не верите, что Бог – не Бог мертвых, но Бог живых, что во Христе она жива? Если вы в это не верите, то не о чем говорить: ее нет, и она не может вам простить, но она и гневаться не может; а если вы верите, что она жива во Христе, говорите с ней. Скажите: “Помолись обо мне и, если ты меня простила, попроси Христа послать мне мир...”» Я помню, он тогда согласился и на следующий день мне позвонил по телефону и рассказал: «После вечерних молитв я сел и Маше все рассказал, вылил всю свою душу, всю свою боль, весь ужас, который я пережил на Перекопском перешейке, когда вдруг увидел, что я ее убил собственными руками. И когда я с ней поговорил, на меня снизошел совершенный мир: и теперь нет больше в моей душе этого ужаса».

Вот другой пример того, как можно примириться со своей совестью, но надо также примириться с другими. Ты себя простить не можешь, Бог может; но Бог не может тебя простить за то, что ты сделал другому человеку, без того, чтобы этот человек принял участие в этом прощении. Повторяю: Бог есть Бог живых, а не мертвых, и поэтому это возможно, но с этим надо считаться. То, что я ему тогда сказал и что

звучит, может быть, нелепо: «Почему ты обращаешься к Богу, Которого ты не убивал, и к священнику, которому ты никакого зла не причинял?» – для меня очень реально. Надо обратиться к жертве.

Мы думаем о подготовке себя или других к смерти, когда они перед лицом смерти, то есть или больны, или ранены. Мне приходилось пять лет видеть людей на войне, когда они могут умереть в любую минуту: когда солдат на войне, это может случиться в любой миг. Мы все стоим перед лицом смерти как таковой. Мы себе в этом не отдаем отчета, потому что жизнь течет, ничто нам не напоминает о возможной смерти, кроме газетной статьи о несчастном случае, о катастрофе и т. д. Но отцы Церкви в древности говорили: *Имей память смертную*. И когда это говоришь современному человеку, реакция такая: неужели ты хочешь, чтобы каждая моя радость была отравлена мыслью о том, что она может через мгновение быть уничтожена? Неужели вся моя жизнь должна проходить под ужасом смерти, которая неожиданно, внезапно может на меня найти?.. Мне кажется (и я говорю об этом не теоретически), что речь идет о другом. Если мы не можем жить лицом к лицу со смертью, как бы с вызовом смерти, мы будем жить пресмыкаяючись, мы будем жить полужизнью. Знаете, один французский писатель в каком-то из своих писем говорит: Я готов стоять за свои убеждения, но только до повешения... Это значит, что он не готов стоять за свои убеждения. Как только станет слишком жарко, он отойдет, скажет: Ну да, но... И так с жизнью каждого из нас. Если мы не готовы платить за наши убеждения или не готовы на то, чтобы наше поведение нас довело до смерти, значит мы будем жить

осторожно, со сжатым сердцем, с испугом внутри нас – и так жить нельзя, если мы хотим жить творчески. (Я говорю не о творчестве, таком, как инженерное дело или искусство и т. д.; я говорю о творчестве, которое каждого из нас может претворить в человека, подобного Христу, чтобы нам вырасти в меру полного возраста Христова, как говорит апостол Павел.)

Для этого надо привыкнуть к мысли о смерти рано, когда смерть нам не угрожает, потому что, когда мы чувствуем, что смерть уже действует в нашем теле, гораздо труднее ей смотреть в глаза. Я когда-то читал книгу, где автор говорил, что мы о смерти знаем гораздо больше, чем воображаем. Каждый вечер я ложусь в постель, каждый вечер я впадаю в полное забытие, полную незащитность – это психологически, с точки зрения восприятия, та же самая смерть и даже больше ее, потому что, когда я умру, я войду в область, где у меня есть еще более интенсивное сознание и более интенсивная жизнь, а когда я сплю, я в какой-то коме, я не владею собой, ничего не могу сделать себе в защиту; и однако я ложусь в постель каждый день. Есть детский рассказ о том, как моряк спорил с крестьянином. Крестьянин говорит ему: «Как ты дерзашь доверить себя волнам океана?» – «А что?» – «Где твой отец, – умер?» – «Потонул в море». – «А дед?» – «Потонул в море». – «И после этого ты пускаешься в плавание?!» А моряк говорит крестьянину: «А где умер твой отец?» – «Он спокойно скончался в своей постели». – «А дед?» – «Тоже». – «И после этого ты каждый вечер ложишься в постель?!» В этом есть какая-то реальность, потому что мы думаем о смерти трагически, но не задумываемся о том, что мы так хорошо знаем это состояние на опыте.

И другое. Когда мы растем, когда мы переходим из одного возраста в другой, мы не просто вырастаем; мы вырастаем из одного возраста и должны оставить позади все характеристики, которые принадлежали предыдущему возрасту. Некоторые свойства детства должны в нас умереть, для того чтобы мы стали подростками; некоторые свойства подростка должны умереть в нас, для того чтобы мы стали молодым человеком или девушкой. Мы не то что делаемся все больше и больше – некоторые вещи должны просто уйти, потому что, если они не уйдут, мы делаемся недорослями. Юноша, сохранивший детские свойства, еще не юноша; зрелый человек, в котором еще есть юношеские свойства, не зрелый человек; и поэтому каждый из нас опытно знает: что-то в нем вымирает при каждом переходе. Мы об этом не думаем, мы даже этим гордимся: я больше не ребенок! Когда мы так говорим, это значит, что в нас еще много детского осталось, но при каждом переходе что-то уходит. И это нас не пугает, потому что мы видим, что пришло что-то иное, гораздо более для нас ценное и дорогое. Быть взрослым для мальчика более лестно, чем быть мальчуганом, поэтому ему не жалко; почему же мы не относимся так к тому, что можем вырасти из состояния временного в состояние вечности? И вечность понимается здесь не как некий момент, который когда-то потом придет, после того как меня в гроб уложат, а, наоборот, как та полнота жизни, о которой говорит Христос, которая может принадлежать нам теперь и которая для нас снимает страх временной смерти, потому что мы уже укоренены в вечной жизни. Вот как Артемий, который уже не боялся умереть, потому что знал, что

в нем есть что-то бессмертное, что-то, чего никто у него не отнимет, что его тело может вымереть, рассыпаться, а он жив, как никогда не был жив. Пока его поддерживало это тело, он жил наполовину; когда это тело стало прозрачным, но выросла вечность в нем, он вдруг оказался бессмертным в собственном своем переживании. И это очень важно.

Важно и другое: те игры или чтение, которые ставят мальчика (или девочку) перед вопросом смерти – не в трагическом уродливом смысле, а в героическом смысле, – через них привыкаешь смотреть на смерть как на отдачу жизни, как на поступок, который имеет смысл, а не такой, который тебя всего лишает. Скажем, когда дети играют в казаки-разбойники, в какой-то момент в мальчика стреляют: бах-бах! – и ему говорят: «Ты теперь умер, ложись!» Он «умирает», ложится. Какая-то доля его души знает, что он убит, а другая знает, что он жив, и потому он может пережить свою смерть без страха и привыкнуть к мысли: да, я могу стать лицом к лицу со смертью, я знаю, как умирают; я падаю, лежу, а в какой-то момент крикну: «Мне надоело быть мертвым, теперь твоя очередь!...». Это в своем роде детская, очень детская картина смерти и воскресения. Да, мне пора из гроба выходить, пора воскреснуть, пора оставить мое тело в гробу, но душой вспорхнуть куда-то.

Я не знаю, как в России, думаю, что здесь подход более здоровый, – но в Англии, например, до последних десятилетий о смерти нельзя было говорить, это было табу, человеку ничего нельзя было сказать о смерти. Я помню, как умерла в Кембридже старушка, обожаемая внуками. Она много лет лежала в постели, скованная артритом, остро страдающая. Мне

позвонили, вызвали, я приехал; ее сын с женой сидят с похоронным выражением лица, а детей нет. Я спрашиваю: «Куда делись дети?» – «Мы их услали! Как же можно позволить им остаться в доме, где покойница?!» – «А почему же нет?» – «Ведь они знают, что такое смерть...» – Я заинтересовался: «Я не знаю, а эти мальчик лет семи и девочка восьми или около того – знают? Как это интересно!» И говорю: «Что же они знают о смерти? Я тоже хочу просветиться!..» Мамаша мне объясняет: «Они на днях нашли в саду крольчонка, задранного кошками». – «И это то, что они знают о смерти? И вы хотите, чтобы они через всю жизнь пронесли такую картину, этот неопиcуемый ужас разодранного кролика? И чтобы каждый раз, когда им скажут, что такой-то человек, кого они уважали, любили, почитали, умер, возникла эта картина? Каждый раз, когда они пойдут на похороны, вот картина, которую они будут видеть мысленными очами в гробу? Это же ужас!» – Ну, родители со мной поспорили, и кончилось тем, что они мне сказали: «Ведь если дети увидят свою мертвую бабушку, они на всю жизнь будут психически расстроены; если ты их приведешь, ты будешь за это отвечать». Я говорю: «Да, готов отвечать; только приведите детей обратно».

Дети пришли; я им говорю: «Вот бабушка ваша умерла». Один из них спросил: «А что это значит?» – «Значит это вот что. Она годами говорила: “Как бы я хотела умереть, чтобы снова встретиться с дедушкой, кого я так любила и который так давно со мной расстался...”» – «Значит, она теперь счастливей, чем была?» – «Да. Хотите на нее посмотреть?» – «Да, конечно...» – Пошли. В комнате была та тишина, какую только смерть дает, то есть не тишина ужаса, а какого-то

глубочайшего покоя. И первое, что сказала девочка: «Как тихо! И это – смерть?..» А мальчик посмотрел на бабушку и сказал: «Как она прекрасна! Так это значит быть мертвым?..» Разве это не более здоровое переживание, чем то, которое у них было бы от разодранного кролика? Они стояли и любовались красотой своей бабушки, лицо которой в течение многих лет выражало муку от страдания; сейчас на нем была тишина, покой, радость; и был покой комнаты вокруг.

Это и я в свое время пережил. Мой отец умер в ночь на Светлый понедельник, один, внезапно, от сердечного приступа. Меня вызвали (мне было 23 года, я работал в больнице). Я вошел один, закрыл за собой дверь и стал; и такой тишины, какую я пережил в этой комнате, я не переживал нигде, кроме как в храме. Помню, я сказал (не знаю, вслух или внутри себя): «И говорят, что существует смерть! Какая ложь! Существует торжество жизни...». Это не значит, что я не понимал, что мой отец умер; я был не мальчик, я был студент-медик 3-го курса, так что все это было очень ясно для меня; но эта тишина, то, что я видел и почувствовал, – была жизнь, жизнь за пределом моих возможностей. Я не мог в эту жизнь войти; я мог ее созерцать и приобщаться ей, но я еще не вырос ни тогда, ни теперь до того состояния вечной жизни, которое я тогда пережил.

И все это меня подводит постоянно с ранних лет, как я уже говорил, к тому, чтобы к смерти относиться без страха. Когда мне было лет 16, отец мне сказал: «Научись жить так, чтобы ждать своей смерти, как юноша ждет свою невесту, ждать, чтобы она пришла, прислушиваться к малейшему шороху, к малейшему знаку о том, что грядет невеста, идет возлюбленная,

та, с которой можно сродниться на вечность...». И у меня это чувство осталось навсегда (я вам это говорю не для того, чтобы покрасоваться своими чувствами, но ради этих слов моего отца и того, что они для меня значили).

Есть вопрос еще другой: что делать, когда ты знаешь, что очень близкий тебе человек умирает? Может, не сегодня, а через какое-то время, короткое или долгое; что делать, как самому к этому отнестись и что делать по отношению к этому человеку?

Опять-таки я буду сейчас говорить очень лично. Моя мать была когда-то оперирована от рака одной из слюнных желез. Операция была средняя, остался страх, что болезнь когда-нибудь вновь начнется; и пятнадцать лет я этого ожидал, пятнадцать лет я боролся с мыслью: вдруг она начнется и теперь будет конец. Я молился о матери, просил Бога о продлении ее жизни; я предавал ее нерешительно в руку Божию. Вы знаете, так довериться Богу, чтобы можно было сказать: «Я Тебе вручаю этого любимого человека и не буду больше тревожиться, потому что Ты лучше знаешь», – это сверх сил большинства из нас. Большой частью, когда меня спрашивают, как этому научиться, я говорю: «Когда ты о ком-нибудь действительно тревожишься, предай его в руку Божию на четверть часа, скажи: “Господи, на четверть часа доверия к Тебе хватит, а потом я возьму тревогу обратно, потому что на большее время – нет, не смогу”». И вот пятнадцать лет я с этим боролся, то больше, то меньше предавал ее Богу, говорил: «Нет, я все-таки сам позабочусь; я буду молиться Тебе, но сам буду заботиться, я буду смотреть за мамой. Ты, конечно, тоже делай Свое, но и я свое буду делать...». Помню, в какой-то день (мне было

42–43 года) я ехал на автобусе и думал о маме; и вдруг мне стало совершенно ясно, что я могу сказать: «Господи, сделай что Ты хочешь. Если Ты хочешь, чтобы она умерла, дай ей смерть; если Ты хочешь, чтобы она жила, дай ей жизнь...». И через пару недель у нее открылся рак, оказалось, на этот раз неизлечимый, и началось умирание, которое продолжалось три года. Доктор, который ее оперировал, мне позвонил по телефону и сказал: «Операция не удалась, ваша мать непременно умрет; когда – я не могу сказать; но, конечно, вы ей этого не говорите». Я ему ответил: «Конечно, я ей теперь скажу». Он говорит: «В таком случае не обращайтесь больше ко мне, ищите другого врача, потому что я не могу справиться с этим...». (Что тоже удивительно, потому что, в общем, врач должен бы уметь справляться.)

Я поднялся к матери, сказал: «Доктор звонил, – операция не удалась». – «Значит, я умру?» – «Да». – «Когда?» – «Никто не знает...» И тогда мы остались вместе в одной горе – потому что, конечно, горе было очень острое с обеих сторон. Для моей матери это значило разлуку с жизнью, которую она любила всеми силами души, для меня – разлуку с ней. Мы долго молча сидели друг с другом. Она лежала в постели, я сидел на полу, и мы просто были вместе; ничего не делали, а просто были вместе всей болью, всей любовью своей. Я не знаю, сколько мы сидели; в таких случаях мгновение может длиться вечность и вечность может длиться мгновение. Но пришел момент какой-то разрядки, и мы начали говорить о ее смерти и о том, что будет.

Что из этого получилось? Из этого получилась замечательная вещь. Во-первых, она никогда не была

одинока. Знаете, часто человеку не говорят, что он при смерти и умрет через какое-то время. Он это в самом себе чувствует, он знает, как из него течет жизнь, знает, что скоро ее не будет, но улыбается, делает вид, будто не знает, потому что не может сказать своему окружению: «Перестаньте лгать; вы знаете, что я умираю, почему вы останавливаетесь за дверью и учитесь улыбаться, чтобы войти с улыбкой и с бодрым выражением лица? Зачем лгать? Где любовь, где наше единство?..» И вот этого с моей матерью не случилось, потому что не было момента, когда мы не могли общаться и делить трагичность нашего положения. Были моменты, она меня звала, я приходил, она говорила: «Мне тоскливо, мне больно от мысли, что мы с тобой расстаемся...» И я оставался при ней, и мы разговаривали об этом, сколько нужно было, опять-таки, долго ли, коротко ли – не важно; важно, как глубоко разговор идет. Иногда мне было просто невыносимо продолжать работать этажом ниже (я тогда принимал людей 15–18 часов в день); и в какой-то момент я просто говорил своему посетителю: посидите, я должен пойти к матери, я не могу больше... – и тогда она меня утешала о грядущей своей смерти.

И другую вещь я обнаружил (это к тому, что я упоминал о памяти смертной): потому, что мы знали, что смерть во весь рост стала вот тут, среди нас, мы вдруг обнаружили, что нет ничего второстепенного и ничего мелкого, что нет вещей, которые велики, и других, которые не стоят внимания. Можно воплотить всю свою любовь в том, как вы приготовите поднос с чашкой чая. Вы можете этот поднос с чашкой чая сделать символом любви и красоты,

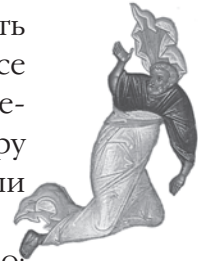

заботливости; вы можете вложить всю свою любовь в то, какими движениями вы поправите подушку за спиной больного, вы можете воплотить всю свою любовь в голосе, каким вы говорите с любимым человеком, чтобы до него дошло все. Мне тогда стало понятно слово одного нашего молодого православного богослова в Англии о том, что все без остатка – Божественная любовь; иногда эта Божественная любовь делается съедобной – и это еда, а иногда эта Божественная любовь делается словом или движением – но это всегда Божественная любовь, если только вы даете любви действовать в вас больше, чем сами можете действовать.

Так мы прожили три года, и перед самой смертью мать мне сказала: «Вот, я очень страдаю, но готова была бы страдать сто лет, чтобы жить дольше...» И вместе с тем она была верующая, и это «жить дольше» не значило, что для нее не было вечной жизни, но она любила жить. Она умирала вечером Великой Пятницы. Была весна, голубое небо, пение птиц, была зелень, был воздух, и это было ей дорого; это была любимая ею земля, и она чувствовала, что расстается с ней, как расстается со мной и с несколькими друзьями. А с другой стороны, она умирала щедро. Вы ведь знаете, какие службы в Великую Пятницу. Я тогда был единственным православным священником на всю Англию, поэтому не было речи о том, чтобы кто-нибудь меня заменил. Утром я сговорился было принять в Православие одну иностранную женщину, и собирался ей отказать. Мама сказала: «Нет, прими ее в Православие, и все часы, что ты на это потратишь, пусть будут моим предсмертным подарком ей...». Потом я ушел в храм, вернулся около

полуночи и не знал, жива ли она. Я был очень усталый, она уже говорить не могла, мы с ней посидели, потом я сказал: «Я должен прилечь на несколько минут, мне дурно делается...» Я лег, взял Евангелие; и оно открылось мне на месте, которое мы читаем на Пасху, начало Евангелия от Иоанна. Мне тогда невдомек было, я не понял и задумался, почему мне Господь это Евангелие дал? Я тут же встал, и в это время мать скончалась без меня, как бы последним действием отрешенности. И я не могу достаточно благодарить Бога за то, что я ей сказал о смерти, за то, что смерть не была среди нас, как вор, как губитель, который все может разрушить, включая человеческие отношения; смерть стала перед нами – и все выросло в меру вечности. Не было такого слова или движения, или действия, которое не было в этом масштабе.

Конечно, не всякому можно сказать так прямо; есть люди, которых надо готовить; но надо всегда помнить, что человек о своем умирании знает, что нет никакого смысла скрывать от него и притворяться, когда он уже знает. Во время войны у меня было много случаев. Я был в больничном пункте на фронте, и к нам привозили раненых. Я был один из редких верующих врачей, поэтому я проводил последние ночи с умирающими, чтобы кто-нибудь при них был. Помню молодого солдата (я вам даю эти примеры разрозненно, потому что они сами за себя говорят, я не могу их в систему выстроить). Я к нему подошел и спросил: «Ну, как тебе сегодня?» – «Я сегодня ночью умру...» – «Тебе страшно?» – «Нет, мне не страшно умирать, но мне больно, что я больше не увижу молодую жену, своего ребенка, свою деревню. И еще страшно, что я буду умирать один». – «Ты не будешь

умирать один, я останусь с тобой». — «Вы можете остаться всю ночь?» — «Могу...» Потом он подумал и сказал: «Да, пока я в сознании, я буду это знать, а потом одиночество меня охватит». Я ответил: «Нет, мы вот что сделаем. Я сяду рядом с тобой, мы будем разговаривать, пока ты в состоянии говорить о твоей деревне, о твоей жене, о жизни, которую ты знал и так любил; потом в какой-то момент тебе это будет утомительно, я возьму твою руку и ты заснешь на время; будешь просыпаться, открывать глаза и увидишь, что я тут сижу. Немножко позже ты ослабеешь и не сможешь открывать глаза, но ты сможешь чувствовать мою руку, что она тут. Я пожму твою руку, чтобы ты знал, так мы проведем ночь, и в какой-то момент ты умрешь, но до последнего момента ты будешь знать, что ты держишь мою руку...». И так мы до раннего утра сидели, до первых петухов; изредка он сжимал мою руку — все слабее; потом рука похолодела — он был мертв; но он не умер в одиночестве.

И еще одно я вам скажу в том же порядке: никогда при умирающем, который без сознания, не говорите ничего, чего он не должен бы слышать. Первое мое впечатление, когда я студентом был: мы шли по палате, на одной кровати лежал русский казак, и, проходя мимо него, врач сказал: «И останавливаться не стоит — он умрет сегодня...» — и пошел дальше. Казак не умер. Он пришел в себя и потом мне сказал: «Ты только начинающий врач, так запомни: я все слышал, что он говорил, и было больно слышать, что он не может остановиться, потому что он меня уже схоронил...». Да, он умер в свое время, но в тот момент слова врача были ужасны для него. Это надо помнить, и надо знать, что иногда (я бы сказал: всегда,

но будем осторожны, я скажу: иногда) до человека доходит то, на что он не может реагировать. Из этого же периода войны я помню эльзасца, который был во французской армии, но воспитывался в тот период, когда Эльзас принадлежал Германии; его язык был немецкий, вернее эльзасское наречие, которое ближе к немецкому, чем к французскому. Его навещал молодой пастор (тот был протестант) пару дней, потом этот солдат ушел в забвенье. Пастор был очень молодой (мы были молоды: мне лет 25, он был еще моложе), он вышел из палаты в слезах и мне говорит: «Какой ужас, – мы не можем больше общаться в разговоре, значит, я ничего для него не могу сделать!..». Потому что Таинств, как у нас, у него не было. Мы могли бы помазать маслом, причастить, вообще многое мы могли бы сделать, а у него ничего не было в руках. Я ему сказал: «Не будь сумасшедшим, возвращайся, возьми Евангелие, садись и часами читай ему Евангелие, начиная с воскресения Лазаря». Он читал три дня – разумеется, не денно и нощно, с перерывами. Перед смертью этот солдатик очнулся и мне сказал: «Спасибо, что вы его заставили мне читать Евангелие. Я никаким образом не мог дать знак о том, что я слышу и воспринимаю, но я слышал каждое слово, и это мне дало жизнь...». Знаете, сказать так за несколько часов до смерти – это значит, что с ним нечто случилось.

Вот все, что я могу сказать; я мог бы примерами продолжать говорить, но сущность та, что для верующего (я бы сказал, и для неверующего, только верующий это знает, а неверующий не знает) смерть – это открывающаяся дверь, и через смерть совершается встреча лицом к лицу с Живым Богом, то есть

с Любовью, все побеждающей. И когда мы думаем о смерти ближних (о своей смерти мы можем думать различно), мы должны помнить, что для нас это горе, разрывающее наше сердце, но для умирающего это грандиозная встреча, это то, ради чего человек живет, то, чего он ищет, не зная порой или как бы предчувствуя это. Феофан Затворник в одной из своих надгробных проповедей говорит: «Братия, станем плакать; но станем плакать как христиане: зная, что эта разлука для нас – порой еле выносимая боль, но для умирающего это какое-то чудо...».

Знаете, нужна действительно очень крепкая вера, для того чтобы начать отпевание словами *Благословен Бог наш*; надо собрать все силы души, чтобы со священником соучаствовать в этом благословении в момент, когда Бог отнял у нас (пусть Своей премудростью, пусть Своей любовью – это мы забываем в такие моменты очень легко) любимого человека. Это первое. Второе: в псалмах, которые поются, есть одна фраза, которая как бы из гроба звучит от покойника нам в утешение: *Жива будет душа моя и восхвалит Тя, Господи...* Моя душа жива и будет жить, и будет петь Тебя, Господи! Вот свидетельство усопшего – живым, которых он оставляет. И Церковь вторит дальше, говоря: *Блажен путь, воньже идеши днесь, душе, яко уготовася тебе место упокоения*: блажен еси, не несчастен. Ты блажен, нам остается продолжать жить на земле в разлуке с тобой, в разлуке с любимым. И в разлуке со Христом в какой-то значительной мере: кто из нас может сказать, что он так соединен со Христом теперь, как мы будем соединены с Ним в вечности?

И часто перед нами встает вопрос: умер человек; он был или очень обыкновенный человек, как все, но

мы его любили, он зажег в наших сердцах какую-то радость, какую-то ласку; или он был талантлив, одарен, нужен – он мог быть инженером или врачом, великим художником или композитором: как земля проживет без него? И ответ, который мне кажется верным, в том, что каждый человек, который прожил, оставил в жизни остающихся пример, не словами, а всей своей личностью и всей своей жизнью, и он нам говорит: «Если зерно не падет в землю и не умрет, оно плода не принесет... Зерно – я, пал на землю и умер, а теперь ваша очередь принести плод. Каждый из вас во мне что-то уловил. Один уловил твердость, другой – ум, третий – преданность, мало ли что в человеке можно уловить. Каждый живи тем, чему ты научился от меня, и тогда моя жизнь, которая была одним зернышком, расцветет в десяти жизнях, которые будут каждая приносить частичный плод или сложный, богатый плод моей жизни. Будьте моим продолжением...».

И когда мы на панихиде или на отпевании молимся о упокоении раба Божия такого-то, стоя во свечами, как в пасхальную ночь, мы свидетельствуем свою веру в воскресение; но, с другой стороны, свидетельствуем зажженными свечами о том, что этот человек был хотя бы малой свечой, малым светом в этом мире; что он был светом, что благодаря его жизни какая-то доля тьмы была рассеяна – в нем, в нас, в его окружении и что, когда мы молим Бога о его причислении к лику святых, мы не говорим: Господи, Ты знаешь, что он грешил, как все люди, но, будь добр, прими его, мы же с Тобой друзья, Ты не можешь моего близкого осудить или выбросить вон из Твоей любви... Нет, мы говорим о том, что этот

Митрополит Антоний Сурожский

человек в моей жизни был светом, в моей жизни он был откровением правды, в мою жизнь он внес любовь, красоту, мудрость и ради того, что он из меня, из нас сделал, прими нашу жизнь, включая нашу будущую смерть, как будто это его жизнь, и пусть моя жизнь, его, ее, наша жизнь будет его славой... Тогда можно вынести страдание смерти и сказать: Да, я продолжаю его жизнь, чтобы земля ничего не потеряла через его смерть и чтобы моя жизнь была свидетельством того, что этот человек жил не напрасно, а сотворил плод на земле.

✠

Праведный Иоанн Кронштадтский ✠

ЦЕЛЬ НАШЕЙ ЖИЗНИ НА ЗЕМЛЕ *

Братья! какая цель нашей жизни на земле? Та, чтобы по испытании нашем земными скорбями и бедствиями и после постепенного усовершенствования в добродетели при помощи благодатных дарований, преподаваемых в Таинствах, нам опочить по смерти в Боге – покое нашего духа. Вот почему мы поем об умерших: *упокой, Господи, душу раба Твоего*. Мы желаем усопшему покоя как края всех желаний, и молим о том Бога. Не безрассудно ли поэтому много скорбеть над умершими? *Приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененнии, и Аз упокою вы* (Мф. 11, 28), – говорит Господь. Вот покойники наши, христианской кончиной уснувшие, приходят на этот глас Господа и упокоются. Чего же скорбеть?

* * *

Ты в горести души своей желаешь иногда умереть. Умереть легко, недолго; но готов ли ты к смерти? Ведь за смертью следует суд всей твоей жизни (см.: Евр. 9, 27). Ты не готов к смерти, и если бы она пришла к тебе, ты затрепетал бы всем телом. Не трать же слов попустому, не говори: лучше бы мне умереть, а говори чаще: как бы мне приготовиться к смерти по-христиански – верой, добрыми делами и великодушным

* Из книги «Моя жизнь во Христе».

перенесением случающихся со мною бед и скорбей и встретить смерть без страха, мирно, непостыдно, не как грозный закон природы, но как отеческий зов бессмертного Отца Небесного, святого, блаженного, в страну вечности. Вспомни старца, который, утрудившись под своим бременем, захотел лучше умереть, чем жить, и стал звать к себе смерть. Явилась — не захотел, а пожелал лучше нести тяжкое бремя свое.

* * *

Будущая жизнь — совершенная чистота постепенно очищаемого ныне сердца, которое чаще всего закрыто, омрачено грехом и дьявольским дыханием, а иногда — по действию благодати Божией — проясняется и зрит Бога, соединяясь с Ним преисскренне в молитве и Таинстве Причащения.

* * *

Человек страстям подверженный, что тебе нужно? Жизнь, говоришь ты. Из-за чего ты хлопочешь? Из-за жизни. Но живешь ли ты истинной жизнью? Разум и опыт заставляют сказать, что нет. Итак, что же составляет твою жизнь? Вера, надежда и любовь — разум и опыт говорят мне. Жизнь души нашей — Бог, живая вера в Него и любовь к Нему, любовь к подобным мне людям; они покой и широта моего сердца, без них я мученик греха, раб, невольник страстей; в скорби и тесноте проходит жизнь моя.

* * *

Я и здесь упокоиваюсь во Христе и со Христом; как же мне не верить, что после смерти меня ожидает вечное в Нем упокоение после борьбы со врагами

земными! Мне и здесь без Христа тяжело, мучительно; как же мне не верить, что тем более будет для меня мучительно без Него там, когда Он окончательно отвергнет меня от лица Своего! Так здешнее состояние наших душ предызображает будущее. Будущее будет продолжением настоящего состояния внутреннего, только в измененном виде относительно степени его: для праведников оно обратится в полноту вечной славы, для грешников – в полноту вечных мучений.

* * *

Мне прилеплятися Богови благо есть (Пс. 72, 28), говорит Давид, испытавший сладость в молитве и хвалении Бога. То же подтверждают другие люди, а также и я грешный. Заметьте: еще здесь – на земле – прилепляться Богу благо, хорошо (когда мы в грешной плоти, у которой много своего приятного или неприятного). Как же благо будет соединиться с Богом там – на небе! А блаженство прилепления Богу здесь на земле есть образец и залог блаженства прилепления Богу после смерти – в вечности. Видишь, как благ, милосерд, истинен Творец; чтобы уверить тебя в будущем блаженстве, происходящем от соединения с Ним, Он дает тебе испытывать начаток этого блаженства здесь – на земле, когда ты искренно приступаешь к Нему. Да, невидимая душа моя действительно еще здесь упокоевается в невидимом Боге, значит, тем больше по отрешении от тела она упокоится в Нем.

* * *

Степени блаженства и мучений в будущем веке будут различны. Это доказывается и настоящим состоянием души у различных людей или у одного и

того же человека в различное время, при различных положениях. Чем проще, добрее, общительнее человек, тем он блаженнее внутренне; чем лукавее, злее, самолюбивее, тем несчастнее; чем сильнее в нем вера и любовь, тем блаженнее; чем слабее, тем хуже; так что маловеры, безверы, человеконенавистники – самые несчастные люди. Поэтому разумевай и о будущих мучениях.

* * *

Что соединение наше с Богом в будущем веке последует и что оно будет для нас источником света, мира, радости, блаженства – это мы отчасти познаем опытно и в нынешней жизни. По молитве, когда душа наша всецело бывает обращена к Богу и соединяется с Ним, мы чувствуем себя прекрасно, покойно, легко, радостно, как дети, упокоиваемые у груди материнской, или, лучше сказать, как-то невыразимо хорошо: *добро есть нам zde быти* (Лк. 9, 33). Итак, подвизайся неослабно за будущее нескончаемое блаженство, которого начатки ты опытно знаешь и в настоящей жизни, но внимай: *это только начатки земные, несовершенные, видимые только отчасти, как бы в зеркале и гадании* (ср.: 1 Кор. 13, 12); каково же будет нам, когда мы самым делом *приискренне* соединимся с Богом, когда образы и тени пройдут и настанет Царство истины и видения? О! До смерти нужно подвизаться за будущее блаженство, за будущее единение наше с Богом.

* * *

Человек! Когда я посмотрю на тебя, на твои земные чувства, на твою плоть, когда вспомню о дне

рождения и о последующих днях младенчества и возрастания твоего доселе, и потом перенесусь мыслью ко дню смерти твоей, а затем к вечности, которая тебе присуждена от сложения мира, – тогда я не знаю, чему дивиться: ничтожеству ли твоему, или всемогуществу и благодати Творца, Который благоволил даровать тебе жизнь и твое тленное и смертное тело облечь некогда в бессмертие? Удивление мое возрастает, когда я вижу, что тебе, плоти и крови, Господь Бог, Царь вечный, дает вкушать собственную Плоть и Кровь, так как Он, *во днях плоти Своя, искренне приобщился плоти и крови нашей* (ср.: Евр. 5, 7; 2, 14), чтобы сделать тебя вечно живым.

* * *

Человек умерший есть существо живое: *Бог несть Бог мертвых, но живых, вси бо Тому живи суть* (Лк. 20, 38). Душа его невидимо витает у тела и в местах, где любила пребывать. Ежели она умерла во грехах, то не может помочь себе избавиться от уз их и крепко нуждается в молитвах живых людей, особенно Церкви – святейшей невесты Христовой. Итак, будем молиться за умерших искренно. Это великое благодеяние им, больше, чем благодеяние живым.

* * *

Безконечная сладость зрящих Твоего лица добrotу неизреченную (молитва утренняя). Сладости земные все преходящи и сами по себе, и по превратности жизни человеческой. А сладость небесного блаженства не будет иметь конца, бесконечна. Не стоит ли презреть все сладости этого временного мира и еще более скоропреходящей жизни,

чтобы всем сердцем возлюбить сладости духовные, неперменные?

* * *

Все настоящее есть только одна тень будущего: свет – тень будущего неизреченного света; сладости земные – слабая тень будущих, неизреченных, бесконечных сладостей; огонь – слабая тень будущего огня геенского, который будет опалять грешников во веки веков; чистая радость земная – тень будущих неизреченных радостей; чертоги царские преукрашенные – ничтожная тень пресветлых райских обителей, уготованных любящим Бога и исполняющим заповеди Его; славные одеяния мужей и дочерей человеческих не могут идти в сравнение с той одеждой славы, в которую облекутся избранные, ибо они облекутся во Христа и *просветятся яко солнце в Царствии Отца их* (Мф. 13, 43), по неложному обещанию Спасителя.

* * *

Сколько раз смерть вступала в мое сердце, сообщая начатки свои и телу (числа нет), и от всех смертных случаев Господь избавил меня, помиловал меня милостью несказанной, оживотворил меня. О, какой благодарностью ко Господу должно быть исполнено сердце мое! *Аще не Господь помог бы ми, в мале вселилася бы во ад душа моя* (Пс. 93, 17).

* * *

Наша плоть унывает и понуряет голову, когда подвергается немощам; а когда здорова и вкушает удовольствия плотские, тогда восхищается, скачет и

выходит из себя. Не надо обращать внимания на обманчивые чувства плоти и вообще должно пренебрегать всякой плотской игрой, плотским восторгом; нужно благодушно терпеть скорби и болезни плотские, духом мужаться и возлагать надежды на Бога.

* * *

Когда страдает от болезней плоть твоя, помни, что страдает первый враг твоего спасения, который болезнью обессиливается, и терпи великодушно болезнь свою во имя Господа Иисуса Христа, нас ради претерпевшего Крест и смерть; еще помни, что все наши болезни суть наказание Божие за грехи; они очищают, примиряют нас с Богом и вводят снова в любовь Его: *Твой мир*, сказано, *и Твою любовь даруй нам: вся бо воздал еси нам*. Помни, что в болезни Господь с тобою: *с ним есмь в скорби* (Пс. 90, 15), что она произошла от манования Владыки, отечески наказующего нас. Веруя – во время благополучное, смотри не отпадай во время напасти, но, как мученик, будь постоянен в вере, надежде и любви.

* * *

Люди в продолжение всей земной жизни всего ищут, кроме Христа Жизнодавца, – оттого и не имеют жизни духовной, оттого и преданы всяким страстям: безверию, маловерию, корыстолюбию, зависти, ненависти, честолюбию, удовольствиям пищи и питья. Только при конце всей жизни ищут Христа – в причащении, и то по вопиющей необходимости, и то как бы по принятому другими обычаю. О, Христе Боже, Животе и воскресение наше! До чего мы осуетились, до чего мы ослепли! А что было бы с нами,

если бы искали Тебя, если бы мы имели Тебя в сердце своем? Язык не может изречь того блаженства, которое вкушают имеющие Тебя в сердцах своих. Ты для них и пища крепкая, и питье неисчерпаемое, и одежда светлая, и солнце, и *мир, превосходяй всяк ум* (Флп. 4, 7), и веселие неизреченное, и все. С Тобою все земное прах, тлен.

* * *

Что будет с нами в том веке, когда все, что нам льстило в этом мире, и богатство, и почеть, пища и питье, и одежды, и прекрасно убранные жилища, и все привлекательные вещи, — что будет, говорю, когда все это нас оставит, когда все это окажется для нас сновидением, и когда от нас потребуются дела веры и добродетели, дела воздержания, чистоты, кротости, смирения, милосердия, терпения, послушания и пр.?

* * *

Для чего Господь прилагает нам день ко дню, год к году бытия нашего? Чтобы мы постепенно отъяли, отбросили лукавство от душ своих, каждый свое, и усвоили себе блаженную простоту, чтобы, например, мы сделались как агнцы незлобивые, как младенцы простые, чтобы научились не иметь ни малейшего пристрастия к вещам земным, а как дети любящие и простые прилепились бы всем сердцем к одному Богу и возлюбили Его всем сердцем своим, всей душой своей, всей крепостью своей и всем помышлением, а ближнего как себя. Поспешим же сердечной и слезной молитвой испросить себе у Господа простоту сердечную и поревнуем, попечемся всеми мерами отбросить лукавства душ своих, например,

злую подозрительность, зложелательство, злорадство, злобу, гордость, надменность, самохвальство, презорство, нетерпение, уныние, отчаяние, обидчивость и раздражительность, боязливость и малодушие, зависть, скупость, чревоугодие и пресыщение, блуд мысленный и сердечный и блуд действительный, сребролюбие и вообще страсть к приобретению, леность, непослушание и все темное полчище грехов. Господи! Без Тебя не можем творить ничесоже. Сам благослови нас на дело сие и Сам даруй победу на враги наши и на страсти наши. – Буди!

* * *

Жизнь сердца есть любовь, смерть его – злоба и вражда на брата. Господь для того нас держит на земле, чтобы любовь к Богу и ближнему всецело проникла наши сердца: этого и ждет Он от всех. Это цель стояния мира.

* * *

Знаете, что вам обещана вечная жизнь в Боге, что ее надо заслужить послушанием Богу и Его Церкви в этой кратковременной жизни, терпением болезней, скорбей, невзгод и разных лишений, – и вы не хотите повиноваться Творцу, живете в беспечности и нерадении о своей душе, в нерадении о добродетели, в непрестанных грехах! Чего вам ожидать после этого, неблагодарные, злонравные и непослушные твари? Душа моя, подумай и обрати всю жизнь земную во славу Божию и во благо ближних. Не угождай плоти и крови, а Господу своему; плоть и кровь тленны, как все земное.

* * *

День есть символ скоротечности земной жизни: наступает утро, потом день, затем вечер, и с наступлением ночи и день весь прошел. Так и жизнь пройдет. Сначала младенчество, как раннее утро, потом отрочество и мужество, как полный рассвет и полдень, и затем старость, как вечер, если Бог даст, а затем – неизбежно смерть.

* * *

Кто привыкает давать отчет о своей жизни на исповеди здесь, тому не будет страшно давать ответ на Страшном Суде Христовом. Да для того и установлено здесь кроткое судилище покаяния, чтобы нам, очищенным и исправившимся чрез здешнее покаяние, дать непостыдный ответ на Страшном Суде Христовом. Это первое побуждение к искреннему покаянию и притом непременно ежегодному. Чем дольше не каемся, тем хуже для нас самих, тем запутаннее узы греховные становятся, тем труднее, значит, давать отчет. Второе побуждение составляет спокойствие; тем спокойнее будет на душе, чем искреннее исповедь. Грехи – тайные змеи, грызущие сердце человека и все его существо; они не дают ему покоя, непрестанно сосут его сердце; грехи – колючее терние, бодущее непрестанно душу; грехи – духовная тьма. Кающиеся должны приносить плоды покаяния.

* * *

Это тихое, прекрасное, усеянное звездами небо представит из себя некогда ужасное зрелище, пред явлением Господа с небес. О, грешники, поучайтесь ежедневно зрелищем неба, когда можно поучаться.

Солнце померкнет, и луна не даст света своего, и звезды спадут с небесе (Мф. 24, 29).

* * *

Что для человека всего ужаснее? Смерть? Да, смерть. Всякий из нас не может без ужаса представить, как ему придется умирать и последний вздох испускать. А как терзаются родители, когда умирают их любезные дети, когда они лежат пред их глазами бездыханными? Но не страшитесь и не скорбите, братья, чрез меру. Иисус Христос, Спаситель наш, Своєю смертью победил нашу смерть и Своим Воскресением положил основание нашему воскресению, и мы каждую неделю, каждый воскресный день торжествуем во Христе воскресшем наше общее будущее Воскресение и предначинаем вечную жизнь, к которой настоящая временная жизнь есть краткий, хотя тесный и прискорбный путь; смерть же истинного христианина есть не более как сон до дня Воскресения, или как рождение в новую жизнь. Итак, торжествуя каждую неделю Воскресение Христово и свое воскресение из мертвых, учитесь непрестанно умирать греху и воскресать душами от мертвых дел, обогащайтесь добродетелью и не скорбите безутешно о умерших; научайтесь встречать смерть без ужаса, как определение Отца Небесного, которое, с Воскресением Христовым из мертвых, потеряло свою грозность.

* * *

Все слова молитв и славословий церковных – великие слова; но эти слова: *яко Ты еси воскресение и живот и покой...* и проч., служащие столь великим для смертного рода нашего утешением и составляющие

надежду христиан, особенно велики. Поэтому надо выговаривать их с особенною силою, с особенным ударением.

* * *

Люби отечество земное и Отца отечества: оно тебя воспитало, просветило, отличило, почтило, всем довольствуется; но особенно люби отечество Небесное, Отца будущего века: то отечество несравненно почтеннее и дороже этого, потому что оно свято и праведно, непоколебимо, бесконечно, нетленно, прекрасно, блаженно; потому что оно дало и дает тебе несравненно большие преимущества и блага, нежели это земное; потому что Отец того отечества не человек смертный и подобострастный, а Бог Превечный, все создавший; оно тебе дало название чада Божия, наследника Божия и сонаследника Христова; потому что Отец Небесный сделает тебя участником всех благ Царствия Своего, коих *око не виде, ухо не слыши, и на сердце человеку не взыдоша* (1 Кор. 2, 9). Это отечество заслужено тебе бесценною Кровию Сына Божия. Но, чтобы быть членом того отечества, уважай и люби законы того отечества, как ты обязан уважать и уважаешь законы земного отечества, ибо без того не сделаешься гражданином столь превосходного отечества; люби эту духовно-воспитательную школу (Церковь), образующую нас в членов и граждан того отечества.

* * *

Истинный христианин поступает так в этой жизни, чтобы она была приготовлением к будущей, а не жизнью для здешнего только века; он при действиях

своих не думает о том, что скажут об нем здесь, а что скажут там, на небесах; он представляет себя всегда в присутствии Бога, Ангелов и всех святых и помнит, что некогда они будут свидетелями его помышлений, слов и дел.

* * *

Сластолюбец! К чему приложишь ты свою любовь по смерти своей, когда сластей у тебя не будет, а их место займет горечь совершенного лишения? Чем будет питаться нетленная душа твоя? – Сласти ей не совместны. Сребролюбец! К чему приложишь ты любовь сердца своего, когда со смертью обладание и услажение деньгами твоими и разными сокровищами прекратится? Душе, существу духовному, тогда эти сокровища будут не нужны, они будут ей противны, как яд, как ржа и тля, тлившие ее при жизни и удалившие ее от Бога, лишившие ее нетленного сокровища – Бога. Честолюбец величавый, искавший отличий и почестей и любивший их больше всего на свете! к чему приложишь ты любовь свою, когда смерть совлечет с тебя все отличия и покажет тебя во всей наготе и безобразии? Что будет тогда пищею и жизнью нетленного духа, удалившегося от Бога ради суетных почестей мира сего, боготворившего себя подобно идолопоклонникам? Так суетен человек, подверженный страстям, – не знает он, что творит, какое уготовляет себе лишение, какую муку за свои безумные страсти, за то, что быв почтен образом Божиим, званием чада Божия, друга Божия, наследника Небесного Царствия, сонаследника Христова, он *приложился скотом несмысленным*, по своему бессмыслию, и *уподобился им* (Пс. 48,13) в алчности, в

любосластном неистовстве, в злобе, в зависти! Потому бойся прилепляться душой к чему-либо земному.

* * *

Тело наше состоит из стихий земных: света, теплоты, воздуха, воды и земли – в эти же стихии оно и разложится по смерти его. Свет и теплота соединятся со светом и теплотою, воздух соединится с воздухом, вода с водою, земля с землею. Составляемся и опять разрешаемся. Слава творчеству Твоему, Господи! Да знаем и помним свою перстность, кратковременность и да благоговеем пред Творцом. Мы все дела рук Его, *овцы пажити Его* (Пс. 99, 3).

* * *

Скорби – великий учитель; скорби показывают нам наши слабости, страсти, нужду в покаянии; скорби очищают душу, вытрезвляют ее, как от пьянства, низводят благодать в душу, смягчают сердце, внушают отвращение к греху, утверждают в вере, уповании и добродетели.

* * *

Материя, когда мы к ней прилепляемся сердцем, страстно ее желаем или жалеем другим, убивает душу чрез удаление от Бога, Источника жизни. Сердце должно быть всегда в Боге, Который есть неоскудный Источник жизни духовной и материальной: ибо Кто есть причина бытия всех тварей и жизни органической, растительной и животной, бытия порядка и жизни всех миров великих и меньших? Господь Бог. Все материальное надо вменять за сор, как мало-важное, ничтожное, преходящее, разрушающееся,

тленное, исчезающее, а надо обращать внимание на душу невидимую, простую, бессмертную, не могущую разрушиться: *презирати убо плоть, преходит бо, прилежати же о души, вещи безсмертней* (Тропарь преподобн.). Делом это докажи: постись, радушно подавай бедным, радушно угощай гостей, не жалея ничего домашним, читай усердно слово Божие, молись, кайся, оплакивай свои грехи, стремись всеми силами к святости, кротости, смирению, терпению, послушанию.

* * *

Как благо будет с Тобою избранным Твоим на небеси, Господи! Как все прелести земные томительны для сердца! Как пагубно для сердца и мгновенное пристрастие к чему-либо земному! А в Тебе какой мир, какая свобода, какое пространство, какой свет, какая радость!

* * *

Теперь мы стоим и падаем (в вере и добродетели), но надеемся такого времени и такого состояния, в котором мы уже не возможем пасть, придем в состояние совершенной безопасности от падения, как Ангелы, которые теперь непреклонны ко злу, и навсегда утвердимся в святости. Борись со грехом и надейся, что придет наконец время совершенной победы над грехом и над смертью, его порождением. *Последний враг испразднится – смерть* (1 Кор. 15, 26).

* * *

Иисус Христос воскрес и вышел из гроба при затворенных дверях его, не повредив печати его. Так

Он родился и от Пресвятой Девы, *ключи Ея* (девства) *не вредивый рождением Своим* (Канон Пасх. 6 песнь, Троп.). Так Он входит в души верующих сквозь тела их, проходя их сквозь невидимо, всегда свободно. Так Он входит в дома всех, и никакие стены и запоры не удерживают Его Беспредельного, ничем Неограничиваемого.

* * *

В будущем веке блаженство наше возрастет от удивления – видеть вдруг святых и прекрасных Ангелов Господних, их бесчисленные мириады, их стройные чины, их иерархический порядок, от удивления — видеть всех святых, добрых, простых чело-
веков Божиих изо всех веков: пророков, апостолов и всех иных, а главное — от созерцания Бога во свете неприступном, от собственного внутреннего просветления и блаженства совершеннейшего, не омрачаемого никаким грехом, никаким страхом, никакою заботою и печалью.

* * *

Почитая Ангелов, мы сродняемся с тем животворным для жизни убеждением, что есть другой мир разумных существ, совершенно чистых, простых, бестелесных, и что, значит, существование души нашей по смерти – есть дело не только возможное, но и действительное, существующее. А почитая святых, привыкаем опять к той мысли, что есть жизнь для нас после смерти; что добродетель и святость по смерти награждаются – значит, если и мы будем жить добродетельно, то будем также награждены; что зло наказывается, как это представлено в Евангельской

истории о богатом и Лазаре, – значит, и мы будем наказаны за зло, какое здесь сделаем. Вообще, почитание Ангелов и святых не отзывается никаким многобожием, совершенно в нашей природе и ведет к существенной душевной пользе.

* * *

Господь – Истина: все, что Он сказал, есть чистая истина и не допускает ни тени сомнения. Итак, есть надежда, что Бог придет опять судить живых и мертвых, что будет жизнь будущего века, блаженство праведных и мука грешных.

* * *

Вера покоит и услаждает, неверие беспокоит и язвит.

* * *

Что мы любим больше всего на свете? Жизнь и здоровье. Кто наша жизнь и здоровье? Иисус Христос. Поэтому, если хочешь быть жив, и вечно жив и блажен, — веруй в Иисуса Христа и угождай Ему, живя по Евангелию Его.

* * *

Суетна жизнь наша, т.е. все, напрасно, даром, ни за что пропадают дни жития нашего для вечности; все о земном, житейском хлопочем, о вечности мало помышляем. Будущего Страшного Суда, будущего мучения и будущего блаженства, конца не имеющих, не воображаем себе. В каком-то духовном тумане все мы живем; плоть и плотские страсти одолели всех; дух угнетен, задавлен, задушен. Но *се Жених душ наших грядет в полнощи, и блажен раб егоже обрящет бдяща,*

недостойн же паки, егоже обрящет унывающа от житейских попечений. Блюди убо, душе моя, не сном отяготися, да не смерти предана будеши и Царствия вне затворишися, но воспрями, зовущи: Свят, Свят, Свят еси Боже, Богородицею помилуй нас (Тропарь на утрени Страстной седмицы).

* * *

О усопших молись так, как будто бы твоя душа находилась в аду, в пламени, и ты сам мучился; чувствуй их муки своим сердцем и пламенно-пламенно молись об упокоении их в месте светле и злачне, в месте прохладения.

* * *

Вера в Господа, как Сущего, есть для души источник жизни. Как представить Сущего? – Сочти все видимое и невидимое за ничто и представь, что Един только Господь и есть.

* * *

Кто не собирает со Мною, говорит Господь, тот расточает (Лк. 11, 23). Надо подвигаться вперед в духовной жизни, восходить все выше и выше; увеличивать более и более запас добрых дел; если же мы стоим на одной точке нравственного совершенства, на одной ступени лестницы христианского восхождения, то все равно, что идем назад; если не собираем, то все равно, что расточаем.

* * *

О, если бы всем нам благополучно высадиться на берег Небесного отечества!

✠

Преподобный Силуан Афонский ✠

МЫСЛИ ОБ ИСХОДЕ

Лежу телом на земле, но рвется дух мой видеть Господа во славе. Хотя и много я грешен, но Господь дал мне познать Его Духом Святым, и душа моя знает Его, знает, как безмерно Он милостив и какой Он радостный. Душа до благодати Божией боится смерти. Боится душа и Самого Бога, потому что не знает, насколько Он смирен и кроток и милостив. И никто не может понять любовь Христову, если не вкусит благодати Святого Духа.

Братья мои о Господе возлюбленные, Милостивый Господь – Свидетель души моей, что я пишу истину. И знайте, братья, и никто себя да не обманывает: кто брата не любит, тот и Бога не любит. Верно об этом говорит Писание, и его надо в точности исполнить, и тогда узришь ты сам в душе своей милость Господню, которая пленит твою душу, ибо сладка благодать Господня.

Юноша ищет себе невесту, а девушка ищет себе жениха. Это и есть земная жизнь, Богом благословенная.

Но та душа, которую изберет Господь и даст ей вкусить сладость любви Божией, земную жизнь не равняет с любовью Божией, но занята бывает Единым Богом и ни к чему земному не привязывается. И если приходят к ней земные мысли, то она не услаждается

ими, ибо не может возлюбить земное, но вся желанно стремится к небесному.

Божия Матерь с Иосифом Обручником, болезнуя, искали Христа, когда Он остался в Иерусалиме и беседовал в храме со старцами; и лишь после трех дней нашли Его.

Сколько скорбела душа Божией Матери за эти дни?

Она помышляла: «Где Ты, Сыне Мой любезный? Где Ты, Свете Мой драгоценный? Где Ты, утроба Моя возлюбленная?»

Так каждая душа должна искать Сына Божия и Сына Девы, доколе не обрящет Его.

Душа, познавшая любовь Божию Духом Святым, умирая, испытывает некоторый страх, когда Ангелы поведут ее ко Господу, потому что, живя в мире, она повинна грехам. Но когда увидит душа Господа, то возрадуется от Его милостивого кроткого лица, и Господь не помянет ей грехов по множеству кротости и любви Своей.

От первого взгляда на Господа вселится в душу любовь Господня, и она от любви Божией и сладости Духа Святого вся изменится.

Наши отцы перешли от земли на небо. Что они там делают? Они пребывают в любви Божией и созерцают красоту лица Божия. Красота Господня пленяет всякую душу радостью и любовью. Эта красота и на земле познается, но отчасти, ибо совершенной любви бrenное тело не может вынести. На земле Господь дает душе столько, сколько может она вместить и сколько хочет щедрая рука Господня.

Душа моя приблизилась к смерти и сильно желает видеть Господа и вечно быть с Ним.

Господь простил мне множество грехов и дал мне Духом Святым познать, как много Он любит человека.

Все небо удивляется воплощению Господа, как Он, Великий Господь, пришел нас, грешных, спасти и приобрел нам вечный покой Своими страданиями, и душа не хочет помышлять ничего земного, но влечется туда, где Господь.

Милы сердцу слова Господни, когда Дух Святой дает душе их разуметь.

Когда Господь жил на земле, то множество народа ходило за Ним, и по нескольку дней не могли оторваться от Господа, но, голодные, слушали Его сладкие слова.

Душа любит Господа, и все, что мешает думать о Боге, печалит ее. И если еще на земле душа так сильно услаждается Духом Святым, то тем более там будет она наслаждаться.

«О, Господи, как возлюбил Ты создание Свое».

«Твой тихий, кроткий взор душа забыть не может».

Душа моя, Господи, занята Тобою целый день и всю ночь, и ищущ Тебя. Дух Твой влечет меня искать Тебя, и память о Тебе веселит мой ум. Душа моя возлюбила Тебя и радуется, что Ты – мой Бог и Господь, и до слез скучаю я по Тебе. И хоть в мире все красиво, но ничто земное не занимает меня и душа желает только Господа.

Познавшая Бога душа ничем не может удовлетвориться на земле, но все стремится ко Господу и кричит, как малое дитя, потерявшее мать: «Скучает душа моя по Тебе, и слезно ищущ Тебя».

Душа от любви Господа стала как бы безумною: сидит, молчит, говорить не хочет; и, как безумная, смотрит на мир, и не хочет его, и не видит его. И люди не знают, что она созерцает любимого Господа, и мир остался как бы позади, и забыт, и душа совершенно не хочет мыслить о нем, потому что нет в нем сладости.

Так бывает с душой, которая познала сладость Духа Святого.

«О, Господи, дай нам сию любовь во всем мире Твоем! О, Душе Святой, живи в наших душах, да все согласно славим Творца, Отца, и Сына, и Святаго Духа». Аминь.

Глава 2 ✦

О ПАМЯТИ СМЕРТНОЙ

Святитель Игнатий (Брянчанинов) ✠

ПРИГОТОВИМСЯ К ВЕЧНОСТИ *

Приготовимся к вечности и к переходу в вечность, именуемому смертью, во время земной жизни, в этом преддверии к вечности. Земная жизнь есть не собственно жизнь, но непрерывная борьба между жизнью и смертью: попеременно мы уклоняемся то к той, то к другой, колеблемся между ними, оспариваемся ими. Если оценим справедливо, то краткое мгновение, на которое мы поставлены здесь, на земле, сравнив его с неизмеримой и величественной вечностью, то найдем только одно правильное употребление земной жизни. Употребляется она правильно, когда проводится в приготовлении к вечности. Так судит о земной жизни и слово Божие: *Не бойся, малое стадо*, завещает Господь ученикам Своим на время их земного странствования, *яко благоизволи Отец ваш дати вам Царство. Продадите имения ваша и дадите милостыню. Сотворите себе влагалища неветшающа, сокровище неоскудеемо на небесех, идеже тать не приближается, ни моль растлевает. Идеже бо сокровище ваше, ту и сердце ваше будет. Да будут чресла ваша препоясана, и светильницы горящи: и вы подобни человеку чающим Господа своего, когда возвратится от брака, да пришедшу и толкнувшу, абие отверзут*

* Из книги «Слово о смерти».

Ему. Блажени раби тии, ихже пришед Господь обрящет бдящих. Аминь глаголю вам, яко препояшется и посадит их, и минув послужит им. И аще придет во вторую стражу, и в третью стражу придет и обрящет их тако, блажени суть раби тии. Се же ведите, яко аще бы ведал господин храмины, в кий час тать приидет, бдел убо бы, и не бы дал подкопати дому своего. И вы убо будите готови: яко в оньже час не мните Сын Человеческий придет. Кто убо есть верный строитель и мудрый, егоже поставит Господь над челядию своею, даяти во время житомерие? Блажен раб той, егоже пришед Господь его обрящет творяща тако. Воистину глаголю вам, яко над всем именем своим поставит его. Аще же речет раб той в сердцы своем: коснит господин мой приити, и начнет бити рабы и рабыни, ясти же и пити и упиватися: приидет господин раба того в день, в оньже не чает и в час, в оньже не вестъ: и растешет его, и часть его с неверными положит¹. Мало и уничиженно словесное стадо истинных христиан; оно в презрении и гонении у гордых сынов мира; но Господь заповедует ему не изнемогать в скорбях и не страшиться их, заповедует не обращать внимания на эти скорби, устремлять все внимание к Небесному Царству, обетованному благоволением Отца – Бога. Он заповедует превратить земное имение милостыней в небесное имение, чтоб самое сокровище человека, находясь на небе, влекло его к небу. Он повелевает так устраивать свои обстоятельства и проводить такое житительство, чтоб непрестанно быть готовым

¹ Лк. 12, 32–40; 42–46.

к смерти. Называя земную жизнь ночью, Он возвещает, что неизвестно, в которую стражу этой ночи придет смерть: в детском ли возрасте, или в юношеском, в зрелом ли мужестве, или в глубокой старости. Господь угрожает неожиданною смертью тому, кто, считая ее далекой от себя, позволяет себе злоупотреблять земной жизнью и дарами Божиими.

Истинные ученики Христовы с точностью исполнили заветное слово Господа. Апостол Павел говорит о себе, что он умирал ежедневно². Точно: кто ежедневно приготовлен к смерти, тот умирает ежедневно; кто поправил все грехи и все греховные пожелания, чья мысль отселе переселилась на небо и там пребывает, тот умирает ежедневно. Кто умирает ежедневно, тот уже живет вечною, истинною жизнью³.

Такой жизни мыслью и сердцем на небе, при жизни телом на земле, такого ежедневного переселения в вечность достигают весьма немногие из христиан, даже проводящих жизнь в святых обителях; тем менее доступно это духовное состояние христианам, живущим посреди мира. Земные попечения непрестанно гнетут мысль к земному, привязывают к временному и тленному, похищая у нее памятование о вечности. Это, однако же, не должно приводить христианина в уныние. Если он не может постоянно пребывать в области вечного и духовного, то может обращаться к ней часто и благовременно приготовляться к смерти. Приготовляться к ней должно хранением себя от всякого дела, слова и помышления, воспрещенным Христовыми заповедями.

² 1 Кор. 15, 31.

³ Преп. Макария Великого Беседа XLIX, гл. 2.

Приготовляться к ней должно ежедневным или, по возможности, частым исповеданием своих согрешений, как пред отцом духовным, так и в душевной клетке пред Единым Сердцеведцем – Богом. Должно приготовляться к смерти воздержанием от брашен и напитков, воздержанием от празднословия, шуток, смеха, рассеянности, увеселений и игр, воздержанием от роскоши, требуемой тщеславием мира, и от всех излишеств, содействующих помышлению о смерти чуждым уму, льстиво представляющих земную жизнь как бы бесконечною. Должно приготовляться молитвами от сердца сокрушенного и смиренного, слезами, воздыханиями, рыданиями; должно приготовляться обильным подаянием милостыни, прощением обид, любовью и благодеянием врагам, терпением всех земных скорбей и искушений, которыми искупаются вечные скорби ада. Если смерть застанет христианина в этом подвиге, то, конечно, она застанет его препоясанным, т.е. приготовленным к совершению далекого пути от земли к небу, и со *свещильником горящим*, т.е. с разумом и поведением, озаренными Божественной Истиной.

Памятование о смерти

Одним из превосходнейших способов приготовления к смерти служит воспоминание и размышление о смерти. Очевидно из вышеприведенных слов Спасителя, что оно заповедано Господом. И Священное Писание Ветхого Завета говорит: *поминай последняя твоя, и во веки не согрешиши*⁴. Святые иноки

⁴ Сир. 7, 39.

с особенною тщательностью возделывали эту часть умственного подвига. В них размышление о смерти, осененное благодатью, обращалось в живое созерцание смертного таинства, а такому созерцанию сопутствовала горячая молитва с обильными слезами и глубокими сердечными стенаниями. Без постоянного памятования о смерти и Суде Божиим они признавали опасным самый возвышенный подвиг, как могущий дать повод к самомнению.

Преподобный Антоний Великий, в наставлениях ученикам своим, советует размышление о смерти: «Рассматривая, – говорит он, – превратность жизни человеческой и неизвестность ее конца, мы устранимся таким рассматриванием от греха. Когда вставем от сна, то вполне сомнительно – достигнем ли вечера. Опять, когда желаем успокоить тело сном, столько же ненадежно – увидим ли свет наступающего дня. Размышляя о неверности наших жизни и естества во всех отношениях, мы достигаем познания, что Божий Промысл управляет нами. Тогда перестаем согрешать и увлекаться положениями пустыми и тленными, тогда не прогневаемся ни на кого, не стремимся к собранию земных сокровищ, попираем все тленное страхом могущего ежедневно последовать отшествия отсюда и непрерывным размышлением о разлучении души с телом; тогда престаёт действовать любовь к женскому полу, погасает пламень любодеяния, отпускаем друг к другу долги наши, имея непрерывно пред очами наступление окончательного воздаяния. Боязнью суда и страхом мук уничтожаются обманчивые похотения плоти и вместе поддерживается душа, когда она клонится к падению»⁵.

⁵ Patrologiae tomus LXXIII, vita beati Antonii, cap. XV.

Святой Исаак Сирин говорит: «Кто достойно именуется разумным? Тот, кто действительно уразумел, что есть предел сей жизни; тот может положить предел своим согрешениям⁶. Первая мысль, посылаемая человеколюбием Божиим человеку и напутствующая его душу в живот вечный, есть западающая в сердце мысль об исходе. Этой мысли естественно последует презрение к миру; ею начинается в человеке всякое благое движение, наставляющее его в живот. Божественная сила, содействующая человеку, когда восхощет явить в нем живот, полагает в нем эту мысль в основание, как мы сказали. Если человек не угасит ее житейскими заботами и суесловием, но возрастит в безмолвии, углубляясь в себя и занимаясь ею: то она поведет его к глубокому видению, невыразимому словом. Эту мысль крайне ненавидит сатана и употребляет всю силу, чтоб исторгнуть ее у человека. Если бы можно было, он отдал бы человеку царство целого мира, только бы посредством развлечения изгладить эту мысль в уме человека; он сделал бы это охотно, если б мог. Коварный! Он знает, что если помышление о смерти укоренится в человеке, то ум его не остается уже более в стране обольщения, и бесовские хитрости к нему не приближаются. Не подумайте, что мы говорим о первом помысле, пробуждающем в нас напоминанием своим памятование смерти; мы говорим о полноте дела, когда непрестанно приходит человеку воспоминание и размышление о смерти, его всегда утверждающее и приводящее в удивление. Первый помысл телесен, а второе состояние – духовное видение и дивная благодать. Это видение облечено в

⁶ Слово 12.

светлые мысли. Имеющий его не обращает внимания на мир и не заботится о теле своем»⁷.

«Когда приблизишься к одру твоему, скажи ему: о одр мой! Не сделаешься ли ты в эту ночь моим гробом? Мне неизвестно, не постигнет ли меня в эту ночь, вместо временного сна, будущий вечный сон. Доколе имеешь ноги, теки к деланию, прежде нежели они свяжутся узою, которая уже не может разрешиться. Доколе имеешь персты, распни их на молитву, прежде нежели придет смерть. Доколе имеешь очи, исполни их слез, прежде нежели они покроются прахом. Как роза увядает, едва дунет на нее ветер, так и ты умираешь, если поколеблется внутри тебя какая-либо из стихий, входящих в состав твой. О человек! Вкорени в сердце твое мысль о твоём отшествии и напоминай себе непрестанно: Вот! Посланник, долженствующий прийти за мною, уже достиг дверей. Что сижу? Отшествие на веки, безвозвратное»⁸.

«Как хлеб нужнее всякой другой пищи, – говорит святой Иоанн Лествичник, – так размышление о смерти нужнее всех деланий. Памятование о смерти рождает в общежительных иноках усердие к трудам и непрестанное приобучение себя к исполнению Евангельских заповедей, особливо же к перенесению бесчестий со сладостью, а в безмолвниках – отложение попечений, постоянную молитву и хранение ума. Эти добродетели – вместе и матери и дщери памятования о смерти. Живое памятование смерти отсекает излишество в пище; когда же со смирением отсечено будет это излишество, – с отсечением его отсекаются страсти. Как, по определению

⁷ Слово 86.

⁸ Слово 41.

Отцов, совершенная любовь не падает, так я утверждаю, что истинное предощущение смерти не страшится падений. Как некоторые признают бездну бесконечной, говоря, что это место не имеет дна, так и памятование о смерти доставляет чистоту и делание, не имеющие пределов. Невозможно, невозможно настоящий день провести благочестиво, если не будем считать его последним днем нашей жизни. Уверимся, что памятование смерти, как и всякое благо, есть дар Божий; потому что часто при самых гробах не проливаем слез и пребываем равнодушными; напротив того, часто приходим в умиление и без этого зрелища»⁹.

Великий Варсонофий утверждает, что человек, отсекающий свою волю во всем, имеющий смиренное сердце и всегда смерть перед глазами, может спастись благодатью Божией, и, где бы он ни был, им не овладеет боязнь: такой *задняя забывает, а в предняя простирается*¹⁰. «Да укрепит мысль твою, – пишет этот преподобный Отец некоторому брату, – воспоминание о пришествии смерти, которой час неизвестен никому из человеков. Постараемся делать добро, прежде нежели перейдем из этой жизни. Не знаем, в какой день будем позваны, чтоб не оказаться нам неготовыми и не остаться вне чертога с пятью юродивыми девами, которые взяли светильники, но не взяли елея в сосудах своих»¹¹. Другому брату Преподобный пишет: «Уразумей, что время не медлит и, когда настанет час, вестник смерти неумолим. Кто молил его и был услышан? Он есть истинный раб своего Владыки, в точности исполняющий повеле-

⁹ Лестницы степень 6-я.

¹⁰ Флп. 3, 13.

¹¹ Ответы на вопросы 229 и 623.

ние Его. Убоимся страшного дня и часа, в который не защитит ни брат, ни сродник, ни начальство, ни власть, ни богатство, ни слава: но будет лишь человек и дело его¹². – «Хорошо человеку помнить смерть, чтоб привыкнуть знанию, что он смертен; смертный – не вечен; невечный же и по неволе оставит век сей. Чрез непрестанную память о смерти человек начинает и произвольно делать добро»¹³.

Преподобный Филофей Синайский советует Христову подвижнику посвящать все утро трезвенной и продолжительной молитве, а по вкушении пищи употреблять некоторое время на воспоминание и размышление о смерти¹⁴. Приводя в свидетельство этого древнего Отца, наш преподобный Нил Сорский советует также посвящать время после трапезы на размышление о смерти и суде¹⁵. Этим наставлением святых Отцов, как извлеченных из блаженного опыта, полезно и должно пользоваться всем, желающим приучиться к памятованию смерти, желающим освободиться от обольстительного и обманчивого мысленного состояния, при котором человек представляется сам себе как бы вечным на земле, а смерть считает уделом только других человеков, отнюдь не своим. После понудительного приобучения себя к воспоминанию о смерти, милосердный Господь посылает живое предощущение ее, – и оно приходит помогать подвижнику Христову при его молитве. Оно благовременно восхищает его на Страшный Суд Христов; благовременно на этом суде человек умоляет человеколюбивого Господа о прощении своих грехов

¹² Ответы на вопросы 799 и 645.

¹³ Ответы на вопросы 799 и 644.

¹⁴ Преп. Филофея, гл. II, Доброт. ч. 2.

¹⁵ Преп. Нила Сорского Слово 7.

и получает его. Потому-то святой Иоанн Лествичник назвал «молитву истинно молящихся – судилищем, судом, Престолом Господа, предваряющими общий будущий суд»¹⁶.

Преподобный Филофей Синайский свидетельствует, что *память смертная* (так вообще святые Отцы называют воспоминание и размышление о смерти) очищает ум и тело. «Узрев красоту ее, – говорит он, – и будучи пленен духом, а не оком, я захотел стяжать ее сожительницей на время этой земной жизни, соделавшись любителем ее благолепия и честности. Как она смиренна, радостно-печальна, рассматрительна! Как она постоянно страшится будущего праведного истязания! Как она боится отлагать со дня на день добродетельное жительство! Она источает из чувственных очей живую, целительную воду, а из мысленных очей – источник, точащий премудрейшие мысли, которые текут и скачут, веселя смысл. Эту, как сказал я, дочь Адамову, *память*, говорю, *смерти*, я постоянно жаждал иметь сожительницей, с ней усыпать, с ней беседовать и исследовать, что будет со мною по разлучении с телом»¹⁷.

«Всегдашняя и живая *память смерти* рождает плач, соединенный с радостью и сладостью, и трезвение ума»¹⁸.

«Искупующий искусно жизнь свою, непрестанно пребывающий в памятовании смерти и размышлении о ней, этим премудро отвлекающий ум от страстей, яснее видит ежечасные пришествия бесовских прилогов, нежели тот, кто хочет проводить жизнь

¹⁶ Лествицы степень 28.

¹⁷ Преп. Филофей гл. VI.

¹⁸ Там же, гл. XIII.

вне *смертной памяти*, очищая сердце ради единого разума и не соблюдая своей мысли всегда плачевной и печальной. Таковой, думая побеждать остроумием все губительные страсти, связан, не ведая того, худшею из них, и часто уклоняется далеко от Бога своим высокоумием. Такому должно строго наблюдать за собой, чтобы не возгордиться, и по этой причине не сойти с ума. Обычно душам, говорит Павел, собирающим познания оттуда и отсюда, кичиться на меньших, каковыми эти кажутся: в них нет искры назидательной любви, как я думаю. Напротив того, имеющий *память смерти*, видя, яснее других, нашествия бесов, каждый вечер низлагает их и прогоняет»¹⁹.

«По истине заключает в себе многие добродетели живая *память смерти*: она – родительница плача, побуждение к воздержанию от всего, воспоминание геенны, мать молитвы и слез, бесстрашие брения при посредстве обнаружения его бренности. Источник остроумия, соединенного с благоразумием; их чада – сугубый страх Божий и очищение сердца от страстных помыслов, чем объемлются многие заповеди»²⁰.

Святой Исихий Иерусалимский помещает в числе образов трезвения непрерывное содержание в душе памятования о смерти. Он уподобляет *смертную память* вратарю, стоящему при дверях души и возбраняющему входить в них лукавым помыслам. «Будем, – говорит он, – если *возможно*, воспоминать смерть непрерывно. От такого памятования рождается в нас отложение попечений и всех сует,

¹⁹ Преп. Филофея гл. XXI.

²⁰ Там же, гл. XXXVIII.

хранение ума и непрестанная молитва»²¹.

Постоянное памятование смерти есть благодать дивная, удел святых Божиих, преимущественно предавшихся тщательному покаянию в нерушимом безмолвии. Только в безмолвии созревают и процветают возвышеннейшие добродетели, как в оранжереях редчайшие и драгие произрастения! Но и нам, немощным и страстным, необходимо принуждать себя к воспоминанию о смерти, усваивать сердцу навык размышления о ней, хотя такое размышление и крайне противно сердцу грехолюбивому и миролюбивому. Для такого обучения, согласно вышеприведенному наставлению святых Отцов, полезно отделять ежедневно известный час, свободный от попечений, и посвящать его на спасительное воспоминание страшной, неминуемой смерти. Как ни верно это событие для каждого человека, но сначала с величайшим трудом можно принудить себя даже к холодному воспоминанию о смерти, что служит одним из бесчисленных доказательств падения нашей природы, помещенных в ней самой. Постоянное развлечение мыслей, нам усвоившееся, и мрачное забвение непрестанно похищают мысль о смерти у начинающих трудиться о частом воспоминании ее. Потом являются другие противодействия: неожиданно представляются нужнейшие дела и попечения именно в тот час, который мы отделили из дня для попечения о своей вечности, чтоб украдывать у нас этот час, а потом, чтоб вполне украсть и самое делание, даже самое воспоминание о существовании духовного, спасительнейшего делания – размышления о смерти. Когда же, познав кознь властей воздушных, мы удержимся в подвиге, тогда увидим в себе новую против него

²¹ Слово о трезвении, гл. XVII, XVIII, 155.

брань – помыслы сомнения в действительности и пользе подвига, помыслы насмешки и хулы, именующие его странным, глупым и смешным, помыслы ложного смирения, советующие нам не отделяться от прочих человеков поведением нашим. Если, по великой милости Божией, победится и эта брань – самый страх мучительный, производимый живым воспоминанием и представлением смерти, как бы предощущением ее, сначала необыкновенно тяжел для нашего ветхого человека: он приводит в ужас ум и воображение; холодный трепет пробегает по телу, потрясает, расслабляет его; сердце томится невыносимой тоской, сопряженной с безнадежием. Не должно отвергать этого состояния, не должно опасаться от него пагубных последствий. «Всякому начинающему жить по Боге, – говорит святой Симеон Новый Богослов – полезен страх муки и рождаемая от него болезнь. Мечтающий положить начало без такой болезни и уз не только полагает основание на песке своих деяний, но и подобен покушающемуся построить храмину на воздухе, вовсе без основания, что невозможно. От этой болезни вскоре рождается всякая радость; этими узами растерзываются узы всех согрешений и страстей; этот мучитель бывает причиной не смерти, но жизни вечной. Кто не захочет избежать болезни, рождающейся от страха вечных мук, и не отскочит от нее, но произволением сердца предастся ей и возложит на себя ее узы, тот, сообразно этому, начнет скорее шествовать, и она представит его Царю царствующих. Когда же совершится это, и подвижник отчасти воззрит к славе Божией: тогда немедленно разрешатся узы, отбежит мучительный страх, болезнь сердца преложится в радость, явится источник, точащий чувственно приснотекущие слезы рекой, мысленно

же тишину, кротость, неизреченную сладость, мужество, устремляющееся свободно и невозбранно ко всякому послушанию заповедям Божиим»²². Очевидно: такое изменение совершается от благодатного явления в сердце надежды спасения. Тогда, при размышлении о смерти, печаль растворяется радостью, слезы горькие претворяются в сладостные слезы. Человек, начавший плакать при воспоминании о смерти, как при воспоминании о казни, внезапно начинает плакать при этом воспоминании, как при воспоминании о возвращении в свое бесценное отечество. Таков плод памятования смерти. По важности плода должно быть мужественным в возделывании его и преодолевать все препятствия разумным трудом и постоянством; должно верить, что плод будет приобретен нами в свое время, по милости и благодати Божией. Воспоминание о смерти, о сопровождающих ее и о последующих ей страхах, воспоминание, сопряженное с усердной молитвой и плачем о себе, может заменить все подвиги, объять всю жизнь человека, доставить ему чистоту сердца, привлечь к нему благодать Святого Духа, и тем даровать ему свободное вознесение на небо мимо воздушных властей.

Призывание к памятованию о смерти

Прежде нежели достигнем того молитвенного блаженного состояния, при котором ум непосредственно зрит предстоящую кончину и ужасается смерти, как должно твари ужасаться угрозы Творца, про-

²² Деятельных и богословских глав 66 и 67, см. Доброт., ч. 1.

изнесенной вместе с заповедью, – полезно возбуждать в себе воспоминание о смерти посещением кладбища, посещением болящих, присутствием при кончине и погребении ближних, частым рассматриванием и обновлением в памяти различных современных смертей, слышанных и виденных нами. Сколько знакомых наших, любивших эту земную жизнь и пользовавшихся благоденствием в ней, надевавшихся долго жить и еще вовсе нестарых, пожато смертью внезапно! Никто из них не мог сказать пришедшей смерти: «Подожди! Удались, я еще не хочу умирать!» Иные из них не успели в час смертный сделать никакого распоряжения, никакого приготовления; иные восхищены были со среды веселого пира, из-за роскошной трапезы; иные скончались на дороге; иные убились сами или убиты; иные растерзаны зверями; иные легли на постель, чтоб успокоить тело малым временным сном, и уснули сном вечным. Осмотримся кругом себя: какое множество родственников, друзей и знакомых, взятых смертью, выбыло из нашего общества! Из них славные оставили славу, власть и почести, богатые оставили имение и деньги, накопленные с большим трудом, хранимые с большой скупостью. Смерть разлучила родителей с многочисленным семейством, супруга с супругой, друга с другом; она поразила гения среди великих дел его; она отняла у общества человеческого самого нужного для него члена и в минуты величайшей нужды в нем. Никто не мог остановить ее и воспротивиться ей; никто не мог спросить у нее отчета в ее действиях, столько непримиряющихся с разумом человеческим. Что на земле не суетно? Что не превратно? Что имеет какое-нибудь постоянство? Поистине – одна жизнь во Христе, продолжающаяся

за пределы гроба и развиваемая во всей красоте и светлости смертью тела. Прочее же все – слабее тени, обманчиво, как сновидения... Многолетние труды человека ради тления уничтожает смерть в один час, в одно мгновение²³.

Уразумев краткость нашей земной жизни и суетность всех земных приобретений и преимуществ. Уразумев ужасную будущность, ожидающую тех, которые пренебрегши Искупителем и искуплением, принесли себя всецело в жертву греху и тлению, – отвратим мысленные очи наши от пристального зренья на обманчивую и обворожительную красоту мира, удобно уловляющую слабое сердце человеческое в любовь к себе и в служение себе; обратим их к страшному, но спасительному зрелищу, – к ожидающей нас смерти. Оплачем себя благовременно; омоем, очистим слезами и исповеданием грехи наши, записанные в книгах миродержца. Стяжем благодать Святаго Духа – эту печать, это знамение избрания и спасения: оно необходимо для свободного шествия по воздушному пространству и для получения входа в небесные врата и обители. Имение несправедливое²⁴ – так названо Евангелием всякое земное имение, как следствие нашего падения – употребим, по совету Евангелия, на приобретение небесных сокровищ обильным раздаянием милостыни. Употребим земную жизнь нашу, этот великий дар Божий, соответственно назначению, указанному ей Богом, на познание Бога, на познание самих себя, на устройство своей вечной участи. Не будем терять времени; воспользуемся им правильно: в другой раз оно не дается; потеря его невознаградима. Изгнанники рая! Не для

²⁴ Лк. 16, 11.

увеселений, не для торжества, не для играний мы находимся на земле, но для того, чтобы верою, покаянием и крестом убить убившую нас смерть и возвратить себе утраченный рай.

Милосердный Господь да дарует читателям этого слова и составившему его помнить смерть во время земной жизни; памятованием ее, умерщвлением себя ко всему суетному и жизнью для вечности отстранить от себя лютость смерти, когда настанет час ее, и перейти ей в блаженную, вечную, истинную жизнь. Аминь.

Митрополит Николай (Ярушевич) ✠

ЗЕМНАЯ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА – ПРИГОТОВЛЕНИЕ К ЖИЗНИ ВЕЧНОЙ

*М*ного раз на пути своей жизни мы должны оборачиваться назад, на прожитую жизнь, и всегда видеть перед собой ее итоги. И лишь мы обернемся назад и посмотрим на то, что прожито каждым из нас, – а многие из нас уже близятся к пределу своей земной жизни, – сколько же мы увидим своих ошибок, падений, сколько мы найдем в своем прошлом грехов, не только неоплаканных и неискупленных, но даже не осознанных и забытых! Не увидим мы плодов, достойных покаяния, какие должны были бы мы принести во искупление своих грехов. Наше огромное несчастье в том, что мы не сознаем, не ощущаем бега жизни, в том, что мы не исполняем мудрого и священного апостольского завета: дорожить *временем, потому что дни лукавы* (Еф. 5, 16).

Дни лукавы потому, что они подобны быстро текущим водам: как река несет эти воды в моря и океаны и как океан никогда не возвращает их к их истокам, так дни и годы нашей жизни, уплывая в океан вечности, никогда не возвращаются человеку. То, что прожито, к нам не вернется никогда. Наверное, немало есть среди нас таких людей, которым бы страстно, пламенно хотелось начать жить снова, чтобы не повторять совершенных ошибок, чтобы не давать

места в своем сердце тем порокам и страстям, с которыми мы свыкаемся, чтобы жить по-другому. Но жизнь дается каждому из нас только один раз, и каждый ее день, и каждый час должны быть бесценно дороги нам.

О, как мало мы сознаем, какой бесценный дар – жизнь, какое счастье жить! Вдыхать в себя воздух, ощущать в груди биение сердца, носить в себе разум, который вбирает знания, иметь сердце, способное любить, иметь глаза, которые видят, уши, которые слышат, ноги, которые водят нас туда, куда мы хотим, уже одно это составляет огромное счастье.

Наша жизнь – бесценное счастье и бесценный дар Божий потому, что мы – дети Небесного Отца, потому, что мы созданы по образу и подобию Божию, потому что мы от дня рождения до последнего вздоха окружены заботами Божественного Промысла и любовью Небесного Отца. Наша жизнь – бесценное благо, потому что мы наследники вечных радостей в Царстве Небесном. Право на это священное наследство приобретено для каждого из нас Кровью Господа Иисуса Христа. Мы *куплены дорогою ценою* (1 Кор. 6, 20) – ценою Крови Богочеловека. Наша жизнь – это источник величайшей радости и потому, что мы – дети той Церкви Христовой, которая создана ее Основателем, для того, чтобы сопровождать своими заботами нас на всем нашем земном пути.

И как мы должны дорожить нашей жизнью – этим даром любви нашего Небесного Отца! И она только однажды дается каждому из нас! Она дана для того, чтобы быть ступенью к жизни вечной, для того, чтобы, начав здесь свое общение с Богом, мы сделали

это общение вечным в жизни за гробом. К неизбежной кончине нашего земного пути приближается каждый из нас. Об этом должны помнить всегда не только мы – люди, не далекие от жизненного конца, но и люди, только что вступающие на поприще земного пути, потому что никто из нас не знает времени жизненного предела. К смерти надо готовиться. И чем раньше мы начнем это, тем с большим миром и душевным покоем мы будем думать о смерти, и тем с большей радостью ожидать нашей жизни со Христом в бесконечных веках¹.

Земная жизнь – это ступень к жизни вечной, это путь приготовления себя к жизни, не знающей конца. Свет слова Божия осветил нам тайны тех радостей, какие ожидают нас в описанном в Божественном Откровении будущем нерукотворном граде Небесном Иерусалиме, сияющем своими вечными, нетленными красотами и дарящем всех своих будущих насельников ни с чем несравнимыми вечными духовными наслаждениями! Жить, чтобы быть достойным этих радостей, – это священная и радостная задача жизни земной. И знает каждая душа, что это счастье жизни вечной, счастье вечного общения со своим Сладчайшим для души Господом, будет не только плодом и завершением достойной этой жизни земной, но уже здесь имеет начало, в земной жизни каждого из нас, и является достоянием каждого сердца, живущего в Боге и с Богом, как Источником этого счастья!²

¹ Из сборника проповедей митрополита Николая (Ярушевича) «Слова и речи» в 4-х тт. «Жизнь и смерть». Т. I. С. 163 и сл.

² «Свет». Т. I. С. 18.

Господь дает нам жизнь, чтобы мы этой жизнью послужили Ему и делу нашего вечного спасения; дает бессмертную душу с тем, чтобы мы приготовили ее для будущей жизни, уберегли ее от вечной гибели, очищая от грехов и страстей и украшая красотой добродетелей; дает здоровье, чтобы мы были не ленивы на нашей молитве и дома и в храме, чтобы мы имели силы послужить нашей любовью ближнему своему; дает нам дар речи, чтобы этим даром мы послужили прославлению имени Божиего своими молитвами и делами своей любви. Оставил нам Свое слово, чтобы мы находили в нем опору в жизни и руководство на пути к вечной жизни. Если мы будем ко всему этому стремиться, мы этим возблагодарим Господа и за радость жить... и быть наследниками блаженной жизни в Небесном Царстве³.

Жизнь – это величайшее благо, дар Божий. Уже внешняя сторона жизни является для нас таким благом. Ощущение бодрости и здоровья, расцвет жизненных и творческих сил в юности и в годы мужества, мудрая смена покоя и труда, наслаждения, какие дает нам природа, – все это является для нас источником радости и счастья.

А что сказать о внутренней, духовной жизни? Жизни ума, жизни сердца, жизни веры? Какое бездонное, не охватываемое никакою мыслью человеческой, счастье дает нам вера: знать о Боге, слушать Его голос, идти за Ним и ощущать Его невидимое присутствие не только около себя, но и в своем верующем сердце. Какое это драгоценное благо!

Благодарные Господу за радость жизни, мы должны нашу земную жизнь сделать ступенью к жизни

³ «Дары». Т. II. С. 3.

вечной, сделать ее приготовлением к смерти и к той бесконечности, которая раскроется перед каждым из нас в минуту смерти⁴.

Наша земная жизнь – это приготовление к жизни вечной. Подобно осеннему плоду на дереве и мы должны к осени своей жизни созреть. Жизнь не течет, а мчится. Нам трудно уследить за бегом времени. А войти в двери вечной жизни все мы, как христиане, должны в брачной одежде. Гордыня, присущая нашему духу, должна быть сломлена. Сердце, загрязненное сквернами, должно быть очищено. Жесткая и себялюбивая душа должна стать мягкой, сострадательной к горю ближнего, милосердной. Вечное Небесное Царство – это Царство Света и Красоты, и только украшенные христианскими добродетелями будут наследниками этого Небесного Царства⁵.

Перед каждым из нас лежит жизненный долг. Есть долг перед семьей – у людей семейных; есть у каждого из нас разнообразный долг – перед Родиной и людьми; и есть долг, общий для всех верующих в Господа, – это долг перед Богом и своей бессмертной душой. Спаситель пострадал за нас, чтобы никто из нас для вечной жизни не погиб; и каждый из нас на земном своем пути должен спасти свою душу. Тот, кто с помощью Божией к этому стремится, жаждет прежде всего Царствия Божия и правды его, как завещал Спаситель, – тот готовит себя к христианской и мирной кончине⁶.

Всю свою земную жизнь мы должны прожить вместе с Господом, стремясь к самому тесному единению

⁴ «Совесть». Т. II. С. 184.

⁵ «Одежда». Т. II. С. 287.

⁶ «Кончина». Т. I. С. 1 и сл.

с Ним, тогда она будет подготовкой для жизни будущего века.

Одного старца, которому было сто лет, спросили: сколько тебе лет? Он ответил: пятьдесят. Как пятьдесят? Ведь тебе около ста лет? Старец ответил: да, мне около ста лет, но пятьдесят лет я не жил для души и для Бога, я не думал ни о душе, ни о вечности. И только пятьдесят лет я живу для Бога и готовлю себя к вечности. Этот старец был прав.

Ценность нашей жизни не в том, сколько человек проживет на земле, а в том, как он проживет свою короткую или долгую жизнь. И если бы каждому из нас задать вопрос, сколько лет мы живем для души и для вечности, то, отвечая по совести, мы сказали бы: я жил еще только один год, два или три и так дальше, а многие из нас ответили бы, что еще вовсе не начинали жить.

Нельзя, дорогие мои братья и сестры, никогда забывать о том, для чего мы живем. О, сколько у нас нераскаянных, неоплаканых, неискупленных, не вырванных из сердца грехов, какие каждый из нас носит в себе из года в год! Сколько времени мы тратим на пустое безделье, на разные развлечения! Сколько на это времени уходит у каждого из нас! Мы должны бы это время... посвятить добрым делам, собирая себе вечное духовное «богатство». А время бежит. Мало сказать: бежит, оно – мчится, и с каждым днем, с каждым часом мы все приближаемся... ко дню смерти⁷.

⁷ «День рождения». Т. IV. С. 181.

Святитель Димитрий Ростовский ✱

ДОБРЫЕ СОВЕТЫ О ПАМЯТИ СМЕРТНОЙ

*М*олодые люди нередко путешествуют в чужие страны, чтобы там изучать разные науки. Люди мудрые называют память смертную особою наукой; а стало быть, чтобы познать эту науку, стоит побывать и в чужих краях, поучиться у мудрых людей. Пойдем же, братие, не телом, а умом в чужие страны, за море; перенесем мыслью от нынешних времен в века давно минувшие. Ведь также переносился и Давид, когда говорил: *Помыслих дни первыя и лета вечныя помянух* (Пс. 76, 6). – То есть привел я себе на память времена давно минувшие, пророчески воззрел и на те, что после меня будут, ибо мыслью можно скоро переноситься и в прошедшее, и в будущее...

Итак, пойдем в страны дальние, во времена глубокой древности. Вот один из семи греческих мудрецов, знаменитый **философ Солон**, в Афинах на дверях капища написал крупными буквами: «Познай себя самого». Для чего ты, философ, написал это на дверях вашего капища? «А для того, – говорит, – что сюда каждый день приходит множество народа. Пусть же каждый, входящий в сии двери, читает это ежедневно, а какой смысл в этих словах и чему они научают, сам рассмотри и угадай». «Как же это рассудить?» – «Да предложи своему уму такие вопросы: кто

ты? откуда? и куда идешь? Кто ты? Человек бренный, тленный, немощный, подверженный всяким болезням, злым случайностям, всяким бедам и всякому несчастью. Откуда ты? Из персти земной создан, от похоти плотской зачат, от болезней матерних рожден... Куда ты идешь? Во гроб, и нет ни для кого: ни для царя, ни для князя, ни для богача, ни для нищего, ни для ученого, ни для невежды, – нет иного конца, кроме гроба, а во гробе тление, черви, смрад, гной, персть, а за тем – и совершенное уничтожение. Итак, каждый познавай сам себя». Не худо учение сего философа: можно похвалить его. Получив пользу в Афинах – идем далее.

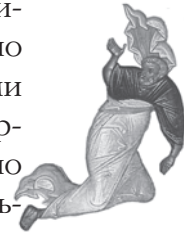
В Дельфах один знатный человек **Зенон** вопрошает немого идола Аполлонова, как бы ему вести лучше жизнь? Глупый и спрашивает у глупого. Какое наставление, что за совет от бездушного идола? Однако повелением Божиим и камень издает голос, и идол говорит. Заговорил и тот идол. Что же сказал? Он отвечал Зенону так: «Спроси у мертвых»... Видно камень, вопреки своей природе, проговорил это чудесным образом по повелению Божию, в поучение людям, а проговорил он полезное слово: «Спроси у мертвых», – как будто говоря: «Если хочешь вести хорошо свою жизнь, попроси полезного совета и мудрого наставления у мертвых: у них спроси, они тебя научат, только пожелай слушать их». Но ты скажешь, как мертвец может поучать живого, когда он бездушен и безгласен, язык у него и уста неподвижны? Поистине научит, молча скажет, оставаясь немым, возгласит, не двигая устами и языком, будет говорить. Что же он скажет? Он будет говорить не словом, а делом, не речью, но указанием на сами вещи. Итак, послушаем, что гово-

рят нам мертвецы. «О, люди! Что теперь вы, то и мы были некогда; что теперь мы, то и вы скоро будете. Вы теперь живете в довольстве, едите, пьете, утешаетесь удовольствиями мира сего; и мы так жили, а теперь вот в тесных гробах... Куда девалась пища? Где питье? Где веселье и всякое мирское наслаждение? Не лишились ли мы всего этого? Так и вы скоро будете их лишены. И мы когда-то были живыми людьми, подобными вам; и вы будете мертвецами, подобными нам». И в книги Премудрости Соломоновой мертвецы говорят нам: *Какую пользу принесло нам высокомерие, и что доставило нам богатство с тщеславием? Все это прошло, как тень и как молва быстротечная, как корабль, идущий по волнам, за которым не остается следа, или как птица, пролетающая по воздуху и не оставляющая никакого знака своего пути, или как стрела, пущенная в цель... так и мы: родились и умерли* (ср.: Прем. 5, 8–13). Когда же мертвецы говорят нам так, то будем спрашивать у них обо всем. Придет ли кому греховное вождение плотской нечистоты, – спроси у мертвых, а именно – у содомлян, горящих в неугасимом огне: что они тебе скажут? – «Если хочешь придти в это огненное место и мучиться с нами вечно, то иди, делай что тебе хочется». Если явится желание роскошно пировать каждый день, пить, есть, – спроси у мертвых, а именно – у того богача, который *во аде возвед очи свои, сый в муках*, просит одной капли воды на язык свой от Лазарева перста и не получает (см.: Лк. 16, 23). Захочешь ли преследовать и обвинять невинных? Спросись у того фараона, который преследовал неповинно людей Божиих и утонул в море, а ныне утопает в геенне. Вздумаешь ли восстать против своих начальников, устроить против них

заговор, – посоветуйся с Дафаном и Авироном, восставшими на Моисея и Аарона и поглощенными землею. Захочешь ли завидовать беззаконным, – спроси у жены Лотовой, оглянувшейся на Содом и превратившейся в соленый столб. Захочешь ли похитить принадлежащее Церкви, – спроси Илиодора, казнохранителя Сирийского царя Селевка, который пришел было в Иерусалим ограбить церковь и был наказан руками Ангелов. Если захочешь величаться, надмеваясь гордостью, – спросись у одного Ирода, о котором писано в Деяниях Апостольских, что он высокомерно, с большою гордостью воссел перед всем народом, *и внезапно же порази его Ангел Господень, зане не даде славы Богу, и быв червми изъяден, издше* (Деян. 12, 23). Придет ли мысль положиться на свое богатство: посоветуйся с тем евангельским богачом, который говорил душе своей: *Душе, имашши многа блага, лежаща на лета многа: почивай, яждь, пий, веселися. Рече же ему Бог: безумне, в сию ноцъ душу твою истяжут от тебе: а яже уготовал еси, кому будут* (Лк. 12, 19–20)? Захочешь ли вообще сделать что-либо греховное, злое, прогневающее Бога? Спросись грешных, заключенных во аде, осужденных на вечные муки: посоветуют ли они тебе прогневать Бога? Итак, спрашивайся мертвецов и будешь умен, научишься от них благоразумию, получишь уроки мудрости.

Из Греции идем в Египет. Здесь **царь Птоломей** дает пир. Носят блюда с кушаньями на царскую трапезу очень роскошные. Что говорить! Он царь! Дивиться нечему. Но вот что заслуживает удивления: несут одно большое блюдо, а на нем лежит мертвая голова без тела, без волос, без кожи, как есть один только череп. На что это? Неужели есть? Но кто же

будет есть обнаженную кость, да еще человека, давно умершего? Но вот ставят голову перед самим царем, а один из стольников громко говорит ему: «Смотри, царь, и ты таким же будешь!» Царь, взглянув на кость, вздохнул и смирился мыслью. Потом царь, забывшись, веселился, и вот опять один из слуг, указывая ему на ту же голову, говорит: «Смотри, царь, и ты таков будешь!» И опять царь вздохнул, и опять смирился в мысли, и свое веселье растворял таким образом памятью смертной. Вот любомудрие. Вот прекрасная философия – память смертная. Спрашивался и он у мертвых, что ему делать, как вести свою жизнь.

Возвращаясь из Египта, пойдём по этой пустыне, через которую Моисей вел из Египта народ израильский. Перенесемся мысленно в те древние времена и посмотрим на стан еврейский. Вот евреи расположились вокруг Скинии свидения – своей походной церкви, а Аарон закаляет в жертву тельца. Кровь тельца собирают в сосуд, а мясо сжигают в пепел; этот пепел также собирают и растворяют водою; потом Аарон кропит кровью и водою с пеплом каждого израильянина. Кровь, конечно, служит прообразом Крови Христовой, очищающей нас от грехов. А пепел что же означает? Толковники говорят, что он напоминал евреям слова Господа, Адаму сказанные: *Земля еси, и в землю отыдеши* (Быт. 3, 19). Обратим же на это внимание: Животворящая Кровь Христова, конечно, может очистить нас от грехов, но только тогда, когда мы будем помнить о своей смерти... Многие причащаются Тела и Крови Христовой, а живут неисправно. Почему? Да потому, что о смерти не помышляют, не поучаются памяти смертной, не хотят знать этой полезной науки.

✠

Николай Евграфович Пестов ✠

ПАМЯТЬ СМЕРТНАЯ

Даждь ми Господи... память смертную.

Из вечерней молитвы
св. Иоанна Златоустого

Поминай последняя твоя, и во веки не согрешиши.

Святые отцы и Сирах 7, 39

Некоторые из христиан в своей жизни повторяют ошибку апостолов в период земной жизни Христа, которые ожидали Царство и славу Христа при их жизни еще здесь – на земле. И когда Он говорил им о Своем земном конце, мучениях и позорной смерти, то они не понимали Господа. И смерть Его тела вначале явилась для них катастрофой – крушением всех их чаяний.

Как и апостолы, некоторые христиане склонны забывать слова Господа о том, что *Царство Мое не от мира сего* (Ин. 18, 36), и что христианину подобает собирать себе *сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут* (Мф. 6, 20).

Умом мы знаем эти истины, но они чаще всего не лежат у нас на сердце и не господствуют над нами. Свою жизнь мы обычно стараемся устроить как можно удобнее и комфортабельнее, а на близких и любимых нами смотрим так, как будто бы мы с ними не должны никогда разлучаться и в этой жизни.

Мы забываем, что мы здесь на земле только *странники и пришельцы* (Евр. 11, 13), любим земные блага и привязываем себя к земле, как тысячами нитей, своими земными пристрастиями и привязанностями.

В чем по существу состоит драма смерти тела, драма перехода от этой жизни к другой? Только в неподготовленности нашей души, в наличии в ней земных пристрастий и суетных потребностей, которые не могут более удовлетворяться в бесплотном мире. Последнее и является источником мучения в том мире.

Поэтому В.С. Соловьев предлагает ушедших с земли и неподготовленных к смерти тела называть не «покойниками», а «беспокойниками», так как при неподготовленности души к переходу в вечность, она будет испытывать при переходе сильнейшее беспокойство, а может быть страх и ужас.

Вся та суета, которая поглощала на земле ее внимание, теперь отнята. Она поставлена перед вопросом о своей пригодности к новой форме жизни, внезапно открывшейся перед ней.

Если же она не была готова к ней, то это будет служить источником, если не мучений, то сожалений, переживания от сознания упущенных возможностей и своей беспомощности, тоски от созерцания неизжитых пороков своей души – страстей и пристрастий и т.п.

Вот почему, когда мы молимся об усопших, то приносим о них обычно два прошения, которые повторяются во всех молитвословиях о покойниках. Это о прощении им грехов и об «упокоении» их душ. Очевидно, что вкушение блаженства в вечности невозможно, когда душа не достигла покоя – мира.

И если она ушла из мира еще не совсем подготовленной для единения с Богом в вечности, то помимо оставления грехов, она нуждается прежде всего в «умирении», в «упокоении», которое разлучит ее с земными пристрастиями и даст способность приобщения к жизни в Боге вне плоти.

Но когда душа научилась жить Богом, молитвой, изжила пристрастия и искала в мире лишь воли Божией, то она ничего не теряет при переходе в тот мир. Там ничто не будет ее рассеивать в молитве, плоть не будет мешать ей своей усталостью, болезнями и потребностями, не будет преградой между нею и Богом. И если она на земле соответствовала тексту заповедей блаженства, то в том мире она получит это обещанное ей блаженство.

Один из египетских старцев встретил толпу, которая следовала за разбойником, ведомым на казнь. В этой толпе он увидел одного инока: «Зачем ты идешь с ними? – спросил старец инок. – Разве тебе доставит удовольствие видеть мучения казнимого?».

«Нет, святой отец, – отвечал инок, – но я не имею памяти смертной, и надеюсь, что, видя муки и смерть осужденного, я приобрету и память смертную».

Все святые и подвижники благочестия искали этой памяти и старались пользоваться всеми средствами, чтобы укрепить ее в себе.

Память о смерти, как и все другие добродетели, есть Божий дар душе, и усвоение ее есть великое приобретение для христианина.

Насколько важна для нас память о смерти, говорят следующие слова преп. Исихия Иерусалимского:

«При непрестанной памяти о смерти, в нас рождается отложение всех забот и сует, хранение

ума, непрестанная молитва, бесстрастие телесное и омерзение ко греху».

А преп. Исаак Сириянин пишет: «Первая мысль, которая по Божию человеколюбию западает в человека и руководствует душу к жизни, есть западающая в сердце мысль об исходе сего естества. За этим помыслом естественно следует презрение к миру, и так начинается в человеке всякое доброе движение, ведущее его к жизни. И если человек эту сказанную нами мысль не угасит в себе житейскими связями и суесловием, но будет возвращать ее в безмолвии, и пребудет в ней созерцанием и займется ею, то она поведет человека к глубокому созерцанию, которого никто не в состоянии изобразить словом».

О том же пишет и о. Александр Ельчанинов:

«Многое облегчилось бы для нас в жизни, многое стало бы на свое место, если бы мы почаще представляли себе всю мимолетность нашей жизни, полную возможность для нас смерти хоть сегодня. Тогда сами собой ушли бы все мелкие горести и многие пустяки, нас занимающие и большее место заняли бы вещи первостепенные.

Как мы жалки в нашей успокоенности этой жизнью. Хрупкий островок нашего «нормального» существования будет без остатка размыт в загробных мирах.

Нельзя жить истинной и достойной жизнью здесь, не готовясь к смерти, не имея постоянно в душе мысли о смерти – о жизни вечной».

Схиархимандрит Софроний так пишет о развитии в душе памяти о смерти: «Начинается смертная память с переживания краткости нашего земного существования; то ослабляясь, она по временам

переходит в глубокое ощущение всего земного тленным и преходящим, изменяя тем самым отношение человека ко всему в мире; все, что не пребывает вечно, обесценивается в сознании и появляется чувство бессмысленности всех стяжаний на земле».

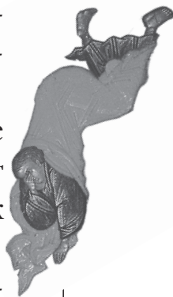
Каждый день, читая вечернее молитвенное правило, мы просим у Бога – «даждь ми память смертную»... Но действительно ли мы ищем эту память и не стараемся ли мы бегать от напоминаний о смерти? Не смотрят ли некоторые как на большую неприятность, когда им приходится иметь дело с покойниками – участвовать в похоронах родных и знакомых?

Христианину необходимо изменить подобное отношение к покойникам и не только не бегать от напоминаний о смерти, но искать памяти о ней, как делали все истинные христиане.

Епископ [здесь и далее – свт.] Игнатий (Брянчанинов) перечисляет для этого такие средства: «Полезно возбуждать в себе воспоминание о смерти посещением кладбища, посещением болящих, присутствием при кончине и погребении ближних, частым рассматриванием и обновлением в памяти различных современных смертей, слышанных и виденных нами».

Способствует памяти о смерти и постоянная личная молитва об умерших наших близких и знакомых и присутствие на церковных богослужениях, посвященных молитве об умерших – заупокойных всенощных, литургий и родительских суббот, на панихидах и при отпевании усопших.

Помня о возможности каждодневной внезапной смерти, мы будем тогда, в согласии с советом святых отцов, проводить каждый день, как последний день

нашей жизни, в страхе перед Богом и в служении ближним.

Обычно же человек гонит от себя мысль о физической смерти, и в сущности, почти каждый день живет так, как будто бы ему одному из всех людей было даровано физическое бессмертие. На пути жизни духа человек должен прежде всего окончательно преодолеть эту иллюзию и уметь всегда смотреть правде в глаза, и верить лишь в бессмертие души.

Чтобы оторваться душою от мира, полезно также приводить себе на память истину, что *весь мир лежит во зле* (1 Ин. 5, 19) и исполнен оболыщением, массовым безбожием, страстями и пороками, насилиями и неправдой, обманом, ложью, лицемерием, суетой.

Но не только о близости своей смерти должны мы думать: мы должны предполагать, что и наши ближние и друзья могут быть взяты смертью сегодня же или, что мы видимся с ними последний раз в жизни.

Если мы это почувствуем сердцем, то мы будем относиться к ним всегда с неизменной любовью, лаской, нежностью, а когда надо – с терпением.

И не помнит ли каждый из нас о случаях в своей жизни, когда он был невнимателен и пренебрежителен к людям, которые затем внезапно ушли с земли? Такие случаи черствости сердца непоправимы и вспоминаются всегда с горьким сожалением.

Поэтому при сношениях с людьми, – безразлично, – близкими или дальними – надо всегда думать, что мы говорим с ними в последний раз, служим им перед самой их смертью и что следующая наша встреча будет уже пред Престолом Всевышнего Судии. И

как важно, какова была у нас последняя встреча, под впечатлением которой наш ближний будет свидетельствовать о нашем к нему отношении.

Приобретению смертной памяти поможет нам и размягчение нашего сердца. Об этом так пишет Старец Силуан со Старого Афона.

«Когда душа помнит смерть, то приходит и смирение, и вся предается воле Божией, и желает быть со всеми в мире и всех любить. И если душа будет постоянно говорить: “пришел мой конец”, и будет готова к смерти, то уже не будет бояться смерти, но придет в смиренную молитву покаяния, и от покаянного духа очистится ум и уже не прельстится миром, а душа будет всех любить и слезы проливать за людей.

Кто помнит смерть, тот бывает послушлив, воздержан; через это сохраняется в душе мир, и приходит благодать Святого Духа».

Мы знаем также, что многие из святых и подвижников благочестия имели в конце жизни около себя приготовленный для себя гроб. А некоторые из них и спали в этом гробе. Так укрепляли они в себе память смертную.

Смерть по существу есть наказание за грех, и как наказание не может быть не страшным. О моменте разлучения души с телом Господь говорит как о *вкушении смерти* (см.: Мф. 16, 28; Мк. 9, 1; Лк. 9, 27), указывая этим особые и неизвестные для нас переживания в это время. Поэтому смерть – великое и страшное таинство.

К часу смертному святые и праведники готовились как к самому важнейшему и решающему моменту жизни для человеческой души. И если человек чувствует, что в нем еще силен грех, что над ним еще

имеет власть темная сила, он не может не бояться смерти.

Однако, по отношению к смерти, можно наблюдать иногда бесстрашие и у тех, кто не верит в Бога.

Епископ Игнатий (Брянчанинов) объясняет это тем, что всякий человек, не сознавая того, чувствует бессмертие своей души и поэтому, подсознательно не считает смерть реальностью.

Бывают случаи, что вера вдруг вспыхивает, т.е. выходит из-под сознания перед лицом смерти или тяжелого переживания.

Но если сердце живет любовью ко Христу, то смерть должна уже не пугать, а манить к себе: душа христианина, как невеста, должна стремиться к встрече со своим Женихом-Христом. Она должна радоваться при надежде на скорое свидание и со своими любимыми покровителями из числа святых Торжествующей Церкви, и возможности увидеть их славу.

Об этом так пишет преп. Исаак Сириянин: «Человек пока в нерадении, боится часа смертного, а когда близится к Богу, боится сретения суда; когда же всецело подвинется к Богу вперед, тогда любовью поглощается тот и другой страх. Почему же это?

Потому что когда остается кто в ведении и житии телесном, ужасается он смерти; когда же бывает в ведении духовном и в житии добром, ум его всякий час бывает занят памятованием будущего суда, так как право стоит он по самому естеству, движется в духовном чине, пребывает в своем добром ведении и житии, и так устрояется для него, чтобы приблизиться к Богу.

Когда же физический страх смерти отступает перед мужеством, а страх вечного осуждения побежден

любовью, вопрос о личной судьбе человека здесь на земле и за гробом перестает играть для него решающую роль.

Тогда-то приоткрывается для него завеса над тайной смерти. Он узнает, что не должно бояться смерти потому, что Бог уготовал, чтобы соделаться такому человеку выше ее».

Так достигается бесстрашие в отношении смерти тела.

В литературе есть указание, что у одного старца память смертная была настолько развита, что он, когда отворялась дверь его келии, смотрел – не входит ли к нему Ангел смерти.

Отношение христианина к приближению смерти является показателем его духовной зрелости. Как прискорбно бывает смотреть, когда умирающий христианин упорно не хочет примириться с сознанием приближающейся смерти – призывает одного доктора за другим, хватается за всевозможные лекарства, и с отчаянием стремится лишь к тому, как бы продлить жизнь тела.

Как пишет еп. Аркадий Лубенский: «Смерть вместе с тем побуждает людей к нравственному совершенствованию: она напоминает ничтожество земной жизни и заставляет думать о загробной. Она побуждает готовиться к ответу на Страшном Суде, который у каждого из нас не за горами, а за плечами.

Она муками умирающего дает нам некое представление о загробных страданиях непокаявшегося грешника.

Готовься же к смерти тела, христианин, ибо никто ее не избежит. Помни, что она – дверь в страшную вечность. Не забывай, что после нее Страшный Суд,

на котором выявятся все дела, чувства и мысли наши. Да не пошлет тебя Праведный Судия в огонь вечный».

Бывают, однако, случаи, когда память смерти сопровождается такими чувствами, которые не полезны душе.

Об этом так пишет игуменья Арсения: «Хорошо иметь память о смерти, но с разумом – когда она служит к отречению, к умилению, к сокрушению духа, к смирению. Если же она производит уныние, то и самая память смерти будет вести не ко спасению, а к гибели».

Во время уныния полезнее иметь память милости Божией, Его благодати, Его дарований, туне нам посылаемых – спасения, даруемого нам Им обстоятельствами жизни и самими нашими падениями. Все хорошо в свое время, а не вовремя и самое хорошее может послужить во вред».

Здесь, впрочем, говорится о редких исключениях. Основным же случаем является необходимость для всякого христианина постоянной памяти о возможной близости смерти. Нужно знать, что этого не терпят наши враги – темные силы.

Об этом так пишет архиеп. Варлаам (Ряшенцев):

«Памяти смертной враг боится больше всего, больше чем молитвы и все свое лукавство употребляет на то, чтобы отвлечь человека от этой памяти, увлекая чем-либо земным».

Священник Александр Ельчанинов ✠

СМЕРТЬ ВЕРУЮЩЕМУ НЕ СТРАШНА*

Присутствие в нас, существах конечных, бесконечного – любви, ведет к желанию смерти как входу в бесконечность.

* * *

Жизнь – драгоценный и единственный дар, а мы бессмысленно и беспечно тратим ее, забывая о ее кратковременности. Мы или с тоской смотрим в прошлое, или ждем будущего, когда будто бы должна начаться настоящая жизнь. Настоящее же, то есть то, что и есть наша жизнь, уходит в этих бесплодных сожалениях и мечтах.

* * *

Болезнь – вот школа смирения, вот где видишь, что нищ, и наг, и слеп (незадолго до смерти).

* * *

Когда тебя охватит чувство злобы к кому-либо, то представь себе, что и ты и он должны умереть, – и как перед этим станет ничтожна его вина и как неправа твоя злоба, как бы она ни была права формально.

* * *

Для веры страшна не отрицательная полемика, не испытание ее умом – это испытание она выдержит. Ей страшна в нас слабость духа, «сердечное отступничество» (выражение Киреевского).

* «Из дневника».

Те, кто хотят доказательств для своей веры, – на ложном пути. Вера – свободный выбор, и там, где есть хотя бы скрытое даже от самого себя желание доказательств, – нет веры. Знаки Богоявления не надо принимать как «доказательства» – этим мы снижаем, перечеркиваем подвиг веры.

* * *

Постоянный упрек христианам: «Ни по чему не видно вашей веры. Если бы вы действительно верили в такие изумительные, потрясающие вещи, вы жили бы иначе».

Ответ: «Вы ведь верите в неизбежность своей смерти? Не только верите, но знаете наверно. Ну и что же? – сильно ли это отзывается на характере вашей жизни? – Нисколько не отзывается».

* * *

Ответ умирающей, но не знающей о близости своей смерти, на ее недоумение: «Ни к жизни не готовлюсь, ни к смерти».

«Нельзя жить истинной и достойной жизнью здесь, не готовясь к смерти, то есть не имея постоянно мысли о смерти, о жизни вечной».

* * *

Смерть, самое страшное для человека, верующему не страшна, как не страшны для крылатого существа все бездны, пропасти и падения.

* * *

Как мы жалки в нашей успокоенности этой жизнью! Хрупкий островок нашего «нормального» существования будет без остатка размыт в загробных мирах.

* * *

Советы близким умершего: оторвать свои чувства и боль от телесности, которая пойдет в землю,

не терзать себя воспоминаниями земных чувств и земных радостей, связанных с умершим, а перешагнуть, хотя бы мысленно, с умершим в тот мир, утешаться любовью близких и совместными молитвами, дать отдых своим нервам и своему телу.

* * *

Смерть близких – опытное подтверждение нашей веры в бесконечность. Любовь к ушедшему – утверждение бытия другого мира. Мы вместе с умирающим доходим до границы двух миров – призрачного и реального: смерть доказывает нам реальность того, что мы считали призрачным, и призрачность того, что считали реальным.

* * *

Не придет Царствие Божие с соблюдением: се бо Царствие Божие внутри вас есть (Лк. 17, 20–21). Не то же ли самое можно сказать о геенне огненной? Не настал ли уже ад и теперь для многих людей?

* * *

Женщину, «имевшую духа немощи», по словам Христа, «связал сатана». Здесь указывается еще один источник болезни – дьявол. Вот что можно ответить тем, кто говорит (и я в том числе), что надо радоваться болезням, как всякому несчастью, и не надо просить об исцелении.

* * *

Мы видим мир не таким, как он есть на самом деле, а таким, каким его делает наше воображение, наша воля. И каждый видит его по-иному, по-своему, часто ставя центром своего мира вещи ничтожные и вовсе не давая места тому, что единственно важно.

В том, как избегают люди одиночества, мне видится скрытый страх смерти.

* * *

Рождение мистично – к нам приходит вестник из другого мира. Смерть близких еще сильнее будит в нас мистические чувства – уходя от нас, они из ткани нашей души протягивают за собой длинный провод, и мы уже не можем жить только этим миром – в наш теплый, уютный дом поставлен аппарат в бесконечность.

* * *

Не собирайте... не заботьтесь... (Мф. 6, 19–34).

ПОЧЕМУ?

1. Земные сокровища тленны.
2. Они бесполезны – *жизнь человеческая не зависит от изобилия его имения.*
3. Они требуют забот и хлопот и потому вредны даже с мирской точки зрения.
4. Они пленяют наше сердце: *где сокровища ваши, там и сердце ваше.*
5. Заботы и волнения о них безбожны, так как предполагают отсутствие Промысла: притча о богаче.
6. Они ослабляют нас – *смотрите, не отягчайте себя объедением, пьянством и заботами житейскими.*
7. Они утверждают обратную перспективу – *ищите же прежде Царства Божия и правды Его.*
8. Они определяют нашу земную и посмертную судьбу.

* * *

В тексте *...возьми крест свой и следуй за Мною* – по-латыни «et tolle crucem suam cotidie et sequatur Me» есть слово, упущенное в русском переводе, – «cotidie» (ежедневно).

Мысль об ежедневном несении креста.

* * *

Привычное чувство единственности этого мира – есть полное неверие в Царство Небесное. Скорбь по умершему – неверие, язычество. Надо прийти к христианскому ощущению реальности Царства Небесного.

* * *

Зрелище смерти всегда поучительно. Какая бы она ни была, она всегда – чудо и таинство. Наша мысль, а если это близкий человек – наша любовь, вместе с умирающим как будто переступает через эту грань, заглядывает в иной мир и удостоверяется в его существовании. Я испытал это впервые, когда кто-то при мне раздавил ногой и растер «в небытие» уховертку. Тогда впервые у меня стало отчетливо чувство, что ничего нельзя уничтожить, что это бессмыслица, непереносимая нашим умом и духом, что даже уховертка перешла в другой мир, исчезла из нашего плана бытия, но не уничтожилась.

* * *

Определить и сформулировать свою боль часто обозначает и избавление от нее (объяснение, почему рефлектирующие особи обладают слабыми чувствами).

* * *

Когда исполнятся времена и сроки, когда наступит мировая осень и Бог пошлет Ангелов на жатву – что найдут они на бесплодных полях наших сердец? А ведь эти времена и сроки наступают для каждого из нас еще до времени общей жатвы.

Но не будем унывать. Смотрите, сеятель все-таки сеет и на камень, и в терние при дороге. Значит, есть у него какая-то надежда и на такие поля. И мы знаем

из житий святых, как часто душа, которая казалась окончательно засоренной грехом, ослепленной страстями, упорной во зле, становилась почвой глубокой, полной плодотворных сил, чистой от вредных примесей и чужеродных семян.

* * *

Суть веры и религиозной жизни не в принудительной очевидности, а в усилении и выборе. Вера – путь к Богу, опыт, который всегда удается. Праведники стремились к Небу, и оно приняло их. *Приблизьтесь к Богу, и Бог приблизится к вам* (Иак. 4, 8).

* * *

За религию у нас часто принимают неопределенную смесь из детских воспоминаний, сентиментальных чувств, испытываемых иногда в церкви, крашенных яиц и кулича на Пасху. Как дать почувствовать хотя бы – крестный путь грешной нашей души к Богу... (не окончено).

* * *

Всякое удовольствие, наслаждение принижает, духовно расслабляет, обезоруживает душу. Смысл страданий – участие в страданиях Христа, созидание тела Христова в мире (Церковь), несение креста, последование примеру святых, несовместимость с миром.

Молясь об умерших, мы упражняемся в ощущении нереальности этого мира (ушла его дорогая нам часть) и реальности мира потустороннего, действительность которого утверждается нашей любовью к отшедшим.

* * *

Иногда у стариков душа будто постепенно умирает вместе с телом. Это впечатление оскудения

души происходит оттого, что тело, дряхлея, перестает быть достаточным выразителем души. Происходит то, что бывает в переводных картинках, – намоченная бумажка дает слабый очерк какого-то рисунка (жизнь); потом постепенно мы эту бумажку (тело) отдираем (болезнь, старость). Рисунок исчезает по частям; потом он исчезает совсем (смерть). В руках наших чистая бумажка (мертвое тело), но, взглянувши под нее, мы видим яркий рисунок (жизнь будущего века).

* * *

Ходят среди нас живые мертвецы, со смертью души прежде смерти телесной, не имеющие и надежды на ее воскресение, так как здесь мы подготовляем жизнь будущего века, – и есть души, уже как бы воскресшие до смерти тела, – делом, опытом, любовью доступные высшей жизни духа.

* * *

...Скажу Вам, к чему я давно пришел из чтения святых отцов: периоды скудости вполне естественны, и их надо переносить с терпением и благодушием. Эти периоды укрепляют в нас смиренную мысль о нашей бессилии и принуждают все надежды на оживление нашего сердца возлагать на Бога.

* * *

Многое облегчалось бы для нас в жизни, многое стало бы на свое место, если бы мы почаще представляли себе всю мимолетность нашей жизни, полную возможность для нас смерти хоть сегодня. Тогда сами собой ушли бы все мелкие горести и многие пустяки, нас занимающие, и большее место заняли бы вещи первостепенные.

* * *

Мы делаем добрые дела, очищаем свое сердце и приближаем себя к Богу не из-за награды, а из любви к Богу. Однажды я спросил себя: «Остался ли бы я со Христом, если бы я знал наверное, что дьявол победит Бога?» И ответил без колебания: «Конечно, остался бы». Где же тут эгоизм?

* * *

Самая острая скорбь об умершем есть скорбь о себе, эгоистичная, личная боль. Праведные, смиренные, святые не скорбят.

* * *

О посмертной судьбе не-христиан: *те, которые, не имея закона, согрешили, вне закона и погибнут...* (Рим. 2, 12). Значит, те, которые вне закона не согрешили, – будут оправданы? Ведь они (стих 15) имеют «закон, написанный в сердцах их» и совесть.

* * *

Столько смертей кругом, что смерть почти перестала быть страшной и стала временами для меня реальнее, чем жизнь. И чем больше близких уходит туда, тем легче делается этот переход.

Почему Церковь молчит о загробном мире? – Человек живет, мыслит и чувствует в условных формах пространства и времени. Вне этих форм мы не можем ни мыслить, ни говорить. Потустороннее живет иными формами. Если будем говорить о нем, мы будем говорить плотским языком. Вот откуда целомудренное молчание Церкви.

* * *

Бог создал жизнь.

Дьявол победил ее смертью.

Бог отразил победу смерти Воскресением.

* * *

Читаю об исцелениях по молитвам отца Иоанна Кронштадтского и недоумеваю: я склонен часто считать болезнь посещением Божиим и даже не всегда имею твердость молиться о выздоровлении больных, настолько признаю руку и волю Божию в болезни. Не есть ли молитва об исцелении вторжение в судьбы Божии? Что же такое тогда исцеление? Может быть – освобождение от грехов по молитве праведника и, как результат, – выздоровление.

* * *

Наша так называемая реальная действительность – только полуреальна и мало действительна. Своим отношением мы делаем явления такими или иными, доделываем их, обращаем в добро или зло. Так же и с людьми. Каковы они на самом деле – никому, кроме Бога, не известно; вернее, что они нечто зыбкое и пластичное, и мы формируем сами, часто по случайному признаку, воображаемую схематическую фигуру и потом сами же или восхищаемся ею, или поносим ее. Насколько мудрее люди простые: они не выдумывают людей, а берут человека как он есть и без протеста принимают часто вопиющие диссонирующие качества.

* * *

Стремительное, неудержимое мелькание, уплывание часов, дней, годов приводит иногда в отчаяние. Едва успеваешь жить, видеть семью. Трудно точно выразить это чувство – больно чувствуешь одновременно и остроту, и силу своей любви, и вместе и тщету, и мучительную эфемерность ее.

* * *

Человек приходит из бесконечности и в бесконечность уходит. Почему же в этот короткий миг своей жизни почти всякий средний человек так боится всякой мысли о том, что роднит его с бесконечным, что выходит из тесных и привычных рамок обыденности, и строит свою жизнь как будто нарочно так, чтобы вовсе не дать в ней места ничему духовному?

* * *

Болезнь не несчастье, а поучение и Божие посещение; больного преподобного Серафима посетила Матерь Божия, и нас, если мы смиренно переносим болезни, посещают высшие силы.

* * *

Условия, которыми окружил нас Господь, это – первая ступень в Царствие Небесное, – это единственный для нас путь спасения. Эти условия перемнятся тотчас же, как мы их используем, обративши горечь обид, оскорблений, болезней, трудов – в золото терпения, безгневия, кротости.

* * *

В нашей теперешней жизни все так неверно, шатко, тяжело, почти непереносимо, что смерть совсем не кажется чем-то страшным. Я часто думаю о смерти как о спокойном светлом пристанище, где нет болезней, печалей, а главное – нет разлуки. Когда я на утренней и вечерней молитве поминаю многих дорогих людей, то в минуты грусти мне почти радостно думать, что я буду с ними, и жизнь их кажется вернее нашего призрачного существования.

* * *

И ад и рай уже отчасти имеем мы здесь, на земле, в страстях наших и в опыте добра.

* * *

В тот момент, когда человек с благодарностью примет от Бога посланные ему страдания, он сразу войдет из них в такой мир и счастье, что всем кругом него станет светло и радостно. Лишь бы пожелать этого – и Бог пошлет.

* * *

Как укрепить себя в Церкви?

Руководство духовного отца, постоянная с ним связь. Частое прибегание к Таинствам, тщательное к ним приготовление, посещение богослужений, домашняя молитва, ежедневное чтение Евангелия, чтение книг религиозного содержания, соблюдение церковного года, дружба и общение с людьми верующими и церковными.

* * *

В нашей жизни мы знаем наверно только то, что мы умрем; это единственно твердое, для всех общее и неизбежное. Все переменчиво, ненадежно, тленно и, любя мир, его красоту и радости, мы должны включить в нашу жизнь этот последний завершительный и тоже, если мы захотим, могущий быть прекрасным момент – нашу смерть.

* * *

С начала мира люди умирают, с начала мира известно, что все земное непрочно, проходит, тлеет, и все-таки с какой-то слепой жадностью люди ставят все, что имеют, все силы своей души на эту карту, которая наверно будет бита, несут свои сокровища в банк, который наверно лопнет.

* * *

Есть одно прочное приобретение нашей эпохи – это убеждение, что на путях земных, на путях стяжания

счастья не найти. Вся жизнь нашего мира двигалась до сих пор к цели личного земного счастья. Сейчас эта цель отнята от человечества. Всякий знает, что никакими усилиями в наше сомнительное и неверное время не построить этот карточный домик личного счастья. Это – один из глубоких сдвигов нашего времени. Мир колеблется, как чаши весов, «ни зверя власть признать не смея, ни ига легкого Христа».

В чем задача христианина в такие критические эпохи? Выбор наш сделан. Мы добровольно приняли «иго легкое Христа». В этой борьбе сил света и тьмы мы должны все наши силы, способности, таланты и материальные средства отдать силам добра, и тогда мы наследуем те блаженства, которые обещал Христос идущим по Его пути, а не по неверному пути счастья земного.

* * *

Добродетель благодарности, как и все другие наши добродетели, как подвиги поста, молитвы – нужна прежде всего нам самим. Само наличие в нас чувства благодарности свидетельствует о том, что в нас действительно живет несомневающаяся вера и любовь к Богу. Благодарность наша – удостоверение о правильно установленной религиозной душе.

Все мы умеем просить; даже неверующие в крайние моменты прибегают к Богу, но благодарить мы не умеем. Благодарственная молитва – знак высоко поднявшейся души. Хорошо вспомнить Бога в несчастье; но не забыть Его в радости – знак души, утвердившейся в Боге. Молитва просительная может уживаться в сердце с нашим эгоизмом, гордостью, злобой; молитва благодарения не совместима с такими чувствами.

Будем же прибегать к Богу в наших бедах и обстоятельствах, но постараемся взойти и на более высокую ступень – благодарственной молитвы.

* * *

Во время чтения 12-ти Евангелий, сидя в постели, я старался проникнуть, почему Господь отстранил меня от того, к чему я стремился весь год. Раскрыл мое Евангелие: *Боже, Боже мой, вскую оставил мя еси*. Я почувствовал утешение, отлученный от церкви, в скорбях и болезнях – может быть это – большее соучастие Страстям Христовым, чем если бы я служил в церкви. Я стал молиться моей любимой молитвой: *Возлюблю Тя, Господи, крепосте моя: Господь утверждение мое, и прибежище мое*, а потом снова открыл Псалтирь, чтобы почитать что-то, и открылось: *Возлюблю Тя, Господи, крепосте моя...* то есть для точности открылась середина какого-то псалма, и я желал читать сначала, вернулся к первым словам (Пс. 17). Для меня так явно было, что это Господь любящий утешает меня таким знаком Своего присутствия, что я до сих пор укреплен этим. Записываю, боюсь забыть.

* * *

Многое я снова передумал и пережил за эту болезнь. Страшная, и сомнительная, и зыбкая вещь – наша жизнь; такой тонкой пленкой отделена она от боли, страдания и смерти. И так бессилен человек перед всем этим мраком, такой слабой оказывается вся духовная жизнь, не выдерживающая температуру в 40°C, ослабевающая при большой боли. Вообще болезнь сильно смиряет; Господь не оставляет без Своих утешений, но так ясно видишь свое ничтожество и бессилие. Единственная защита против всех

ужасов, окружающих нас, – верная любовь ко Христу и неотступное за Него держание.

* * *

Многому научила меня болезнь. Еще больше утвердила в мысли, что если со Христом, то и со страданиями, и что нет христианину иного пути, как через боль внутреннюю и внешнюю. И думая о бесконечном множестве страданий в мире, я думал, что вот такими, ничем не заслуженными, безвинными страданиями, строится невидимое Царство Божие, создается и собирается Его страдающее Тело – Церковь Христова.

* * *

Понятны наши страдания, душевная боль, слезы: ведь мы так связаны с близкими нам ушедшими: их тело – наше тело; и вот эта плоть разлагается, умирает, обращается в землю. И душой нашей с ними – мы одно существо. И вот часть этого существа отрывается, уходит. Как же не страдать нам и душою, и телом?

Но отсюда и другой выход: душа, оставившая свое тело, находится в смутном, смятенном, скорбном состоянии, как бы праведна она ни была при жизни. Самое отделение от тела есть болезненный процесс. С другой стороны, у умерших – непосредственное ощущение и видение духовных сущностей, нападение демонов и т. д. Наше горе, смущение, слезы, а иногда и отчаяние, усугубляют смущение души: ведь она еще очень близка к нам, она – одно существо с нами, и если при жизни, закрытая телом, она не всегда чувствовала душевное состояние близких, то сейчас она особенно беззащитна против нашего отчаяния, усиливающего ее смущение. Вот почему наш долг перед почившими – оказать им помощь

приведением себя в состояние молитвы – гармонического светлого вибрирования, которое распространяется и на них.

Всякая смерть – урок для нас, оставшихся; она – чудо, как и чудо рождения: «како предахомся тлению»; она – напоминание о нашей близкой смерти, и в построении плана нашей жизни надо ориентироваться и на смерть – «respice finem»¹.

* * *

С родными умерших говорить о Воскресении Христа, советовать читать Евангелие о Воскресении, о мытарствах, о трагическом положении души умершего. О необходимости молитвы и для них, родных, молитвы об умершем – это отвлекает от скорби эгоистической, о теле умершего (этот вопрос смущает многих).

¹ Respice finem (*лат.*) – смотри в конец (своего намерения или поступка), то есть стремись предвидеть результат.

Протоиерей Димитрий Смирнов ✠

КАК ПРИГОТОВИТЬСЯ К ВЕЧНОЙ ЖИЗНИ

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

*К*огда мы поминаем усопших или совершаем отпевание, то читаем Евангелие от Иоанна, в котором есть такие слова Господни: *Слушающий слово Мое и верующий в Пославшего Меня имеет жизнь вечную, и на суд не приходит, но перешел от смерти в жизнь* (Ин. 5, 24). Эти слова нам хорошо известны, но смысл их немного отличается от того, который мы обычно вкладываем в них. В них даже существует некоторое видимое противоречие.

Каждый из нас уже примерно с четырех лет начинает задумываться о смерти, а пройдет совсем немного времени, и всех нас уложат в гроб. И хотя думать об этом не очень весело, но необходимо отдавать себе отчет в том, что это вещь совершенно неизбежная и поэтому думать о ней нужно. Древние даже говорили: *memento mori* – помни о смерти. И помнить о смерти нужно не для того, чтобы впасть в уныние или в панику, а для того, чтобы к этому подготовиться. Видимое же противоречие слов Евангелия заключается в том, что, с одной стороны, мы все знаем, что умрем, а с другой стороны, Господь говорит о жизни вечной.

Поэт сказал: «Нет, весь я не умру». Он, конечно, подразумевал свое творчество, но, в общем-то, здесь имеется в виду прежде всего наша бессмертная душа. Умрет тело, умрет язык. Мертвый человек не может говорить, не может чувствовать, когда его, например, берут за руку. Но его душа будет продолжать любить тех людей, которых любила, будет страдать от тех страстей, которыми была наполнена при жизни, и будет продолжать скучать по всему тому, чем она жила. И, конечно, всякий человек, как любой живой организм, инстинктивно старается продлить свою жизнь, уклониться от смерти. Обычно чем старше человек, тем больше он недоволен врачами, потому что считает, что его можно бесконечно лечить. Как старый автомобиль: починил – поехал, опять сломался – опять починил, и так без конца. Нет! Придет такой момент, когда чинить будет уже бесполезно. Врачи говорят: можно, конечно, сделать операцию, но выдержит ли сердце? А человек надеется. На что? На то, что, может быть, проживет еще месяц или даже год.

Но ведь это уже не принципиально! Что ты хочешь сделать за этот год? Достроить баню на даче? Или посмотреть, какая будет в следующем году передача на Новый год? Что ты так изо всех сил хочешь продлить? Хочешь довоспитать своих внуков? Но за год они не так уж сильно и вырастут. Нет, дело в том, что человек просто хочет отодвинуть от себя самую главную проблему. Потому что мы все прекрасно чувствуем, что жизнь наша очень коротка. Настолько коротка, что даже если нам много чего удастся сделать, все равно это очень малая часть из того, что нам хотелось бы. Очень быстро жизнь проходит, и мы становимся седыми, лысыми, старыми, иногда

даже глупыми, не замечая этого сами, и можем это понять только по реакции окружающих нас: «Что это с ним? Бормочет сам не знает что». Но нам-то кажется, что все нормально. Мы возмущаемся: «Что ты кричишь?!» – «Как “что кричишь”? Да потому, что ты глухой, вот тебе все и кричат». Но человеку не хочется признаться в том, что уже глуховат, что плохо видит, плохо соображает. Ему все кажется, что он по-прежнему 25-летний. А лет уже не 25, а 75, и все по-другому. Прошло всего лишь каких-то жалких пятьдесят лет – ведь что такое 50 лет в масштабе вечности? Да ничего! Поэтому человек обычно живет воспоминаниями: вот их в школе собирают, строят, дают какие-то грамоты, вешают железочки на грудь. Но все это в прошлом. А в настоящем – набор лекарств, если деньги есть, и более или менее спокойная, неспешная жизнь. Но это все равно – не жизнь вечная.

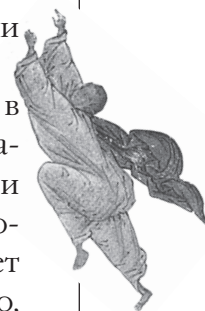
Господь говорит совершенно о другом, и даже не о жизни души. Потому что то, что душа бессмертна, это знают все, но все-таки жизнь души – это не жизнь вечная. Потому что какая же жизнь вне тела?! Человеческая душа – это не человек, это только его часть, хотя очень важная. Поэтому христианство основано на Воскресении Христовом. Первым воскрес Христос, и хотим мы или нет, знаем или не знаем, но придет час, когда воскреснут все умершие. Поэтому на стене нашего храма написан даже Символ веры, чтобы каждый человек, если еще не знает, мог прочитать: *чаю воскресения мертвых, и жизни будущего века.*

Православная Церковь живет ожиданием воскресения. Поэтому даже когда отпеваем человека, мы читаем Апостол и Евангелие, где говорится – не скорбите, братья, наша разлука временная, мы встретимся

с душой этого человека. Когда мы с вами будем умирать, к нашему одру придут души умерших до нас, обычно родственников. Я много раз в своей жизни видел, как умирающий начинает беседовать с теми, кто какое-то время назад уже умер, а потом он как бы возвращается и продолжает общение с теми, кто в этой комнате. Он одной ногой – здесь, а другой – там, то есть буквально – одной ногой в могиле. Поэтому душа переходит то в тот мир, то в этот, и возникает уже путаница у него самого. Это со стороны понятно, хотя людям, не знакомым с этим, кажется, что умирающий начинает уже заговариваться. Или говорят: это он меня перепутал со своей мамой. Да ничего он не перепутал! Просто мама действительно пришла и они разговаривают.

Да, мы воскреснем все, но одни воскреснут в жизнь вечную, а другие в смерть вечную. Это не значит, что их не будет, что они исчезнут – многие люди мечтали бы исчезнуть. У нас в стране с каждым годом, особенно среди молодых мужчин, возрастает число самоубийств. Отчего это происходит? Оттого, что человек надеется: вот выпрыгну из окна или лягу под поезд – и все кончится. Ошибочка! Ничего не кончится, только всё начнется. Но человек надеется: а вдруг я покончу с собой и это будет конец. Нет, человек неистребим! Мы часто говорим: «Да разве это жизнь!». Бытие человека может быть столь ужасно, что он смерть будет считать избавлением. Так многие, которых приговорили к пожизненному заключению, мечтают о том, чтобы их расстреляли. Опять же надеясь, что его расстреляют – и его не будет. Нет, будешь! И будешь все помнить, и будешь страдать, и будешь хотеть, просто исполнить свои желания

будет невозможно. Поэтому неизвестно, что лучше: пожизненно сидеть и ждать, когда тебя Господь приберет, или же сразу начать мучиться в преисподней.

Жизнь вечная – это не просто жизнь. Это жизнь с Богом. Потому что жизнь вне Бога, по слову Господа, это вообще не есть жизнь. Поэтому Христос и пришел на землю: чтобы каждый человек имел возможность соединиться с Богом. Бог для человека непознаваем, потому что это совершенный Дух, а человек живет во плоти, Бог – свят, а человек грешен, поэтому между человеком и Богом – пропасть. Как небо от земли, а тут лучше сказать: как Царство Небесное от преисподней, так и Бог далеко отстоит от человека. Поэтому Господь, Отец Небесный, посылает в мир Единородного Сына Своего, Иисуса Христа, Который становится человеком, чтобы каждый мог понять, почувствовать, осязать человека Иисуса Христа и через Него познать Отца Небесного.

В Иисусе Христе для нас содержится тайна жизни вечной. Если мы с Ним соединимся в течение нашей жизни, то мы достигнем жизни вечной, или еще это называется «спасение». Потому что в Нем – спасение. Господь сказал, еще раз повторю: *слушающий слово Мое и верующий в Пославшего Меня имеет жизнь вечную, и на суд не приходит, но перешел от смерти в жизнь*. Спроси любого: «Хочешь ли от смерти перейти прямо в жизнь вечную?» – «Ну да, вроде хочу». – «Но для этого надо слушать слово Божие». – «А что это такое?» И оказывается, что множество людей, даже считающих себя верующими, за всю жизнь ни разу не удосужились прочитать слово Божие. Как будто это не интересно, как будто мы помирать не будем, как будто не пойдем на суд. Так вот, главная наша подготовка к

жизни вечной должна заключаться в том, чтобы постараться услышать, а что же говорил Иисус Христос, Который с небес сошел, чтобы нас спасти, чтобы дать нам жизнь вечную?

Нам интересно, какая будет погода, какое давление, кто с кем развелся, кто женился, на сколько завтра пенсию нам урежут или телефонные разговоры поднимут в цене. Это все интересно. Но сколько тебе осталось на этой земле по телефону разговаривать? Восемь лет, одиннадцать, два или к августу уже кончатся все наши телефонные разговоры? Всё кончится: прописки, пенсии, лекарства, воспитание внуков кончится. А за это время, до августа, хотя бы Евангелие можно было прочитать? Может быть, даже что-то такое и понять, и почувствовать, может быть, успеть что-то даже и изменить в своей жизни. Может, не все и не радикально, но хоть какой-нибудь шаг навстречу Богу сделать, чтобы Он увидел: да, человек не просто повинувшись своим чувствам придет в церковь, свечку поставит, не понимая: в чем смысл?

Во всем должен быть смысл. Мы ведь не бессмысленные животные. Нам же Господь дал разум. Мы должны все делать осмысленно, у нас должно быть объяснение: зачем мы это делаем. А у большинства людей так: придут в храм, постоят, почувствуют что-то: то успокоятся, то взволнуются – и дальше. А голова в этом вообще не участвует. А ведь здесь что-то поют, что-то говорят, все здесь имеет смысл. Необходимо сделать хоть какой-то шаг, чтобы для души это стало понятным, чтобы всё это приобрело для нас пользу именно душевную, именно в свете вечности. Для некоторых, конечно, уже поздно. Сами понимаете, учиться чему-то можно до какого-то определенного момента. А дальше уже трудно: сосуды кровеносные

уже не те, особенно если человек всю жизнь собственно и не учился ничему, а так: приглядывался, как люди делают, перенимал какие-то обычаи, иногда хорошие, например обычай, придти на родительскую субботу, помянуть о упокоении своих родственников.

Хороший обычай? Хороший. Но ведь и язычники-китайцы поминают своих родственников. А мы вроде православные христиане, а чем это отличается от китайцев? Язык другой? В чем смысл? В чем смысл того, как мы поминаем на молитве усопших? Каждый из нас это осмыслил? А надо осмыслить. Потому что пройдет еще немного времени – и мы тоже будем усопшие. Может быть, хотя вряд ли, конечно, кто-то и нас придет поминать. Но, во всяком случае, две трети из тех, кто здесь стоит, никто поминать не придет. Потому что у них дети неверующие, в церковь не ходят, ничего об этом не знают и знать не хотят. Кто-то детей воспитал, что хотя бы одну-две молитвы они знают. А так спроси: «Твой сын знает “Отче наш”»? – «Не знает». – «А чему ж ты его учила-то, если самому главному не научила. А “Верую”»? – «Ой, “Верую”, батюшка, я и сама не знаю». Ты даже не знаешь, во что веруешь? Может, за оставшееся время твоей жизни ты все-таки это выучишь? Может, это все-таки поважнее, чем как американцы с русскими в хоккей или в футбол сыграют. Может, это все-таки для души как-то поинтереснее, чем почему завтра будет фунт масла, или насколько инфляция съест семейный бюджет, или еще как обманут? Это все-таки поважнее, чем макароны с перловой кашей? Это же твоя собственная душа!

Вот ты пришел поминать усопших – как хорошо! Они радуются, что мы помним о них и молимся за них, – значит, ты это вроде понимаешь. А теперь

прикинь: ты уже на том свете, и никто не пришел тебя поминать. Как эту проблему надо решить или это все равно? Или мы вообще об этом думать не будем? Ну кто же будет думать о нашей собственной душе, как не мы сами! А мы этого не делаем, мы живем по какой-то тупой инерции, по заведенному обычаю, как принято, как люди скажут, так вот в этом болоте и барахтаемся. Но нужно немножко проявлять и собственной инициативы, потому что, может быть, слышали, что под лежащий камень вода не течет. Это невозможно, она его огибает. И Господь нас спасти не хочет, спасает свою душу только тот, кто хочет ее спасти.

Конечно, Господь каждому, кто хочет, помогает безмерно. Так помогает, что можно сказать, что человеку практически ничего для этого не нужно, Господь Сам все сделает. Он даже имя Себе такое избрал, потому что Иисус по-еврейски значит Спаситель. Для того, чтобы никто не сомневался: хочешь спасти свою душу? – обратись к Господу Иисусу Христу. А как обратиться? Через Евангелие, через Церковь, другого пути нет, этот – единственный. Потому что не люди же придумали Церковь. Сейчас закон разрешает: любые два-три мужика и несколько теток собрались – всего 12 человек нужно – и можно любую «церковь» организовать. Пошел в магазин Софрино, купил себе и рясу, и облачение, зарегистрировался, в мэрии тебе дадут регистрацию – и пожалуйста, служи как хочешь. Всякие люди бывают, даже сумасшедшие. Один такой создал «церковь преображения»: снимает клуб, платит деньги и там устраивает богослужения. Организовал ребят, назначил их священниками, морочит головы народу, и сотни людей ходят,

причем крещеных. Ходят, слушают, поют чего-то. Закон позволяет: делай что хочешь, пожалуйста.

Церковь, в которой мы сейчас находимся, не люди основали, а Сам Господь Иисус Христос. За это время, 2000 лет прошло, рухнуло на этой земле очень много. Исчезли целые культуры, языки превратились в мертвые, на них никто не говорит, исчезли целые империи. Вот уж советская власть, до чего казалась незыблемой! Этот «коммунизм» от детского сада до аспирантуры люди учили наизусть, до ломоты костей, этот дедушка Ленин был повсюду – и что же? Прошло 70 лет – и нет ничего. Сейчас у детей если спрашивают: кто такой Ленин? – они не знают. Потому что никому не нужен. Старички еще помнят, мое поколение помнит: сдавали по три раза истмат, диамат. А еще немного пройдет времени, и даже слова-то эти навеки забудут. А Церковь жива. Вот взять сейчас наше государство – рухнуло всё. Не рухнули только МВД и Церковь, а остальное все рухнуло, пришло в упадок. Да и то МВД исключительно из-за того, что власть боится своего народа.

Все затряслось в государстве из-за того, что вынули идеологический стержень. Как в пирамиде детской: вынули стержень, и колесики посыпались. А Церковь – как стояла, так и стоит. Так она и будет стоять, независимо от того, сколько академиков крестится, сколько офицеров придет Богу молиться. Все равно, если даже будет плохо и бедно: нет хоров – сами себя в хоре поставим, петь научимся, будем Бога прославлять, как умеем. Иконы все отнимут, пожгут, как уже было, – новые напишем. Может, не как Андрей Рублев и Феофан Грек, может быть, похуже. Но пройдет пять, десять лет – смотришь, иконописная школа возникнет, и начнем писать иконы, и,

может быть, всё лучше и лучше. А если храмы опять закроют, склады сделают, купола посшибают – ничего, в лесу соберемся. Ведь не в этом дело, Церковь все равно останется, Церковь не в бревнах, а в ребрах, как древние говорили, Церковь – там, внутри человека. Это идет от Иисуса Христа, и мы через Церковь можем к Нему придти. Только нужно идти!

Утром встал, задумался: вот солнце сияет, утро, мне Господь подарил еще один день, зачем он мне дан? Затем, чтобы я всю посуду перемыл и все перестирал? А вот представим себе, что нам скажут: ты сегодня вечером умрешь. Будешь продолжать стирать? Тратить на это время? Но ведь если сегодня помрем, завтра без нас все перестирают. Может быть, все-таки душой займемся? Самое главное, что у нас есть – это наша душа. И вот об этом нужно нам помнить и думать в первую очередь. Если у нас самих нет ответа, что нам делать, как спасти свою душу, как подготовиться к жизни вечной – значит, нам нужно потратить оставшуюся энергию ума и сердца, еще трепыхающегося в нашей грудной клетке, на то, чтобы получить этот ответ: что я должен, или должна делать, чтобы спасти свою душу? А остальное потом. Потом еда, потом поздравления, потом стирки, потом погода по телевизору, потом какое-нибудь кино, потом рождение племянника, потом нянчить внуков – это все потом. Потому что телесная наша жизнь скоро будет в прошлом, а вот жизнь нашей души – это всегда будет, это в вечности.

Давайте будем не только молиться о тех, кто ушел от нас в мир иной, но и подумаем о себе, как о тех, кому тоже в тот, иной мир через некоторое время придется идти. Аминь.

8 марта 2002 года

Протоиерей Валериан Кречетов ✠

В СВЕТЕ БУДУЩЕЙ ЖИЗНИ

*В*опрос о жизни и смерти во все времена был первостепенным. Даже было сказано кем-то: «Для чего человек рождается? Чтобы умереть». Я думаю, это высказывание не совсем верно, или, точнее, оно незакончено. В общем-то, в каждом высказывании есть какая-то доля правды, смотря как их понимать. Я, будучи в Греции, в одном монастыре, увидел надпись, которая на русском языке звучит так: «Если умрешь прежде, чем умрешь, то не умрешь, когда умрешь». То есть имеется в виду – умереть для греха. Поэтому высказывание «человек рождается, чтобы умереть...» можно было бы дополнить: «человек рождается для того, чтобы умереть для греха». Таким образом, человек рождается для того, чтобы после физической смерти стать бессмертным, рождается для вечной жизни.

Поэтому этот вопрос, который возникает во все времена и у всех народов – это, в общем-то, вопрос о смысле человеческой жизни. И если стараться ответить на этот вопрос по судьбам человеческим, то без будущей жизни некоторые земные вещи просто бессмысленны. Нет смысла в том, например, что рождается больной человек, всю жизнь больным, или, может, даже недоразвитым живет и потом умирает. Но в этом есть какая-то непостижимая тайна!

На самом деле, почему один человек рождается здоровым, а другой больным? Это неисповедимые пути Промысла Божиего. Поэтому разрешение всех этих вопросов возможно только в свете будущей жизни, а в этой жизни на большинство вопросов мы не можем получить ответа. Ведь даже то, что происходит в видимой жизни, – это только *надводная* часть айсберга. А *подводная* часть айсберга, как сейчас говорят – подсознание, наша духовная область, которая в каждом человеке существует, – она невидима и большинству людей непонятна.

Преподобный Амвросий Оптинский говорил: «Можно понять только взглядом *оттуда*». И без познания *той* жизни, без познания смысла будущей жизни, на многие вопросы здесь, на земле, нет ответа. Почему один умирает в младенчестве, а другой живет, хотя негодяй, и даже благоденствует. Почему часто умирают люди молодые и хорошие, а плохие, наоборот, остаются? На это мы, правда, имеем ответы, еще в Библии: *Скончався в мале исполни лета долга: угодна бо бе Господеву душа его, сего ради потщася от среды лукавствия...* (Прем. 4, 13, 14). То есть он хороший, но дальнейшая жизнь может его развратить, и он сейчас наиболее готов. Владыка Арсений (Жадановский) говорил, что Господь ни мгновения не медлит, если человек готов для будущей жизни.

Есть такая книга – «Невероятное для многих, но истинное происшествие». В ней рассказывается о душе некоего человека, которая вышла из тела и почти через полтора дня вернулась, когда тело было уже в гробу. Так вот, когда его Ангелы внесли в свет, в котором он как бы ослеп, ничего не видел, он услышал

голос, который величественно, без гнева, властно сказал: «Не готов». И Ангелы понесли его назад, поднесли к телу, лежащему в гробу, и Ангел ему сказал: «Ты слышал повеление Божие? Войди в тело и готовься».

От одного батюшки, который в свое время прошел тюрьмы, и потом все-таки Господь сподобил его еще послужить, мне пришлось услышать такую историю. Он, пособоровав, отправлял в больницу одну очень болящую рабу Божию, и она ему говорит: «Батюшка, я, наверное, умру». – «А ты готова?» – «Нет, батюшка не готова». – «Значит, не помрешь – неготовых не берут». Я лично знал эту женщину, она была тяжелой сердечницей, но после этого она прожила еще лет двадцать пять.

Кстати, почивший старец отец Николай с острова Залит меня как-то спросил: «А ты боишься умирать?» Я говорю: «Батюшка, я как-то не думаю об этом. Конечно, все равно не миновать, только я не готов еще умирать». – «Значит, долго жить будешь. Потому что готовиться нужно много».

Так что, я думаю, наше жительство здесь, на земле, зависит от того, как мы будем готовиться. И, конечно, нужно постоянно помнить, что смерти не миновать. Некоторые монашествующие даже вешают себе над кроватью такие поучительные картинки – на них изображен гроб и надпись: «Этого никто не избежит».

Христианское восприятие смерти не мрачное. К христианской кончине, пожалуй, больше относятся слова, которые мы каждую вечерню слышим, – *«изведи из темницы душу мою»*, то есть человек живет в этой жизни, как в темнице, во мраке.

Мой отец рассказывал, что во время его пребывания в лагерях, – а он даже в Кеми и на Соловках побывал, – когда он как-то обдумывал свои мрачные перспективы, ему как бы открылось небо, и он увидел *тот* мир, и понял, что *тот* мир более реальный, чем наш. Он мне часто об этом рассказывал. Видимо, ему было дано такое духовное подкрепление, чтобы он не думал только о всяких неприятностях, которые здесь нас подстерегают или даже преследуют, а больше помнил о будущем.

Так что вопрос жизни и смерти, конечно, для православного человека, вопрос естественный и неизбежный. И человек должен себя правильно настраивать, по крайней мере на богослужении в просительной ектинии на прошение «христианския кончины живота нашего, безболезненны, непостыдны, мирны, и добраго ответа на Страшнем Судищи Христове, просим» человек должен обратить свое внимание и призадуматься. Некоторые даже, когда слышат это прошение, кладут земной поклон.

Конечно, для человека не свойственно думать о смерти как о небытии. Мне мой батюшка говорил, что человеку не свойственно думать о смерти как о небытии, потому что у него душа бессмертная. И то, что мы называем здесь смертью, – это смерть тела, душа не умирает, а переходит в иной мир. Правда, со всем тем, что она приобрела в этой жизни. Об этом как раз и сказано, что если умрешь прежде, чем умрешь, в смысле – для греха, то не умрешь, когда умрешь, то есть со смертью тела не постигнет тебя еще и смерть души.

Если существование загробного мира, бессмертия души, будущей жизни отрицается, то жизнь

становится бессмысленной и жестокой. Потому что тогда получается, что можно, как говорится, творить все, что угодно, а *там* конец – и все. А когда человек забывает о бессмертии души, о будущей жизни и воздаянии – это может привести к самоубийству, страшному греху.

Святые отцы много говорили о душе, о духовном мире, о будущей жизни, но современная жизнь старается от всего этого человека отвлечь. Многозаботливость, множество всяких так называемых проблем отвлекают сейчас человека от этих мыслей и заставляют его в суете проводить свою жизнь. Как сказал Соломон в конце жизни: *все суета сует и томление духа*. И вот все суета сует, а дух-то томится, потому что ему не остается места в этой жизни. Получается, что человек суть плоть. Когда случаются в этом круговороте жизни кончины, особенно трагические, то это вызывает в людях страх и растерянность. Поэтому для человека, не живущего духовной жизнью, не помышляющего о загробном мире, час смертный особенно страшен.

В уже упоминавшейся книжечке «Невероятное для многих, но истинное происшествие» приводится очень интересный диалог человека, с которым произошло это «происшествие», что его душа вышла из тела и потом вернулась, – так вот еще до этого он застаёт одного своего знакомого за чтением катехизиса и говорит: «Что это вы в педагоги собираетесь что ли?» А тот отвечает: «Какое там в педагоги! Мне не преподавать, а хотя бы в ученики порядочные попасть. Ведь экзамен приближается, а переекзаменовки-то не будет».

С одной стороны, конечно, если вспомнить, что даже святые отцы перед кончиной страшились ее и

говорили: «Не знаю, угодна ли жизнь моя и положил ли я начало покаянию», – то что нам говорить. Даже страшно подумать. Но и нам все-таки есть утешение. Ведь много записано от древности до наших дней случаев явления умерших. И в наше время они происходят. И вот в одном таком явлении замечательный был диалог пришедшего с того света с живущим здесь. Живой спросил первым делом как раз то, что нас волнует: «Как ты прошел мытарства?» А тот ответил: «При нашей жизни – невозможно пройти», – а это было в XIX столетии, да еще этот человек жил в монастыре, причащался, и соборовали его, и то он сказал – «невозможно пройти». – «Как же ты прошел?» – «Если бы не милосердие Божие – не прошел бы». – «А что такое – милосердие Божие?» – «А все, что мы на земле о нем знаем, – это ничто по сравнению с тем, каково оно есть». Поэтому мы и молимся – «Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей». То есть упование на милосердие Божие никогда не должно оставлять человека. Это тот якорь, за который человек должен держаться. Как говорил преподобный Силуан Афонский: «Держи ум в аде и не отчаивайся». Как бы там ни было – все-таки надейся на милосердие Божие.

Но память смертная и надежда на милосердие Божие, конечно, человеку необходимы не только для того, чтобы он к часу смертному подошел в соответствующем устройении, подготовленным. Они, пожалуй, не менее важны и для повседневной жизни. Потому что, во-первых, если мы бываем в каких-то особенно тяжелых ситуациях, стоит только вспомнить, что наша земная жизнь не вечна – и уже становится легче. То есть мысль о том, что эта жизнь кончится и будет переход в иную жизнь, помогает жить.

Некоторые думают, что мысли о смерти, о загробном мире уводят от этой жизни. Но, во-первых, человек все равно уйдет от этой жизни к другой, а во-вторых, они не *уводят* – они *ведут* по этой жизни, они помогают идти по этой жизни. Потому что видишь временность всего, непостоянство, непрочность. Видишь, что то, за что мы хватаемся, часто от нас ускользает. И вообще человек живет мгновением. Видимо, когда-то не зря Фауст все искал этого момента, чтобы воскликнуть: «Мгновение, остановись!».

Но оно не остановится в этой жизни. Оно остановится, может быть, в будущей жизни, потому что там времени не будет. Здесь все преходящее, и память смертная только помогает жить. Она, во-первых, опять же, когда что-то очень трудное, сложное, утешает, что это не вечно. И, кроме того, она помогает не прилепляться к земному. Потому что когда человек с чем-то дорогим расстается, ему это тяжело, а когда время от времени память смертная напоминает, что все равно со всем придется расстаться, то от этой мысли становится несколько легче. Вот обычный такой пример: уже в детстве, если чего-то очень хочется, например, игрушку, ее выпрашивают у взрослых, покупают, а потом она надоедает, и ее бросают, потом покупают другую и опять бросают. Если задуматься над тем, что все, к чему ты стремишься, все равно когда-нибудь надоеет, то не так уж страстно будешь стремиться что-то приобрести, что-то иметь. Когда человек привыкает, ему надоедает. Увы, это относится и к семейной жизни. Сначала стремятся, потом, к несчастью, и даже очень быстро многие надоедают друг другу и расходятся. Стремятся больше к плотской стороне брака, а это быстро

проходит. Некоторые судорожно цепляются за всякие плотские увлечения, и все равно вынуждены будут со временем это оставить. Когда же человек с помощью Божией сам, сознательно относится ко всему как к преходящему, то у него меньше в этом отношении переживаний. Потому что он ни к чему особенно не рвется, ни о чем особенно не печалится, даже если чего-то не имеет. Это очень важно.

Восточная мистика это тоже заметила, и они выработали свой подход – погасить все желания, все должно стать безразличным. Но святые отцы говорят: наша православная аскетика, наша православная вера учит не безразличию, а бесстрастию, не бесчувственности, а полноте чувств, но очищенных от греха. То есть жизнь сохраняет полноту чувств, только эти чувства – святые. Вот, преподобный Серафим, преподобный Амвросий Оптинский – они всегда радостные были, с большим юмором, они ведь не бесчувственные были, но у них все было чисто. Какие у них светлые лица! Лица старцев прямо-таки светятся!

В чине погребения Божией Матери говорится, что лик Ее был дышащий жизнью. Это потому, что Богородица настолько была полна духовной жизнью, что на Ее лике в момент погребения не отразилось, что душа в это время находилась вне тела. Потому что дух объединяет душу и тело. Подмечено, что у благочестивых людей часто после их кончины бывают светлые лица. И даже во время отпевания изменяется выражение лица. То есть душа *там* радуется и *здесь* тело цветет, хотя и усопшее.

Вообще тайна смерти – она во всей своей полноте для нас непостижима. Непостижимо, почему даже

Господь наш Иисус Христос – Богочеловек! – тоже прошел вратами смерти. Непостижимо, почему все обязательно должны пройти через смерть. Даже, видимо, при втором Пришествии изменение живущих будет подобно смертному моменту. Ведь во время Пришествия будут живущие на земле, но, наверное, все-таки они тоже как-то соприкоснутся со смертью. Потому что, если даже пророки Илия и Енох, взятые живыми на Небо, придут на землю для того, чтобы пройти все-таки вратами смерти, – значит, это обязательно для всех. По преданию, и Иоанн Богослов, тоже должен придти, ведь в Евангелии не сказано, что он умрет, а сказано: *еще хочу, да той пребыва-ет, дондеже прииду, что к тебе? Ты по Мне гряди* (Ин. 21, 22). Так что если Сам Спаситель и Матерь Божия прошли смертными вратами, то уж, наверное, и всем остальным этого не миновать.

Много известно случаев, когда в момент опасности перед мысленным взором человека за минуты или даже секунды проносилась вся его жизнь. То есть понятие времени существует только здесь, на земле, оно касается нас, а у Бога оно особенное. В какое-то мгновение произойдет, что весь род человеческий во время Страшного Пришествия Господня падет ниц – как апостолы: *падоша ницы, и убояшася зело* (Мф. 17, 6), когда Господь явился при Преображении. А когда Господь воскрес, *стерегущие пришли в трепет и стали, как мертвые*, то есть не мертвы, а были *яко мертви* (Мф. 28, 4). Так что смерть – она великое таинство.

Тайна смерти всегда, во все времена занимала умы человеческие: «А что потом? Где мы будем?». Всегда люди чувствовали, что что-то здесь не просто.

Наша Православная вера – Богооткровенная, а другие религии – языческие, религии человеческие, человеческого мышления. Человек чувствует, что он сотворен по образу Божию, не сознавая этого, и поэтому, естественно, пытается по своему этому образу представить себе своего Творца. Откуда появился весь этот пантеон богов – аполлонов, зевсов, артемид всяких? Потому что люди по своему падшему образу пытались представить себе свой первообраз, и этот первообраз был отражением их падшего образа. Поэтому эти боги грешили, воевали между собой, убивали. Представление о загробном мире они имеют того же падшего характера, что там гаремы какие-то, всяческие плотские наслаждения. На самом же деле: *не видел того глаз, не слышало ухо... что приготовил Бог любящим Его* (1 Кор. 2, 9) – то есть такое состояние, которое человек здесь не может себе даже представить. Очень хорошо на эту тему сказал святитель Николай Сербский: в видимом мире всё только символы того, что есть в невидимом мире. Поэтому все вроде бы подобно, но не совсем то. Ведь видимый мир все эти символы так запачкал своей греховностью, что по ним трудно представить себе, что *там*.

Видения умерших очень интересны. Иногда, например, они говорят с живущими, а потом вдруг останавливаются: «Больше нельзя говорить, это тебе трудно объяснить». Очень интересные есть примеры, когда здесь живущие, встречаясь с пришельцами из того, загробного мира, пытались расспросить о чем-то, и те отвечали на вопросы, а потом говорили: «Я больше не могу говорить, мне нужно уходить». То есть они должны вернуться, они были отпущены на

какое-то время. И вообще, то, что мы знаем здесь, – это то, что *якоже можаху*: насколько мы можем, насколько нам позволено – настолько и открывается нам мир загробный. Потому что от людей, реанимированных после клинической смерти, часто можно услышать, что им *там* было легко и радостно. Это верно в том смысле, что *там* – мир вечного блаженства. Но, как говорит святитель Игнатий (Брянчанинов), как люди есть и хорошие и плохие, так и *там*, оказывается, есть мир и такой и такой. И люди, которые видели *тот* мир, они чувствуют, что *там* хорошо, но это не есть полнота того, что есть на самом деле, потому что *там* им еще не все открыто, а только приоткрыто настолько, насколько нам можно и полезно.

Где-то я читал о каком-то явлении, что один из явившихся из того мира сказал, что им запрещено являться, чтобы не напугать живущих здесь. Почему редко являются умершие? Потому что, оказывается, *там* есть правило, что если они нас напугают, то они не будут иметь права появляться в этот мир. И чтобы не потерять эту возможность, они очень редко являются. Они берегут возможность придти в этот мир, когда это будет крайне необходимо, чтобы здесь что-то важное сделать, о чем-то напомнить или предупредить.

Поэтому когда митрополит Филарет (Дроздов) явился своему дальнему родственнику, Владимиру Петровичу Седову, который мне это лично рассказывал, то он в первую очередь спросил: «Ты испугался? Не бойся. Ты узнаешь меня?» – «Я вас не знаю». – «Я митрополит Московский Филарет. Мы с тобой дальние родственники: твоя прапрапрабабушка и моя

мать были родными сестрами. То, что ты ведешь такую благочестивую жизнь, что ты много раз был избавлен от смерти – ты думаешь, это просто так?». – А этот человек никогда не ел мяса, не пил ни вина, ни крепких напитков, и никогда, естественно, не курил. – «Я, – говорит митрополит Филарет, – с самой колыбели слежу за каждым твоим шагом».

То есть *этот* мир и *тот* мир связаны очень тесно. Просто, как я уже сказал, *тот* мир очень редко открывает эту связь из-за нашей неподготовленности к этому. Поэтому иногда эти явления во сне бывают, а наяву очень редко. Вообще явления из мира загробного показывают, что есть связь между живыми и усопшими родственниками, даже отражающаяся на их состоянии. Вот один из таких примеров: один потерявший веру офицер, это было в XIX веке, пограл все святое, вел себя незаконно. Родители его умерли, но он не смог быть при их кончине и решил съездить все-таки на могилу. И вот он, не доходя до могилы родителей, вдруг падает, теряет сознание. Он идет на другой день и опять падает как только видит могилу. Он решил, что у него падучая. Выдерживает еще день, идет в другое время. Опять с ним происходит то же самое, и его уже приносят расслабленного, начинаются нарывы какие-то, потом температура поднимается. В таком состоянии ему вдруг как бы некий звоночек – слуга его говорит: «Ты, видно, барин, сильно грешный, раз тебя Господь на могилу родителей не допускает».

Потом он уже в полубредовом состоянии видит свою умершую мать. Она приходит и говорит ему: «Господь за твою незаконную, богохульную жизнь хотел стереть тебя с лица земли, но мы с отцом

умолили Его и Он дает тебе последнюю возможность. Если не обратишься – погибнешь». Она была вся в белом, но на платье было одно темное пятно. «Это, – сказала она, – твои грехи на мне». Дала ему крест: «Вот тебе крест, который ты с себя снял. Если не раскаешься – погибнешь», – она зарыдала и попросилась.

В это время вошел слуга и говорит: «Барин, может, испьешь святой водички?» И офицер говорит: «С радостью. Раньше я об этом не думал». Его все это так потрясло, что он попил святой воды, и ему стало легче. Потом он стал поправляться и дошел до могилы родителей. Начинается этот рассказ с того, что священник обратил внимание на стоящего в храме человека, лицо которого хранило следы буйной жизни, но он стоял все время с поникшей головой, сокрушенно, и попросил исповедать его и причастить. Так родители вымолили сына у Господа. Связь между умершими родителями и живущими детьми очень тесная.

Вот еще пример. Умерла жена, осталось двое детишек. Муж выдержал траур, как подобает, но потом из-за детей да и не стар еще был, и он решил все-таки вступить во второй брак. Кстати, второй брак допускается в таком случае, но все равно, по-настоящему, полагается епитимия. И вот ему, вместо епитимии, была большая неприятность – какая-то растрата на службе. Он был очень расстроен и пришел в комнату к деткам, как это бывает иногда в таком состоянии. Сидит там, детки спят, они маленькие еще были. Вдруг открылась дверь, и вошла умершая жена. Он настолько был потрясен своей неприятностью, что даже сразу не подумал, что она умерла, и спрашивает ее: «Ты знаешь, что у меня случилось?» Она говорит: «Знаю».

– Что мне делать?
– Ничего. Помолись, все пройдет, все обойдется.
– А знаешь, кто это сделал?
– Знаю.
– Кто?
– Это тебе не нужно знать. Все обойдется, достаточно только улучшить момент.

Потом он говорит:

– Знаешь, я ведь второй раз женился, ты не обижаешься?

– Нет, – говорит жена, – напротив, ты это правильно сделал.

Для нее не было уже плотской ревности. У нее было другое понимание всего: рядом с ее семьей, с ее любимым человеком, с ее детьми есть другой человек, который их тоже любит, о них заботится. И этого достаточно.

Муж говорит: «Вот детишки наши, посмотри». – «Я, – говорит жена, – сегодня уже у них была». В это время теща его, уже вторая, слыша какой-то разговор, пошла к их комнате, ее шаги раздались, и жена говорит: «Нас не должны вместе видеть», – и ушла. Она была со свечой, и интересно, что остались капли воска, которые капали со свечи, а ее уже не было. Тоже пример интересный – то есть наши умершие посещают нас, заботятся о нас, предупреждают, поэтому иногда являются перед какими-то важными событиями. И отношение у них к нам уже другое, не земное, полная духовная связь.

Митрополит Филарет своему родственнику являлся дважды. Во второй раз он сказал: «Я приду в третий раз – за тобой, с теми, кто тебя любит и кто о тебе заботится». Значит, и еще кто-то был из родственников умерших или духовных отцов. Эта связь

также существует, связь с духовными отцами, они нас не оставляют. Мы знаем, что даже на мытарствах блаженной Феодоре помогал ее духовный отец Василий.

Болезни – это тоже дело благое, как говорят святые отцы, по-моему, на Афоне: «Здоровье – драгоценный дар Божий, а болезнь – бесценный дар Божий». А от бесценного дара нельзя избавляться! Поэтому говорят: «Надо не вылечиваться, а подлечиваться».

И опять же, столько пользы, оказывается, от памяти смертной в этой жизни! Все спокойно переношишь, не раздражаешься, не завидуешь, сильно не переживаешь. Поэтому-то память смертная, в истинном ее смысле, не только для будущей жизни, она и для этой жизни необходима. Потому что по-другому человек живет, воспринимает многие вещи совершенно по-другому – в свете *той* жизни. Умирать все равно придется, конечно, а когда – это один Бог ведает, но жить нужно и жить именно в свете будущей жизни.

Ведь мытарства будут, и будут у всех, но каждый будет проходить их в меру своего состояния. Есть такой пример, когда один диакон из Троице-Сергиевой Лавры, возвращаясь в монастырь, очень тяжело добирался, был разлив реки, он опоздывал. Игумен сразу поставил его служить, тот служил, с дороги, переутомленный, причастился, потом пришел в келью и умер. Игумен был очень расстроен этим, считал, что, может, сильно перегрузил. Просил весь монастырь молиться за диакона. На сороковой день почивший диакон явился своему игумену, благодарил за молитвы. Игумен говорит: «Все молились». – «Нет, отче, – говорит диакон, – ты один молился». –

Оказалось потом, что его забыли внести в синодик – «Ну а как ты прошел мытарства?» – спрашивает игумен. – «Как молния». – «Как так?» – «А я был в тот день причастник», – отвечает диакон. Так что желательно чаще причащаться, а когда уже приближается кончина обязательно постараться собороваться и причаститься.

Конечно, сколько людей – столько путей. Каждый идет своим путем. Я думаю, что мытарства блаженной Феодоры нам даны в некоторой степени как образец, но каждому, видимо, по-своему придется их проходить. Надо исповедоваться, причащаться да и не грешить, и все будет проще.

Как один раб Божий, уже кончина его приближается, а он лежит благодушный. Спрашивают его: «Ты что такой радостный? Неужели ты не боишься смерти, ведь даже святые боялись, а ты и жил-то нерадиво?!» А он отвечает: «Да, жил я нерадиво, но с тех пор как я пришел в монастырь, я старался всем прощать и никого не осуждать».

И за ним пришел Ангел и сказал: «Ты жил не очень хорошо, но ты старался всем прощать и никого не осуждать, а Господь сказал: «Не судите, да не судимы будете». Поэтому Господь тебе все прощает и судить тебя не будет. Готовься». Так что спастись очень просто – никого не осуждать и всем прощать.

Когда говорят: «безвременная кончина» – это не так, это по нашим понятиям. Все всегда своевременно. «Хорошо, – говорят, – внезапная смерть, человек не болел, не страдал». Но это совсем не обязательно, что это хорошо. Потому что самое главное – это чтобы Господь простил, а образ смерти – мгновенная или после болезни длительной, с болью или без

боли – это уже дело Промысла Божия, кому что Господь пошлет, на все Его святая воля. И не надо думать об этом заранее. Отец Иоанн Крестьянкин в своем слове о страдании очень хорошо говорит: «Страдания на одну треть, а иногда и на добрую половину состоят из страха перед страданиями, в ожидании их...». Нужно не думать о страданиях ни до, ни тогда, когда они уже пришли. Не стоит постоянно вопрошать: «Сколько мне еще страдать и мучиться?!». Надо стараться, во-первых, молиться, а во-вторых, как-то переключать внимание, чем-то стараться заниматься. Но молитва прежде всего! И вообще, когда перестраиваешь свою душу на евангельский строй, то все остальное, что происходит с тобой в этой жизни, становится не таким уж и важным. Ведь все здесь не вечно.

В тяжких страданиях надо напоминать себе такой пример, как один человек болел очень тяжело и даже зароптал: «Господи, что ж так мучаюсь, хоть бы умереть поскорее». И тогда явился Ангел и говорит:

– Ну ладно, выбирай: или три часа в аду, или еще год болеть.

Больной говорит:

– Лучше три часа в аду, чем здесь столько болеть.

– Хорошо, – сказал Ангел, взял его душу и отнес в ад, да еще и не в самый огонь, а просто во тьме крошечной оставил. А там же времени нет! Вот этот человек там в крошечной тьме находится, слышит крики из адского огня, и ему показалось, что уже годы прошли, даже сотни лет, и что его там забыли. Он возопил: «Господи, что ж ты меня здесь оставил! Ты забыл про меня, а обещал только на три часа!». Ему Ангел отвечает: «Еще даже первый час не прошел». – «Как первый час? Тогда я лучше буду до Второго

Пришествия болеть, чем еще два часа в аду!» Так что там настолько сильные страдания – не дай Бог. Не то, что здесь...

Иногда говорят: «Вот как бы побыстрее заработать Царствие Небесное!». Но ведь побыстрее – значит, потяжелее жизнь, жить не долго, но тяжело. Нет, я думаю, лучше не рекомендовать Господу, как нас вести к Царствию Небесному, я думаю, Он ведет каждого наилучшим путем. Мне кажется, надо на все говорить: «Да будет воля Твоя!».

Есть такой рассказ у святителя Димитрия Ростовского, как один человек долго молился Богу, чтобы Он показал ему человека, от которого можно было бы научиться вернейшему пути в Царство Небесное. И вот однажды он встречается при церковных дверях нищего старца и приветствует его: «Добрый день, старче!».

– У меня каждый день добрый, – отвечает нищий.

– Желаю тебе счастья.

– Я никогда несчастным не был.

– Желаю тебе, чего ты сам себе хочешь.

– А у меня все есть, что я хочу.

– Как же это так, ведь ты сидишь, просишь милостыню, а говоришь, что ты счастлив и что у тебя все есть!

– Господь лучше знает, что мне надо. Все, что Он мне посылает, – значит, так мне и надо. Поэтому я всегда счастлив. А единственное, чего я хочу, – это чтобы на мне исполнялась воля Божия.

– А если Бог тебя в ад пошлет?

– Неужели Он меня пошлет в ад? Он знает, что я крепко держусь за Него глубочайшим смирением и нелицемерной к Нему любовью, и этими двумя

связями я так крепко привязался к Нему, что куда бы Он ни послал меня, я повлеку Его с собой. А для меня лучше быть вне Неба с Богом, чем на Небе без Него.

Вот и получил наставление.

Господь так милостив, что иногда для того, чтобы очистить человека, Он даже посылает поношение его телу. Есть такой рассказ: один брат отлучался из монастыря, на послушание, с кружкой, а когда вернулся, узнал, что один его собрат умер. Он стал молиться о нем. И вдруг видит, как душа собрата восходит, возносится и вдруг, когда душа уже подносится к открытым райским вратам, они закрываются. Ангел не отпускает души и молит: «Господи, помилуй эту душу!». А Бог говорит: «У этой души есть один неисповеданный грех. Но за поношение, которое претерпело тело этой души при погребении, ему этот грех прощается». И райские врата открываются, душа попадает в рай и ее там с радостью принимают. Брат рассказал об этом, там полагалось рассказывать видения. И оказалось, – он же не был при погребении и не видел этого, – что, когда погребали, оборвалась веревка и гроб стал падать, зацепился крышкой, крышка открылась, тело вывалилось, ударилось о камень и была пробита голова. То есть Господь послал это поношение телу, для того, чтобы очистить душу от греха. Так что иногда тело страдает и после смерти, и это тоже засчитывается. Может, это относится и к кремации.

Насколько дивны Промыслы Божии! У нас был такой случай. Принесли одну старушку, просили гроб с вечера поставить в храме. Поставили. Утром я начинаю отпевание и замечаю, что родные, которые

принесли эту старушку, удивленно переглядываются. Я не понимаю, в чем дело, они говорят: «Платье-то вроде наше, но это не она». Вдруг в конце службы, уже к отпеванию, приносят еще одну старушку, и у тех сопровождающих тоже смущение. Оказалось, что старушек в морге перепутали. И получилось, что гроб с одной простоял всю ночь и всю службу в храме, а другую только к отпеванию привезли. Видимо, был в этом какой-то особый Божий Промысел, чтобы об одной старушке особая молитва была. Так что даже то, что происходит с телами, не просто, не говоря уж о душах.

Так что, надежда, упование на милосердие Божие никогда не должно оставлять человека. Отец Сергей (Орлов) – он был очень высокой духовной жизни, старец. Мы с ним как-то беседовали, и вдруг он мне говорит: «Любовь Божия ведь такова, что Господь почти всех помилует». Поэтому когда бывает иногда, что подступает страх, уныние, надо напоминать себе, что на все воля Божия, и что любовь Божия такова, что мы ее себе даже и представить не можем! Все, что мы здесь знаем о милосердии Божиим, – ничто по сравнению с тем, каково оно есть на самом деле. Это и утешительно. В этом-то и отрада.

Архимандрит Кирилл (Павлов) ✠

О ПАМЯТОВАНИИ СМЕРТИ

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

*Д*орогие во Христе братья и сестры! Святые отцы в своих наставлениях монашествующим, одновременно же и всем христианам, одним из главных духовных деланий поставляют постоянное памятование о смерти. *Поминай последняя твоя, и во веки не согрешиши* (Сир. 7, 39). Размышление, беседа, памятование о смерти для некоторых, может быть, составят малоприятное занятие, а иные из числа сомневающихся в вечной загробной жизни и усмехнутся. Тем не менее вопрос о смерти для человеческого рода является главным, животрепещущим вопросом.

Живое памятование о смерти удерживает нас от привязанности к земному и не лишает нас Царствия Небесного. Оно постоянно направляет наши мысли к вечности, а мысль о вечности всегда производила великое действие: она воодушевляла мучеников и делала для них нестрашными самые лютые страдания; она затворяла в пустыне подвижников и доводила их до совершения нечеловеческих подвигов; она отрезвляла самых тяжких грешников и обращала их на путь покаяния. Все временное, как бы оно ни было важно, по сравнению с вечностью – ничто. Все, что привлекает нас в этой земной жизни: слава, честь,

богатство, здоровье, мудрость, – все это в час смерти разрушится, отпадет и не пойдет с нами в вечность. А потому благоразумие требует, чтобы мы простирали свой взор вдаль и предусматривали будущие случаи, особенно трудные и опасные для нас, и с пользою для себя или, по крайней мере, с безопасностью встречали их. Так, земледелец прежде посева думает о жатве, чтобы собрать обильный урожай. Отправляясь в какой-нибудь далекий путь, мы заранее заботимся, что взять с собою, где остановиться, чем заняться, чтобы путешествие наше было благополучным. Не тем ли важнее переселение наше из этого мира в мир другой, нам еще не известный, путь к которому прегражден всевозможными воздушными мытарствами?

Поэтому нам необходимо много заботиться и размышлять, каким образом приготовить себя к будущей вечной жизни, чтобы не оказаться без ничего в суровую и бесплодную зиму смерти. Опыт нашей жизни учит нас, что к смерти мы должны готовиться всегда, потому что не знаем дня и часа, когда умрем. Смерть похищает не только старых людей, она уносит и детей, юношей, девиц, людей зрелого возраста, не спрашивая нашего соизволения. Господь потому и утаил от нас час смерти, чтобы мы постоянно бдели над собою, внимательны были к своим поступкам, словам и помышлениям и не откладывали на последние дни своего самоисправления и доброделания. В самом деле, станет ли человек заниматься безотлагательно исправлением самого себя, напрягать свои силы к побеждению зла, если будет знать, что конец его жизни еще далеко, что он еще не умрет скоро? И, кроме того, если бы мы знали час своей смерти, то и

стали бы перед смертью готовить себя к отшествию добрыми делами, молитвенным предстоянием, покаянием. Такое приготовление не было бы ли плодом принуждения, какого-то рабского страха, а не свободного произволения? Господь любит только добрых делателей и дателей, и не желает, чтобы наша свобода чем-то стеснялась и наше доброе дело лишилось бы полной награды. А следовательно, мы должны всегда быть готовы к переходу в иной мир и помышлять о благополучном своем переселении.

Насколько важно памятование о смерти, в том нас удостоверяет Священное Писание, которое, повествуя о сотворении Богом первого человека, рассказывает, что Господь, поместив Адама и Еву в райском саду, повелел им вкушать все плоды, кроме плодов древа познания добра и зла. Чтобы их райская жизнь была безопасна, для ее охранения Господь поставил им грозного стража – помысл смерти: *вонъже аще день снесете от него, смертию умрете* (Быт. 2, 17). Райская жизнь была безопасна, доколе стоял подле помысл смерти. Но как скоро исконный враг хитростью успел похитить у них этот помысл о смерти: *не смертию умрете* (Быт. 3, 4) – тотчас и убил грехом райскую жизнь их. Что было с Адамом, то, естественно, повторяется и с потомками его. Тем более что мы наследственно склонны ко греху, менее способны к противлению искушениям, нежели Адам, потому что он имел в совершенстве духовную и телесную природу и мог тверже стоять против искушений. Если будем держать в памяти мысль о смерти, то избежим смерти, а если забудем размышлять о своей смерти, устремляясь только к чувственным удовольствиям, приобретениям и славе

земной, то подвергнем себя действительной, то есть вечной духовной смерти. Мы слишком преданы плотской жизни и суетам ее; она, как прах, окутывает нас, и, находясь среди этого облака, а иногда и вихря пыли, мы не в состоянии смотреть вдаль, видим только себя и вокруг себя, водимся настоящим, не прозирая в будущее.

Святитель Тихон Задонский, говоря о благотворности для нас памяти о смерти, пишет, что смерть не попускает нам хвалиться своим благородством и унижать других, потому что, памятуя смерть, мы помним, что *земля мы и в землю отыдем* (ср.: Быт. 3, 19). Памятуя смерть, мы избежим лихоимства, грабления, объядения и пьянства, потому что знаем, что по смерти все мирское останется миру, а мы, как вошли в мир наги, так нагими и отыдем, и тело наше сделается снедью червей. Нам тогда никакого богатства не надо, оно с нами не пойдет, и нам тогда потребуется только три аршина земли, гроб и срачица¹. Памятуя о смерти, мы естественно будем размышлять и о Страшном Суде Божиим, который по смерти следует, где за слово, дело и помышление худое будем истязаны. И, памятуя смерть, будем и к Страшному Суду приготавливаться и Судию Праведного всякими мерами умилоствивлять. Будем всегда в своем уме представлять, что от Страшного Суда две дороги поведут людей: по одной бедные грешники с плачем, воплями и бесполезным рыданием *пойдут в муку вечную*; по другой блаженные *праведники* с радостью неизреченною *пойдут в жизнь вечную* (см.: Мф. 25, 46). Памятуя всегда эти четыре предмета: смерть, Суд, ад и Царствие Небесное, мы не попустим

¹ Сорочка, рубашка.

себе прельщаться греховными удовольствиями и наслаждениями. Многие святые отцы для живого напоминания себе смертного часа имели у себя в келлии гроб, а на столе – череп человека, которые всегда напоминали им о смерти, Суде, аде и Царствии Божием и тем постоянно поддерживали их в терпеливом несении креста их скорбной жизни, на пути в Царствие Небесное (например, преподобный Серафим Саровский).

Будем же помнить *последняя своя, чтобы вовеки не согрешить* (ср.: Сир. 7, 39) и не лишиться Царствия Божия. Пусть смерть наших родных и близких напоминает нам о нашей смерти; пусть кладбища, которые мы посещаем, побудят нас к размышлению о том, что наступит некогда время, когда и мы будем покоиться среди мертвых; пусть болезни, постигающие нас, будут для нас вестниками, зовущими к загробной жизни. Больше же всего будем молить Господа, да избавит Он нас от окаменения нашего сердца, и пробудит в нас живую память о смерти, и избавит от пристрастия к земной суетной жизни, и соделает нас наследниками вечной блаженной жизни. Аминь.

Глава 3 *

О КРЕСТЕ
ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ
СТРАДАНИЙ

К читателю

Многие люди часто недоумевают, почему случаются с ними те или иные скорби, и задаются вопросом: зачем они посылаются человеку?

На эти вопросы дает ясный ответ книга «Царский путь Креста Господня». В ней дан полный анализ скорбей, с которыми встречается человек на пути спасения. Святые отцы глубоко и всесторонне раскрыли значение скорбей, их нравственную сущность для людей, несущих свой жизненный крест. Многие, не зная этого значения, под тяжестью креста допускали и допускают малодушие, ропот, падения. Вот почему книга «Царский путь Креста Господня» так необходима для каждого христианина. Она дает исчерпывающий ответ крестоносцу, для чего посылается человеку крест, как его надо нести и какую пользу приносит он людям.

Учение святых отцов о значении скорбей раскрывается в книге в виде диалога между Ангелом и Ставрофилой. Речи Ангела – это святоотеческое учение о скорбях, а вопросы Ставрофилы – вопросы людей, желающих знать, как воспринимать скорби. Имя Ставрофила означает крестоплюбица. И все, которые идут крестным путем к вечной блаженной жизни, являются крестоплюбцами. А книга «Царский путь Креста Господня» поможет всем крестоплюбцам, жаждущим спасения.

Иоанн (Снычев), митрополит
Санкт-Петербургский и Ладужский

Святитель Иоанн (Максимович) ✠

ЦАРСКИЙ ПУТЬ КРЕСТА ГОСПОДНЯ (главы из книги)

Вступление на путь крестный

Не для скорбей, не для страданий создан человек. Мы получили бытие, чтобы благоденствовать, говорит св. Григорий Двоеслов; и благоденствовали после того, как получили бытие. Нам вверен был рай, чтобы наслаждаться; нам дана была заповедь, чтобы, сохранив ее, заслужить славу, – дана не потому, что Бог не знал будущего, но потому, что Он постановил закон свободы. Мы обольщены, потому что возбудили зависть; пали потому, что преступили закон¹, не сохранили покорности и послушания Богу. За преслушание праотец наш изгнан из рая. За преслушание человек должен испытать многообразные скорби, болезни и печали и, наконец, подпали смерти². С того времени земля сия сделалась для нас местом изгнания и страданий. Так грех был для человеческого рода источником слез и рыданий, которые составляют теперь общий удел всех живущих на земле. И не только временным бедствиям и страданиям подвергся человек чрез преступление Божественной заповеди; но оно удалило его от Бога,

¹ Слово 45 на Св. Пасху. М. 1844., Ч. 4, с. 182.

² Св. Феофил, Антиохийский. Книга 2-я «О вере к Автолику», гл. 25.

соделало его чуждым жизни вечной, заключило для него врата Царствия Небесного, так что до пришествия на землю Искупителя души и праведников нисходили во ад.

Но многомилостивый Господь не оставил человека в этом бедственном состоянии. По безмерному милосердию Своему Он в predetermined время, для спасения рода человеческого, приклонил небеса, снисшел на землю, соделался человеком, пострадал на Кресте и Пречистой Своею Кровию искупил нас и избавил от проклятия, Воскресением Своим отверз Царствие Небесное и открыл нам доступ к наслаждению небесными благами. Однако Он не освободил последователей Своих в сей земной жизни от скорбей и страданий. Напротив, как Сам путем страданий и Креста совершил дело нашего спасения и вошел в славу Свою, так и нам оставил пример, дабы мы шли по следам его (1 Пет. 2, 21), и заповедал нам: *если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною* (Мф. 16, 24); и еще: *И кто не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня* (Мф. 10, 38). И опять в предсмертной Своей беседе с учениками Своими Господь возвестил им: *в мире будете иметь скорбь* (Ин. 16, 33). Так Спаситель мира благоволил, чтобы скорби составляли неизбежный удел человека в земной жизни. По непостижимой же премудрости Своей и по безмерной любви к роду человеческому, Господь спасительными страданиями Своими соделал то, что самые скорби и страдания временные, которые человек навлек на себя преслушанием заповеди Божией, обращаются для верующего христианина в средство к достижению вечного блаженства, как о сем сказано в слове Божиим:

многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие (Деян. 14, 22).

Но не много таких людей, которые постигают эту истину и с преданностью воле Божией и с надеждою получения будущих благ, во славу Божию, благоразумно переносят скорби настоящей жизни. Большая часть людей ищет блаженства там, где его нет, т. е. на земле, в мимолетной славе и в суетных и скоропреходящих наслаждениях мира сего, вместо истинных благ гоняясь за тенью, забывая при этом, что за преступными наслаждениями следуют страдания и мучения, а за христианское терпение скорбей уготовляются человеку и в сей жизни дарования духовные, и в будущей вечные несказанные блага и нескончаемая радость и наслаждение.

В одном из древних христианских городов был некоторый благочестивый муж, богатый и славный, по имени Филофей. По смерти жены у него остались три дочери. Имя старшей, превосходившей других красотой и разумом, было Ставрофила³. Так она была названа потому, что в праздник Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня впервые увидела свет Божий. Ближайшая к ней по летам называлась Илария, а младшая – Гонория. Имена, нареченные им от родителей, впоследствии оказались согласными с наклонностями и нравами каждой, потому что Ставрофила стремилась к благочестивой жизни, Гонория искала чести и славы, а Илария любила только забавы и наслаждения мира сего.

Филофей за городом имел сельское поместье. Туда однажды в весеннее время отправились дочери его, чтобы успокоиться от городской молвы, приятно

³ Крестолюбца, крестоносица.

провести время в сельской тишине и насладиться чистым, благорастворенным воздухом. На пути, который пролегал по лесу, Ставрофиле пришло желание посетить находившийся в недалеком расстоянии храм, посвященный Животворящему Кресту Господню. Она стала упрашивать и сестер своих сопутствовать ей туда; но сестры отказались от сего, предпочитая спокойствие и приятное препровождение времени благочестивому предложению Ставрофилы, и предоставили ей одной отправиться, куда влекло ее внутреннее сердечное настроение. Со скорбью оставила их Ставрофила, обещаясь скоро возвратиться к ним. Но, не зная хорошо дороги в лесной местности, она незаметно прошла храм Св. Креста и, думая, что приближается к нему, все более удалялась от него и долго блуждала в лесу, переходя туда и сюда по разным тропинкам. Не зная, что делать, Ставрофила наконец села под ветвистым деревом и предалась отдохновению. Обдумывая свое положение, она стала так размышлять: «Как я теперь, переходя с одного места на другое, удалилась от святого храма Креста Господня, так многие души, блуждая по распутиям мира, уклоняются от правого пути спасения, впадают во многие грехи, а наконец и навсегда отторгаются от небесного отечества».

Чем больше размышляла об этом Ставрофила, тем более сердце ее наполнялось этою святою истинною, и она уже не столько заботилась о том, чтобы выйти из леса, сколько о том, чтобы найти путь к жизни вечной. Итак, обратившись к Господу и воздыхая из глубины души, она возгласила:

«Господи мой, Владыко жизни моей! Се раба Твоя пред Тобою! Сколько уже лет протекло жизни моей и кто знает, с пользою ли протекли они? На этом общем

поприще, где шествуют все смертные, и я уже немало прошла, а ко спасению ли лежит путь мой или к погибели, не знаю. Что, если вместо пути спасительного, я избрала путь суеты? Ибо сказано в Святом Писании: *Есть пути, которые кажутся человеку прямыми, но конец их путь к смерти* (Притч. 16, 25); *Я заблудилась, как овца потерянная* (Пс. 118, 176), шествуя не туда, куда бы следовало, а куда все мы влечемся заблуждениями нашими; *взыщи рабу Твою* (Пс. 118, 176). *Знаю, Господи, что не в воле человека путь его, что не во власти идущего давать направление стопам своим* (Иер. 10, 23); но как говорит Премудрый: *от Господа направляются шаги человеку* (Притч. 20, 24). Потому молю Тебя, Господи: *зри, не на опасном ли я пути, и направь меня на путь вечный* (Пс. 138, 24). *Укажи мне, Господи, путь, по которому мне идти, ибо к Тебе возношу я душу мою* (Пс. 142, 8).

Так от сердца сокрушенного со слезами взывала Ставрофила. Стремясь с любовью к лучшей жизни, душа ее обнажилась всего мирского и с возгорающим сердечным желанием прилепилась к небесному.

Крест – верный путь к небу, и всем должно идти по сему пути

Видите, кий есть путь благ, и ходите по нему.

Иер. 6, 16

Не мог не внять теплой и усердной молитве Ставрофилы Тот, Кто близок ко всем призывающим Его во истине (Пс. 144, 18), и наиболее к тем, которые ищут Его с сокрушенным сердцем. Желая утешить рабу

Свою, Господь послал к ней Ангела Своего, который явился ей в виде малого отрока, озаренного светом. Удивленная сим внезапным ангельским явлением, Ставрофила ничего не могла проговорить.

Ангел же кротко сказал ей: «Не бойся, отроковица! Я послан к тебе от Того, Кто есть вечная премудрость, *путь, истина и жизнь* (Ин. 14, 6). Я для того и явился теперь, чтобы удовлетворить твоему желанию, ибо услышана молитва твоя. Исходя от сокрушенного и искреннего сердца, она, как фимиам благовонный, возшла пред лице Господне. Ты и не могла пожелать ничего лучше того, чего пожелала. Об этом Сам Господь говорит чрез пророка Иеремию: *Остановитесь на путях ваших, и рассмотрите, и расспросите о путях древних, где путь добрый, и идите по нему, и найдете покой душам вашим* (Иер. 6, 16). А потому я ныне по молитве твоей и послан к тебе от Того, Кто, приклонив небеса, снисшел на землю, – послан для того, чтобы научить тебя пути спасения, которого желает душа твоя».

Слыша это, Ставрофила исполнилась великой радости и от удивления воззвала: «Господи! *что есть человек, что Ты помнишь его?* (Пс. 8, 5). И откуда это мне, что пришел Ангел Господа моего ко мне?»

АНГЕЛ: Что я пришел к тебе, это не по твоему достоинству, а по благоволению Божию: *ибо веселится Господь о спасении сынов и дочерей человеческих* (Притч. 8, 31).

СТАВРОФИЛА: Благодарю Тебя, премилосердный Господи, что Ты не отверг молитвы нищей, но призрел на смирение рабы Твоей, послав Ангела Своего для вразумления моего. Умоляю Тебя, Господи, да будет со мною отныне по глаголу Твоему. Научи рабу Твою путям правды и стезям истины.

АНГЕЛ: Внемли же, дочь Господня, приклони ухо твое, дабы уразуметь тебе глаголы живота вечного. Когда всякая плоть осквернила путь свой и уклонилась от стези истины, тогда Сын Божий снисшел с неба, чтобы показать людям *путь новый и живой* (Евр. 10, 19) чрез завесу плоти своей, т. е. житием во плоти. Ибо как прежде преступление плоти заключило путь к небу и положило к нему преграду, так вочеловечившийся Сын Божий чрез завесу плоти Своей, принятой Им на Себя вас ради человек и вашего ради спасения, осветил для вас путь новый, на который Сам первый вступил и первый прошел его, даровав власть идти по нему и всем верным последователям Своим.

СТАВРОФИЛА: Не совсем понимаю, какой этот новый животворящий путь, вводящий в жизнь вечную.

АНГЕЛ: Этот путь не иной есть, как путь креста. Не слыхала ли сказанного Господом в Евангелии: *И кто не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня?* (Мф. 10, 38). Он многократно возвещал это людям, чтобы всякий знал и никто не мог отказываться неведением. А чтобы кто не подумал, что сказанное Господом Иисусом Христом относилось к одним апостолам и ученикам Его, евангелист Лука показывает ясно, что Господь говорил это ко всем, так приводя слова Его: *Ко всем же сказал: если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя и возьми крест свой и следуй за Мною* (Лк. 9, 23). Евангелист же Марк сказал о сем еще яснее. Изложив беседу Христа Господа с учениками о страдании Его, он прибавляет: *И, подозвав народ с учениками своими, сказал им: кто хочет идти за Мною, отвергнись себя и возьми крест свой и следуй за Мною* (Мк. 8, 34). Всем, Ставрофила, всем без исключения Спаситель мира

указал этот путь; ибо этот путь жизни, путь славы, путь ко граду жизни, путь к Царствию. Без креста нет спасения для души, нет надежды на жизнь блаженную. Кроме святого крестного пути нет другого пути к жизни и к истинному внутреннему миру. Иди куда угодно, ищи чего хочешь – кроме пути святого креста, ты не найдешь ни высочайшего пути горé, ни безопаснейшего долу. В кресте спасение, в кресте жизнь, в кресте защита от врагов; крест – источник вечной сладости, сила разума; в кресте веселие духовное, в кресте полнота добродетелей, в кресте совершенство святости.

Ставрофила была в страхе и удивлении, слыша, что Ангел предлагает ей один только крест, и потому сказала: *Какие странные слова!* (Ин. 6, 60). Оно как оружие прошло мое сердце; ибо крест есть название казни. Тяжело слышать даже слово крест, так как оно напоминает о муках и страданиях. Потому-то от слов твоих я и объята страхом».

АНГЕЛ: Ужели ты утрашилась и одного воспоминания о кресте? Если одно название креста навело на тебя страх, то ты слишком малодушна, Ставрофила, смотри, как ты противоречишь своему имени. Ведь Ставрофила значит крестолюбица. Или ты не знаешь, что на этой многоплачевной земле не время веселия и радости, а время трудов и скорбей. Разве кто проходил когда-либо путь добродетели без скорбей и искушений? Тебе известно, что посланный к людям от Бога Отца Единородный Сын есть Учитель истины и Наставник правды. Его Отец Небесный почтил этим наименованием на горе Фаворе, сказав: *Сей есть Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение: Его слушайте* (Мф. 16, 5). И Сам Он о Себе говорил ученикам Своим: *Вы называете*

Меня Учителем и Господом, и правильно говорите, ибо Я точно то (Ин. 13, 13). И Апостол учит, что в Нем сокрыты все сокровища премудрости и ведения (Кол. 2, 3). Но, живя на земле, чему Он более поучал, как не пути крестному? Не ясно ли говорил Он: И кто не несет креста своего и идет за Мною, не может быть Моим учеником (Лк. 14, 27).

Слушая эти слова Ангела, Ставрофила воззвала к Господу: «Христе Иисусе, Учителю благий! прости меня, неопытную ученицу в училище Твоем: поистине я забыла так часто слышанное мною в церкви учение Твое».

АНГЕЛ: Слышать только сие учение недостаточно. Ты должна слышанное помнить и исполнять на деле. Все течение жизни сей есть время, данное тебе Богом для того, чтобы научиться крестоношению, а по смерти – время испытания. Тогда Христос Господь, Учитель и Судия, от всякого потребует отчета в проповеданном Им учении; и кто окажется неискусным на пути крестном, отвержен будет Сыном Божиим как недостойный ученик Его училища. Ибо, когда Он придет судить людей, явится на небесах знамение Креста; и это знамение на последнем испытании будет знаком, по которому праведный Судия избранных Своих узнает, и украшенных печатью смерти Своей милосердный Мздовоздаятель призовет к наградам жизни вечной, говоря: *Приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира (Мф. 25, 34)*. Тогда все с покорностью несшие в земной жизни крест свой, сораспинаясь Христу понесением скорбей, приидут к Судии с великим дерзновением. Ибо кто ныне с благим произволением слушает слово о кресте и следует оному, тому не будет тогда повода бояться вечных мук. Если

и ты ученица Христова, ходи тесным и тернистым путем. Не считай этого тяжким и не малодушествуй. Без креста и скорби не может пройти жизнь сия. И так, пораженная внезапным страхом, Ставрофила, не убегай от спасительного пути, начало которого всегда бывает прискорбно. Если же кто с постоянством и с верою будет продолжать начатый подвиг, то потом уже с доброхотным сердцем, любовью и неизреченною радостью будет проходить путь заповедей Господних.

Убежденная сими словами Ангела Ставрофила возвала к Богу: *по слову уст Твоих, Господи, отселе я охранял себя от путей притеснителя* (Пс. 16, 4). С благою надеждою вступлю на тесный путь креста; только будь ты, Боже мой, помощником и защитником моим».

АНГЕЛ: Дерзай, отроковица! Не оставит, не презрит тебя Господь. Он заповедал людям нести крест, и Сам дал вам образ крестоношения; и если бы не предварял вас Сам на пути сем, то не повелел бы следовать за Ним. Дерзай! Он пребудет с тобою во всякой тесноте и скорби сердечной.

Что есть крест и как он многообразен

Многи скорби праведным...

Пс. 33, 26

Вразумленная словами Ангела, Ставрофила, желая еще более быть наставленною, сказала: *Ныне начях глаголати* ко Ангелу Господа Бога моего, *я, прах и пепел* (Быт. 18, 27). Скажи мне, умоляю тебя, служитель Божий, что означают слова: *да возьмет*

крест свой? Всякий ли из нас должен носить древо крестное или распинаться на древе подобно Господу Иисусу Христу?»

АНГЕЛ: *Ты говоришь как одна из безумных (Иов. 2, 10), не разумея Писания. Ибо крест христианина не есть только видимое знамение креста, но решимость проводить жизнь добродетельную. Вся жизнь человека христианина, если она сообразна с учением евангельским, есть крест и страдание. Были подобно тебе, Ставрофила, некоторые усердные, но не вполне искусные монахи, имевшие ревность Божию не по разуму. Принявши просто и буквально слова Господни: *Кто не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня* (Мф. 10, 38), они подделали себе деревянные кресты и, всегда нося их на плечах своих, не назиданием послужили для людей, а возбудили этим общий смех. Их справедливо обличал авва Серен, как людей, следовавших не Духу Животворящему, а убивающей букве Писания⁴. Крест, который Бог повелевает носить, состоит не только в том, чтобы быть пригвожденным к древу, но и в том, чтобы чрез все течение жизни поучаться и упражняться во всех добродетелях. Ибо все ли люди и ученики, ходившие вослед Христа Господа, были распяты? Все ли девы, которые, по слову Апокалипсиса, последуют Агнцу (Откр. 14, 4), распинались на крестах? Разве распят был апостол Павел, сказавший: *А я не желаю хвалиться, разве только Крестом Господа нашего Иисуса Христа, которым для меня мир распят и я для мира* (Гал. 6, 14)⁵. Принятие креста ни что другое означает, как умерщвление плотских*

⁴ Преп. Кассиан Рим. Собесед. 8, гл. 3.

⁵ Блаж. Августина беседа 32 о святости.

похотей, отвержение навыков злых, отчуждение от мирской суеты и удаление от всякого греха.

СТАВРОФИЛА: Светом истины ты просвещаешь тьму неведения моего. Но и еще осмеливаюсь спросить тебя: неужели не получили никакой душевной пользы те, которые в простоте сердца носили деревянные кресты?

АНГЕЛ: Напротив, получили, если в них была только такая святая простота, что они считали это исполнением заповеди Господней. *Итак, если око твое будет чисто, то все тело твое будет светло* (Мф. 6, 22). Если намерение – главная основа дел – благое, то и все происходящее от него будет добро. Но повторяю, как и прежде говорил: заповедуя носить крест, Господь повелевает не древо носить, но претерпевать скорби. Нести крест – значит переносить все, что заставляет скорбеть, что причиняет страдание; нести крест – значит терпеть в мире все, что мир не несет за имя Христово. Взять крест свой означает готовность к смерти за Христа: *умертвите земные члены ваши* (Кол. 3, 5), расположение духа с неустрашимостью встречать всякую опасность за имя Христово, непривязанность к настоящей жизни⁶. Итак, если желаешь идти вослед Спасителя твоего, то и угрозы, и ласкательства, и прельщения обрати для себя в крест, претерпи, понеси и не изнемогай⁷.

Ставрофила молчала, слагая в сердце своем глаголы премудрого наставника.

АНГЕЛ продолжал: «Хочешь ли, дочь Господня, совершеннее познать, как разнообразен может быть

⁶ Василий Вел. Правила пространно изложенныя. Вопрос 6.

⁷ Блаж. Августина беседа 47.

крест, который Бог повелевает нести? Иди по сей стезе за мною. Я покажу тебе обширную крестохранительницу, из коей Отец Небесный избранным Своим подает кресты, как Ему благоугодно».

Желая узнать различные виды крестов, Ставрофила с усердием последовала за Ангелом. Скоро они достигли горы, со всех сторон усаженной крестами, как бы высокими деревьями. «Вот, – сказал Ангел, – собрание крестов, приготовленное для спасения рода человеческого. Смотри на этот высокий холм, украшенный крестами, ты, конечно, узнаешь на первом месте Крест Господа Иисуса Христа: на нем терновый венец, а по сторонам копьё и трость с губою. Первое место прилично занимать честному древу, высочайшему паче всех кедров, на котором пригвожден был Господь, Жизнь мира, и победил смерть».

СТАВРОФИЛА: Познаю орудие нашего спасения, знамение победы над силою диавола и начало его гибели. Но объясни, молю тебя, чей это другой крест, немного отличающийся от Креста Господня, только обращенный книзу?

АНГЕЛ: Христова апостола Петра. Он также пострадал на кресте, но не захотел, подобно Учителю своему, быть распятым на кресте, обыкновенно поставленном, а просил, чтобы пригвоздили его ногами вверх, как бы совершая течение от земли на небо⁸.

СТАВРОФИЛА: Желая знать, какие прочие виды крестов.

АНГЕЛ: Смотри! Вот этот крест, на котором распят был святой апостол Андрей Первозванный. А там различные виды крестов, употреблявшихся для казни у древних и новых народов.

⁸ Св. Иоанн Златоуст. Слово на Апост. Петра и Павла.

СТАВРОФИЛА: Сердечно желаю знать, что означают кресты с различными надписями и изображениями, которые, без сомнения, имеют таинственное значение.

АНГЕЛ: Они означают различные виды страданий, которым подвергается или тело человека, или душа, или то и другое вместе. Вот этот крест, на котором ты видишь сердце, пронзенное мечом, означает крест внутренний, тяжело сокрушающий душу. Этот крест Препоблагословенной Матери Божией, *Ея же душу*, как предрек Симеон, *пройде оружие* (ср.: Лк. 2, 35). Подобный крест нес и Апостол, который сказал: *Великая для меня печаль и непрестанное мучение сердцу моему* (Рим. 9, 2), т. е. что сродники его пребывали в иудействе, не веруя Христу. Этот крест может назваться крестом сострадания. Ибо кто страдает ближнему в нужде его, тот в душе своей носит крест. Ко внутреннему кресту относятся также печаль, заботы, туга сердца, болезнования, сокрушения, недоумения, уныние и иное тому подобное. Самый тяжелый внутренний крест – это скорбь души, томимой упреками совести, как свидетельствует о сем сказавший: *Господи, Боже спасения моего! днем вопию и ночью пред Тобою, ибо душа моя насытилась бедствиями, и жизнь моя приблизилась к преисподней* (Пс. 87, 2, 4).

СТАВРОФИЛА: Так! Величайшим для себя бедствием признает душа то, когда почитает прогневанного Отца милосердия и Бога всякия утехы. Но желала бы я знать и значение прочих крестов.

Ангел, указывая на крест с мечами, копьями, бичами, оковами и цепями, сказал: «Этот крест знаменует различные страдания мучеников Христовых.

Смотри, сколько понесли они мук, дабы с дерзновением получить мздовоздаяние. Они *испытаны поругания и побои, а также узы и темницу, были побиваемы камнями, перепиливаемы, подвергаемы пытке, умирали от меча* (Евр. 11, 36–37). И чего не потерпели в мире эти люди, которых не был достоин весь мир? Вот крест болезней, который, как известно, не только полезен, но иногда и необходим. Израильтяне в благополучии не вспоминали о Боге, но когда *умножишася немощи их, по сих ускориша* (Пс. 15, 4).

Когда убивали их, они искали Его и обращались, и с раннего утра прибегали к Богу (Пс. 77, 34). Во многих телесные болезни возбудили трезвление ума, *ибо тяжкая болезнь отнимает сон* (Сир. 31, 2) и соделывает душу бодрю. А потому болезнь считай не за иное что, как за полезное вразумление, чтобы человек, возненавидев все телесное и скоропреходящее, предал всего себя Отцу Небесному⁹. Вот крест, у которого ты видишь, привязаны посох и сума, – это крест нищеты. Нищета или бедность бывает также руководительницею к добродетели, если только разумно переносят ее. Кто не знает, что приобретение богатства сопряжено с тяжкими и зловредными заботами, сбережение его со страхом и боязнью, и утрата – с великою скорбью? Когда человек любит богатство, оно оскверняет его; когда оно умножается, то отягощает; а когда умалется, сокрушает».

СТАВРОФИЛА: А что такое означает вот этот крест, который при одре?

АНГЕЛ: Он означает скорбь при потере родителей, сродников, друзей. И этот крест должно нести

⁹ Св. Григор. Назиана посл. 1.

благодушно. И хотя тяжело лишиться любимых, однако роптать не должно; ибо восхищает их Тот же всеблагий Бог, Который и даровал их. А многим и не полезно иметь друзей, особенно когда они живые отвращали их от Бога.

Посем Ангел, видя, что Ставрофила с любопытством обратила взор на крест с изображением безумного, сказал ей: «Ты удивляешься этому необычайному изображению и не понимаешь, что это такое? Это тяжкий крест посмеяний, уничижений и поруганий. Истинно терпящие этот крест не стыдятся и не уstraшаются ради Христа носить имя безумных. Ничто так сильно не смущает человеческой души, как мысль быть поруганным. Многие желают служить Богу, но вместе с тем желают славы и ублажений человеческих. Многие любят смирение без уничижений, желая стяжать оное без утраты мирской чести и получить благодать терпения без поношений и укоризн¹⁰. Но истинные рабы Божии, жизнь которых мир считает безумием, с терпением переносят от него уничижения, клеветы безрассудные, укоризны и осуждения. Обильна жатва тружеников этих, и столько же получают пользы истинно терпящие уничижение, сколько получают вреда издевающиеся над ними. Таковых-то, которых презирает мир, избирает Бог, так как чрез уничижение человек скорее приходит к познанию самого себя. Итак, благоразумно святой Апостол научает работать Богу *в чести и бесчестии при порицаниях и похвалах* (2 Кор. 6, 8). Собрание же многих крестов, вместе связанных, означает множество различных скорбей, попускаемых или посылаемых от Бога одному человеку к его спасению».

¹⁰ Преп. Кассиан. Римл. Собесед. 4, гл. 12.

Почему крест необходим христианину

Возросло уже несколько усердие Ставрофилы к восприятию Креста, который, как она видела, был понесен с таким терпением Самим Господом Иисусом Христом и Его Преподобнословенною Материю и которого, как она знала, и ей самой избежать было невозможно; однако удивлялась, по какой причине скорбь так неразлучна с христианскою жизнью, и потому спросила Ангела: «Для чего же угодно Господу, чтобы избранные Его находились в скорбях и чтобы ни один из них не достигал Царства Небесного без креста?»

АНГЕЛ: Достаточно было бы для тебя, отроковица, знать, что так благоугодно Отцу Небесному, и не спрашивать, почему это так: ибо, ты хорошо знаешь, что все, что ни совершается по Его Божественной воле, устроено премудро. Но я не откажу разрешить твое недоумение: ибо это послужит к укреплению немощного твоего сердца.

СТАВРОФИЛА: Потому-то более я дерзнула спросить тебя об этом, ибо я несколько не сомневаюсь, что все посылаемое или попускаемое всеблагим Богом имеет премудрую цель.

АНГЕЛ: Итак, внимай! По премудрому Божественному совету бывает, что во время сего земного странствия жизнь избранных Божиих возмущают скорби. Жизнь временная есть путь к Отечеству небесному, и по Божиим неиспытанным судьбам люди подвергаются ежедневным скорбям, дабы не возлюбили самого пути вместо Отечества. Для того путь мира многотруден, чтобы люди, наслаждаясь отрадою в нынешней жизни и как бы пленяясь красотою пути,

вместо того чтобы скорее перейти его, не пожелали долее шествовать по нему и, увеселяясь на пути, не забыли того, что ожидает их в Отечестве. Все в мире растворено желчью скорби, дабы люди сладости мира не считали за высочайшее благо. Если бы Господь утешал вас ежедневно настоящими благами, подавая вам все в изобилии, и не посылал вам в скоротечной жизни сей никакой скорби и страдания, то вы сочли бы совершеннейшими благами те, которые здесь Господь подает рабам Своим, и больших от Него не желали бы¹¹. И потому мнимую сладость сей жизни Он растворяет желчью скорбей, чтобы вы стремились к блаженству истинному и спасительному. О, горе роду человеческому! Горек мир, а его любят; как же бы он привязывал всех, если бы исполнен был наслаждений! Волнуется мир, а вожделенен для всех; что бы было, если бы не было в нем треволнений? Если так прилепляются к миру нечистому, как пленял бы чистый! Как собирали бы цветы мира, когда не оторвут рук и от терний его!¹²

СТАВРОФИЛА: Поистине не только полезны, но и необходимы крест и страдания. Иначе безумные люди оставили бы *небо небесе Господеви, землю же сыновом человеческим* (ср.: Пс. 113, 24).

АНГЕЛ: Но и то тебе должно быть известно, что всеблагой Отец Небесный, содержа в Своей деснице и радости и скорби, устраивает так, что кто в жизни сей благоразумно несет скорби, того в будущей жизни ожидает радость; и напротив, кто здесь ищет одних мирских радостей, того ожидает там скорбь. Как ночь и день сменяются на небе – день предваряет

¹¹ Блаж. Августин на Псалом 43.

¹² Блаж. Августин III и 246.

ночь, а ночь благовествует день, так и кто здесь получил меру исполненную, там найдет ее пустою; для кого в сей жизни сияют непрестанно дни светлые мирских радостей, для того в будущем веке наступит вечная ночь. Да, Ставрофила, здесь и там наслаждаться покоем никто не может. Это возвестил и Авраам, говоря богачу: *Чадо! вспомни, что ты получил уже доброе твое в жизни твоей, а Лазарь – злое; ныне же он здесь утешается, а ты страдаешь* (Лк. 16, 25). *О, коль страшен Господь в совете паче сынов человеческих!* (Пс. 65, 5). Кого не утрашит притча об этом богаче, которого предали геенне мирские наслаждения? Ибо не за дела несправедливые, но за жизнь сластолюбивую он осужден мучиться в вечном пламени¹³. И потому ищущие одних мирских благ призывают на себя казнь Божию и не принявшие креста подвергаются вечным мукам. Не говорил ли Господь в Евангелии: *Горе вам, богатые! ибо вы уже получили свое утешение. Горе вам, пресыщенные ныне! ибо взалчете. Горе вам, смеющиеся ныне! ибо восплачете и возрыдаете* (Лк. 6, 24–25)?

Ставрофила слушала Ангела с великим удивлением.

«Если бы нам не было известно, – сказала она, – что Божественное провидение все устроит премудро, то чей разум мог бы вместить сии судьбы Господни?»

АНГЕЛ: Не удивляйся этому устройению Божию. В человеческих делах нет радости, которая не растворялась бы печалью. *Женщина, когда рождает, терпит скорбь, потому что пришел час ее; но когда родит младенца, уже не помнит скорби от радости,*

¹³ Св. Василий Вел. Беседа 1-я о посте.

потому что родился человек в мир (Ин. 16, 21)! Горе мимошедшей печали усиливает приходящую радость; и по болезни здравие становится драгоценнее. Земледелец, не вспахав земли с трудом, не может иметь надежды на ее плодородие. Потому и говорится, что нет розы без шипов.

СТАВРОФИЛА: Ты довольно вразумил меня. С усердием готова внимать и другим свидетельствам сей истины.

АНГЕЛ: Сверх того, скорбями креста *искушает* Господь вас, чтобы узнать, любите ли вы Господа Бога вашего от всего сердца вашего и от всей души вашей (Втор. 13, 3). Ибо золото испытывается в огне, а люди, угодные Богу, в горниле уничтожения (Сир. 2, 5). Разве ты не слышала, что *глиняные сосуды испытываются в печи* (Сир. 27, 5), а люди праведные испытываются скорбями? Добрых Господь не утешает наслаждениями, но испытывает и посылает им скорби, уготовляя их для Себя; а кому Он, по-видимому, попускает утешаться, подавая отраду, те, как сластолюбивые, оставлены Им для будущего мучения. Не читала ли ты, что сказано об искушении праведных: *потому что Бог испытал их и нашел их достойными Его. Он испытал их как золото в горниле и принял их как жертву всесовершенную. Во время воздаяния им они воссияют как искры, бегущие по стеблю* (Прем. 3, 5–7). Итак, терпящие скорби и страдания оказываются достойными пред Богом. Напротив того, Господь сказал в Евангелии: *И кто не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня* (Мф. 10, 38).

СТАВРОФИЛА: Но какая нужда Богу испытывать людей, если Он знает добродетель каждой, хотя бы и не посылал ему никакой скорби?

АНГЕЛ: Не потому испытывает Бог людей, что как бы Сам не знал их прежде, но для того посылает скорби праведным, чтобы и другим показать великое их терпение. Многие не понимают, с каким душевным расположением святые почитают Бога, а нередко думают, что они ради благополучия в настоящей жизни служат Ему; но крест и скорби являют, с какою любовью они привержены к Богу. Так, диавол думал, что праведный Иов чтит Бога ради временных благ, и во время его благополучия, не находя, в чем обвинить его пред Богом, прибегнул к сей клевете: *Разве даром богобоязнен Иов? Не Ты ли кругом оградил его и дам его и все, что у него?* (Иов. 1, 10) Будучи богат, он держится добродетели ради воздаяния. Что же сотворил Господь? Желая показать, что святые Божии не ради мзды почитают Его, Он отнял у Иова все имущество, предал его нищете и попустил ему впасть в тяжелую болезнь. Когда Иов жил среди богатств, немногие знали, каков он был; но когда сей добрый воин сошел с их, как одежды, поверг их на землю и на Божественном подвиге стал обнаженным, то так удивил всех зрителей, что Сам Господь Ангельских Сил похвалил его мужественный подвиг и провозгласил его победителем¹⁴.

СТАВРОФИЛА: Теперь понимаю, как полезны примеры мужественных людей, дабы мы их как достойных почитали и подражали их мужеству.

АНГЕЛ: Сверх того, терпение есть величайшая и избраннейшая добродетель; но, не испытав скорбей, праведник не может приобрести ее. Терпение есть благодушное перенесение наносимых и случающихся скорбей. Господь отечески любит благочестивых

¹⁴ Св. Иоанн Златоуст. Беседа 1 к Антиохийцам.

и мужественных людей и, по великой любви к ним, посещает их скорбями, страданиями и лишениями, чтобы они приобрели большую силу. В том древе мало крепости, которое защищено от ветра; ибо от самого колебания древо крепнет и глубже укореняется. Без врага мужество ослабевает, и тогда только бывает видно, как велико оно и сколько может понести, когда терпение обнаружит его силу. Добродетель как бы вдовствует, если не имеет случаев упрочиваться терпением.

СТАВРОФИЛА: Согласна, что Господь имеет к нам отеческое благоутробие; но иногда очень тяготее над нами рука Его. И от отчима, не родного отца, бывают не ежедневные поношения и оскорбления.

АНГЕЛ: Видно, что ты желаешь ласк материнских, желаешь покоиться под тенью и не хочешь никогда поскорбеть, поболеть и опечалиться. Или ты не слышала, что терпение даруется скорбями? Или не помнишь слов благоутробного Отца Небесного: *Кого Я люблю, тех обличаю и наказываю* (Откр. 3, 19)? Бог действует с избранными Своими так, как благоумный учитель с учениками, требуя больших трудов от тех, на кого имеет большую надежду. Так и настоятели монастырей испытывают благоискусных иноков. Св. Иоанн Лествичник¹⁵ повествует, что в некоторой обители был экономом, монах строгий, воздержный и кроткий, как весьма немногие. Однажды настоятель без всякой причины притворно разгневался на него и приказал выслать его из церкви. Лествичник, зная, что экономом нисколько не виноват в том, в чем был обличаем, наедине говорил пастырю о его невинности. Но премудрый муж отвечал: и

¹⁵ Лествица. Слово 4, гл. 27.

я знаю, что он не виноват, но как было бы немилосердно вырвать хлеб из уст голодного дитяти, так себе самому и подвижнику вредит наставник душ, если не подаст ему случаев к приобретению венцев, какие, по его примечанию, он на всякий час может заслуживать терпением досад, бесчестий, унижений и поруганий. Если настоятель монастыря поступает мудро, подвергая наказаниям и неповинных, то кольми паче Господь, Отец громаднейшей обители, строитель всего мира, оградивший обитель Свою океаном и небом, как бы стенами, творит премудро, когда чад Своих исправляет гладом, недугами, убожеством и теснотою. Наконец, скажу еще вкратце: кресты посылаются от Господа и для того, чтобы чрез них умножились вам венцы и мздовоздаяние; ибо по числу искушений и скорбей умножаются и награды, или даже несравненно более: ибо *нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славой, которая откроется в нас* (Рим. 8, 18).

**С каким намерением должно нести крест?
Во-первых, должно нести крест как наказание
за грехи и ради избавления от вечных мучений**

От Господа наказуемся, да не с миром осудимся.

1 Кор. 11, 32

Теперь Ставрофила уже вразумилась, что не с тщеславием должно нести крест, ибо видела, как искание суетной славы лишает человека всякого мздовоздаяния и что даже случайно приходящая слава, будучи

приемлема и неотвергаема, если совершенно не уничтожает, то все-таки умаляет силу добрых дел и лишает их чистоты и непорочности. Посему, видя всю необходимость благого намерения, она начала вопрошать Ангела: «О чем еще я должна заботиться, чтобы намерение мое было благое и чтобы к нему не примешивалось никакое зло?»

АНГЕЛ: Благое намерение имеет различные степени, одну другой превосходнее, и для человека очень важно с добрым намерением нести крест, не одну имея пред собою цель. Сперва я представлю тебе это в пример. Во время страдания Господа нашего Иисуса Христа были четыре крестоносца, но все они несли это бремя по различным побуждениям. Два разбойника, изведенные с Ним, несли кресты свои, чтобы воспринять на них достойное по делам своим, т. е. дабы по приговору Судии принять наказание за свои беззакония. Симон Киринейский нес крест как наемник, за воздаяние и плату. Сам же Господь в ношении креста ничего другого не имел в виду, как только благоугодить Небесному Отцу и исполнить Его волю. Здесь ты видишь тройкое побуждение: первое – рабское – принять и нести крест как наказание за грехи свои и чтобы получить избавление от вечной муки; второе – наемническое – преклонять волю свою под иго в надежде воздаяний; третье – сыновнее – нести крест не из страха казни и не ожидая мздовоздаяния, но из чистой любви, ради угождения Богу. Здесь ты видишь три степени: страх, надежду и любовь.

Вот в кратких словах различие их: водимый страхом несет терпеливо; преуспевающий в надежде несет его охотно, а достигший совершенства любви объемлет его с горячею ревностью, и только сей

последний может сказать с Апостолом: *вот, мы оставили все и последовали за Тобою* (Лк. 18, 28). От такого устройства далеко отстоят те, которые если и приемлют крест, но всячески желали бы, если бы возможно, избежать его. Понуждаемый страхом терпелив, привлекаемый надеждою усерден; но если они не будут духом гореть, то легко могут пасть. А любовь, горя духом, и долготерпелива, и усердна, что еще более: *никогда не перестает* (1 Кор. 13, 8). *Ибо крепка, как смерть, любовь* (Песн. 8, 6). Утесняемое страхом терпение говорит: так сему должно быть. Благое произволение, питаемое надеждою, говорит: так полезно, так следует делать. Любовь же, возгораясь духом, не говорит уже: так должно, или это полезно, а взывает: так желаю, так жажду!

СТАВРОФИЛА: Итак, три пути открыл ты мне, но я не знаю, какой из них приличнейший для меня.

АНГЕЛ: Советую тебе идти в порядке постепенном, начиная от страха, ибо *начало премудрости – страх Господень* (Пс. 110, 10), и потом уже восходить далее на высшие степени.

СТАВРОФИЛА: Но как же мне это сделать?

АНГЕЛ: Сначала без всякого сомнения убедись в том, что по совершенной справедливости возложен на тебя крест, который ты не раз заслужила беззакониями твоими. Ибо какой казни не заслуживает человек, ежеминутно прогневающий Бога? И потому всякому должно благодушно переносить заслуженное им за грехи наказание. Когда сыны Иакова предстали пред Иосифа и были в великом страхе, то хотя и не скоро, а познали истину сию. *Точно мы наказываемся за грех против брата нашего; мы видели страдание души его, когда он умолял нас, но не*

послушали [его]; за то и постигло нас горе сие (Быт. 42, 21). Итак, при всяком кресте и во всякой скорби твоей имей в устах, а наиболее в сердце твоём сие: праведно страдаю я, потому что согрешила, и памятуй, что говорит Пророк: *пути твои и деяния твои причинили тебе это* (Иер. 4,18).

СТАВРОФИЛА: Истинно так! *Гнев Господень я буду нести, потому что согрешил пред Ним* (Мих. 7, 9). И праведно страдаю под крестом, достойная бо по делам моим восприемлю. Помню, что сказала некогда славная Иудифь: *за все это возблагодарим Господа Бога нашего, Который испытует нас, как и отцов наших... так и нам не мстит, а только для вразумления наказывает Господь приближающихся к Нему* (Иудифь 8, 25, 27). И потому напрасно скорбят сыны Адамовы и возносят ропот свой на небеса, приписывают Богу немилосердие, когда Он наказывает их за неправды. Познаю, какая ложь и безумие обвинять Всевышнего. Мы сами бываем виною всех наших зол: каждого мучат его собственные грехи. Зачем же в бедствиях роптать на Милосердного Бога?

АНГЕЛ: Справедливо рассуждаешь. Но сверх сего, да будет тебе известно и то, что в страданиях, ниспосылаемых на человека, не только нет никакой ему обиды, напротив, является величайшее благодеяние и милосердие Небесного Отца, Который не терпит, чтобы сыны Его коснулись во грехах, но ударами и ранами исправляет их. Из того, что Бог гневается за грехи их, да уразумеют люди, что Он имеет о них отеческое попечение, исправляя их во времени, чтобы избавить от вечной погибели. Избирай теперь одно из двух: скорбь временную или вечную¹⁶. Должно плакать о

¹⁶ Блаж. Августин. Толкование на Псал. 93.

тех, которые много грешат и в этой жизни остаются без наказания: *на работе человеческой нет их, и с прочими людьми не подвергаются ударам* (Пс. 72, 5); с кем же примут, если не с бесами? Ты же, Ставрофила, наставленная теперь, помни свои вины, чтобы тебе легче было нести наказание. Ибо когда терпеливо принимаются биения, когда человек в глубине сердца своего воспоминает злые свои дела, то тем самым, что сознается тяжесть вины, тяжесть наказания облегчается. Но что сказать о тех, которые много согрешают, а наказание за свои грехи или скорбей в этой жизни не хотят понести? Эти люди поистине показывают свою нерассудительность. Если человек в сей жизни понесет малые скорби, приемля их как наказание за тяжкие свои прегрешения, то он, по милосердию Божию, приобретает чрез это большую пользу. Ибо за малые страдания здесь на земле благодать Божия прощает множество грехов и дарует воздаяние вечное и неизреченное. Но таково безумие себялюбцев, которые ни о чем не думают, кроме настоящего, а о будущем не заботятся. Если же немного найдется людей, неповинных смертным грехам, то скажи мне, как же отвергаются нести скорби креста те, кои хоть одним таким грехом были осквернены? Если ты рассудишь, Ставрофила, в душе своей о том, что законопреступная душа неизбежно должна подвергнуться адским мучениям и огню геенны и что по Крещении нет для нее другого врачевства, кроме трудов покаяния, то с охотой будешь готова на все скорби и труды, чтобы только избавиться вечных мучений¹⁷.

СТАВРОФИЛА: Ты посылаешь меня в геенну, чтобы там научиться терпению.

¹⁷ Св. Амвросий. К деве падшей, гл. 8.

АНГЕЛ: Да! Памятование геенны не допускает впасть в геенну¹⁸. О, если бы люди, пока еще живы, чаще умом своим нисходили во ад и имели пред очами муки осужденных, чтобы не сойти им туда по смерти! Еслиобразишь страшные мучения, огонь вечный, нерешимые узы, свирепеющий пламень, воздыхания, стоны и вопли осужденных, то в сравнении с этим никакая скорбь не покажется тебе тягостною в сей жизни.

Стеная, возопила Ставрофила к Богу: «Здесь опалай, здесь поражай и наказуй меня, Господи, только в вечности пощади!»

Должно нести крест, во-вторых, в надежде на мздовоздаяние

Недостойны страсти нынешнего времени к хотящей славе явится в нас.

Рим. 8, 18

С таковым размышлением Ставрофила неленостно шествовала стезею страха, сокрушаясь сердцем и часто воздыхая о том, что она чрез свои согрешения соделала себя достойною огня геенны, но утешая себя тою мыслию, что легчайшими скорбями можно освободиться от тягчайших мук. Когда же Ангел усмотрел, что она довольно потрудилась и обучилась страху Божию, то, желая возвести ее на высшую ступень духовного преуспевания, сказал: «Довольно, Ставрофила, ты шествовала сим путем, исполненным страха и боязни. Отныне предлежит тебе более

¹⁸ Св. Иоанн Златоуст. Беседа 31 на Посл. к Рим.

благоприятный путь – с отрадою и веселием. Отложи страх и взирай теперь на воздаяние. Ибо душа, озаренная благою надеждою воздаяния, все терпит охотно, и из того, что терпит, ничего не считает достойным в сравнении с будущими благами; с радостью готова она на все, чтобы только получить, чего надеется, ибо ожидание награды возбуждает в терпении, и никто не может достигнуть совершенства, если не видит пред собою воздаяния за дела, одобряемые свидетельством совести. Посему-то Господь Иисус Христос, чтобы возбудить присных учеников Своих к понесению страданий, некогда преобразился пред очами их, дабы вспоминая виденную славу Его, они благодушнее понесли скорби креста. И как Он благоволил, чтобы все видели Его страдания при распятии, так и по Воскресении в прославлении плоти и при Вознесении Своем Он соизволил быть и зримым и осязаемым от учеников, дабы они, не сомневаясь в обетованиях Его, более имели ревности к терпению. Тем охотнее воин переносит труды, чем с большею уверенностью ожидает обещанную за них мзду. Всякое дело кажется легче, когда предвидится награда за него, и надежда воздаяния бывает утешением в труде. Насколько душа преуспевает в добродетели терпения, настолько бывает уверена в венцах за победу.

СТАВРОФИЛА: Слова твои ободряют сердце мое. Да будет мне по слову твоему. Укрепи веселием душу мою и направи ноги мои на путь мирен.

АНГЕЛ: Радуйся и возвеселись упованием славы Божией, ибо *нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славою, которая откроется в нас* (Рим. 8, 18). Если ради дневного

пропитания и за самую ничтожную плату люди иногда поднимают столько трудов, как видишь это на ремесленниках, земледельцах и прочих, то каких трудов не должно понести за воздаяние живота вечного? Если так ценят и простой хрусталь, то чего стоит бисер многоценный? И кто не пожелает ради истинного сокровища потрудиться столько, сколько другой трудится ради мнимого? Верь мне, Ставрофила, что несравненно легчайшим трудом можно купить бисер Царствия Небесного, нежели каким многие стараются приобрести тленные блага¹⁹. Если для мореходцев страшные бури морские, для земледельцев зной и хлад, для воинов сражения и раны, для бойцов тяжелые удары кажутся легкими и удобоносимыми ради надежды временных и суетных выгод, то не более ли легкими должно считать все труды в этой жизни, когда в воздаяние за них представляется небо и неизреченные вечные блага²⁰.

СТАВРОФИЛА: Поистине это сладкое и действительное побуждение к благодушному и охотному несению креста.

АНГЕЛ: Все святые Божии сим размышлением укрепляли себя к терпению скорбей. *Верою Моисей, придя в возраст, отказался называться сыном дочери фараоновой, и лучше захотел страдать с народом Божиим, нежели иметь временное греховное наслаждение, и поношение Христово почел большим для себя богатством, нежели Египетские сокровища. А почему? Ибо он взирал на воздаяние* (Евр. 11, 24, 26). Почему, скажи мне, святому Стефану, побиваемому камнями, удары их казались как бы

¹⁹ Посл. блаж. Иеронима к Непоциану.

²⁰ Св. Иоанн Златоуст. Беседа 24 на Матф.

приятною росой? Потому что он, *возрев на небо, увидел славу Божию* (Деян. 7, 55). Почему христиане первенствующей Церкви *среди поношений и скорбей, служа зрелищем, и расхищение имений... приняли с радостью?* Потому что *видали на небесах имущество лучшее и непреходящее* (Евр. 10, 33, 34). И кто, видя пред собою радость жизни вечной, не презрит наслаждений мира сего?²¹

Слова Ангела укрепляли желание и надежду Ставрофилы, и сердце ее, объятые пламенной ревностью, стремились к обителям небесного отечества. «Желаю, – говорила она, – Иерусалима Небесного. И чем нетерпеливее желаю, тем мужественнее готова претерпеть все ради оногo. Надежда великих воздаяний отирает всякий пот трудов, все слезы скорбей с лица моего. Воздаяние вечное, как магнит, благодатно влечет меня к себе. “Пламенно желает сердце мое насладиться оным воздаянием и уже стремится предстать туда, где уповает получить вечное веселие”»²²

АНГЕЛ: Благо, благо, Ставрофила, вкушай начатки славы небесной, похваляйся надеждой славы великого Бога. Яснее же скажу: похваляйся в скорби, ибо в ней упование славы. Крест и Царство Небесное сопряжены между собою: не понесши первого, нельзя достигнуть и второго. Познал это возлюбленный ученик Христов, который написал так: *Я, Иоанн, брат ваш и соучастник в скорби и в Царствии и в терпении Иисуса Христа* (Откр. 1, 9). Это значит, что кто желает вместе с Господом пребывать в Царствии, должен быть общником Его скорбей и терпения: одно от другого отделено быть не может.

²¹ Блаж. Августин. Толкование на Псал. 68.

²² Там же.

И Самому Христу *не так ли надлежало пострадать и войти в славу Свою?* (Лк. 24, 26). Итак, что ты скажешь, Ставрофила? Ты призвана к Царству, к Царству Сына Божия, и если бы за это надлежало ежедневно подвергаться тысяче смертей, то не следовало ли бы претерпеть все это? Для получения временного господства чего бы ни сделала? А когда тебе предстоит быть участницею Царства Единородного Сына Божия, ужели не бросишься на тысячу мечей, не ввергнешь себя в огонь? И в этом не было бы еще ничего великого²³.

Поэтому, если хочешь наследовать блаженную жизнь, пренебреги настоящею. Если хочешь быть превознесенною на небе, смири себя в мире. Если хочешь с Господом царствовать, носи с Ним крест. Одни только рабы креста обретают путь блаженства и истинного света.

СТАВРОФИЛА: Отныне будет сладостен для меня крест, приятен труд, любима скорбь. Сими малыми пенязями продается Царство Небесное. И какую цену мы даем? Одну медницу за получение сокровищ вечных, медницу труда за невыразимое успокоение²⁴.

Тут Ставрофила устремила взор свой к небу. «О Боже, Боже мой, – воззвала она, – когда же придет веселие, которого я так желаю! Когда напоиши меня *потоком сладости Твоя* (Пс. 35, 9), которой столько жажду я! Да будут *слезы моя мне хлеб день и ночь* (Пс. 41, 4), пока скажут: «Се Бог твой!» Пока услышит душа моя: «Се Жених твой!» А до того времени насыти меня воздыханиями, прохлади меня болезнями²⁵.

²³ Св. Иоанн Златоуст. Беседа 2 на гл. I к Кол.

²⁴ Блаж. Августин, на Псал. 93.

²⁵ Размышл. Блаж Августин. Гл. 41.

Отказывается от утешения душа моя (Пс. 76, 3), да явится достойною утешений вечных. Праведно, чтобы лишился Тебя ищущий иных утешений, кроме Тебя. Умоляю Тебя Тобою Самим, всесовершенная Истина, Сладосте неоценимая, услаждающая всякое горе, Ты Единый, услади душу мою! О, как много у Тебя благ, которые Ты хранишь для боящихся Тебя (Пс. 30, 20). Ты Единый – блаженство, ожидаемое нами! Тебе, Господи, воинствуем мы непрестанно; за Тебя умерщвляют нас всякий день (Пс. 43, 23), да в жизни вечной поживем с Тобою»²⁶.

Должно, в-третьих, нести крест из любви ко Христу

Радуюсь и веселясь, шла, таким образом, Ставрофила и с великою радостью в сердце, проходя стезею надежды, приближалась уже к пути любви. И потому Ангел Господень начал ей говорить так: «Теперь я покажу тебе, Ставрофила, превосходнейший путь. Хорошо из страха или ради воздаяния притекать к восприятию креста; но лучше того и другого, если кого приводит к сему любовь, как это свойственно сынам, которых все желание состоит в том, чтобы благоугодить во всем Отцу своему по одной любви к Нему; а первые уподобляются рабам или наемникам. Прежде всего, да царствует в уме твоём мысль, что возложивший на тебя крест есть Отец, и потому шествуй с благою надеждою и будь уверена, что чего Он не захочет, чтобы ты терпела, того и не потерпишь,

²⁶ Блаж. Августин. Беседа с самим собою, гл. 22.

а что попустит тебе терпеть, то принимай как жезл наказующего, а не как казнь погубляющего»²⁷.

СТАВРОФИЛА: *Уста его – сладость, и весь он – любезность* (Песн. 5, 16). Ты проповедуешь мне Отца, но наказующего, бьющего, мучащего; в этом мало любви, строгости же много. А я веровала, что Господь есть *Отец милосердия и Бог всякого утешения, утешающий нас во всякой скорби нашей* (2 Кор. 1, 3–4).

АНГЕЛ: Ты очень заблуждаешься, Ставрофила, если думаешь, что нет утешения в кресте и скорби. Разве ты еще не научилась *терпением и утешением из Писаний сохранять надежду* (Рим. 15, 4)? Разве ты не читала, что Апостол пишет к Евреям: *и забыли утешение, которое предлагается вам, как сынам: и сын мой! не пренебрегай наказания Господня и не унывай, когда Он обличает тебя. Ибо Господь кого любит, того наказывает; бьет же всякого сына, которого принимает* (Евр. 12, 5–6).

СТАВРОФИЛА: Неужели всякого?

АНГЕЛ: Непременно всякого, которого приемлет. Никто из сего не исключен, никого нет без наказания. Хочешь ли в этом убедиться? Сын Божий – Единый без греха, однако не без наказания. Итак, если Единого, не сотворшего греха, *не пощаде Отец*, но за всех нас *предал есть Его* (Рим. 8, 32), то какое же наказание заслуживают соделавшие зло, за которое наказываются? Итак, отныне да будет на тебе рука отеческая; и если ты дочь добрая, то не отвергай наказания Отца твоего Небесного. Пусть наказывает, если не удаляет от тебя Своего милосердия, пусть бьет сопротивляющуюся, лишь бы только не лишал наследия. Если ты хорошо познала обещания Отца,

²⁷ Блаж. Августин. Поуч. 7 на Еванг. от Иоанна.

то не страшись быть наказанной, а страшись лишиться наследия. Дщерь согрешившая откажется ли понести наказание, когда видит наказуемым и Единого безгрешного?²⁸ Не сказал ли о Нем Отец Небесный на горе Фаворе: *Сей есть Сын Мой Возлюбленный, в Котором Мое благоволение?* (Мф. 17, 5). Заметь, Ставрофила, Возлюбленный Сын, однако, биен, однако, распят. Итак, разумеи, что и самым возлюбленным ниспосылается крест от Бога, а поэтому суди и о достоинстве креста. Крест, т. е. наказание, болезни и скорби, есть истинное начертание и знамение Сынов Божиих, а непричастные кресту будут отвергнуты, как сыны прелюбодеяния. Внимай опять, что апостол Павел говорит: *Если вы терпите наказание, то Бог поступает с вами, как с сынами. Ибо есть ли какой сын, которого бы не наказывал отец? Если же остаетесь без наказания, которое всем обще, то вы незаконные дети, а не сыны* (Евр. 12, 7–8). Детей виновных отцы наказывают, а рабов виновных изгоняют из дома. Жезл наказующий есть знамение сына.

СТАВРОФИЛА: О, если бы и мне сподобиться быть участницею Креста Господня, чтобы удостоиться быть сопричтенною к сонму дочерей Его! О, если бы не быть мне чуждой скорбей, а вместе с тем и вечного наследия! Да сподобит меня Господь быть в числе тех, *кои волны морския сосут, аки млеко* (ср.: Втор. 33, 19)²⁹. Волны морские означают обилие скорбей: их тогда пьют как молоко, когда они с радостью приемлются.

²⁸ Блаж. Августин. Толков, на Псал. 31, 122 и 88.

²⁹ По переводу блж. Иеронима, а по слав. перев.: «коих богатство морское воздоит».

АНГЕЛ: Благое желание твое, Ставрофила! Отныне носи крест ради единой любви к Господу; ибо истинная любовь не ощущает горечи, но сладость, которая так неразлучно соединена с любовью, как горечь с ненавистью. Кто любит, тот не утрудится, потому что любящим всякий труд приятен. Кто работает Богу с такою любовью, которая изгоняет страх, тот не чувствует трудов, не ощущает скорби, не ищет воздаяний, однако совершает более всех. Ничего нет столь чудного и столь поразительного, как то, что сокрушаемые скорбями и бедствиями не изнемогают, будучи распалены любовью Божественною; ибо стяжавшим любовь к Богу ни огонь, ни меч, ни скудость, ни болезнь, ни смерть, ни иное что-либо подобное не покажется тяжелым³⁰. Потому-то апостол Павел сказал: *Кто отлучит нас от любви Божией: скорбь, или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч? Ибо я уверен, что ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем* (Рим. 8, 35, 38–39).

СТАВРОФИЛА: Но чем я могу возбудиться к таковой любви?

АНГЕЛ: Примером Господа Иисуса Христа. Одна любовь низвела Его с небес на землю; любовь положила Его в яслях, любовь влекла Его ко всем страданиям по *Своей великой любви, которою возлюбил нас* (Еф. 2, 4). *Он смирил Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной* (Флп. 2, 8). Мог бы Господь спасти вас и не претерпевши крестной

³⁰ Св. Иоанн Златоуст. Беседа о терпении.

смерти, но не восхотел, чтобы таким образом явить любовь Свою к вам и излить на всех богатство Своей благодати. И теперь что требуется от тебя? Только то, чтобы Возлюбившего тебя такую любовью и ты возлюбила.

СТАВРОФИЛА: Как сильно я этого желаю! Но вразуми, умоляю тебя, каким образом я могу сделать это?

АНГЕЛ: Принимай крест скорбей от всякого, кто бы ни возложил его на тебя, праведный или нечестивый, добрый или злой, чужой или близкий тебе. Принимай его, говорю, радостно душою, как от Отеческой десницы Божией, и помышляй только об одном, что нести тебе крест – на это есть воля Господа, Которому по любви твоей ты добровольно желаешь повиноваться.

СТАВРОФИЛА: Это будет великое совершенство, но трудно достигнуть его. Видя людей, меня обижающих и досаждающих мне по своей злой воле, трудно убедиться, что они делают это по воле Божией, что Вышний благоволит, чтобы они меня так оскорбляли.

АНГЕЛ: Взирай на Спасителя своего. Когда Он был предан в руки грешников, апостол Петр, как мужественный воин, извлек меч, чтобы защитить Господа своего, но Господь сказал ему: *Вложи меч в ножны; неужели Мне не пить чаши, которую дал Мне Отец?* (Ин. 18, 11). Спаситель не взирал на то, что горчайшая чаша эта была растворена предательством Искарриота, клеветами иудеев и бессмысленными воплями народа. Знал Он, сколько полыни и желчи влили в эту чашу злые губители: Анна, Каиафа, Пилат, Ирод, книжники, фарисеи, но взирал только на то, что чаша эта была подаваема Ему от Отца, кто бы и каким бы смертоносным питием ее ни растворил. Не

могло быть для Него неприятно то, что предлагалось Ему от Отца, хотя и руками других. И потому Сын Божий с радостью пил сию чашу, *как заповедал Отец* (Ин. 14, 31). Для Него было пресладкое брашно творить волю Отца Своего. Вот что, Ставрофила, свойственно сынам; не из страха наказания, не из надежды воздаяния, но по одной чистой любви нести крест, пить чашу скорбей потому только, что так благоволил Отец.

СТАВРОФИЛА: Спаситель наш до дна испил чашу страдания; и я, недостойная раба Его, *чашу спасения прииму и имя Господне призову* (Пс. 115, 4). Отныне хочу, жажду, всеми силами души моей желаю только одного, дабы во мне, надо мною и через меня не моя, но Господня совершалась воля! Не хочу разбирать, что горько и что сладостно, что тяжело или легко, что неприятно или приятно, но с готовностью и пламенным желанием буду стараться тщательно совершать то, что будет благоугодно Его Святой воле. И это только для меня будет радостно и приятно, легко, утешительно и вожделенно.

АНГЕЛ: Пребудь на сем пути и иди по нему ревностно, ибо многих путь сей привел к крайнему совершенству. Все неприятное в жизни своей всегда принимай благодушно, как от руки Божией, и когда кто нанесет тебе какое-либо огорчение или обиду, то старайся тому оказать благодеяние. Никого не вини в скорбях своих, но все относи к Промыслу Божию, и тогда вскоре сподобишься от Него утешения. Какие бы скорби ни посещали тебя, из любви к Богу желай претерпевать еще большие, считая их за великие Божии благодеяния.

СТАВРОФИЛА: Поистине так и должно принимать скорби. Ибо кто любит Господа и познает Его

Святитель Иоанн (Максимович)

благодаяния, того ничто не может так возвеселить, как исполнение над ним Святой воли Господней и предвечного Божественного определения. Покорность воле Божией и желание, чтобы прославлялось имя Его, должны превосходить все и утешить человека более, нежели все благодеяния, которые Бог даровал и которые еще будут ему дарованы.

✠

Архиепископ Иоанн (Шаховской) ✠

О РАЕ И КРЕСТЕ

*К*рест есть не только страдание, но и возвышение над страданием. Одним страданием можно назвать крест разбойника, распятого по левую сторону Спасителя, роптавшего на свои муки и отвергнувшего исцеляющую силу Христовых страданий. Но для правого разбойника, кротко отдавшего себя силе и правде невинных страданий Христовых, крест стал началом рая... «Ныне же будешь со Мной в раю», – сказал Спаситель висевшему рядом с Ним правому разбойнику. Это значит, после исхода из этой земной страдальческой жизни. Но из этой жизни уверовавший разбойник начал выходить уже в самую минуту своего уверования. Это великая для него минута страданий стала уже началом его блаженства. Рай уже... коснулся его сердца.

Те, кто знают, что такое страдание за веру, за любовь, правду и чистоту, те понимают, что их рай на земле – в Кресте. Их страдание – не состояние, но путь к настоящей жизни, ее полноте, чистоте и блаженству. Страдание – не дом, где надо жить, но дорога к настоящему Дому, где вся полнота и радость жизни. Нет этой полноты ни в чем на земле! Мир земной есть дорога, а не жилище. Человечество не найдет

себе в этом мире рая – без Креста. То, о чем мечтают ложные материалистические учителя человеческие, – невозможно. Человек никогда не построит себе радостного Дома в мире, где царствует грех, болезнь и смерть. Человек всегда будет бездомен в этом мире. И это благо. Страдание его кратко, а радость может быть вечной. И никакой человек не воплотит до конца идеала своей Родины на этой земле, потому что высшая и вечная Родина каждого человека есть мир правды Христовой.

Крест есть сила Божия и власть, данная человеку на путях к Богу. Крест в этом мире есть, конечно, страдание, потому что он есть смерть для греха и смерть для смерти, а человек соединил себя с грехом. Отрываясь от греха, он страдает, но это есть страдание освобождения. Мать страдает, рождая жизнь, и человеческий дух страдает, рождая вечную жизнь...

Да, рай начинается уже в этом мире. Все ученики Господа всех времен и народов свидетельствуют, что Рай для человека, устремленного к небесной правде, начинается уже здесь, на земле.

Земля, где принял страдание Сын Человеческий, есть место наших страданий потому, что причина страдания – грех. Крест же есть горькое лекарство от страданий. Крест есть спасение от греха; искупление вызванных грехом страданий. На непросветленное страдание человеческое накладывается святое страдание Христово. На страдание безвыходности человеческой накладывается страдание крестное, вся трудность борьбы с грехом и злом в мире, неподчинения злу, победы над грехом.

Кто горит страданием зла – нечистотой страсти, ревности, темного гнева, гордости, кто мучительно

ищет себе суетной славы в мире или призрачного богатства, пусть примет очистительную силу страданий чистой любви, искания богатства духа, Божией милости и Божией славы, Крест есть начало рая и страдание спасения от страданий.

Не напрасно говорят, что дерево Креста Христова было поставлено на том самом месте, где росло райское дерево жизни. Дерево жизни, данное Творцом людям после падения, обратилось в Крест Божий и человеческий на земле.

Оно не исчезло, это сладкое дерево райское, дерево беспредельного доверия Бога к человеку и великой радости человека в Боге, – оно только изменилось.

И где бы мы ни поставили крест – мы всюду видим райское дерево. Крест не умерщвляет человеческих чувств, он их возвышает и очищает. В то время, как грех истребляет человеческую красоту чувств, глубину мыслей и желаний, Крест приводит к гармонии человеческие чувства и расширяет до безмерности человеческое сердце. Все входит в любовь сердца, открытого страданиям Креста...

Крест есть лестница, поставленная на земле к раю. Нижний ее край стоит на земле страданий – верхний покоится в тверди небесного блаженства.

«Принять Крест», это принять покорность Богу, исполнение заповедей Христовых, терпение святого устремления.

Слово Господне говорит, что в горькие воды Мерры Моисей бросил кусок дерева и вода сделалась сладкой, удобной для питья. Так в прогорклую, отравленную смертью жизнь, поставлен Крест. Две части его означают: продольная – жизнь Бога в человеке; поперечная – жизнь человека в Боге.

Архиепископ Иоанн (Шаховской)

Для всякого, кто с верой взирает на эту тайну, открывается начало жизни вечной со Христом и во Христе. Со Христом, – во всех внешних делах жизни с Ним: в посещении больных, заключенных, в помощи бедным, в поддержке одиноких и утешении огорченных... Во Христе, это значит – внутренним путем верности сердца Богу.

Глава 4 *

О ЧАСЕ
СМЕРТНОМ

Святитель Игнатий (Брянчанинов) ✠

О ЧАСЕ СМЕРТНОМ*

Да поминаете день исхода вашего от земли Египетския, вся дни жития вашего.

Втор. 16, 3

Смерть – великое таинство. Она – рождение человека из земной временной жизни в вечность. При совершении смертного таинства мы слагаем с себя нашу грубую оболочку – тело, и, душевным существом, тонким, эфирным, переходим в другой мир, в обитель существ, однородных душе. Мир этот недоступен для грубых органов тела, чрез которые, во время пребывания нашего на земле, действуют чувства, принадлежащие, впрочем, собственно душе. Душа, исшедшая из тела, невидима и недоступна для нас, подобно прочим предметам невидимого мира. Видим только при совершении смертного таинства, бездыханность, внезапную безжизненность тела; потом оно начинает разлагаться, и мы спешим скрыть его в земле; там оно делается жертвой тления, червей, забвения. Так вымерли и забыты бесчисленные поколения человеков. Что совершилось и совершается с душой, покинувшей тело? Это остается для нас, при собственных наших средствах к познанию, неизвестным.

* Из книги «Слово о смерти».

Смерть непостижима человеку и открывается ему Богом

Сокровенное таинство – смерть! До озарения человек светом христианства, большей частью они имели о бессмертии души самые грубые и ложные понятия; величайшие мудрецы язычества только умозаключали и догадывались о нем. Однако сердце падшего человека, как бы ни было мрачно и тупо, постоянно осязало, так сказать, свою вечность. Все идолопоклоннические верования служат тому доказательством; все они обещают человеку загробную жизнь, – жизнь или счастливую, или несчастливую, соответственно земным заслугам.

Необходимо нам, кратковременным странникам на земле, узнать нашу участь в вечности. Если во время краткого здешнего странствования наши заботы сосредоточены на том, чтобы устранить от себя все печальное и окружить себя всем приятным: тем более должны мы озаботиться об участи нашей в вечности. Что совершает с нами смерть? Неужели там нет воздаяния за добро и зло, совершаемые людьми на земле произвольно и непроизвольно? Неужели нет этого воздаяния. Тогда как зло на земле по большей части преуспевает и торжествует, а добро гонимо и страдает? Необходимо, необходимо нам раскрыть таинство смерти и увидеть невидимую телесными очами загробную будущность человека.

Таинство смерти объясняется нам словом Божиим, а посредством действия Святаго Духа соделывается даже доступным и открытым для чувств, очищенных и утонченных благодатью. *Святой Дух,*

сказал апостол Павел, *испытует глубины Божия*, не только человеческие¹.

Участь тела по смерти

Смерть – разлучение души с телом, соединенных волей Божией, и волей Божией паки разделяемых. Смерть – разлучение души с телом вследствие нашего падения, от которого тело перестало быть нетленным, каким первоначально создано Создателем. Смерть – казнь бессмертного человека, которой он поражен за преслушание Бога. Смертью болезненно рассекается и раздирается человек на две части, его составляющие, и по смерти уже нет человека: отдельно существует душа его, и отдельно существует тело его.

И тело продолжает существовать, хотя видим, что оно разрушается и обращается в землю, из которой взято: оно продолжает существовать в самом тлении своем; оно продолжает существовать в тлении, как семя в земле, в ожидании вторичного соединения с душой, после которого оно соделается уже неприкосновенным для этой видимой смерти. Тела особенных избранников Божиих противостоят тлению, будучи проникнуты обильно благодатью Божией, и в самой сени смертной являют начала своего славного воскресения. Вместо зловония они издают благоухание; вместо того, чтоб разливать вокруг смертоносную заразу, они разливают исцеление всех недугов, разливают жизнь. Такие тела вместе

¹ 1 Кор. 2, 10.

мертвы и живы, – мертвы по естеству человеческому, живы по присутствию в них Святаго Духа. Они свидетельствуют, в каком величии и святости создан Богом человек, и что это величие, эта святость возвращены искуплением.

Участь души по смерти

В то время, как тело уснуло сном смертным, что совершается с душой? Слово Божие открывает нам, что наши души, по разлучении с телами, присоединяются – соответственно усвоенным ими в земной жизни добрым или злым качествам – к Ангелам Света или к ангелам падшим. С ангелами они составляют, по естеству своему, один разряд существ, разделяясь по качеству, подобно им, добром или злом, усвоенными свободным произволением естеству, в первобытности непорочному и святому. Неоспоримые доказательства этому находим в Священном Писании и в писаниях святых Отцов. Господь обетовал покающемуся разбойнику немедленное преселение душой с креста в рай. *Аминь глаголю тебе*, сказал Он ему, *днесь со Мною будеши в раи*². Страдалец, нищий Лазарь, отнесен был, по кончине своей, Ангелами в отделение рая, называемое лоном Авраамовым, а умерший немилосердный богач, веселившийся во время земной жизни *на вся дни светло*, был низвергнут в ад³. Души праведных, разлучившиеся с телами, наслаждаются блаженством на небе в ожидании воскресения тел, как повествует тайновидец Иоанн

² Лк. 23, 43.

³ Лк. 16, 19–31.

Богослов⁴; во аде, в ужасных муках, ожидают его грешники⁵. Когда вострубит труба воскресения, тогда рай представит небожителей для славного соединения с телами их, которые оживут от гласа Сына Божия⁶, как услышал этот голос четверодневный и уже смердящий Лазарь и ожил: ад представит мертвецов своих для Страшного Суда и окончательного приговора. По изречении приговора и по исполнении его, усугубится блаженство праведников, – грешники возвратятся в ад свой для сугубого мучения⁷. О состоянии праведников по воскресении Господь возвестил, что они *равни бо суть Ангелом*⁸ Предвозвещая о Своем втором пришествии и Страшном Суде, Господь сказал, что тогда Он речет стоящим одесную Его праведникам: *приидите благословеннии Отца Моего, наследуйте уготованное вам Царствие от сложения мира*; а стоящим опуюю грешникам речет: *идите от Мене, проклятии, во огонь вечный, уготованный диаволу и аггелом его*⁹. И то достоверно, что воздаяние как праведников, так и грешников весьма различно. Правосудие Божие воздаст каждому человеку *по делом его*¹⁰. Не только небесных обителей бесчисленное множество, по свидетельству Спасителя, но и ад имеет множество различных темниц и различного рода мучения: *согрешивший в ведении биен будет много, согрешивший в неведении биен будет мало*¹¹.

⁴ Апок. 6, 10–11.

⁵ Апок. 20, 13.

⁶ Ин. 5, 25.

⁷ Пс. 9, 18.

⁸ Мф. 20, 30; Лк. 20, 36.

⁹ Мф. 25, 34, 41.

¹⁰ Апок. 22, 12.

¹¹ Лк. 12, 47, 48.

Христиане, одни православные христиане и, притом, проведшие земную жизнь благочестиво или очистившие себя от грехов искренним раскаянием, исповедью пред отцом духовным и исправлением себя, наследуют вместе со светлыми Ангелами вечное блаженство. Напротив того, нечестивые, т.е. неверующие во Христа, злочестивые, т.е. еретики, и те из православных христиан, которые проводили жизнь в грехах, или впади в какой-либо смертный грех и не уврачевали себя покаянием, наследуют вечное мучение вместе с падшими ангелами. Патриархи Восточно-Кафолической Церкви в послании своем говорят: «Души человеков, впавших в смертные грехи, и при смерти не отчаявшихся, но еще до разлучения с настоящей жизнью покаявшихся, только неуспевших принести никаких плодов покаяния, каковы: молитвы, слезы, коленопреклонения при молитвенных бдениях, сокрушение сердечное, утешение бедных и выражение делами любви к Богу и ближним, что все Кафолическая Церковь с самого начала признает богоугодным и благопотребным – души таких человеков нисходят во ад и терпят за учиненные ими грехи наказания, не лишаясь, впрочем, надежды облегчения от них. Облегчение же получают они по бесконечной благости, чрез молитвы священников и благотворения, совершаемые за умерших, а особенно силой Бескровной Жертвы, которую в частности приносит священнослужитель для каждого христианина о его присных, вообще же за всех повседневно приносит Кафолическая и Апостольская Церковь»¹². *Смерть грешников люта*¹³, говорит Писание, а для благочестивых и святых она – переход от молв

¹² Чл. XVIII.

¹³ Пс. 33, 22.

и смятений житейских к нерушимому спокойствию, от непрерывных страданий к непрерывному и некончающемуся блаженству, переход с земли на небо и соединение с бесчисленным сонмом святых Ангелов и бесчисленным сонмом святых человеков. В ненасытном созерцании Бога и в непрестанном горении любовью к Нему заключается высшее и существенное наслаждение небожителей. Преподобный Макарий Великий рассуждает об этом предмете следующим образом: «Когда исходит из тела душа человеческая, тогда совершается некое великое таинство. Если она повинна будет греху, то приступают к ней полчища демонов и ангелы сопротивные и силы темные, и похищают душу в область свою. И не должно сему, как бы необычайному, удивляться. Если человек, живя еще в сем веке, им покорился, и повинился, и соделался их рабом, тем более, когда исходит от мира, бывает ими пленен и поработен. Также, напротив, в отношении лучшего состояния должно разуметь: святым Божиим рабам и ныне предстоят Ангелы, и святые духи сохраняют и окружают их. А когда из тела изыдут, лики Ангельские, восприяв их душу, относят в свою страну, в мир святыни, и приводят их к Господу»¹⁴. <...>

Разлучение души с телом

Самый образ исшествия души из тела и обстоятельства, его сопровождающие, изложены святыми Отцами для назидания и спасения нашего. Преподобный Феодор Студит в 3-м оглашении говорит:

¹⁴ Беседа 22.

«Братия! Останемся ли мы навсегда здесь? Нет! Нет! О горе, братия! Какое страшное таинство смерти! Как мы должны быть всегда внимательны, исполнены покаяния, рассудительны, помышляя, что ныне же предстоит нам смерть, помышляя, как будет совершаться разлучение души от тела, как придут Ангелы – не говорю о том, как предстанут бесы. И бесы приходят к увлекающимся страстями. Помышляйте, каковы будут труд и болезнь, при страшном видении их и при слышании повеления: “душа, выходи!” Тогда людям, разлучающимся от тела, служат великой помощью, утешением, радостью добрые дела и чистота совести. Тогда послушание имеет великое дерзновение; тогда смиренномудрие приносит великое утешение, слезы вспомоществуют, добрые дела прогоняют бесов, терпение вспомоществует, и противники возвращаются без всякого успеха, – души в великой радости пойдут вместе с Ангелами к Спасителю. Но душу, стяжавшую привычку в страстях и побежденную грехом, обьет великий страх: тогда побеждают бесы и низводят эту окаянную душу с собой в преисподний ад, во тьму и тартар, для мучения». Однажды два Ангела явились преподобному Макарию Александрийскому, современнику и сподвижнику Макария Великого, обильновавшему дарами Духа, и беседовали с ним. В этой беседе один из Ангелов сказал: «Услышь, Макарий, каким образом души, как верных, так и неверных, выходят из тел, и уводятся, и ведай, что, по примеру совершающегося в этом мире, должно умозаключать о небесном. Как посланные земным царем воины взять кого-либо, схватывают его и задерживают, хотя бы он этого не хотел и этому противился; задержанный, пораженный страхом, трепещет и ужасается присутствия тех,

которые без милосердия влекут его в путь: так, когда пошлются Ангелы, чтобы изъять из тела чью-либо душу, благочестивого ли человека или нечестивого, она приходит в испуг и устрашается присутствия страшных и грозных Ангелов. Тогда, наконец, она усматривает, как бесполезно для нее, ничтожно, не доставляет никакой помощи множество богатства, знакомых и друзей; она слышит и понимает слезы и рыдания окружающих ее человекoв, но не может произнести ни одного слова, ни подать голоса, потому что никогда не случалось ей испытать такого требования об исшествии. Ее устрашает и невероятное пространство пути, и перемена образа жизни; также она ужасается вида тех, у которых находится уже во власти и которые не оказывают ей никакого сочувствия и милосердия. К тому же она томится скорбью по причине привязанности к телу, она болезнует и тоскует о разлучении и разъединении с ним, как с своим сожителем по природе. Ей не соприисутствует и не вспомоществует никакое утешение, доставляемое совестью, разве только душа сознает за собой добрые дела. Таким образом, душа, и прежде изречения Верховного Судии, судится своей совестью»¹⁵.

Пространно говорит об обстоятельствах, сопровождающих смерть, святой Кирилл, патриарх Александрийский, в слове на исход души. Из этого слова помещаем здесь краткую выписку: «Какой страх и трепет ожидает тебя, душа, в день смерти! Ты увидишь страшных, диких, жестоких, немилостивых и бесстыдных демонов, подобных мрачным муринам, тебе предстоящих. Одно видение их лютее всякой

¹⁵ Bibliotheka veterum patrum Gallandii T. VII, Macarii Alexandrini sermo de excessu justorum et peccatorum.

муки. Душа, увидев их, приходит в смущение, волнуется, мятется, ищет спрятаться, прибегает к Божиим Ангелам. Святые Ангелы держат душу, проходя с ними воздух и возвышаясь, она встречает мытарства, хранящие путь от земли к небу, удерживающие души и препятствующие им восходить далее. Каждое мытарство испытывает принадлежащие ему грехи; каждый грех, каждая страсть имеет своих мытарей и истязателей. Какой страх, трепет и беспокойство должна ощущать душа, видя все это, доколе не произнесется окончательный приговор, ее освобождающий! Болезнен, бедственен, исполнен стенаний, безутешен час нерешительности. Божественные Силы стоят против лица нечистых духов и представляют добрые помышления, слова и дела, принадлежащие душе, а она, в страхе и трепете, посреди препирающихся о ней Ангелов и демонов, ожидает или оправдания своего и освобождения, или осуждения и гибели. Если она проводила жизнь благочестиво и Богоугодно и соделалась достойной спасения, то приемлют ее Ангелы, и она уже спокойно шествует к Богу, имея спутниками Святые Силы. Тогда исполнится сказанное: отбежали печаль, болезнь и воздыхание. Тогда, освободившись от лукавых, гнилых и страшных духов, она идет в неизглаголанную радость. Если же окажется, что душа прожила в небрежении и блуде, то услышит лютейший глас: “да возьмется нечестивый, да не узрит славы Господней!” Постигают ее дни гнева, скорби, нужды и стеснения, дни тьмы и мрака!.. Оставляют ее святые Божии Ангелы и похищают мурины – демоны. Они начинают бить ее без милосердия и низводят на землю; растворивши землю, ввергают душу, связанную нерешимыми узами, в

темную и мрачную страну, в преисподнии узилища и темницы адовы, где заключены души грешников, от века усопших, как говорит Иов, в землю темную и мрачную, в землю тьмы вечной, где нет ни света, ни жизни для человеков, но болезнь вечная и печаль бесконечная, и плач непрерывный, и скрежет зубов немолчный, и воздыхания неусыпающие. Там слышится непрерывное “увы! увы!”, там зовут – и нет помогающего; там вопиют – и никто не избавляет. Нет возможности поведать тамошнего бедствия; нет возможности выразить тамошней болезни, которой подвергаются низверженные туда и заключенные там души. Изнемогают всякие уста человеческие к объяснению страха и трепета, объемлющего узников адских; нет уст человеческих, могущих выразить томление и плач их – непрерывно и вечно стонут, но никто их не милует; выпускают глубокие воздыхания, но никто не слышит; рыдают, но никто не избавляет; взывают и бьются, но никто не милосердствует. Тогда – где похвалы этого мира? Где тщеславие? Где наслаждение? Где пресыщение? Где благородие? Где мужество плоти? Где красота женская, обманчивая и губительная? Где дерзость бесстыдная? Где украшение пышными одеждами? Где сладость греха нечистая и гнусная? Где помазующие и окуривающие себя мирами и благовониями? Где пирующие с тимпанами и гусями? Где пристрастие к деньгам и имуществу и происходящее от него немилосердие? Где бесчеловечная гордость, гнушающаяся всеми и научающая уважать только одного себя? Где пустая и суетная человеческая слава? Где зрелища и прочие игрища? Где кощунствующие, праздно и беспечно живущие? Где мягкие одеяния и мягкие постели? Где

высокие здания и широкие врата? Где мудрость мудрых, благоязычие риторов и суетная ученость? Увы! Все смягутся, поколеблются, как изумленные; поглотится вся мудрость их. О, братия! Помыслите, каким подобает быть нам, имеющим дать отчет в каждом поступке нашем, и великом, и малом! Даже за каждое праздное слово мы дадим ответ Праведному Судии¹⁶.

Согласно этому поведал о своей кончине воин Таксиот. «Когда я умирал, увидел муринов, представших мне. Вид их был очень страшен; душа моя, смотря на них, возмутилась. Потом я увидел двух прекрасных юношей и выскочила душа моя к ним на руки. Мы начали немедленно восходить по воздуху на высоту, как бы летя, и достигли мытарств, стерегущих восход и удерживающих душу каждого человека. Каждое мытарство истязало об особенном виде греха: одно о лжи, другое – о зависти, иное – о гордости; каждый грех имеет на воздухе своих испытателей. И видел я, что Ангелы держат в ковчежце все мои добрые дела, – вынимая их, сравнивают с моими злыми делами. Так миновали мы мытарства. Когда же, приближаясь ко вратам небесным, пришли на мытарство блудное, – стерегущие там удержали меня и представили все мои плотские блудные дела, соделанные от детства моего и доселе. Руководившие меня Ангелы сказали: «все телесные грехи, которые ты сделал в городе, простил тебе Бог, потому что ты покаялся в них». На это сказали мне сопротивники

¹⁶ Святой Кирилл жил в V веке и председательствовал на Третьем Вселенском Соборе. Приводимое здесь Слово его на исход души помещено в Следованной Псалтири. Учение, подобное святому Кириллу, проповедывал и патриарх Феофил, которого Кирилл был племянником и преемником. См. Достопамятные сказания.

мои: «но вышедши из города, на селе ты соблюди с женой земледельца твоего». Ангелы, услышав это, и не нашедши доброго дела, которым бы можно было возмерить за грех мой, оставили меня и удалились. Тогда лукавые духи схватили меня и, удручая побоями, свели на землю. Земля разверзлась; я был спущен по узким и смрадным сходам в преисподнюю темницу ада»¹⁷.

С особенной подробностью поведала о кончине своей преподобная Феодора, ученица великого угодника Божия Василия Нового. Здесь помещается сокращенно ее поведание. Ученику преподобного Василия, Григорию, вопросившему ее в видении об обстоятельствах, сопровождавших ее смерть и последовавших ей, Феодора сказала следующее: «Чадю Григорий! О страшной вещи спросил ты меня, о которой и вспомнать ужасно. Когда настал час моей смерти, я увидела лица, которых никогда не видала, услышала глаголы, которых никогда не слыхала. Что скажу? Лютые и тяжкие бедствия, о которых я не имела понятия, встретили меня по причине дел моих: но молитвами и помощью общего отца нашего Василия я избавилась от них. Как рассказать тебе телесную боль, тягость и тесноту, которым подвергаются умирающие? Как бы кто, обнаженный, упавши на великий огонь, горел, истаивал, обращался в пепел – так разрушается человек смертною болезнью в горький час разлучения души с телом. Когда я приближалась к концу моей жизни и наступило время моего преставления, увидела множество эфиопов, обступивших одр мой. Лица их были темны, как сажа и смола; глаза их – как каленые угли; видение так

¹⁷ См. выше.

люто, как сама геенна огненная. Они начали возмущаться и шуметь. Одни ревели, как звери и скоты, другие лаяли, как псы, иные выли, как волки. Смотря на меня, они ярились, грозили, устремлялись на меня, скрежеща зубами, и тотчас же хотели пожрать меня; между тем готовили хартии и развивали свитки, на которых были написаны все мои злые дела, как бы ожидая какого судию, долженствующего прийти. Убогая моя душа была объята великим страхом и трепетом. Не только томила меня горесть смертная, но и грозный вид и ярость страшных эфиопов были для меня как бы другой лютейшей смертью. Я отвращала глаза мои во все стороны, чтобы не видеть страшных лиц их и не слышать голоса их, но не могла избавиться от них, — они всюду шатались; помогающего мне не было. Когда я окончательно изнемогла, то увидела двух светоносных Ангелов Божиих, в образе юношей невыразимой красоты, идущих ко мне. Лица их сияли, взор был исполнен любви; волосы их были, как снег, белые с златовидным отблеском, одежды их сверкали, как молния; они были препоясаны златыми поясами по сосцам. Приближаясь к одру моему, они стали на правой стороне его, тихо беседуя друг с другом. Увидев их, я возрадовалась и с приятностью смотрела на них; черные эфиопы содрогнулись и отступили несколько далее. Один из светоносных юношей, с гневом обратясь к темным, сказал: “О, бесстыдные, проклятые, мрачные и злобные враги рода человеческого! Зачем всегда предваряете приходом к умирающим и молвою вашей устрашаете и смущаете всякую душу, разлучающуюся с телом? Но не очень радуйтесь, потому что здесь не найдете ничего. Есть Божие милосердие к этой душе, и нет вам в ней ни

части, ни жребия”. Когда Ангел перестал говорить, эфиопы восшатались, подняли клич и молву, начали показывать злые мои дела, содеянные от юности, и вопили: ничего в ней не имеем? А эти грехи чьи? Не она ли сделала то-то и то-то? Так вопия, они стояли и ожидали смерти. И вот пришла смерть, рыкая как лев, видом очень страшная, человеческого подобия, но без тела, составленная из одних нагих костей человеческих¹⁸. Она принесла различные орудия к мучению: мечи, стрелы, копья, серпы, пилы, секиры, удицы и другие неведомые. Узревши это, смиренная душа моя вострепетала от страха. Святые Ангелы сказали смерти: “Не медли; разреши эту душу от союзов плотских; скоро и тихо разреши ее: она не имеет много тяжести греховной”. Смерть приступила ко мне, взяла малую секиру и отсекла мне сперва ноги, потом руки; после другими орудиями расслабила все члены, отделив их по составам один от другого. Я лишилась рук, ног; все мое тело омертвело, и я уже не могла двигаться. Потом отсекла мне голову – я не могла приводить в движение головы моей, сделавшейся мне чужою. После этого она растворила в чаше какой-то состав, и, приложив к устам моим, насильно напоила меня. Так горько было это питье,

¹⁸ Многие перед кончиной своей видели смерть. Если значительная часть предметов видимого мира нам неизвестна, тем более неизвестны предметы мира невидимого, неизвестны особенно тем, которые на изучение их не обратили всего своего внимания, а занимаются ими только поверхностно. Не все, что кажется странным для плотского ума человеческого, уже странно и само по себе. Мы не должны ограничивать всемогущества Божия своими предрассудками. Каждый человек, не стяжавший истинного духовного разума, преисполнен предрассудков, как бы ни был образован скорогибнущей образованностью мира – этим буйством в отношении к Богу.

что душа моя не могла вынести его: содрогнулась и выскочила из тела, отторгнувшись от него насильно. Светоносные Ангелы тотчас приняли ее на свои руки. Оглянувшись назад, я увидела лежащее мое тело бездушным, нечувственным и недвижимым. Как бы кто, совлекшись одежды и кинувши ее, стоял и смотрел на нее: так и я смотрела на тело мое и удивлялась. В то время, как святые Ангелы держали меня, демоны, бывшие в образе эфиопов, обступили нас, вопя: “множество грехов имеет эта душа: пусть отвечает нам!” – и показывали грехи мои. Святые Ангелы начали искать моих добрых дел и, по благодати Господа, находили их; они собирали все доброе, когда-либо с Божией помощью сделанное мной, и готовились положить на весах против злых дел моих. Эфиопы, видя это, скрежетали на меня зубами, потому что хотели немедленно похитить меня из рук ангельских и низвести во дно адово. В то время неожиданно явился туда преподобный наш отец Василий и сказал святым Ангелам: “Ангелы Божии! Эта душа много послужила мне при старости моей; я молился о ней Богу и Бог даровал мне ее”. С этими словами он вынул из недр червлёный полный мешец – мне казалось, что в этом мешце было чистое золото – и, подав его Ангелам, примолвил: “когда будете проходить воздушные мытарства, и лукавые духи начнут истязывать душу, выкупайте ее этим из долгов ее. Благодатью Божией, я богат, собрал многое сокровище потом и трудами моими, и дарую этот мешец душе, послужившей мне”. Сказав это, он ушел. Лукавые духи пришли в недоумение, потом подняли плачевные вопли и удалились. И опять пришел преподобный Василий, неся с собой многие сосуды чистого елея и

драгоценного мира. Он отверзал их, один за другим, и возливал на меня: я исполнилась благоухания духовного и ощутила, что изменилась и просветилась. Преподобный сказал святым Ангелам: «Когда совершите этой душе все подобающее; тогда введите ее на жительство в обитель, уготованную мне Господом». Сказав это, он сделался невидим. Ангелы взяли меня, и мы направились на восток».

В самом Евангелии видим указание, что обстоятельства, сопровождающие кончину человека, те самые, какими они представлены в вышеприведенных сказаниях святых Отцов. Господь засвидетельствовал, что Ангелы отнесли душу нищего Лазаря на лоно Авраамово¹⁹. Скупому богачу, мечтавшему, по случаю обильного урожая нив его, о долговременной земной жизни, о построении более пространных житниц, о плотских наслаждениях, сказал Бог: *безумне, в сию ночь душу твою истяжут от тебе: а яже уготовал еси, кому будут?*²⁰. «Истяжут, – говорит Господь, по изъяснению этих слов Евангелия блаженным Феофилактом – потому что немилостивые мытари-ангелы страшно и насильно исторгают душу грешника. Душа праведника не исторгается из него; он, радуясь и веселясь, предает дух свой Богу и Отцу».

Хотя смерть праведников и вполне покаявшихся грешников совершенно или, по крайней мере, во многом отличается от смерти грешников отверженных и грешников недостаточно покаявшихся, но страх и томление свойственны каждому человеку при его кончине. Это и должно быть так: смерть есть

¹⁹ Лк. 16, 22.

²⁰ Лк. 12, 20.

казнь. Хотя казнь и смягчается для праведников, но казнь пребывает казнью. Сам Богочеловек, приготавливаясь к приятию вольной смерти для спасения рода человеческого, был в подвиге, скорбел и тужил; капли пота Его падали на землю каплями крови: *Прискорбна есть душа Моя до смерти*²¹, сказал Он апостолам, уснувшим от печали и нечувствовавшим приближавшейся напасти. *Отче Мой, аще возможно есть, да мимоидет от Мене чаша сия: обаче не якоже Аз хочу, но якоже Ты*²² – так молился Он Отцу. Предсмертный страх ощущала Пресвятая Дева Богоматерь пред Своим блаженным Успением, хотя Ей предвозвещены были Архангелом Гавриилом Ее преселение в горние обители и слава, там ожидающая Ее, хотя Дух Святой, обильно обитавший в Ней, увлек все помышления и все желания Ее на небо²³.

Страхом и плачем приготавливали себя к роковому смертному часу все святые: они понимали значение этого часа для человека. Когда наступило время кончины преподобного Агафона, он пребыл три дня в глубоком внимании себе, не беседуя ни с кем. Братия спросили его: «Авва Агафон, где ты?» – «Я предстою Суду Христову», – отвечал он. Братия сказали: «Неужели и ты, отец, боишься?» – Он отвечал: «Я старался по силе моей сохранять заповеди Божии, но я – человек и откуда знаю, были ли угодны дела Мои Богу?» – Братия спросили: «Неужели ты не уповаешь на жительство твое, которое было сообразно воле Божией?» – «Не могу уповать, отвечал он, потому что ин суд человеческий, и ин Суд Божий». Они хотели

²¹ Мф. 26, 38.

²² Мф. 26, 39.

²³ Четьи Минеи, 15 авг.

еще спросить его, но он сказал им: «Окажите мне любовь, теперь не говорите со мной, потому что я не свободен». И он скончался с радостью. «Мы видели его веселящимся, – передавали ученики его, – как бы он встречал и приветствовал дорогих друзей». Этот угодник Божий во всем строго, постоянно наблюдал за собой и говаривал, что без тщательнейшего наблюдения над собой человеку невозможно достичь преуспеяния²⁴. Таков путь ко спасению. Святые Божии, непрестанно рассматривая себя, непрестанно находили в себе новые недостатки, и, находя их, более и более погружались в покаяние, которое очищало и усовершенствовало их для неба. Напротив того, лютая рассеянность и многопопечительность непременно соединены с глубоким неведением себя; а такое неведение всегда очень довольны, горды собой. «Многие обольщают себя – говорит блаженный Феофилакт – суетным упованием, думают, что получают Царство Небесное, и присоединят себя к лику возлежащих на высоте добродетелей, высоко мечтая о себе в сердце своем... Много званых, потому что Бог призывает многих, паче же всех, но мало избранных, мало спасаемых, мало достойных избрания Божиего. Призвание – дело Божие, а избрание и не избрание зависят от нас: иудеи были званными, но не оказались избранными, оказавшись непослушными Призывавшему²⁵.

Великий между святыми иноками, Арсений, во все время жития своего, когда занимался рукоделием, полагал на колени платок, по причине слез, изливавшихся из очей его. Он скончался. Авва Пимен,

²⁴ Патерик Скитский.

²⁵ Мф. 22, 14.

Отец, особенно обилвавший даром духовного рассуждения, услышав о кончине его, сказал: «Блажен Арсений: ты оплакал себя в течение земной жизни! Не оплакивающий себя здесь будет плакать вечно. Невозможно избежать плача: или здесь – произвольного, или там, в муках, невольного». Услышал об этой смерти Феофил, патриарх Александрийский, и сказал: «Блажен, авва Арсений! Ты непрестанно помнил час смертный!»²⁶.

²⁶ Патерик Скитский.

Преподобный Никодим Святогорец ✠

НЕВИДИМАЯ БРАНЬ*

(главы из книги)

О том, что не следует слишком сильно желать освобождения от претерпеваемых скорбей, предаваясь всецело в волю Божию

Когда находишься в какой скорби, переносимой тобою с благодарением, внимай добре, да не прельстит тебя враг, или твое самолюбие, возжелать избавиться от нее. Ибо от этого потерпишь ты две потери: первая та, что хотя, восприяв такое желание и согласившись на него, ты не потеряешь тотчас добродетели терпения, однако ж, значительно поколеблешь ее, от чего она мало-помалу ослабевая, по причине неисполнения желания избавиться от надлежащей скорби, ввергнет тебя, наконец, в состояние нетерпеливости; вторая та, что терпение твое с сего момента начнет быть подневольное: Бог же добротна дателя любит и награждает. Следовательно, с сего времени, хоть терпеть все же будешь, ибо одно желание избавиться от скорби не избавляет от нее, — но терпение твое будет безнаградное. Бог воздаст тебе за терпение скорби до того часа, до которого ты терпел благодушно, не ища избавления, со времени же восприятия такого желания Бог уже ничего не воздаст тебе за твое неохотное терпение. Напротив,

* Перевод с греческого святителя Феофана Затворника.

если ты, отражая и подавляя находящее желание избавления от скорби, всецело будешь предавать себя в благу волю Божию, изъявляя готовность охотно потерпеть и стократно большие скорби, чем настоящая, если угодно будет Господу наслать на тебя их, то, хотя бы страдание твое настоящее продолжалось час какой, и даже менее того, Бог примет его за самое долгое, и с этим соразмерит воздаяние тебе.

Подобно сему и во всех других случаях не давай воли своим желаниям, а держи их в своей власти, направляя все исключительно к одной главной цели, – стоянию в воле Божией и шествованию по воле Божией. Ибо тогда и желания твои все будут правы и благочестны, и ты при всякой неприятной случайности будешь пребывать в покое, упокоиваясь в воле Божией. Искренно веруя, что с тобой ничто не может случиться помимо воли Божией, и ничего не желая кроме пребывания в деятельном исполнении воли Божией, ты, как само собой очевидно, всегда будешь иметь только то, чего желаешь, что бы когда ни случилось с тобою.

Под тем, однако ж, что я сказал, – что с тобой ничего не случится, на что нет воли Божией, не разумеются твои собственные грехи и грехи других людей, так как Бог не желает грехов, а разумеются скорби и нужды, Богом посылаемые во вразумление и научение нас, или в наказание за грехи наши. Они благотворны для нас и праведно именуются спасительным крестом, который Он нередко возлагает на самых близких любимцев Своих и угодников, и несение которого во всех наипаче благоугодно Ему.

И то, что я сказал: не желай избавиться от скорбей, разумей, как должно, в смысле покорности воле

Божией. Мы не можем не желать быть свободными от скорбей; потому что в наше естество Сам Бог вложил желание благобытия, почему благоволил и в молитву, Им Самим начертанную для нас, включить: *не введи нас во искушение*, которую мы и повторяем каждодневно по несколько раз. Если теперь после такой молитвы, слышимой, конечно, Богом, Он посылает нам скорбь, то явно, что на это особая воля Его, которой мы, как твари Его сознающие свой долг во всем Ему покорствоваться, и должны благодушно покориться, перенося посланное, как такое, что необходимо для спасения именно моего и твоего. Да и самую молитву: *не введи нас во искушение*, твори приразумевая: *не якоже аз хочу, но якоже Ты*, подражая Господу Спасителю, т. е. твори не потому, чтобы имел отвращение от искушений и ни под каким видом не желал их, но потому одному, что так молиться повелел Господь, содержа вместе в душе полную готовность благодушно принять все, что благоугодно будет Богу насладить на нас, и не поблажая самолюбивому желанию непрерывного благобытия, которому невозможно быть на земле, так как оно есть удел будущей вечной жизни.

О приготовлении к брани с врагами в час смертный

Хотя вся жизнь наша на земле есть непрестанная брань и нам предлежит вести ее до самого конца; но главнейшая и решительнейшая брань ожидает нас в час смерти. И кто падает в сей момент, тому уже не

встать. И не дивись сему. Ибо если враг дерзал приступать к безгрешному Господу в конце земных дней Его, как сказал Сам Господь: *грядет мира сего князь, и во Мне не имать ничесоже* (Ин. 14, 30); то что может удержать его от нападения на нас грешных в конце нашей жизни? И св. Василий Великий говорит в толковании 7-го Псалма на слова: *да не когда похитит, яко лев душу мою, не сущу избавляющу, ниже спасающу* (Пс. 7, 3), что самые неутомимые борцы, всю жизнь неопустительно борющиеся с демонами и избегшие их сетей и устоявшие против нападений их, в конце жизни подвергаются князем века сего осмотру, не окажется ли в них чего-либо грешного; и те, у которых найдутся раны, или пятна и отпечатки греха, удерживаются ими в своей власти, а те, у которых не найдется ничего такого, минуют его свободно и упокоиваются со Христом.

Если так есть дело, то нельзя не поиметь сего в виду и наперед готовиться встретить час тот, чтоб благоуспешно прейти его. Приготовлением к тому должна служить вся жизнь. Ты окажешься добре приготовленным к тому часу, если в продолжение всей данной тебе временной жизни, будешь мужественно бороться со врагами своего спасения. Приобретши во время жизни добрый навык добре побеждать врагов, ты и в час смерти легко стяжешь венец победы.

Также чаще помышляй со вниманием о смерти, приводя на мысль все, имеющее тогда случиться. Если будешь так поступать, то час тот не неожиданно застанет тебя; почему не устрасит тебя, или не сильно устрасит, и душа твоя, не расслабляемая страхом, окажется более крепкою и сильною к подъятию брани и преодолению врага. Мирские люди бегают помышле-

ния и воспоминания о смерти, чтоб не пресекать своих чувственных утех и наслаждений, которые не совместимы с памятью смертною. От этого у них все более и более растет и крепнет привязанность к благам мира, не встречая ничего поперечающего ей. За то, когда придет время разлучиться с жизнью и со всеми любимыми вещами и утехами, они непомерно мнутся, мучатся и ужасаются.

Чтобы такое помышление о смерти принесло весь свой плод, надлежит тебе при сем, поставляя себя мысленно в состояние умирающего, в теснотах и томлениях предсмертных, представлять живо и могущие напасть на тебя тогда искушения вражеские, с воспроизведением вместе и тех мыслей и чувств, какие сильны отразить их. Какие именно возможны тогда вражеские нападения и как отразить их, я изложу тебе вслед за сим, чтоб ты, пока жив, навык мысленному в них упражнению, а когда придет час смерти, употребил их и делом. Ибо ту брань и тот бой, который имеет быть только однажды, надо уметь и навыкнуть хорошо принять и поднять тому, кому неизбежно встретить их, чтоб не сделать ошибки, и не потерпеть потери, каких уже поправить нельзя.

О четырех, бывающих в час смерти, искушениях вражеских. Первое искушение против веры и о способе преодоления его

Четыре главных и опаснейших искушения, каковым в час смерти обыкновенно подвергают нас враги наши – демоны: 1) колебания веры, 2) отчаяние,

3) тщеславие, 4) разные образы, в какие облакаются демоны и какие представляют отходящим.

Что касается до первого, то когда злокозненный враг начнет всевать в тебя помыслы неверия или, явясь видимо, заговорит против веры, ты, не входя с ним в спор, сам в себе восставь веру в то, на что он нападает, и скажи ему со святым негодованием: «отойди прочь с глаз моих, сатана, отец лжи. Я и слушать тебя не хочу; от всей души всегда веровал и верую во все, во что верует мать моя, Святая Церковь. И этого для меня довлеет». И отнюдь не допускай помыслов неверия и стой твердо, по слову Писания: *аще дух владеющего найдет на тя, места твоего не остави* (Еккл. 10, 4). Сознай живее и держись сего сознания, что тут одна кознь диавола, покушающагося смутить тебя в последний твой час. Если не сможешь твердо стоять умом, стой бодренно желанием и чувством, не позволяй им преклониться к внушаемому, хотя бы оно прикрываемо было изречениями Писания, приводимыми душегубцем-врагом: ибо что бы из Писания ни напоминал он тебе, все то на пагубу тебе направляется посредством кривого толкования и извращения истины словес Божиих.

Если змий сей злокозненный спросит тебя: а чему учит Церковь? не отвечай и внимания не обращай на слова его, презирая его; но ведая, что он есть одна ложь и лукавство, и что начал говорить с тобой, чтоб поймать тебя на словах, погрузись в созерцание веры в верующем сердце своем. Впрочем если чувствуешь себя крепким в вере и сильным в помысле, и желаешь посрамить врага, ответь ему, что Святая Церковь верует тому, что единая есть истина. Если он опять спросит, какая же это истина? скажи ему: та, в которую он

верует, именно, что Христос Господь Крестом поразил тебя во главу и сокрушил власть твою. И затем прилепись взором ума своего к созерцанию распятого за нас Господа, и помолись Ему: «Боже мой, Творче и Избавителю! ускори на помощь мне, и не дай мне поколебаться, даже малейше, в истине св. веры Твоей, – но благоволи, чтоб я, как родился по благодати Твоей в истине сей, так в ней же пребывая кончил и жизнь мою смертную во славу имени Твоего».

Второе искушение в час смерти – отчаянием

Второе искушение в час смерти, которым враг покушается поразить нас в конец, есть страх при воспоминании множества грехов наших. Страх сего миновать нельзя; но он умиряется верою в искупление грехов наших крестною смертью Христа Спасителя. Враг же, помрачая сию веру, страх за грехи раздувает до того, что он подавляет всякую надежду спасения и поражает безнадежием и отчаянием. Почему, брате мой, наперед готовься к отражению сего нападения, и отселе еще замышляй, приближаясь к вратам смерти, крепче держать победное наше знамение – Крест Христов, т.е. водруженною в сердце иметь крепкую веру в искупительную силу крестной смерти Господа. Когда же, самым делом вступая в сии врата, ощутишь нападки нечаяния, прежде всего, поспеши сознать, что они суть действия вражеские, а не естественные порождения воспоминания своих грехов. Такому воспоминанию свойственно породить смирение, сокрушение и

скорбь сердечную об оскорблении Бога праведного, но и всемилостивого; почему оно, хотя поражает страхом, но таким, который не погашает надежды на милость Божию, и будучи ею растворяем, дает место дерзновенному упованию спасения, отражая всякое чувство отверженности. Ведая сие, ты не можешь не признать, что коль скоро воспоминание грехов подавляет тебя и ввергает в отчаяние, погашая всякую надежду спасения и поражая страхом отверженности, то все это есть наваждение диавольское. Сознав же это, тебе уже не трудно будет паче упования возуповать: что и разгонит всякое нечаяние.

Упование паче упования погружает в созерцание милосердия Божия, в бездну коего восчувствовавший его и повергает презельное множество грехов своих, утверждаясь на крепком убеждении, что Бог спасения нашего хочет и ищет, а не пагубы. Крепитесь же сие убеждение может и всегда, а наипаче тогда, только на беспредельной силе крестной смерти Господа Спасителя. Почему, как всегда надлежит нам укрываться под сень Креста, так тем паче тогда. И вот какою молитвой прилично тебе, вступая во врата смерти, возмолиться к Господу Богу твоему: «Господи! множество имею я причин опасаться, чтоб Ты не осудил меня и не отверг за грехи мои по правде Твоей; но еще большее имею дерзновение надеяться на помилование по беспредельному милосердию Твоему, во Христе Иисусе, Искупителе нашем и Спасителе. Почему умоляю безмерную Твою благость, пощади меня бедную тварь, осуждаемую грехами своими, но омываемую бесценною Кровью Сына Твоего и Бога нашего, да воспрослаблю Тебя во веки. Всего себя предаю в руки Твои; сотвори со мной по милости Твоей. Ты – Единный Владыка жизни моей».

Третье искушение в час смерти – тщеславием

Третье искушение в час смерти бывает искушение тщеславием и самоценением, внушающими уповать на себя самого и дела свои. Почему, как всегда, так наипаче в час смерти, отнюдь не допускай вниманию своему останавливаться на себе и своем, и вдаваться в довольство собой и делами своими, хотя бы ты преуспевал в добродетелях паче всех святых. Но довольство твое все да будет в Боге и уповай всецело на одно милосердие Его и страдания Господа Спасителя, да спасешься, всячески уничижая себя пред очами своими до последнего издыхания своего. И если случится, что тебе придет на ум какое-либо твое доброе дело, помышляй, что это Бог совершил его в тебе и тобой, а не ты, и что оно от Него Единого произошло.

Прибегай под кров милосердия Божия; однако ж не позволяй себе чаять его, как какого воздаяния тебе за многие и великие брани, выдержанные тобой, и победы одержанные в них. Стой всегда в спасительном страхе, исповедуя искренно, что все твои рвения, усилия и подвиги были бы тщетны и бесплодны, если б Бог не взял их под крыло благоволения Своего, не посодествовал им, и не действовал в них. На сие милостивое благоволение Божие и теперь возложи все упование свое.

Если последуешь этим советам моим, то, будь уверен, враги твои в час смерти никакого не будут иметь успеха в нападениях своих на тебя. И откроется тебе свободный путь, коим с радостью прейдешь ты из юдоли земной в небесный Иерусалим, возлюбленное отечество твое.

Четвертое искушение в час смерти – призраками

Если б враг наш, злой, лукавый и упорный, никогда не утомляющийся искушать нас, восхотел в час смерти тебя и соблазнить какими-либо призраками, видениями и преображениями в ангела светла, ты стой твердо в сознании своей скудости и своего во всем ничтожества. И скажи ему с сердцем мужественным и небоязненным: «возвратись, окаянный, во тьму свою. Как недостойному, мне не подобают видения и откровения. Одно мне нужно – безмерное благоутробие Господа моего Иисуса Христа, молитвы и заступления Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии и всех святых». Хотя бы, по некоторым явным признакам, подумалось тебе, что видишь истинные видения, Богом тебе данные; и в таком случае не спеши верить им, а скорее погрузись в сознание своего недостойнства и ничтожества. Не бойся, что оскорбишь тем Бога; потому что Ему никогда не бывают неприятны наши смиренные чувства. Если такие видения нужны для тебя, то Бог знает, как сделать, чтоб ты не закрывал от них очей своих, обезвинив твою косность в веровании, что они от Бога. Подающий благодать смиренным не отнимет ее за действия, какие они творят по смирению.

Таковы наиболее употребительные оружия, какими враг нападает на нас в последний час смертный. Но он употребляет на это и всякую другую страсть, какую кто из умирающих обладаем был в жизни и на какую наиболее был падок, и старается возбудить ее, чтоб он отошел в страстном настроении, имеющем решить и участь его. Посему-то прежде приближения

часа брани оной великой, надлежит нам, возлюбленные, вооружиться против сильнейших страстей своих и мужественно вступив в брань с ними, преодолеть их и очиститься от них, чтоб облегчить себе победу и тогда, в час твой последний, который может найти в каждое мгновение. Всякому в сем отношении говорит Господь: *воюй их, дондеже скончаеши их* (1 Цар. 15, 18).

Протоиерей Артемий Владимиров ✱

КОНЧИНА*

Писать ли мне, размышлять ли вам вместе со мной о смерти? Несомненно! Разве не нуждается в осмыслении то, чего никто не избежит? Или нам не должно знать того, что придет независимо от наших желаний? Представьте себе, дорогие мои читатели, молодого человека, которому предстоит сдавать самый главный экзамен, определяющий будущее выпускника. Зная и строгость экзаменаторов, и сложность изучаемого предмета, он все же не торопится начать подготовку и занимается посторонними делами. Время от времени заботливые родственники и друзья напоминают студенту о том, что необходимо-таки взяться за книги, но их увещевания вызывают лишь досаду и раздражение. И вот остается последняя неделя. Кажется, все еще можно поправить. Требуются только выдержка, умение отгородиться от всего, что рассеивает ум и расслабляет волю, великое прилежание и молитва с надеждой на помощь Божию. Милосердный Господь, как вы знаете, никого не отвергает: и пришедших трудиться в виноградник спозаранку, и в полдень, и во второй половине дня, знойной и душной, и под самый вечер. Но вместо того чтобы усиленно трудиться, бедный студент отбрасывает от себя книги, обхватывает

* Из книги «Учебник жизни».

руками голову и лежит в отчаянии и озлоблении, раздавленный мыслью о надвигающемся неизбежном провале. Разумно ли это и достойно ли такое поведение человека?! Дабы нам с вами не оказаться в столь незавидном положении, что для истинного христианина равнозначно дезертирству воина, давайте вникнем в существо того последнего и решающего экзамена, который сдавать должно каждому и имя которому – смерть, а лучше – исход, или кончина.

Кому, как не священнику, приличествует говорить об этом? Ибо он призван Богом не только руководствовать нас на стезе земной жизни, но и напутствовать свое духовное чадо в трудный час перехода за грань земного бытия, на Суд Господень.

Поразительная вещь: чем явственнее серьезность болезни предупреждает человека о близости последнего часа, тем более он уверен в противоположном, в своем скорейшем выздоровлении. Подобное наблюдение некоторым может показаться странным, однако же оно остается верным в отношении большинства людей, особенно тех, кто никогда не думал о Вечности, не молился Господу Богу и, стало быть, не осознавал себя христианином. Объясняется это состояние естественной привязанностью к земной жизни, а может быть, и тем, что смерть, разделение души и тела, для человека – дело неестественное. Напомним, не согреши Адам преслушанием воли Божией, то никто бы из его потомков не принужден был бы умирать (если, конечно, они не согрешили бы подобно своему праотцу). Поэтому многие умирающие, утверждаемые своими родственниками в мысли, что скоро поправятся, жить на земле будут долго и счастливо, охотно впадают в самообольщение.

По-человечески понять домашних можно: действительно трудно решиться сообщить близкому человеку то, о чем он слышать не готов. Но как жалок страус, перед лицом опасности прячущий голову в песок, так безотраднa и бессмысленна кончина неверующего. В самом деле, уместна ли беспечность тогда, когда необходимо готовиться к встрече общего для всех нас последнего испытания, того испытания, которое, впрочем, много сглажено и умягчено искупительными страданиями и воскресением из мертвых нашего Вождя – Господа и Спасителя Иисуса Христа. Но обо всем по порядку.

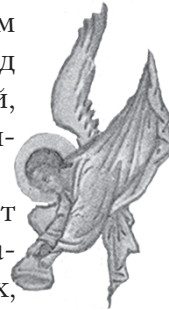
Что касается лично меня, то я ни в коем случае не хотел бы быть введенным в заблуждение относительно моей собственной кончины. Сохрани Бог от несбыточных грез и ложных надежд! Можно ли спать, когда надлежит бодрствовать? Разоружаться, вместо того чтобы привести себя в состояние полной боевой готовности?! Хорош воин, который предается неге в час наступления неприятеля! А ведь и нам, дорогие сподвижники, в тот час нужно будет вооружиться в полноту христианских доспехов: облечься в броню любви и правды, защитить чело шлемом надежды на благодать Христову, сжать в одной руке обоюдоострый меч молитвы и рассудительности, поднять другой – спасительный щит веры, дабы оградиться от всех раскаленных стрел супостата. На бедрах готовящийся к исходу ученик Христов утверждает пояс воздержания от всего, что может затупить в его уме и сердце неугасимую лампаду Иисусовой молитвы: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя (меня) грешного!»

Иногда от людей, неискушенных и незнающих существа дела, можно услышать признания, напоодо-

бие следующих: «Как хорошо скончался Иван Иванович, совершенно неожиданно! Представьте себе: сидел за столом и кушал второе блюдо. Вдруг икнул – и преставился, вовсе без мучений. Всем бы такую кончину!» Ни вам, друзья, ни себе ничего подобного не пожелаю! Без приуготовления, без покаяния быть взятым на Суд Божий! Совсем как в Евангельской притче о богаче, который, видя обильный урожай на своем поле, недоумевал, куда бы ему собрать все плоды. «И сказал: вот что сделаю: сломаю житницы мои и построю бóльшие, и соберу туда весь хлеб мой и все добро мое, и скажу душе моей: душа! много добра лежит у тебя на многие годы: покойся, ешь, пей, веселись. Но Бог сказал ему: безумный! в сию ночь душу твою возьмут у тебя; кому же достанется то, что ты заготовил? Так бывает с тем, кто собирает сокровища для себя, а не в Бога богатеет». Страшна кончина без приуготовления, пришедшая в час неожиданный-негаданный. Вот почему Мать Церковь на каждом богослужении молит о даровании каждому из чад своих «христианской кончины, безболезненной, непостыдной и мирной, и доброго ответа на Страшном Судище Христовом».

Святые отцы вместе с пророком Давидом учат нас молиться в течение жизни такими словами: «Скажи мне, Господи, кончину мою и число дней моих, какое оно, дабы я знал, какой век мой». А век наш есть поприще покаяния, которое единственное поставляет нас пред лицо Божие.

Иные больные, чувствуя тяжесть предсмертного креста, помышляют о самоубийстве – как разрешении положения: и родных освобожу, и сам отмучаюсь. Такие черные и ложные мысли может подсказывать только человекоубийца-диавол – он-то хорошо

знает, что самоубийцы как своевольники и отступники лишаются милости Божией, подобно разбойнику-хулителю, распятому слева от Креста Христова. На «просвещенном Западе» все более и более распространяется метод так называемой эвтаназии. Под этим псевдонаучным словом именуется узаконенное самоубийство, когда по просьбе больного специальный аппарат вводит в него яд и он умирает. Вот до чего может додуматься ослепленный неверием разум! Собственными руками – в преисподнюю! Какая хула на Христа, победившего смерть, и на Его спасительную благодать! Нет, наш путь иной – молитвы, терпения, благодарения Бога, Который приходит на помощь истинным рабам Своим в последний час, по слову Евангельскому: «Кто имеет заповеди Мои и соблюдает их, тот любит Меня; а кто любит Меня, тот возлюблен будет Отцем Моим; и Я возлюблю его и явлюсь ему Сам. Слушающий слово Мое и верующий в Пославшего Меня имеет жизнь вечную, и на суд не приходит, но перешел от смерти в жизнь».

Расскажу вам в заключение о том, как исходит душа православного христианина к Богу и какие искушения должно ей претерпеть на этом последнем экзамене.

Никто никогда не сможет объяснить, как душа соединена с телом – это тайна премудрости Божией. Но только приходит время нашему телесному составу распасться и обратиться в прах – до времени всеобщего воскресения на Страшном Суде Божиим. Наступает час, когда душа чувствует, что Сам Господь призывает ее к Себе. Связывается немотой язык, холодеют телесные члены, меркнет взор. Как важно, чтобы в эти минуты домашние не суетились, но молились об облегчении предсмертной туги и

безболезненным исходе души страждущего. Окружившим смертный одр кажется, будто жизнь в близком человеке замерла, а на самом деле бессмертная душа и мыслит, и видит, и слышит, и осознает себя! Только уже не может воспользоваться своим обычным орудием – телом, покидаемым на время до его воскресения. Если болящий заблаговременно исповедован и причащен священником Святых Тайн, то Господь дивно умягчает предсмертные страдания и душа христианская, сияя блистанием благодати, кротко разлучается с телом. О такой смерти говорят: легкая, благодатная кончина.

Обычно духовное состояние человека отпечатлевается неким образом в телесных чертах лица. Мне, священнику, приходилось видеть такие светлые и прекрасные лица только что преставившихся православных христиан. Эти лица были овеяны такой неземной красотой и радостью, что мое сердце вместе с печалью исполнялось тихой и благодатной отрадой.

А теперь перечислю, хотя бы кратко, главные духовные искушения, связанные с кончиной.

Чаще всего умирающие бывают искушаемы духом уныния и отчаяния от сознания тяжести и обилия своих грехов. Дьявол, падший ангел, особенно старается умалить в уме христианина безграничную милость Господа к Его кающимся ученикам. Покоряться этому ложному духу нельзя. «Господи, я немощен и слаб. Но всегда каялся в грехах своих и по силе старался исправиться. Твоей милостью и благодатью грехи мои отпущены в Таинстве Исповеди. Твердо верую, что Ты, Создатель мой, меня очистишь, помилуешь и спасешь!» Так будем мыслить, так верить, так молиться, – и искушение отойдет от нас...

Иные поддаются духу тщеславия. Вместо того, чтобы каяться, перечисляют в уме и вслух свои добрые дела, обращают на это внимание родственников. Не рассудительно и даже опасно делать на земле добрые дела на виду у людей. Страсть тщеславия подобно ядовитой змее отравляет своим ядом намерения человекоугодника. Каковы будут изумление и ужас на Страшном Суде, когда обнаружится, что все дела милости уничтожены геенским огнем из-за духа тщеславия и самовозношения, которым они были проникнуты. Сохрани нас, Господи, от пагубного самообольщения. Ведь никто из нас не оправдывается перед Тобою делами – а единственно верой и благодарью, даруемой за веру! Дел же добрых мы не имеем. А что было – так это Твой дар, Господи!

Наконец, может последовать искушение от самого духа злобы, которому иногда попущено бывает являться в призрачном обличьи небожителя или в собственном ужасном образе. Ни в коем случае не должно ни проявлять какого-либо интереса к подобным видениям, ни вступать в беседу с явившимся, если мы не хотим быть обманутыми сатаной. Но, потупив очи, подобает смиренно и спокойно молиться, призывая на помощь Христа Спасителя, Пречистую Богоматерь, Ангела Хранителя и святых угодников Божиих, покуда наваждение не исчезнет. Верен Господь, который не попустит врагу нашего спасения прельстить нас, если мы явим должную веру, мужество и рассудительность! Последний же наш вздох, исполненный любви и надежды на Господа, преподан всем ученикам их Благим Учителем со Креста: «Отче! в руки Твои предаю дух Мой! Аминь».

Глава 5 ✱

ДУША ПОСЛЕ
СМЕРТИ

К читателю

Протоиерей Валериан Кречетов вспоминал (1.04.2004 г.), как однажды он причащал старую жительницу Москвы, Любовь Эдуардовну, и, когда упомянул об этой книге – «Невероятное для многих, но истинное происшествие», – она сказала, что человека, о котором в ней говорится, она знала. Тогда она была девушкой, они жили в Сивцевом Вражке на Арбате, и, конечно, до них дошло то, что с ним это случилось: человек ожил в гробу! «Нам, девушкам, – рассказывала она, – это было интересно. Но он никуда не ходил, кроме храма. Мы проходили мимо его дома – шторы у него всегда были закрыты. И, когда он выходил на улицу, он ни на кого не смотрел, был всегда сосредоточен, шел, опустив глаза». Было это, видимо, в начале XX века, она скончалась в возрасте 99 лет.

К. Иксуль ✦

**НЕВЕРОЯТНОЕ ДЛЯ МНОГИХ,
НО ИСТИННОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ**
(главы из книги)

* * *

Помню, часов около четырех я почувствовал как бы легкий озноб и, желая согреться, плотно завернулся в одеяло и лег было в постель, но мне вдруг сделалось очень дурно.

Я позвал фельдшера, он подошел, поднял меня с подушки и подал мешок с кислородом. Где-то прозвенел звонок, и через несколько минут в мою палату торопливо вошел старший фельдшер, а затем один за другим – и оба наши врача.

В другое время такое необычайное собрание всего медицинского персонала и быстрота, с какою собрался он, несомненно, удивили и смутили бы меня, но теперь я отнесся к этому совершенно равнодушно, словно оно и не касалось меня.

Странная перемена произошла вдруг в моем настроении! За минуту перед тем жизнерадостный, я теперь, хотя и видел и отлично понимал все, что происходило вокруг меня, но ко всему этому у меня вдруг явилась такая непостижимая безучастность, такая отчужденность, какая, думается, совсем даже и не свойственна живому существу.

Все мое внимание сосредоточилось на мне же самом, но и здесь была удивительно своеобразная

особенность, какая-то раздвоенность: я вполне ясно и определенно чувствовал и сознавал себя и в то же время относился к себе же настолько безучастно, что, казалось, будто даже утерять способность физических ощущений.

Я видел, например, как доктор протягивал руку и брал меня за пульс, я и видел, и понимал, что он делал, но прикосновения его не чувствовал. Я видел и понимал, что доктора, приподняв меня, все что-то делали и хлопотали над моей спиной, с которой, вероятно, начался у меня отек, но что делали они – я ничего не чувствовал, и не потому, чтобы в самом деле лишился способности ощущать, но потому, что меня несколько не интересовало это, потому, что, уйдя куда-то глубоко внутрь себя, я не прислушивался и не следил за тем, что делали они со мной.

Во мне как бы вдруг обнаружилось два существа: одно – крившееся где-то глубоко и главнейшее, другое – внешнее и, очевидно, менее значительное; и вот теперь, словно связывавший их состав выгорел или расплавился и они распались, и сильнейшее чувствовалось мною ярко, определенно, а слабейшее стало безразличным. Это слабейшее было мое тело.

Могу представить себе, как, быть может, всего несколько дней тому назад был бы поражен я открытием в себе этого неведомого мною дотоле, внутреннего моего существа и сознанием его превосходства над тою, другою моею половиной, которая, по моим понятиям, и составляла всего человека, но которой теперь я почти и не замечал.

Удивительно было это состояние: жить, видеть, слышать, понимать все и в то же время как бы и не видеть и не понимать ничего, такую чувствовать ко всему отчужденность.

* * *

Вот доктор задал мне вопрос; я слышу и понимаю, что он спрашивает, но ответа не даю, не даю потому, что мне незачем говорить с ним. А ведь он хлопочет и беспокоится обо мне же, но о той половине моего я, которая утратила теперь всякое значение для меня, до которой мне нет никакого дела.

Но вдруг она заявила о себе, и как резко и необычайно заявила!

Я вдруг почувствовал, что меня с неудержимой силой потянуло куда-то вниз. В первые минуты это ощущение было похоже на то, как бы ко всем членам моим подвесили тяжелые многопудовые гири, но вскоре такое сравнение не могло уже выразить моего ощущения; представление такой тяги оказывалось уже ничтожным.

Нет, тут действовал какой-то ужасающей силы закон притяжения.

Мне казалось, что не только всего меня, но каждый мой член, каждый волосок, тончайшую жилку, каждую клеточку моего тела в отдельности тянет куда-то с такою же неотразимостью, как сильно действующий магнит притягивает к себе куски металла.

И однако, как ни сильно было это ощущение, оно не препятствовало мне думать и сознавать все; я сознавал и странность самого этого явления, помнил и сознавал действительность, то есть что я лежу на койке, что палата моя во втором этаже, что подо мною такая же комната; но в то же время, по силе ощущения, я был уверен, что, будь подо мною не одна, а десять нагроможденных одна на другую комнат, все это мгновенно расступится предо мною, чтобы пропустить меня... куда?

Куда-то дальше, глубже, в землю.

Да, именно в землю, и мне захотелось лечь хоть на пол, и я сделал усилие и заметался.

* * *

Агония, – услышал я произнесенное надо мною доктором слово.

Так как я не говорил и взгляд мой, как сосредоточенного в самом себе человека, должно быть, выражал полную к окружающему безучастность, то доктора, вероятно, порешили, что я нахожусь в бессознательном состоянии, и говорили обо мне надо мною, уже не стесняясь. А между тем я не только отлично понимал все, но не мог не мыслить и в известной сфере не наблюдать.

«Агония! Смерть! – подумал я, услышав слова доктора. – Да неужели же я умираю? – обращаясь к самому себе, громко проговорил я. – Но как? Почему?» Объяснить этого не могу.

Мне вдруг вспомнилось когда-то давно прочитанное мною рассуждение ученых о том, болезненна ли смерть, и, закрыв глаза, я прислушался к себе, к тому, что происходило во мне.

Нет, физических болей я не чувствовал никаких, но я, несомненно, страдал, мне было тяжело, томно. Отчего же это? Я знал, от какой болезни я умираю; что же, душил ли меня отек или он стеснил деятельность сердца, и оно томило меня? Не знаю, быть может, таково было определение наступавшей смерти по понятиям тех людей, того мира, который был теперь так чужд и далек для меня, я же чувствовал только то непреодолимое стремление куда-то, тяготение к чему-то, о котором говорил выше.

И я чувствовал, что тяготение это с каждым мгновением усиливается, что я уж вот-вот совсем близко подхожу, почти касаюсь того влекущего меня магнита, прикоснувшись к которому я всем моим естеством припаяюсь, срастусь с ним так, что уж никакая сила не в состоянии будет отделить меня от него. И чем сильнее чувствовал я близость этого момента, тем страшнее и тяжелее становилось мне, потому что вместе с этим ярче обнаруживался во мне протест, яснее чувствовал, что весь я не могу слиться, что что-то должно отделиться во мне, и это что-то рвалось от неведомого мне предмета притяжения с такою же силой, с какой что-то другое во мне стремилось к нему. Эта борьба и причиняла мне истому, страдания.

* * *

Значение услышанного мною слова «агония» было вполне понятно для меня, но все во мне как-то перевернулось теперь, от моих отношений, чувств и до понятий включительно.

Несомненно, если бы я услышал это слово хотя тогда, когда трое докторов выслушивали меня, я был бы невыразимо испуган им. Несомненно также, что, не случись со мною такого странного переворота, оставайся я в обычном состоянии больного человека, я и в данную минуту, зная, что наступает смерть, понимал бы и объяснял бы все происходящее со мною иначе; но теперь слова доктора только удивили меня, не вызвав того страха, какой вообще присущ людям при мысли о смерти, и дал совсем неожиданное в сопоставлении с моими прежними понятиями толкование тому состоянию, какое испытывал я.

«Так вот что! Это она, земля, так тянет меня, – вдруг ясно выплыло в моей голове. – То есть не меня, а то свое, что на время дала мне. И она ли тянет или оно стремится к ней?..»

И то, что прежде казалось мне столь естественным и достоверным, то есть что весь я по смерти рассыплюсь в прах, теперь явилось для меня противоестественным и невозможным.

«Нет, весь я не уйду, не могу», – чуть ли не громко крикнул я и сделал усилие освободиться, вырваться от той силы, что влекла меня, и вдруг почувствовал, что мне стало легко.

Я открыл глаза, и в моей памяти с совершенною ясностью до малейших подробностей запечатлелось все, что увидал я в ту минуту.

Я увидел, что стою один посреди комнаты; вправо от меня, обступив что-то полукругом, столпился весь медицинский персонал: заложив руки за спину и пристально глядя на что-то, чего мне за их фигурами не было видно, стоял старший врач; подле него, слегка наклонившись вперед, младший старик фельдшер, держа в руках мешок с кислородом, нерешительно переминался с ноги на ногу, по-видимому, не зная, что делать ему теперь со своею ношей, отнести ли ее, или она может еще понадобиться; а молодой, нагнувшись, поддерживал что-то, но мне из-за его плеча виден был только угол подушки.

Меня удивила эта группа; на том месте, где стояла она, была койка, что же теперь привлекало там внимание этих людей, на что смотрели они, когда меня уж там не было, когда я стоял посреди комнаты?

Я подвинулся и взглянул туда, куда глядели все они: *там на койке лежал я.*

* * *

Не помню; чтоб я испытал что-нибудь похожее на страх при виде своего двойника; меня охватило только недоумение: как же это? Я чувствую себя здесь, а между тем и там тоже – я. Я оглянулся на себя, стоящего посреди комнаты. Да, это, несомненно, был я, точно такой же, каким я знал себя.

Я захотел осязать себя, взять правую руку за левую; моя рука прошла насквозь. Попробовал охватить себя за талию – рука снова прошла через мой корпус, как по пустому пространству.

Пораженный таким странным явлением, я хотел, чтобы мне со стороны помогли разобраться в нем, и, сделав несколько шагов, протянул руку, желая дотронуться до плеча доктора, но почувствовал, что и идя я как-то странно, не ощущая прикосновения к полу, и рука моя, как ни стараюсь я, все никак не может достигнуть фигуры доктора, всего, может быть, какой-нибудь вершок-два остается пространства, а дотронуться до него не могу.

Я сделал усилие стать твердо на пол, но, хотя корпус мой повиновался моим усилиям и опускался вниз, а достигнуть пола, так же, как фигуры доктора, мне оказалось невозможным. Тут тоже оставалось ничтожное пространство, но преодолеть его я никак не мог.

И мне живо вспомнилось, как несколько дней тому назад сиделка нашей палаты, желая предохранить мою микстуру от порчи, опустила пузырек с нею в кувшин с холодной водой, но воды в кувшине было много, и она сейчас же вынесла легкий пузырек вверх; а старушка, не понимая, в чем дело, настойчиво и раз, и другой, и третий опускала его на дно и

даже придерживала его пальцем в надежде, что он устоится, но едва принимала палец, как он снова выворачивался на поверхность.

Так, очевидно, и для меня, *теперешнего* меня, окружавший воздух был уж слишком плотен.

* * *

Что же случилось со мной?

Я позвал доктора, но атмосфера, в которой я находился, оказывалась совсем непригодной для меня: она не восприняла и не передала звуков моего голоса, и я понял свою полную разобщенность со всем окружающим, свое странное одиночество, и панический страх охватил меня. Было действительно что-то невыразимо ужасное в этом необычайном одиночестве. Заблудился ли человек в лесу, тонет ли он в пучине морской, горит ли в огне, сидит ли в одиночном заключении, он никогда не теряет надежды, что его услышат; он знает, что его поймут, лишь бы донесся куда-нибудь его зов, его крик о помощи; он понимает, что его одиночество продолжится только до той минуты, пока он не увидит живое существо, что войдет сторож в его каземат, и он может сейчас же заговорить с ним, высказать ему, что желает, и тот поймет его.

Но видеть вокруг себя людей, слышать и понимать их речь и в то же время знать, что ты, что бы ни случилось с тобой, не имеешь никакой возможности заявить им о себе, ждать от них в случае нужды помощи, – от такого одиночества волосы на голове становились щетиной, ум цепенел. Оно было хуже пребывания на необитаемом острове, потому что там хоть природа воспринимала бы проявление

вашей личности, а здесь в одном этом лишении возможности общаться с окружающим миром, как явлении, неестественном для человека, было столько мертвящего страха, такое страшное сознание беспомощности, какого нельзя испытать ни в каком другом положении и передать словами.

Я, конечно, сдался не сразу; я всячески пробовал и старался заявить о себе, но попытки эти приводили меня лишь в полное отчаяние. «Неужели же они не видят меня?» – с отчаянием думал я и снова и снова приближался к стоявшей над моею койкой группе лиц, но никто из них не оглядывался, не обращал на меня внимания, и я с недоумением осматривал себя, не понимая, как могут они не видеть меня, когда я такой же, как был. Я делал попытку осязать себя – и рука моя снова рассекала лишь воздух.

«Но ведь я же не призрак, я чувствую и сознаю себя, и тело мое есть действительно тело, а не какой-нибудь обманчивый мираж», – думал я и снова пристально осматривал себя и убеждался, что тело мое, несомненно, было тело, ибо я мог всячески рассматривать его и совершенно ясно видеть малейшую черточку, точку на нем. Внешний вид его оставался таким же, как был и прежде, но изменилось, очевидно, свойство его; оно стало недоступно для осязания, и окружающий воздух стал настолько плотен для него, что не допускал его полного соприкосновения с предметами.

«Астральное тело. Кажется, это так называется? – мелькнуло в моей голове. – Но почему же, что случилось со мной?» – задавал я себе вопросы, стараясь припомнить, не слышал ли я когда-нибудь рассказов о таких состояниях, странных трансформациях в болезнях...

* * *

Нет, ничего тут не поделаешь! Все кончено! – безнадежно махнув рукой, проговорил в это время младший доктор и отошел от койки, на которой лежал другой я.

Мне стало невыразимо досадно, что они все толкуют и хлопочут над тем моим я, которого я совершенно не чувствовал, которое совсем не существовало теперь для меня, и оставляют без внимания другого, настоящего меня, который все знает и, мучаясь страхом неизвестности, ищет, требует их помощи.

«Неужели они не хватятся меня, неужели не понимают, что там меня нет?» – с досадой думал я и, подойдя к койке, взглянул на того себя, который в ущерб моему настоящему я привлекал внимание находившихся в палате людей.

Я взглянул, и тут только впервые у меня явилась мысль: да не случилось ли со мною того, что на нашем языке, на языке живых людей определяется словом «смерть»?

Это пришло мне в голову потому, что мое лежавшее на койке тело имело совершенно вид мертвеца: без движения, бездыханное с покрытым какою-то особенною бледностью лицом, с плотно сжатыми, слегка посинелыми губами, оно живо напомнило мне всех виденных мною покойников? Сразу может показаться странным, что только при виде своего бездыханного тела я сообразил, что именно случилось со мною, но, вникнув и проследив, что чувствовал и испытывал я, такое странное по первому взгляду недоумение мое станет понятным.

В наших понятиях со словом «смерть» неразлучно связано представление о каком-то уничтожении,

прекращении жизни. Как же мог я думать, что умер, когда я ни на одну минуту не терял самосознания, когда я чувствовал себя таким же живым, все слышащим, видящим, сознающим, Способным двигаться, думать, говорить? О каком уничтожении могла быть тут речь, когда я и отлично видел себя, и в то же время даже сознавал и странности своего состояния? Даже слова доктора, что «все кончено», не остановили на себе моего внимания и не вызвали догадки о случившемся – настолько разнствовало то, что произошло со мною, с нашими представлениями о смерти!

Разобщение со всем окружающим, раздвоение моей личности скорее всего могло бы дать понять мне случившееся, если бы я верил в существование души, был человеком религиозным; но этого не было, и я руководился лишь тем, что чувствовал, а ощущение жизни было настолько ясно, что я только недоумевал над странными явлениями, будучи совершенно не в состоянии связывать моих ощущений с традиционными понятиями о смерти, то есть, чувствуя и сознавая себя, думать, что я не существую.

Впоследствии мне неоднократно приходилось слышать от людей религиозных, то есть не отрицавших существования души и загробной жизни, такое мнение или предположение, что душа человека, едва только сбросит он с себя брентную плоть, сейчас же становится каким-то всеведущим существом, что для него ничего нет непонятного и удивительного в новых сферах, в новой форме ее бытия, что она не только мгновенно входит в новые законы открывшегося ей нового мира и своего измененного существования, но что все это так сродни ей, что

этот переход есть для нее как бы возвращение в настоящее отечество, возвращение к естественному ее состоянию. Такое предположение основывалось главным образом на том, что душа есть дух, а для духа не может существовать тех ограничений, какие существуют для плотского человека.

* * *

Предположение такое, конечно, совершенно неверно.

Из вышеописанного читатель видит, что я явился в этот новый мир таким же, каким ушел из старого, то есть почти с теми же способностями, понятиями и познаниями, какие имел, живя на земле.

Так, желая как-нибудь заявить о себе, я прибегал к таким же приемам, какие обыкновенно употребляются для этого всеми живыми людьми, то есть я звал, подходил, старался дотронуться, толкнуть кого-нибудь; заметив новое свойство своего тела, я находил это странным, следовательно, понятия у меня оставались прежние: иначе это не было бы для меня странным, и, желая убедиться в существовании моего тела, я опять-таки прибегал к обычному мне, как человеку, для этого способу.

Даже поняв, что я умер, я не постиг какими-нибудь новыми способами происшедшей во мне перемены и, недоумевая, то называл мое тело «астральным», то у меня проносилась мысль, что не с таким ли телом был создан первый человек и что полученные им после падения кожаные ризы, о которых упоминается в Библии, не есть ли то брренное тело, которое лежит на койке и через несколько времени превратится в прах, – одним словом, желая

понять случившееся, я подводил такие ему объяснения, какие ведомы и доступны были мне по моим земным познаниям.

И это естественно. Душа, понятно, есть дух, но дух, созданный для жизни с телом: поэтому, каким же образом тело может явиться для нее чем-то вроде тюрьмы, какими-то узами, приковывающими ее к несродному будто бы ей существованию?

Нет, тело есть законное, предоставленное ей жилище, и поэтому она явится в новый мир в той степени своего развития и зрелости, каких достигла в совместной жизни с телом, в положенной ей нормальной форме ее бытия. Конечно, если человек был при жизни духовно развит, настроен, его душе многое будет более сродни и оттого понятнее в этом новом мире, чем душе того, кто жил, никогда не думая о нем, и тогда как первая в состоянии будет, так сказать, сразу читать там, хотя и не бегло и с запинками, второй, подобной моей, нужно начинать с азбуки, нужно время, чтобы уразуметь и тот факт, о котором она никогда не помышляла, и ту страну, в которую она попала и в которой никогда и мысленно не бывала.

Вспоминая и продумывая впоследствии свое тогдашнее состояние, я заметил только, что мои умственные способности действовали и тогда с такою удивительною энергией и быстротой, что, казалось, не оставалось ни малейшей черты времени для того, чтобы с моей стороны сделать усилие сообразить, сопоставить, вспомнить что-нибудь; едва что-либо являлось предо мною, как память моя, мгновенно пронизывая прошлое, выкапывала все завалившиеся там и заглохшие крохи знаний по данному предмету, и то,

что в другое время, несомненно, вызвало бы мое недоумение, теперь представлялось мне как бы известным. Иногда я даже каким-то наитием предугадывал и неведомое мне, но все-таки не раньше, чем оно представлялось моим глазам. В этом только и заключалась особенность моих способностей, кроме тех, которые являлись следствием моего измененного естества.

* * *

Перехожу к повествованию о дальнейших обстоятельствах моего невероятного происшествия.

Невероятно! Но если оно до сих пор казалось невероятным, то эти дальнейшие обстоятельства явятся в глазах моих образованных читателей такими наивными небылицами, что о них и повествовать бы не стоило; но, быть может, для тех, кто пожелает взглянуть на мой рассказ иначе, сама наивность и скудость послужат удостоверением его истинности, ибо если бы я сочинял, выдумывал, то здесь для моей фантазии открывается широкое поле, и, конечно, я бы выдумал что-нибудь помудреннее, поэффектнее.

Итак, что же дальше было со мной? Доктора вышли из палаты, оба фельдшера стояли и толковали о перипетиях моей болезни и смерти, а старушка няня (сиделка), повернувшись к иконе, перекрестилась и громко высказала обычное в таких случаях пожелание мне...

– Ну, Царство ему Небесное, вечный покой.

И едва произнесла она эти слова, как подле меня явились два Ангела; в одном из них я почему-то узнал моего Ангела-хранителя, а другой был мне неизвестен.

Взяв меня под руки, Ангелы вынесли меня прямо через стену из палаты на улицу.

* * *

Смеркалось уже, шел небольшой, тихий снежок. Я видел это, но холода и вообще перемены между комнатною температурой и надвornoю не ощутил. Очевидно, подобные вещи утратили для моего измененного тела свое значение. Мы стали быстро подниматься вверх. И по мере того, как поднимались мы, взору моему открывалось все большее и большее пространство, и наконец оно приняло такие ужасающие размеры, что меня охватил страх от сознания моего ничтожества перед этою бесконечною пустыней. В этом, конечно, сказывались некоторые особенности моего зрения: во-первых, было темно, а я видел все ясно, следовательно, зрение мое получило способность видеть в темноте; во-вторых, я охватывал взором такое пространство, какого, несомненно, не мог охватить моим обыкновенным зрением, но этих особенностей я, кажется, не сознавал тогда, а что я вижу не все и что для моего зрения, как ни широк его кругозор, все-таки существует предел, – это отлично понимал и ужасался. Да, насколько, стало быть, свойственно человеку ценить во что-то свою личность: я сознавал себя таким ничтожным, ничего не значащим атомом, появление или исчезновение которого, понятно, должно было оставаться совсем незамеченным в этом беспредельном пространстве, но вместо того, чтобы находить для себя в этом некоторое успокоение, своего рода безопасность, я страшился... что затеряюсь, что эта необъятность поглотит меня, как жалкую пылинку.

Удивительный отпор ничтожной точки всеобщему (как мнят некоторые) закону разрушения и знаменательное проявление сознания человеком его бессмертия, его вечного личного бытия!

* * *

Идея времени погасла в моем уме, и я не знаю, сколько мы еще поднимались вверх, как вдруг послышался сначала какой-то неясный шум, а затем, выплыв откуда-то, к нам с криком и гоготом стала быстро приближаться толпа каких-то безобразных существ.

«Бесы!» – с необычайной быстротой сообразил я и оцепенел от какого-то особенного, неведомого мне дотоле ужаса.

Бесы! О, сколько иронии, сколько самого искреннего смеха вызвало бы во мне всего несколько дней, даже часов тому назад чье-нибудь сообщение не только о том, что он видел своими глазами бесов, но что он допускает существование их как тварей известного рода! Как и подобало образованному человеку конца девятнадцатого века, я под этим названием разумел дурные склонности, страсти в человеке, почему и самое слово это имело у меня значение не имени, а термина, определявшего известное отвлеченное понятие. И вдруг это «известное отвлеченное понятие» предстало мне живым олицетворением!

Не могу и до сих пор сказать, как и почему я тогда без малейшего недоумения признал в этом безобразном видении бесов. Несомненно лишь, что такое определение совсем выходило из порядка вещей и логики, ибо, предстань мне подобное зрелище в другое время, я, несомненно, сказал бы,

что это какая-то небылица в лицах, уродливый каприз фантазии – одним словом, все что угодно, но уж, конечно, никак не назвал бы его тем именем, под которым понимал нечто такое, чего и видеть нельзя. Но тогда это определение вылилось с такою быстротой, как будто тут и думать было незачем, как будто я увидел что-то давно и хорошо мне известное, и так как мои умственные способности работали в то время, как говорил я, с какою-то непостижимой энергией, то я почти так же быстро сообразил, что безобразный вид этих тварей не был их настоящей внешностью, что это был какой-то мерзкий маскарад, придуманный, вероятно, с целью больше устроить меня, и на мгновение что-то, похожее на гордость, шевельнулось во мне. Мне стало стыдно за себя, за человека вообще, что для того, чтобы испугать его, столь много мнящего о себе, другие твари прибегают к таким приемам, какие нами практикуются лишь по отношению к малым детям.

Окружив нас со всех сторон, бесы с криком и гамом требовали, чтобы меня отдали им, они старались как-нибудь схватить меня и вырвать из рук Ангелов, но очевидно, не смели этого сделать. Среди их невообразимого и столь же отвратительного для слуха, как сами они были для зрения, воя и гама я улавливал иногда слова и целые фразы.

– Он наш, он от Бога отрекся, – вдруг чуть не в один голос завопили они и при этом уж с такою наглостью кинулись на нас, что от страха у меня на мгновение застыла всякая мысль.

«Это ложь! Это неправда!» – опомнившись, хотел крикнуть я, но услужливая память связала мне язык. Каким-то непонятным образом мне вдруг

вспомнилось такое маленькое, ничтожное событие, и к тому же относившееся еще к давно минувшей эпохе моей юности, о котором, кажется, я и вспомнить никак не мог.

* * *

Мне вспомнилось, как еще во времена моего ученья, собравшись однажды у товарища, мы, потолковав о своих школьных делах, перешли затем на разговор о разных отвлеченных и высоких предметах, разговоры, какие велись нами зачастую.

– Я вообще не люблю отвлеченностей, – говорил один из моих товарищей, – а здесь уж совершенная невозможность. Я могу верить в какую-нибудь, пусть еще и не исследованную наукой, силу природы, то есть я могу допустить ее существование и не видя ее явных, определенных проявлений, потому что она может быть очень ничтожной или сливающейся в своих действиях с другими силами и оттого ее трудно и уловить, но веровать в Бога, как в Существо личное и всемогущее, верить, когда я не вижу нигде ясных проявлений этой Личности, это уж абсурд. Мне говорят: веруй. Но почему должен я веровать, когда я одинаково могу верить и тому, что Бога нет. Ведь правда же? И, может быть, Его и нет? – уже в упор ко мне отнесся товарищ.

– Может быть, и нет, – проговорил я.

Фраза эта была в полном смысле слова «праздным глаголом»: во мне не могла вызвать сомнений в бытии Бога бестолковая речь приятеля, я даже не особенно следил за разговором, и вот теперь оказывалось, что этот праздный глагол не пропал бесследно в воздухе, мне надлежало оправдываться, защищаться от

возводимого на меня обвинения, и таким образом удостоверялось Евангельское сказание, что, если и не по воле ведущего тайная сердца человеческого Бога, то по злобе врага нашего спасения нам действительно предстоит дать ответ и во всяком праздном слове.

Обвинение это, по-видимому, являлось самым сильным аргументом моей гибели для бесов, они как бы почерпнули в нем новую силу для смелости своих нападений на меня и уж с неистовым ревом завертелись вокруг нас, преграждая нам дальнейший путь.

Я вспомнил о молитве и стал молиться, призывая на помощь тех святых, которых знал и чьи имена пришли мне на ум.

Но это не устрашало моих врагов.

Жалкий невежда, христианин лишь по имени, я чуть ли не впервые вспомнил о Той, Которая именуется Заступницей рода христианского.

Но, вероятно, горяч был мой порыв к Ней, вероятно, так преисполнена была ужаса душа моя, что едва я, вспомнив, произнес Ее имя, как вокруг нас вдруг появился какой-то белый туман, который и стал быстро заволакивать безобразное сонмище бесов, скрывая его от моих глаз, прежде чем оно успело отделиться от нас. Рев и гогот их слышался еще долго, но по тому, как он постепенно ослабевал и становился глуше, я мог понять, что страшная погоня отставала от нас.

* * *

Испытанное мною чувство страха так захватило меня всего, что я не признавал даже, продолжили ли мы и во время этой ужасной встречи наш полет или

она остановила нас на время; я понял, что мы движемся, что мы продолжаем подниматься вверх, лишь когда предо мною снова разостлалось бесконечное воздушное пространство.

Пройдя некоторое его расстояние, я увидел над собою яркий свет: он походил, как казалось мне, на наш солнечный, но был гораздо сильнее его. Там, вероятно, какое-то Царство Света.

«Да, именно Царство, полное владычество Света», – предугадывая каким-то особым чувством еще не виденное мною, думал я, потому что при этом свете нет теней. «Но как может быть свет без тени?» – сейчас же выступили с недоумением мои земные понятия.

И вдруг мы быстро внеслись в сферу этого света, и он буквально ослепил меня. Я закрыл глаза, поднес руки к лицу, но это не помогло, так как руки мои не давали тени. Да и что значила здесь подобная защита?!

«Боже мой, да что же это такое, что это за свет такой? Для меня ведь – та же тьма. Я не могу смотреть и, как во тьме, не вижу ничего», – взмолился я, сопоставляя мое земное зрение и забыв или, может быть, даже и не сознавая, что теперь такое сравнение не годилось, что теперь я мог видеть и во тьме.

Эта невозможность видеть, смотреть увеличивала для меня страх неизвестности, естественный при нахождении в неведомом мне мире, и я с тревогой размышлял: «Что же будет дальше? Скоро ли минем мы эту сферу света и есть ли ей предел, конец?»

Но случилось иное. Величественно, без гнева, но властно и непоколебимо сверху раздались слова:

— Не готов!

И затем... затем мгновенная остановка в нашем стремительном полете вверх – и мы быстро стали опускаться вниз.

Но прежде чем покинули мы эти сферы, мне дано было узнать одно дивное явление. Едва сверху раздались означенные слова, как все в этом мире, казалось, каждая пылинка, каждый самомалейший атом отозвались на них своим изволением. Словно многомиллионное эхо повторило их на неуловимом для слуха, но ощутимом и понятном для сердца и ума языке, выражая свое полное согласие с последовавшим определением. И в этом единстве воли была такая дивная гармония, и в этой гармонии столько невыразимой, восторженной радости, пред которой жалким бессолнечным днем являлись все наши земные очарования и восторги. Неподражаемым музыкальным аккордом прозвучало это многомиллионное эхо, и душа вся говорила, вся беззаветно отозвалась на него пламенным порывом слиться с этой общею дивною гармонией.

* * *

Я не понял настоящего смысла относившихся ко мне слов, то есть не понял, что я должен вернуться на землю и снова жить так же, как раньше жил; я думал, что меня несут в какие-либо иные страны, и чувство робкого протеста зашевелилось во мне, когда предомною сначала смутно, как в утреннем тумане, обозначились очертания города, а затем и ясно показались знакомые улицы.

Вот и памятное мне здание больницы. Так же, как прежде, через стены здания и закрытые двери был внесен я в какую-то совершенно не известную мне комнату; в комнате этой стояло в ряд несколько

окрашенных темной краской столов, и на одном из них, покрытом чем-то белым, я увидел лежащего себя, или, вернее, мое мертвое окоченевшее тело.

Неподалеку от моего стола какой-то седенький старичок в коричневом пиджаке, вода согнутою восковою свечкой по строкам крупного шрифта, читал Псалтирь, а по другую сторону на стоявшей вдоль стены черной лавке сидела, очевидно, уже извещенная о моей смерти и успевшая приехать моя сестра и подле нее, нагнувшись и что-то тихо говоря ей, – ее муж.

– Ты слышал Божие определение? – подведя меня к столу, обратился ко мне безмолвствовавший доселе мой Ангел-хранитель и, указав затем рукою на мое мертвое тело, сказал: – Войди и готовься.

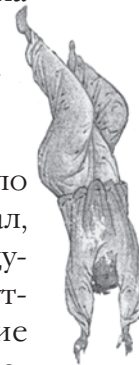
И за сим оба Ангела стали невидимы для меня.

* * *

Совершенно ясно помню, что и как произошло после этих слов со мною. Сначала я почувствовал, что меня как бы стеснило что-то, затем явилось ощущение неприятного холода, и возвращение этой утраченной мною способности чувствовать такие вещи живо воскресило во мне представление прежней жизни, и чувство глубокой грусти как бы о чем-то утраченном охватило меня. (Замечу здесь к слову, что чувство это осталось после описываемого мною события навсегда при мне.)

Желание вернуться к прежней жизни, хотя до этой поры в ней не было ничего особенно скорбного, ни на минуту не шевельнулось во мне: меня нисколько не тянуло, ничто не влекло к ней.

Приходилось ли вам, читатель, видеть пролежавшую некоторое время в сыром месте фотографию? Рисунок на ней сохранился, но от сырости он

выцвел, облинял, и вместо определенного и красивого изображения получилась какая-то сплошная бледно-рыжеватая муть. Так обесцветилась для меня жизнь, превратясь тоже в какую-то сплошную водянистую картинку, и таковую остается она в моих глазах и поныне.

Как и почему почувствовал я это сразу – не знаю, но только она ничем не влекла меня; испытанный мною раньше ужас от сознания моего разобщения с окружающим миром теперь почему-то утратил для меня свое страшное значение; я видел, например, сестру и понимал, что не могу общаться с ней, но это несколько не тяготило меня; я довольствовался тем, что сам вижу ее и знаю все о ней; во мне даже не явилось, как прежде, желание заявить как-нибудь о своем присутствии. Впрочем, и не до того было. Чувство стеснения заставляло меня все больше и больше страдать. Мне казалось, что меня словно жмут какими-то тисками, и ощущение это все усиливалось; я со своей стороны не оставался пассивным, делал что-то: боролся ли, стараясь освободиться от него, или делал усилия, не освобождаясь, как-нибудь сладить, одолеть его – определить не могу, помню только, что мне становилось все тесней и тесней, и наконец я потерял сознание.

* * *

Очнулся я уже лежащим в больничной палате на койке.

Открыв глаза, я увидел себя окруженным чуть не целою толпою любопытствовавших или, выражаясь иначе, с напряженным вниманием наблюдавших меня лиц.

У самого моего изголовья на придвинутом табурете, стараясь сохранить свое обычное величие, сидел старший врач; его поза и манеры, казалось, говорили, что все это, мол, вещь обыкновенная и ничего тут нет удивительного, а между тем в его устремленных на меня глазах так и сверкало напряженное внимание и недоумение.

Младший доктор – тот уж безо всякого стеснения буквально впился в меня глазами, словно стараясь просмотреть меня всего насквозь.

У ног моей койки, одетая в траурное платье, с бледным взволнованным лицом, стояла сестра моя, подле нее – зять, из-за плеча сестры выглядывало более других спокойное лицо больничной сиделки, а еще дальше за нею виднелась уж совсем перепуганная физиономия нашего молодого фельдшера.

Придя окончательно в себя, я прежде всего приветствовал сестру; она быстро подошла ко мне, обняла меня и заплакала.

– Ну, батенька, и задали же вы нам жару! – со свойственным молодости нетерпением поделиться поскорее пережитыми необычайными впечатлениями и наблюдениями проговорил младший доктор. – Кабы вы знали, что с вами творилось!

– Да я отлично помню все, что происходило со мной, – проговорил я.

– Как? Неужели вы не теряли сознания?

– Стало быть, нет.

– Это очень, даже очень странно, – проговорил он, взглянув на старшего доктора. – Странно потому, что вы лежали настоящей-таки кочерыжкой, без малейших признаков жизни, нигде ничего, ни-ни! Как же можно в таком состоянии сохранять сознание?

– Вероятно же, можно, если я и видел, и признавал все.

– То есть видеть-то вы ничего не могли, а слышать, чувствовать... И неужели вы все-все слышали и понимали? Слышали, как вас обмывали, одевали...

– Нет, этого я ничего не чувствовал. Вообще тело мое было для меня совсем нечувствительно.

– Как же так? Говорите, что помните все, что было с вами, а ничего не чувствовали?

– Я говорю, что не чувствовал только того, что делалось с моим телом, находясь под ярким впечатлением пережитого, – проговорил я, думая, что такого пояснения вполне достаточно, чтобы понять высказанное мною.

– Ну-те? – видя, что я остановился на этом, проговорил доктор.

А я даже и загнулся на минуту, не зная, что же еще ему нужно от меня. Мне казалось, что все было тут так понятно, и я снова лишь повторил:

– Я сказал вам, что не чувствовал только своего тела, следовательно, всего, что касалось его, но ведь тело мое – не весь же я? Ведь не весь же я лежал коcherыжкой? Ведь прочее-то все жило и продолжало действовать во мне! – проговорил я, думая, что то раздвоение или, вернее, раздельность в моей личности, которая была теперь яснее Божьего дня для меня, была так же известна и тем людям, к которым я обращал мою речь.

Очевидно, я еще не вернулся вполне в прежнюю жизнь, не перенесся на точку ее понятий и, говоря о том, что знал теперь и перечувствовал, сам не понимал, что слова мои могут казаться чуть не бредом сумасшедшего для не испытавших ничего подобного и отрицавших все подобное людей.

✠

Иеромонах Серафим (Роуз) ✠

ДУША ПОСЛЕ СМЕРТИ (главы из книги)

Явления Ангелов и бесов в час смерти

В этих случаях (в момент смерти) умершего обычно встречают два Ангела. Вот как описывает их автор «Невероятного для многих...»: «И едва она (старушка-сиделка) произнесла эти слова («Царство ему Небесное, вечный покой...»), как подле меня появились два Ангела, в одном из которых я почему-то узнал моего Ангела-хранителя, а другой был мне неизвестен». Позже один благочестивый странник объяснил ему, что это был «встречный Ангел». Св. Феодора, чей путь после смерти через воздушные мытарства описан в житии св. Василия Нового (X век, 26 марта), рассказывает: «Когда я совершенно изнемогла, то увидела подходивших ко мне в образе красивых юношей двух Ангелов Божиих; лица их были светлые, глаза смотрели с любовью, волосы на голове были белые, как снег, и блестели, как золото; одежды были похожи на свет молнии, и на груди они были крестообразно подпоясаны золотыми поясами». Галльский епископ VI века, св. Сальвий, следующим образом описывает свой опыт смерти: «Когда моя келья сотряслась четыре дня назад и вы видели меня лежащим мертвым, я был поднят двумя Ангелами и отнесен на

самую вершину небес» (Св. Григорий Турский. «История франков», VII, 1).

Обязанность этих Ангелов – сопровождать душу умершего на его пути в загробную жизнь. Ни в их виде, ни в их поступках нет ничего неопределенного, – имея человеческий облик, они твердо схватывают «тонкое тело» души и уводят его. «Светлые Ангелы взяли ее (душу) к себе на руки» (св. Феодора). «Взяв меня под руки, Ангелы вынесли меня прямо через стену из палаты...» («Невероятное для многих...»). Св. Сальвий был «поднят двумя Ангелами». Подобные примеры можно было бы продолжать.

Поэтому нельзя утверждать, что «свещающееся существо» из современных случаев, которое не имеет видимой формы, никуда не провожает душу, которое втягивает душу в разговор и показывает ей «обратные кадры» ее прошлой жизни, есть Ангел, сопровождающий в загробную жизнь. Не всякое существо, появляющееся как Ангел, действительно есть Ангел, *потому что сам сатана принимает вид Ангела света* (2 Кор. 11, 14). И поэтому о существах, которые и вида-то Ангелов не имеют, можно с уверенностью сказать, что это не Ангелы. По причине, которую мы постараемся объяснить ниже, в современных «посмертных» опытах, по-видимому, никогда не бывает несомненных встреч с Ангелами.

Тогда не может ли быть так, чтобы на самом деле «свещающееся существо» было бесом, маскирующимся под Ангела света, чтобы искушать умирающего, когда душа его покидает тело? Д-р Моуди («Жизнь после жизни», с. 107–108, «Размышления», с. 58–60) и другие исследователи действительно ставят этот вопрос, но лишь для того, чтобы отвергнуть эту

возможность в связи с «хорошим» действием, которое производит это явление на умирающего. Разумеется, взгляды этих исследователей на зло наивны до предела. Д-р Моуди полагает, что «сатана, по-видимому, велит слугам следовать путем ненависти и разрушения» («Жизнь после жизни», с. 108) и, похоже, совершенно не знаком с христианской литературой, описывающей настоящую природу бесовских искушений, которые неизменно представляются их жертвам как нечто «хорошее».

Каково же православное учение о бесовских искушениях в час смерти? Св. Василий Великий в своем толковании на слова псалма: *спаси меня от всех гонителей моих и избавь меня; да не исторгнет он, подобно льву, души моей* (Пс. 7, 2–3), дает такое объяснение: «Думаю же, что о мужественных Божиих подвижниках, которые через всю свою жизнь довольно боролись с невидимыми врагами, когда избежат всех их гонений, находясь при конце жизни, князь века сего изведывает, чтобы удержать их у себя, если найдутся на них раны, полученные во время борьбы, или какие-нибудь пятна и отпечатки греха. А если найдены будут неузвзленными и незапятнанными, то как непобедимые, как свободные будут упокоены Христом. Посему Пророк молится о будущей и настоящей жизни. Здесь говорит: *спаси мя от гонящих*, а там во время испытания: *избави мя, да не когда похитит, яко лев, душу мою*. И сие можешь узнать от Самого Господа, Который перед страданием говорит: *идет князь мира сего, и во Мне не имеет ничего* (Ин. 14, 30). (т. 1, с. 104).

Действительно, не только христианским подвижникам приходится сталкиваться с бесовским

испытанием в час смерти. Св. Иоанн Златоуст в «Беседах на Евангелиста Матфея» образно описывает, что случается с обыкновенными грешниками во время смерти: «Посему много услышишь рассказов об ужасах при последнем конце и страшных явлениях, которых самый вид нестерпим для умирающих, так что лежащие на одре с великою силою сотрясают оный и страшно взирают на предстоящих, тогда как душа силится удержаться в теле и не хочет разлучаться с ним, ужасаясь видения приближающихся Ангелов. Ибо если мы, смотря на страшных людей, трепещем, то какое будет наше мучение, когда увидим приближающихся Ангелов грозных и неумолимые силы, когда они душу нашу повлекут и будут отторгать от тела, когда много будет она рыдать, но вотще и без пользы» (Беседа 53, т. 3, с. 414–415).

Православные жития святых полны рассказов о подобных бесовских зрелищах в момент смерти, цель которых обычно запугать умирающего и заставить отчаяться в собственном спасении. Например, св. Григорий в своих «Собеседованиях» рассказывает об одном богаче, бывшем рабом многих страстей: «Незадолго до смерти увидел стоящих перед ним гнусных духов, свирепо грозящих унести его в глубины ада... Вся семья собралась вокруг него, плача и стеная. Хотя они и не могли, по словам самого больного, по бледности его лица и по дрожанию его тела понять, что там были злые духи. В смертельном страхе перед этими ужасными видениями он метался на постели из стороны в сторону... И теперь почти обессиленный и отчаявшийся в каком-либо облегчении, он кричал: «Дайте мне время до утра! Потерпите хоть до утра!». И на этом его жизнь прервалась» (IV, 40).

Св. Григорий рассказывает и о других подобных случаях, также и Беда в своей «Истории Английской Церкви и народа» (кн. V, гл. 13, 15). Даже в Америке XIX века подобные случаи не были редкостью; недавно опубликованная антология содержит истории, имевшие место в прошлом веке, которые носят заголовки вроде: «Я в огне, выгасите меня!», «О, спасите меня, они меня угаскивают!», «Я иду в ад!» и «Дьявол идет, чтобы утешить мою душу в ад» (Джон Майерс. «Голоса на краю вечности». Spire Books, Old Tappan, NJ., 1973, с. 71, 109, 167, 196).

Однако д-р Моуди ничего подобного не сообщает: в сущности, в его книге все опыты умирающих (за достойным вниманием исключением самоубийства, см. с. 127–128) приятные – будь то христиане или не христиане, люди религиозные или нет. С другой стороны, д-ра Осис и Харалдсон в своих исследованиях нашли нечто не столь далекое от этого опыта.

Эти ученые нашли в своих исследованиях американских случаев то же, что и д-р Моуди: явление потусторонних посетителей воспринимается как нечто положительное, больной принимает смерть, этот опыт приятен, вызывает спокойствие и душевный подъем и часто – прекращение боли перед смертью. В исследованиях же индийских случаев не менее одной трети больных, видевших явления, испытали страх, угнетение и беспокойство в результате появления «ямдутов» («вестников смерти», хинди) или других существ; эти индийцы сопротивляются или пытаются избежать потусторонних посланников. Так, в одном случае умирающий индийский конторский служащий говорил: «Кто-то здесь стоит! У

него телега, наверное, это ямдут. Он, должно быть, заберет кого-то с собой. Он дразнит меня, что он хочет взять меня!.. Пожалуйста, держите меня, я не хочу!». Боли его возросли, и он умер («В час смерти», с. 90). Один умирающий индеец внезапно сказал: «Вот идет ямдут, чтобы забрать меня. Снимите меня с постели, чтобы ямдут не нашел меня». Он показал наружу и вверх: «Вот он». Больничная палата была на первом этаже. Снаружи у стены здания было большое дерево, на ветвях которого сидело множество ворон. Как только больному представилось это видение, все вороны внезапно покинули дерево с большим шумом, как если бы кто выстрелил из ружья. Мы были удивлены этим и выбежали через открытую дверь комнаты, но не увидели ничего, что могло бы потревожить ворон. Обычно они были очень спокойны, поэтому всем нам, присутствующим, очень запомнилось то, что вороны улетели с большим шумом как раз тогда, когда у больного было видение. Как будто бы и они тоже почувствовали что-то ужасное. Когда это случилось, больной потерял сознание и через несколько минут испустил дух (с. 41–42). Некоторые ямдуть имеют страшную внешность и вызывают в умирающем еще больший страх.

Это самое большое различие между американским и индийским опытами умирания в исследованиях д-ров Осиса и Харалдсона, но авторы не находят ему объяснения. Естественно, возникает вопрос: почему в современном американском опыте почти совсем отсутствует один элемент – страх, вызываемый ужасными потусторонними явлениями, столь общими как для христианского опыта прошлого, так и настоящего индийского опыта?

Нам нет необходимости точно определять природу явлений умирающим, чтобы понять, что, как мы видели, они в какой-то мере зависят от того, что умирающий *ожидает* или что *готов* увидеть. Поэтому христиане прошлых веков, которые имели живую веру в ад и чья совесть в конце жизни обвиняла их, часто перед смертью видели бесов... Современные индусы, которые, конечно, более «примитивны», чем американцы, в своих верованиях и своем понимании часто видят существа, которые соответствуют их все еще очень реальным страхам относительно загробной жизни. А современные «просвещенные» американцы видят явления, согласующиеся с их «комфортабельной» жизнью и убеждениями, которые, в общем, не включают реального страха ада или уверенности в существовании бесов.

В действительности сами бесы предлагают такие искушения, которые согласуются с духовным сознанием или ожиданиями искушаемых. Тем, кто боится ада, бесы могут явиться в ужасном виде, чтобы человек умер в состоянии отчаяния. Но тем, кто не верит в ад (или протестантам, которые верят, что они надежно спасены, и поэтому не боятся ада), бесы, естественно, предложили бы какие-то другие искушения, которые не обнаруживали бы столь ясно их злые намерения. Подобным же образом уже достаточно пострадавшему христианскому подвижнику бесы могут явиться в таком виде, чтобы *соблазнить* его, а не запугать.

Хорошим примером такого рода является искушение бесами в час смерти мученицы Мавры (III век). После того, как она была распята на кресте в течение девяти дней вместе с мужем, мучеником Тимофеем,

дьявол искушал ее. В житии этих святых повествуется, как сама мученица Мавра рассказала о своих искушениях мужу и соучастнику в страданиях: «Ободришь, брат мой, и отгони от себя сон; бодрствуй и уразумей то, что я видела: мне показалось, что предо мною, находившейся как бы в восхищении, был человек, имевший в руке своей чашу, наполненную молоком и медом. Человек этот сказал мне: «Взявши это, выпей». Но я сказала ему: «Кто ты?». Он же ответил: «Я – Ангел Божий». Тогда я сказала ему: «Помолимся ко Господу». Потом он сказал мне: «Я пришел к тебе для того, чтобы облегчить твои страдания. Я видел, что ты сильно хотела есть и пить, так как до сего времени ты не вкушала никакой пищи». Снова я сказала ему: «Кто побудил тебя оказать мне эту милость? И какое дело тебе до моего терпения и пощения? Разве ты не знаешь, что Бог силен сотворить и то, что невозможно людям?». Когда я помолилась, то увидела, что человек тот отворачивает лицо свое на запад. Из этого я поняла, что это было обольщение сатанинское; сатана хотел искусить нас на кресте. Затем вскоре видение то исчезло. Потом подошел другой человек, и мне показалось, что он привел меня к реке, текущей молоком и медом, и сказал мне: «Пей». Но я отвечала: «Я уже сказала тебе, что не буду пить ни воды, ни какого другого земного питья до тех пор, пока не испию чашу смерти за Христа, Господа моего, которую Он Сам растворит для меня спасением и бессмертием жизни вечной». Когда я говорила это, тот человек пил из реки, и вдруг исчез и он сам, и река с ним» («Житие святых мучеников Тимофея и Мавры», 3 мая). Ясно, какую осторожность должен проявлять христианин, получая «откровения» во время смерти.

Итак, час смерти – это воистину время бесовских искушений, и те духовные опыты, которые люди получают в это время (даже если кажется, что это происходит «после смерти», о чем речь будет идти ниже), должны быть оценены по тем же христианским меркам, что и любые другие духовные опыты. Аналогичным образом духи, которые могут встретиться в это время, должны быть подвергнуты всесторонней проверке, которую апостол Иоанн выражает следующим образом: *испытывайте духов, от Бога ли они, потому что много лжепророков появилось в мире* (1 Ин. 4, 1).

Некоторые из критиков современных «посмертных» опытов уже указывали на сходство «светящегося существа» с «духами-руководителями» и «духами-друзьями» медиумического спиритизма. Поэтому рассмотрим вкратце спиритическое учение в той его части, где говорится о «светящихся существах» и их сообщениях. Один классический труд по спиритизму (Дж. Артур Хилл. «Спиритизм. Его история, явления и учение», George H. Doran Co., Нью-Йорк, 1919) указывает, что спиритическое «учение всегда или практически всегда согласуется с высокими моральными нормами; в отношении веры оно всегда теистическое, всегда почтительно к ней, но не слишком-то интересуется такими интеллектуальными тонкостями, которые интересовали Отцов Церковных Соборов» (с. 235). Затем в книге отмечается, что «ключом» и «центральной доктриной» спиритического учения является любовь (с. 283), что от духов спириты получают «славное знание», которое обязывает их вести миссионерскую работу по распространению «знания о том, что жизнь после

смерти действительно есть» (с. 185–186) и что «совершенные» духи теряют «ограничения» личности и становятся более «влияниями», чем личностями, все более и более наполняясь «светом» (с. 300–301). Действительно, в своих гимнах спириты буквально призывают «светящиеся существа»:

*Служители света блаженные,
От смертных очей сокровенные...
Вестников света пошли среди ночи,
Чтобы отверзть нам сердечные очи...*
(с. 186–187)

Всего этого достаточно, чтобы усомниться в «светящемся существе», которое сейчас появляется людям, ничего не знающим о природе и коварстве бесовских ухищрений. Наша подозрительность только увеличивается, когда мы слышим от д-ра Модди, что некоторые описывают это существо как «забавную личность» с «чувством юмора», которая «развлекает» и «забавляет» умирающего («Жизнь после жизни», с. 49, 51). Подобное существо с его «любовью и пониманием» на самом деле удивительно похоже на тривиальных и часто добродушных духов на сеансах, которые, без всякого сомнения, являются бесами (если сами сеансы – не жульничество).

Этот факт привел к тому, что некоторые отрицают как бесовский обман вообще все сообщения о «посмертном» опыте, и в одной книге, написанной евангельскими протестантами, утверждается, что «существуют новые и неизведанные опасности во всем этом обмане о жизни и смерти. Даже смутная вера сообщениям о клинических опытах, по нашему убеждению, может иметь серьезные последствия для

тех, кто верит в Библию. Не один искренний христианин полностью поверил тому, что «светящееся существо» есть не кто иной, как Иисус Христос и, к несчастью, этих людей можно очень легко дурачить» (Джон Уэлдон и Зола Левит «Есть ли жизнь после смерти?», Harvest House Publishers, Irvine, Calif., 1977, с. 76). Помимо указания на тот несомненный факт, что ряд исследователей «посмертного» опыта также интересуется оккультизмом и даже имеет контакт с медиумами, авторы книги в поддержку этого утверждения проводят ряд замечательных параллелей между современным «посмертным» опытом и опытом медиумов и оккультистов недавнего прошлого (с. 64–70).

В этих наблюдениях, конечно, много истины. К сожалению, без *полного* христианского учения о загробной жизни даже самые благонамеренные «верующие в Библию» заблуждаются, отвергая вместе с опытом, который может оказаться бесовским обманом, и подлинный посмертный опыт души. И, как мы увидим, сами эти люди способны поверить обманчивому «посмертному» опыту.

Д-ра Осис и Харалдсон, которые оба имели «непосредственный опыт общения с медиумами», отмечают некоторое сходство между явлениями умиравшим и опытом спиритизма. Однако они отмечают существенное, «бросающееся в глаза расхождение» между ними: «Вместо продолжения мирской жизни (которую описывают медиумы) пережившие смерть предпочитают начать совершенно новый образ жизни и деятельности» («В час смерти», с. 200). На самом деле царство «посмертного» опыта не представляется полностью отличным от

царства обычного медиумизма и спиритизма, но это все же царство, где бесовские обманы и внушения не только возможны, но положительно их следует ожидать, особенно в те последние дни, в какие мы живем, когда мы являемся свидетелями все новых и более тонких духовных искушений, даже великих знамений и чудес, *чтобы прельстить, если возможно, и избранных* (Мф. 24, 24).

Поэтому нам следует быть, по крайней мере, очень осторожными со «светлыми существами», которые как будто появляются в момент смерти. Очень уж они похожи на бесов, представляющихся «Ангелами света», чтобы соблазнить не только самого умирающего, но и тех, кому он впоследствии расскажет свою историю, если будет возвращен к жизни (о возможности чего, конечно, бесы хорошо осведомлены).

Однако, в конечном счете, наше суждение об этом и других «посмертных» явлениях должно основываться на *учении*, которое вытекает из них, — будь оно или дано каким-то духовным существом, увиденным в момент смерти, или просто подразумевается, или выводится из этих явлений.

Некоторые из «умерших» и возвращенных к жизни — обычно те, кто был или стал очень религиозным — отождествляли встреченное «свещающееся существо» не с Ангелом, а с невидимым присутствием Самого Христа. У этих людей такой опыт часто связан с другим явлением, которое для православных христиан является, возможно, самым загадочным на первый взгляд явлением, встречаемым в современных посмертных переживаниях — видением «неба».

Подлинные христианские опыты Неба

1. Место «нахождения» Неба и ада

Мы уже видели из многочисленных повествований святых Отцов и житий святых, что после смерти душа сразу входит в поднебесное воздушное царство <...>. Мы также видели, что продвижение души через это воздушное царство после того, как тело действительно умерло и душа развязалась со всем земным, описывается как восхождение через мытарства, где начинается частный суд, чтобы определить, достойна ли душа обитать на небе. Души, обвиненные в нераскаянных грехах, ввергаются падшими духами в ад, а успешно прошедшие испытания на мытарствах свободно восходят на небо, руководимые Ангелами.

Что же представляет собой небо? Где оно? Занимает ли оно какое-то место? Находится ли оно вверху?

Как и во всех вопросах, касающихся жизни после смерти, мы должны спрашивать не из любопытства, а только лишь для того, чтобы лучше понять то учение по этому вопросу, которое Церковь вручила нам, и избежать путаницы, которую современные идеи и некоторые медиумические опыты могут вызвать даже у православных христиан.

Так получилось, что вопрос о месте «нахождения» Неба (и ада) стал в наше время одним из вопросов, повсеместно понимаемых неправильно. Не так давно Хрущев насмеялся над верующими людьми, которые еще верили в Небо, – он, видите ли, послал космонавтов в космос, и они не встретили Его!

Ни один мыслящий христианин, конечно, не верит в атеистическую карикатуру рая в облаках, хотя

и есть некоторые наивные протестанты, которые готовы поместить Небо на дальней галактике или в созвездии; все видимое творение пало и испорчено, и в нем нигде нет места для невидимого Божия неба, которое является реальностью духовной, а не материальной. Но многие христиане, чтобы избежать насмешек неверующих и не впасть в материализм, бросились в другую крайность и объявили, что «Небо нигде не находится». Среди римо-католиков и протестантов имеются изощренные апологии, утверждающие, что Небо – это состояние, а не место, что «вверху» — это только метафора, что Вознесение Христово (Лк. 24, 50–51; Деян. 1; 9–11) не было на самом деле «вознесением», а только изменением состояния. В результате подобных апологий Небо и ад стали весьма расплывчатыми и неопределенными понятиями, и чувство их реальности начинает исчезать – с губительными последствиями для христианской жизни, потому что это именно та реальность, к которой направлена вся наша земная жизнь.

Согласно учению епископа Игнатия, все эти апологии основаны на ложной идее философа нового времени Декарта, что все нематериальное является «чистым духом» и не ограничено временем и пространством. Но это не учение Православной Церкви. Владыка Игнатий пишет: «Мечта Декарта о независимости духов от пространства и времени – решительная нелепость. Все ограниченное, по необходимости, зависит от пространства» (т. 3, с. 312); «Многочисленные цитаты... из богослужебных книг и из творений Отцов Православной Церкви... со всею удовлетворительностью решают вопрос относительно того, где помещаются рай и ад. С какою ясностью

(Православная) восточная Церковь указывает *место рая на небе и место ада во внутренности земли*» (т. 3, с. 308–309). Здесь мы только укажем, как следует понимать его учение.

Несомненно верно, как указывают многочисленные цитаты из сочинений епископа Игнатия, что все православные источники – Священное Писание, богослужение, жития святых, творения святых отцов – говорят о рае и Небе как находящимся «вверху», а об аде – как находящемся «внизу», под землей. И так же верно, что, поскольку Ангелы и души ограничены в пространстве (как мы видим из главы «Православное учение об Ангелах»), они должны быть всегда в одном определенном *месте* – будь то Небо, ад или земля. Мы уже цитировали учение преподобного Иоанна Дамаскина об Ангелах, что «когда они находятся на Небе, их нет на земле; и посылаемые Богом на землю – они отсутствуют на Небе» (гл. 3, с. 47). Это учение близко тому, что ранее преподавали св. Василий Великий («О Духе Святом», гл. 23), св. Григорий Двоеслов («Поучения на книгу Иова», кн. 2) и по сути, все православные Отцы.

Поэтому несомненно, что Небо – это место, и оно выше любой точки на земле, а ад находится внизу, во внутренности земли; но люди не могут видеть эти места и их обитателей, пока не откроются их духовные очи, в чем мы могли убедиться раньше, говоря о воздушном царстве. Кроме того, эти места находятся вне координат нашей пространственно-временной системы; авиалайнер не пролетает невидимо через рай, и спутник Земли – через третье Небо, а с помощью бурения нельзя добраться до душ, ожидающих в аду Страшного Суда. Они не *там*, но

в пространстве другого рода, начинающемся непосредственно здесь, но простирающемся в другом направлении.

Имеются указания или, по крайней мере, намеки на эту другую реальность и в повседневном повседневном опыте. Например, существование вулканов и большого количества тепла в центре Земли рассматривалось многими святыми как указание на существование ада во внутренности Земли (см. житие св. Патрикия Прусского, 19 мая; «Собеседование» св. Григория, IV, 36 и 44; еп. Игнатия (Брянчанинова), т. 3, с. 98). Конечно, ад не «материален» в том смысле, в каком материальна лава, вытекающая из земной коры, но здесь, по-видимому, имеется наложение двух видов реальности, – наложение, которое прежде всего можно видеть в самой природе человека, который даже в этой жизни способен в определенных обстоятельствах или по Божией воле воспринимать оба вида реальности. Сами современные ученые вынуждены были признать, что они больше не уверены ни в конечной природе и границах материи, ни в том, где она исчезает и начинается «душевная» реальность.

Многочисленные примеры в житиях святых показывают, как это другого рода пространство «прорывается» в «нормальное» пространство этого мира. Часто, например, видят, как возносится к Небу душа новопреставленного, как было, когда св. Бенедикт увидел душу св. Германа Капуанского, относимую Ангелами на Небо в огненном шаре (Св. Григорий. «Собеседование». II, 35), или жители Афогнака видели душу св. Германа Аляскинского, восходящую на огненном столпе, или старец Серафим Глинский

видел восходящую душу преп. Серафима Саровского. Пророк Елисей видел, как пророк Илия был взят на Небо в огненной колеснице (см.: 3 Цар. 2, 11). Часто также видят, как души проходят через мытарства; такие случаи особенно многочисленны в житиях преп. Нифонта, епископа Констанции Кипрской (23 декабря) и св. Колумбы Ионского, – некоторые цитаты из последнего жития были приведены выше, в главе о мытарствах. В житии блаженного Феофила Киевского рассказывается, что один из свидетелей его праведной кончины увидел, как «вдруг перед ним что-то промелькнуло, и в лицо пахнула струя прохладного воздуха. С изумлением взглянул Димитрий вверх и остолбенел: в келлии медленно стал подниматься покров, и голубое небо, точно простирая свои объятия, приготовилось принять святую душу умирающего праведника» («Жизнь блаженного старца иеромонаха Феофила» о. Владимира Зноске, Киев, 1906).

Наше любопытство не должно простираться дальше общего знания о том, что Небо и ад действительно «места», но не места в этом мире, в нашей пространственно-временной системе. Эти «места» настолько отличаются от наших земных понятий «места», что мы безнадежно запутаемся, если попытаемся свести воедино их «географию». Некоторые жития святых ясно указывают, что «Небо» находится над «раем»; другие говорят о том, что есть, по крайней мере, «три Неба», – не нам определять границы этих мест или пытаться установить их характеристики. Подобные описания даны нам по Божию Провидению, чтобы побудить нас стремиться туда путем христианской жизни и смерти, но не для того, чтобы мы прилагали к ним мирские категории логики

и познания, которые к ним неприложимы. Свт. Иоанн Златоуст справедливо призывает не любопытствовать при исследовании Неба и ада: «Ты спрашиваешь, где ад, но к чему тебе это знать? Тебе следует знать, что ад существует, а не то, где он находится... По моему мнению, он где-то вне этого мира... Потщимся же узнать не где он, а как его избежать» («Беседы на Послание к Римлянам», 31, 3–4).

В этой жизни нам мало что дано узнать о потусторонней реальности, хотя мы знаем достаточно, чтобы ответить рационалистам, говорящим, что Небо и ад нигде не находятся и не существуют, потому что они не могут их видеть. На самом деле эти места находятся «где-то», и некоторые из живущих на земле побывали там и вернулись, чтобы рассказать о них; но во плоти мы видим эти места больше верою, чем знанием. *Теперь мы видим как бы сквозь [тусклое] стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу; теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно как я познан* (1 Кор. 13, 12).

2. Христианские опыты Неба

Истинные христианские опыты Неба всегда несут на себе один и тот же отпечаток потустороннего опыта. Те, кто видел Небо, не только путешествовали в другое место; они также переходили в совершенно другое *духовное состояние*. Мы, не испытавшие этого лично, должны удовлетвориться описанием некоторых внешних свойств, которые в совокупности позволяют отличить этот опыт от всякого другого опыта воздушного царства, рассмотренного выше.

В житиях святых есть описание того, как с земли были видны восхождения душ на Небо. В житии св. Антония Великого читаем: «Еще однажды, пребывая в горе и возведя взор, видит Антоний, что возносится некто по воздуху, к великой радости встречающих его. Потом, дивясь и ублажая таковой сон, начинает он молиться, чтобы открыто ему было, что это значит. И вдруг приходит к нему глас: «Это душа Амуна, нитрийского инока». Амун же до старости пребыл подвижником» («Житие св. Антония»).

Авва Серапион следующим образом описывает смерть св. Марка Фраческого: «Взглянувши, увидел я душу святого, уже освободившегося от оков плоти, – она была покрыта ангельскими руками белосветлою одеждою и возносилась ими на Небеса. Я созерцал воздушный путь к небу и отверзшиеся Небеса. При сем я видел стоящие на этом пути полчища бесов и слышал обращенный к бесам ангельский голос: «Сыны тьмы, бегите и скройтесь от лица света правды!».

Святая душа Марка была задержана на воздухе около одного часа. Затем послышался с Неба голос, говоривший Ангелам: «Возьмите и принесите сюда того, кто посрамил бесов».

Когда душа преподобного прошла без всякого для себя вреда чрез бесовские полчища и приближалась уже к отверстому небу, я увидел как бы подобие простертой с неба правой руки, принимавшей непорочную душу. Затем это видение скрылось из глаз моих, и более я ничего не видел» («Жития святых», 5 апреля).

Из этих рассказов мы уже можем видеть три особенности подлинного христианского опыта Неба –

это восхождение, сопровождение души Ангелами, приветствие ее обитателями Неба, к которым она и присоединяется.

Опыты Неба бывают разные. Иногда душу отводят туда до смерти, чтобы показать чудеса или уготованное ей место. Так, св. Мавра, которая не поддалась во время своего мученичества двум ложным видениям падших духов (описано выше в качестве примера искушений, которые могут быть в час смерти), описывала последовавший за тем Богоданный опыт: «Также я видела и третьего мужа, прекрасного видом; лицо его сияло как солнце. Взяв меня за руку, он возвел меня на Небо и показал мне Престол, покрытый белой одеждою, и венец, прекрасный видом. Удивившись этой красоте, я спросила того мужа, который привел меня на Небо: «Чье это, господин?». Он же сказал мне: «Это воздаяние за подвиг твой... Но теперь возвратись в тело твое; утром же в шестый час придут Ангелы Божии, чтобы взять твою душу и вознести ее на Небо» («Жития святых», 3 мая).

Есть также опыт видения Неба издалека, как в случае со св. первомучеником Стефаном, который видел небеса *отверстые и Сына Человеческого, стоящего одесную Бога* (Деян. 7, 56). Здесь, однако, мы рассмотрим только тот опыт, который легче всего сравнивать с современным «посмертным» опытом – восхождение на небо, будь то после смерти или в богоданном опыте в теле или вне его.

Св. Сальвий Альбийский, галльский иерарх IV века, вернулся к жизни после того, как был мертв большую часть дня, и рассказал своему другу Григорию Турскому следующее: «Когда келья моя сотрясалась четыре дня тому назад, и ты увидел меня, лежащего

мертвым, я был поднят двумя Ангелами и отнесен на высочайшую вершину Неба. Меня несли до тех пор, пока под моими стопами ни оказалась не только эта жалкая Земля, но были также Солнце и Луна, облака и звезды. Затем меня провели через ворота, которые сияли ярче Солнца, и ввели в здание, где все полы блестели золотом и серебром. Свет тот описать невозможно. Место это было наполнено множеством людей – не мужчин, и не женщин; толпы, заполняющие пространство, были так велики, что ни конца, ни края им не было видно. Ангелы расчистили передо мною путь сквозь эту толпу, и мы вошли в то место, на которое наш взгляд был направлен еще тогда, когда мы были далеко. Над этим местом висело облако ярче всякого света, а в то же время не было ни Солнца, ни Луны, ни звезды; воистину облако своим блеском сияло ярче любого из них. Из облака изшел голос, подобный голосу вод многих. Меня, грешного, с большим почтением приветствовали некие существа, одни из которых были облачены в священнические одежды, другие в обычное платье; мои сопровождающие сказали мне, что это были мученики и другие святые, которых мы почитаем здесь, на земле, и которым мы молимся с большим усердием. Когда я стоял здесь, надо мной повеяло таким сладким благоуханием, что, питанный им, я не ощущал потребности в еде или питье до этого самого момента. Затем я услышал голос, сказавший: «Пусть этот человек идет обратно на землю, ибо он нужен нашим церквам». Я услышал голос, но не мог видеть, кто говорит. Затем я пал ниц на землю и заплакал. «Увы, увy, Господи, – сказал я. – Зачем ты показал мне все это только для

того, чтобы снова отнять у меня?..» Голос, говоривший мне, сказал: «Иди с миром. Я буду приизирать на тебя, пока не возвращу тебя вновь в это место». Тогда мои сопровождающие оставили меня, а я, плача, пошел обратно через ворота, в которые вошел» (Св. Григорий Турский, «История франков», кн. VII, 1).

Этот опыт добавляет несколько еще более важных характеристик: яркость небесного сияния, невидимое присутствие Бога, Чей голос слышен; благоговение и страх святых перед Богом, осязаемое чувство Божией благодати в виде неопишуемого благоухания. Кроме того, уточняется, что множество встреченных на Небе людей (помимо Ангелов, сопровождающих души) – это души мучеников и святых.

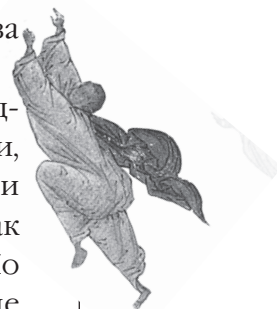
Монах из Уэнлока после того, как он был вознесен Ангелами и прошел мытарства, «увидел также место дивной красоты, где множество очень красивых людей наслаждались небывалым счастьем, и они позвали его разделить с ними это счастье, если ему позволят. И от дыхания ликующих вместе блаженных душ до него донеслось дивной сладости благоухание. Святые Ангелы сказали ему, что это преславный рай Божий». Далее «он увидел великолепные сияющие стены удивительной длины и необычайной высоты. И святые Ангелы сказали: «Это тот святой и славный град, Небесный Иерусалим, где души святых пребывают в радости во веки». Он сказал, что эти души и стены этого славного города... были такой ослепительной яркости, что его глаза никак не могли взирать на них» (письма св. Бонифация).

Возможно, что самый полный и удивительный опыт Неба, описанный в христианской литературе, принадлежит св. Андрею, Христа ради юродивому,

Константинопольскому (IX век). Этот опыт был описан со слов самого святого его другом Никифором. Здесь мы приводим лишь отрывки из рассказа святого:

«Однажды во время суровой зимы, когда св. Андрей лежал на улице, замерзший и близкий к смерти, он внезапно ощутил в себе внутреннюю теплоту и увидел прекрасного юношу с лицом, светящимся, как солнце, который отвел его в рай и на третье Небо. “По Божественному изволению я пребывал в течение двух недель в сладостном видении... я видел себя в прекрасном и дивном рае... умом и сердцем удивлялся я несказанной прелести рая Божия и услаждался, ходя по нему. Там находилось множество садов, наполненных высокими деревьями, которые, колыхаясь своими вершинами, веселили мои очи, и от ветвей их исходило великое благоухание... сих деревьев нельзя уподобить по красоте ни единому земному дереву... В тех садах были бесчисленные птицы с золотыми, белоснежными и разноцветными крыльями. Они сидели на ветвях райских деревьев и так прекрасно пели, что от сладкозвучного их пения я не помнил себя... После сего на меня напал какой-то ужас, и мне казалось, что я стою наверху небесной тверди, передо мной же ходит какой-то юноша со светлым, как солнце, лицом, одетый в багряницу... Когда я ходил по его стопам, то увидел Крест, большой и прекрасный, по виду подобный радуге, а кругом его стояли огневидные, как пламень, певцы и воспевали сладостное пение, славословя Господа, некогда распятого на Кресте. Шедший передо мною юноша, подойдя к Кресту, облобызал его и дал знак и мне, чтобы я облобызал Крест... Лобызая его, я исполнился

несказанной духовной сладости и обонял благоухание сильнее райского. Пройдя мимо Креста, я посмотрел вниз и увидел под собою как бы морскую бездну... Мой путеводитель, обратившись ко мне, сказал: “Не бойся, ибо нам необходимо подняться еще выше”. И он подал мне руку. Когда я ухватился за нее, мы уже находились выше второй тверди. Там я увидел дивных мужей, их упоение и непередаваемую на языке человеческом радость их праздника... И вот мы поднялись выше третьего Неба, где я видел и слышал множество Сил Небесных, воспевающих и славословящих Бога. Мы подошли к какой-то блистающей, как молния, завесе, перед которой стояли великие и страшные юноши, видом подобные как бы огненному пламени... И сказал мне водивший меня юноша: “Когда отверзется завеса, ты увидишь Владыку Христа. Поклонись же Престолу славы Его”. Услышав сие, я радовался и трепетал, ибо меня объял ужас и неизреченная радость... И вот какая-то пламенная рука отверзла завесу, и я, подобно пророку Исаии, узрел Господа моего, *сидящего на Престоле высоком и превознесенном, и края риз Его наполняли весь храм. Вокруг Него стояли Серафимы* (Ис. 6, 1–2). Он был облачен в багряную одежду; лицо Его было пресветло, а очи Его с любовью взирали на меня. Увидев это, я пал пред Ним ниц, поклоняясь светлomu и страшному Престолу славы Его. Какая радость объяла меня при созерцании лица Его, того нельзя словами выразить. Даже и теперь при воспоминании о том видении я преисполняюсь неизреченною радостью. В трепете лежал я пред моим Владыкою. После сего все небесное воинство воспело предивную и неизреченную песнь, а затем – не понимаю и сам, как – сно-

ва очутился я ходящим по раю» («Жития святых», 2 октября).

Когда св. Андрей подумал, что на Небе он не видел Божию Матерь, Ангел сказал ему: «Пресветлейшую Небесных Сил Царицу хотел ты увидеть здесь? Но Ее нет здесь. Она удалилась в многобедственный мир – помогать людям и утешать скорбящих. Я показал бы тебе Ее святое место, но теперь нет времени, ибо тебе надлежит опять возвратиться». Этим еще раз подтверждается то, что Ангелы и святые в любой момент времени могут находиться только в одном месте.

Даже в XIX веке сходное истинное видение Неба имел ученик старца Паисия Величковского, схимонах Феодор Свирский. На закате своих дней он испытал очень сильное влияние Божией благодати. Вскоре после одного такого случая он заболел и три дня был в бессознательном состоянии. «Когда с ним началось состояние исступления, и он выступил из самого себя, то ему явился некий безвидный юноша, осязаемый и зримый одним сердечным чувством, и юноша этот повел его узкою стезею в левую сторону. Сам о. Феодор, как потом рассказывал, испытал чувство, что уже умер, и говорил: «Я скончался. Неизвестно, спасусь я или погибну».

«Ты спасен!» – сказал ему на эти помыслы незримый голос. И вдруг какая-то сила, подобная стремительному вихрю, восхитила его и перенесла на правую сторону.

«Вкуси сладость райских обручений, которые даю любящим Меня», – провещал невидимый голос. С этими словами о. Феодору показалось, что Сам Спаситель положил десницу Свою на его сердце, и он был восхищен в неизреченно-приятную как бы

обитель, совершенно безвидную, необъяснимую словами земного языка. От этого чувства он перешел к другому, еще превосходнейшему, затем к третьему; но все эти чувства, по собственным его словам, он мог понимать только сердцем, но не мог понимать разумом.

Потом он увидел как бы храм и в нем близ алтаря как бы шалаш, в котором было пять или шесть человек.

«Вот для этих людей, – сказал мысленный голос, – отменяется смерть твоя. Для них ты будешь жить».

Тогда ему был открыт духовный возраст некоторых его учеников. Затем Господь возвестил ему те искушения, которые должны были обуревать вечерней его... Но Божественный голос уверил его, что корабль его души не может пострадать от этих свирепых волн, ибо невидимый правитель его – Христос» (Из рукописного жития старца Феодора в книге: «Жизнеописание Оптинского старца иеромонаха Леонида». М., 1876).

Можно привести и другие случаи из житий святых и подвижников, но они лишь повторяют уже сказанное здесь. Однако было бы поучительно – особенно для целей сравнения с современными «посмертными» случаями – дать опыт современного грешника на Небе. Так, автор «Невероятного для многих...» (чье свидетельство уже приводилось несколько раз), избежав бесов на мытарствах благодаря заступничеству Божией Матери, описал, как все еще сопровождаемый Ангелами, он продолжал подниматься вверх... Внезапно он «увидел над собой яркий свет; он походил, как казалось мне, на наш солнечный, но был гораздо сильнее его. Там, вероятно, какое-то царство света».

«Да, именно царство, где владычествует один свет», – предугадывая каким-то особым чувством еще не виданное мною, думал я, – потому что при этом свете нет теней. “Но как же может свет быть без тени?” – сейчас же выступили с недоумением мои земные понятия.

И вдруг мы быстро внеслись в сферу этого света, и он буквально ослепил меня. Я закрыл глаза, поднес руку к лицу, но это не помогало, так как руки мои не давали тени. Да и что значила здесь подобная защита? “Боже мой, что же это такое, что за свет такой? Для меня он ведь та же тьма. Я не могу смотреть, и, как во тьме, не вижу ничего...”.

Эта невозможность видеть, смотреть увеличивала для меня страх неизвестности, естественный при нахождении в неведомом мне мире, и я с тревогой думал: “Что же будет дальше? Скоро ли мы минем эту сферу света, и есть ли ей предел, конец?”

Но случилось иное. Величественно, без гнева, но властно и непоколебимо раздались слова: “*He готов!*”. И затем... затем мгновенная остановка в нашем полете вверх – и мы быстро стали спускаться вниз».

В этом случае еще яснее видно качество небесного света: он такой, что тот, кто не приготовился к видению его путем христианской жизни и подвига, как свв. Сальвий и Андрей, не может вынести его.

3. Свойства истинного опыта Неба

Подытожим теперь основные характеристики этих истинных опытов Неба и посмотрим, чем они отличаются от описанных в предыдущих главах опытов воздушного мира.

1) Истинный опыт Неба неизменно имеет место в конце процесса *восхождения*, обычно через мытарства (если душа должна заплатить там некую «пошлину»). С другой стороны, в современных «внетелесных» и «посмертных» состояниях мытарства и бесы никогда не встречаются, и только иногда описывается процесс восхождения.

2) Душу на Небо *всегда* сопровождает Ангел или Ангелы, и она никогда не «забредает» туда, если ходит по своей воле или своими силами. Это, конечно, одно из самых удивительных различий между подлинными опытами Неба и современными опытами пятидесятников и других, кто описывает «посмертные» переживания «рая» и «Неба». Последние, в сущности, идентичны светскому и даже атеистическому опыту «рая», которые мы уже рассмотрели, за исключением интерпретации несущественных моментов: они могут быть легко добавлены для «астральной плоскости» человеческим воображением; но в этих опытах Ангелы душу фактически никогда не сопровождают. Об этом писал св. Иоанн Златоуст в толковании Евангелия от Луки (16, 19–31): «Лазаря тогда отвели Ангелы. Напротив, душу онаго (богача) взяли страшные некие силы, может быть, посланные для этого. *Ибо душа не сама собою отходит к оной жизни*, потому что это и невозможно. Если мы, переходя из города в город, имеем нужду в руководителе, то кольми паче нуждаться будет в путеводителе душа, исторгнутая из тела и представляемая к будущей жизни» (Беседа «К Антиохийскому народу», III; «Лазаре», II. См. митр. Макария, т. 2, с. 536).

Этот момент может действительно использоваться как один из пробных камней подлинности

опыта Неба. В современных опытах душе чаще всего предлагается выбор – остаться в «раю» или пойти обратно на землю. Подлинный же опыт Неба никогда не достигается по выбору человека, а только по велению Божию, исполняемому Его Ангелами. Обычному в наши дни «внетелесному» опыту «рая» не требуется руководитель, ибо все происходит *непосредственно здесь*, в воздухе над нами, все еще *в этом мире*, а присутствие Ангелов-руководителей необходимо, если опыт имеет место вне этого мира, в реальности иного рода, где душа не может ходить сама по себе. (Это не означает, что бесы не могут замаскироваться также и под «Ангелов-руководителей», но они это редко делают в современных опытах.)

3) Опыт имеет место при ярком свете и сопровождается явными знаменами Божественной благодати, в частности, дивным благоуханием. Подобные знаменания, правда, иногда также отмечаются в современном «посмертном» опыте, но здесь имеется фундаментальное различие, которое вряд ли можно переоценить. Современные опыты поверхностны, даже чувственны; в них нет ничего, что бы отличало их от аналогичных опытов неверующих, не считая христианского декора, который наблюдатель видит (или добавляет от себя): это не более чем просто *естественное* наслаждение «вне тела» с тонким «христианским» налетом. (Возможно также, что в некоторых случаях падшие духи добавляют сюда свои обманы, чтобы еще больше вовлечь наблюдателя в гордость и утвердить его в поверхностном понимании христианства; но здесь нет нужды вдаваться в это.) С другой стороны, в подлинно христианских опытах глубина их подтверждается воистину чудесными событиями.

Св. Сальвия благоухание так напитало, что более трех дней ему не требовалось ни пищи, ни питья, и только когда он рассказал о том, что с ним было, благоухание исчезло, а его язык покрылся язвами и распух; св. Андрей отсутствовал две недели; К. Иксуль был в состоянии клинической смерти 36 часов. Разумеется, в современных опытах иногда бывают «чудесные исцеления» в близких к смерти или похожих на смерть состояниях, но никогда ничего столь необычного, как в вышеописанных случаях. Ничто никогда не указывает на то, что эти люди действительно были на Небе, а не просто испытали наслаждение от выхода из тела (в «астральную плоскость»). Различие между современными опытами и истинным опытом Неба в точности такое же, как различие между современным поверхностным «христианством» и подлинным православным христианством. Например, «мир», который может испытать человек, «принявший Иисуса как своего личного Спасителя», или имевший столь обычный ныне опыт «говорения языками», или видевший «Христа» (тоже сейчас не редкость), но не знающий ничего о жизни в сознательном христианском подвиге покаяния и никогда не приобщавшийся истинных Тела и Крови Христовых в Святых Таинствах, установленных Самим Христом, – просто никак нельзя сравнивать с тем миром, о котором говорится в житиях великих православных святых. Современные опыты – это в буквальном смысле «подделки» подлинного опыта Неба.

4) Истинный опыт Неба сопровождается таким чувством благоговения и страха пред Божиим величием и чувством такого недостойнства созерцать Его, какие редко можно сейчас встретить и у право-

славных христиан, не говоря уж о тех, кто находится вне Церкви Христовой. Идущее из глубины сердца св. Сальвия чувство своего недостойнства, поклонение св. Андрея в трепете перед Христом, даже ослепление К. Иксуля от света, который он был недостоин созерцать, – все это вещи неслыханные в современном опыте. Те, кто ныне видит «рай» в воздушном царстве, «рады», «счастливы», «довольны» – редко что-нибудь большее; если они и видят «Христа» в каком-либо виде, то только для того, чтобы доставить себе удовольствие от «беседы» с ним, что характерно для опыта «харизматического» движения. Элемент Божественного и страх человека перед ним, страх Божий в подобных опытах отсутствуют.

Можно привести и другие характеристики истинного опыта Неба, описанного главным образом в православных житиях; но сказанного уже достаточно, чтобы четко отграничить его от современных опытов. Будем только всегда, когда бы мы ни говорили о таких возвышенных потусторонних опытах, помнить, что они намного выше нашего низкого уровня восприятия и понимания и что они даются нам больше как намеки, чем как полные описания того, что на человеческом языке вообще не может быть описано соответствующим образом. *Не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим. Его* (1 Кор. 2, 9).

Краткое изложение православного учения о посмертной судьбе души

Это изложение состоит из статьи, написанной одним из последних выдающихся богословов нашего времени архиепископом Иоанном (Максимовичем) за год до его смерти. Его слова напечатаны более узким столбцом, а объяснения к его тексту, комментарии и сравнения напечатаны как обычно.

Архиепископ Иоанн (Максимович)

Жизнь после смерти

*Чаю воскресения мертвых,
и жизни будущего века.*

Никейский Символ Веры

Безграничным и безутешным было бы наше горе по умирающим близким, если бы Господь не дал нам вечную жизнь. Жизнь наша была бы бесцельна, если бы она оканчивалась смертью. Какая польза была бы тогда от добродетели и добрых дел? Тогда были бы правы говорящие: *Станем есть и пить, ибо завтра умрем* (1 Кор. 15, 32). Но человек создан для бессмертия, и Христос Своим воскресением открыл врата Царства Небесного, вечного блаженства для тех, кто верил в Него и жил праведно. Наша земная жизнь – это приготовление к будущей жизни, а это приготовление завершается смертью.

Человекам положено однажды умереть, а потом суд (Евр. 9, 27). Тогда человек оставляет все свои земные попечения; тело его распадается, чтобы вновь восстать при общем воскресении.

Но душа его продолжает жить, не прекращая своего существования ни на одно мгновение. Многими явлениями мертвых нам дано было знать частично, что случается с душой, когда она покидает тело. Когда прекращается видение телесными очами, начинается видение духовное. Обращаясь в письме к своей умирающей сестре, епископ Феофан Затворник пишет: «Ведь ты не умрешь. Тело твоё умрет, а ты перейдешь в другой мир, живая, себя помнящая и весь окружающий мир узнающая» («Душеполезное чтение», август 1894).

После смерти душа жива, и чувства ее обострены, а не ослаблены. Св. Амвросий Медиоланский учит: «Поскольку душа продолжает жить после смерти, остается добро, которое не теряется со смертью, но возрастает. Душа не удерживается никакими препятствиями, ставимыми смертью, но более деятельна, потому что действует в своей собственной сфере без всякой связи с телом, которое ей, скорее, бремя, чем польза» (св. Амвросий «Смерть как благо»).

Преп. авва Дорофей, Отец Газский VI века, суммирует учение ранних Отцов по этому вопросу: «Ибо души помнят все, что было здесь, как говорят Отцы, и слова, и дела, и мысли, и ничего из этого не могут забыть тогда. А сказано в псалме: *В той день погибнут вся помышления его* (Пс. 145, 4); это говорится о помышлениях века сего, т. е. о строении, имуществе, родителях, детях и всяком деянии и поучении. Все сие о том, как душа выходит из тела, погибает... А что она сделала относительно добродетели или страсти, все то помнит, и ничего из этого для нее не погибает... И ничего, как я сказал, не забывает душа из того, что сделала в этом мире, но все помнит по выходе из тела, и

притом лучше и яснее, как освободившаяся от земного сего тела» (Авва Дорофей. Поучение 12).

Великий подвижник V века, преп. Иоанн Кассиан, ясно формулирует активное состояние души после смерти в ответе еретикам, верившим в то, что душа после смерти бессознательна: «Души после разлучения с телом бывают не праздны, не остаются без всякого чувства; это доказывает евангельская притча о богатом и Лазаре (Лк. 16, 22–28)... Души умерших не только не лишаются своих чувств, но не теряют и расположений своих, т. е. надежды и страха, радости и скорби, и нечто из того, чего ожидают себе на всеобщем Суде, они начинают уже предвкушать... они еще живее становятся и ревностнее прилепляются к прославлению Бога. И действительно, если, рассмотрев свидетельства Священного Писания о природе самой души по мере нашего смысла, несколько порассудим, то не будет ли, не говорю, крайней глупостию, но безумием – хоть слегка подозревать, что драгоценнейшая часть человека (т.е. душа), в которой, по блаженному Апостолу, заключается образ Божий и подобие (см.: 1 Кор. 11, 7; Кол. 3, 10), по отложении этой дебелости телесной, в которой она находится в настоящей жизни, будто становится бесчувственной – та, которая содержит в себе всякую силу разума, своим причастием даже немое и бесчувственное вещество плоти делает чувствительным? Отсюда следует, и свойство самого разума требует того, чтобы дух по сложении этой плотской дебелости, которая ныне ослабляется, свои разумные силы привел в лучшее состояние, восстановил их более чистыми и более тонкими, а не лишился их»¹.

¹ Первая беседа, гл. 14 в Трудах Иоанна Кассиана Римлянина, русский перевод епископа Петра, Москва, 1892, с. 178–179.

Современные «посмертные» опыты сделали людей потрясающе осведомленными о сознательности души после смерти, о большей остроте и быстроте ее умственных способностей. Но самой по себе этой осведомленности недостаточно, чтобы защитить находящегося в таком состоянии от проявлений внетелесной сферы; следует владеть всем христианским учением по этому вопросу.

Начало духовного видения

Часто это духовное видение начинается у умирающих еще до смерти, и все еще видя окружающих и даже беседуя с ними, они видят то, чего не видят другие.

Этот опыт умирающих наблюдался в течение веков, и сегодня подобные случаи с умирающими — не новость. Однако здесь следует повторить сказанное выше — в гл. 1, ч. 2: только в благодатных посещениях праведных, когда появляются святые и Ангелы, мы можем быть уверены, что это явились действительно существа из другого мира. В обычных же случаях, когда умирающий начинает видеть почивших друзей и родственников, это может быть лишь естественное знакомство с невидимым миром, в который он должен войти; подлинная же природа образов почивших, появляющихся в этот момент, известна, возможно, одному лишь Богу, — и нам нет нужды вникать в это.

Ясно, что Бог дает этот опыт как наиболее очевидный способ сообщить умирающему, что потусторонний мир не есть совсем незнакомое место, что

жизнь там также характеризуется любовью, которую человек питает к своим близким. Преосвященный Феофан трогательно излагает эту мысль в словах, обращенных к умирающей сестре: «Там встретят тебя батюшка и матушка, братья и сестры. Поклонись им и наши передай приветы, – и проси попещись о нас. Тебя окружают твои дети с своими радостными приветами. Там лучше тебе будет, чем здесь».

Встреча с духами

Но по выходе из тела душа оказывается среди других духов, добрых и злых. Обычно она тянется к тем, которые ближе ей по духу, и, если находясь в теле, она была под влиянием некоторых из них, то она останется зависимой от них и по выходе из тела, какими бы отвратительными они ни оказались при встрече.

Здесь нам снова серьезно напоминают, что потусторонний мир, хотя и не будет совершенно чужим для нас, но не окажется просто приятной встречей с любимыми «на курорте» счастья, а будет духовным столкновением, которое испытывает расположение нашей души во время жизни – склонялась ли она больше к Ангелам и святым через добродетельную жизнь и повиновение заповедям Божиим или же, путем нерадения и неверия, сделала себя более годной для общества падших духов. Преосвященный Феофан Затворник хорошо сказал, что даже испытание на воздушных мытарствах может оказаться, скорее, испытанием искушениями, чем обвинением.

Хотя сам факт Суда в загробной жизни стоит вне всякого сомнения – как частного суда сразу по смерти, так и Страшного Суда в конце света, – внешний приговор Божий будет только ответом на *внутреннее* расположение, которое душа создала в себе по отношению к Богу и духовным существам.

Первые два дня после смерти

В течение первых двух дней душа наслаждается относительной свободой и может посещать на земле те места, которые ей дороги, но на третий день она перемещается в иные сферы.

Здесь архиепископ Иоанн просто повторяет учение, известное Церкви с IV века. Предание сообщает, что Ангел, сопровождавший в пустыне преп. Макария Александрийского, сказал, объясняя церковное поминовение умерших на третий день по смерти: «Когда в третий день бывает в церкви приношение, то душа умершего получает от стерегущего ее Ангела облегчение в скорби, каковую чувствует от разлучения с телом, получает потому, что славословие и приношение в церкви Божией за нее совершено, отчего в ней рождается благая надежда. Ибо в продолжение двух дней позволяется душе, вместе с находящимися при ней Ангелами, ходить по земле, где она хочет. Посему душа, любящая тело, скитается иногда возле дома, в котором разлучалась с телом, иногда возле гроба, в который положено тело; и таким образом проводит два дня, как птица, ища гнезда себе. А добродетельная душа ходит по тем местам, в которых имела

обыкновение творить правду. В третий день же Тот, Кто воскрес из мертвых, повелевает, в подражание Его воскресению, вознестись всякой душе христианской на Небеса для поклонения Богу всяческих»².

В православном чине погребения усопших преп. Иоанн Дамаскин ярко описывает состояние души, расставшейся с телом, но все еще находящейся на земле, бессильной общаться с любимыми, которых она может видеть: «Увы мне, яковый подвиг имать душа, разлучающаяся от телесе! Увы, тогда колико слезит, и несть помилуяй ю! ко Ангелам очи возводящи, бездельно молится: к человекам руце простираючи, не имать помогающего. Тем же, возлюбленнии мои братие, помысливше нашу краткую жизнь, преставленному упокоения от Христа просим, и душам нашим велию милость» (Последование погребения мирских человек, стихира самогласна, Глас 2).

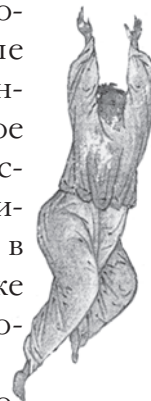
В письме к мужу упоминавшейся выше своей умирающей сестры св. Феофан пишет: «Ведь сестра-то сама не умрет; тело умирает, а лице умирающего остается. Переходит только в другие порядки жизни. В теле, лежащем под святыми и потом выносимом, ее нет, и в могилу ее не прячут. Она в другом месте. Так же жива, как теперь. В первые часы и дни она будет около вас. И только не проговорит, да увидеть ее нельзя, а то тут... Поимейте сие в мысли. Мы, остающиеся, плачем об отшедших, а им сразу легче: то состояние отрадное. Те, кои обмирали и потом вводимы были в тело, находили его очень неудобным жильем. То же будет чувствовать и сестра. Ей там лучше, а мы убиваемся, будто с нею беда какая случилась.

² «Слова св. Макария Александрийского о исходе душ праведных и грешных», «Христ. чтение», август 1831.

Она смотрит и, верно, дивится тому» («Душеполезное чтение», август 1894).

Следует иметь в виду, что это описание первых двух дней после смерти дает *общее правило*, которое ни в коем случае не охватывает всех ситуаций. Действительно, большинство процитированных в этой книге отрывков из православной литературы не подходит под это правило, – и по вполне очевидному соображению: святые, которые совсем не привязывались к мирским вещам, жили в непрестанном ожидании перехода в иной мир, не влекутся даже и к местам, где они творили добрые дела, но сразу же начинают свое восхождение на Небо. Другие же, подобно К. Иксулю, начинают свое восхождение ранее двух дней по особому соизволению Божия Провидения. С другой стороны, все современные «посмертные» опыты, как бы они не были фрагментарны, не подходят под это правило: внетелесное состояние есть лишь начало первого периода бесплотного странствия души к местам ее земных привязанностей, но никто из этих людей не пробыл в состоянии смерти достаточно долго, чтобы даже встретить двух Ангелов, которые должны сопровождать их.

Некоторые критики православного учения о посмертной жизни находят, что подобные отклонения от общего правила «посмертного» опыта являются доказательствами противоречий в православном учении, но такие критики понимают все слишком буквально. Описание первых двух дней (а также и последующих) ни в коем случае не является какой-то догмой; это просто модель, которая лишь формулирует самый общий порядок посмертного опыта

души. Многие случаи как в православной литературе, так и в рассказах о современных опытах, где мертвые мгновенно являлись живым в первый день или два после смерти (иногда во сне), служат примерами истинности того, что душа действительно остается вблизи земли на некоторое короткое время. (Подлинные явления мертвых после этого краткого периода свободы души куда более редки и всегда бывают по Божию Произволению с какой-то особой целью, а не по чьей-то собственной воле. Но к третьему дню, а часто и раньше, этот период подходит к концу.)

Мытарства

В это время (на третий день) душа проходит через легионы злых духов, которые преграждают ей путь и обвиняют в различных грехах, в которые сами же они ее и вовлекли. Согласно различным откровениям, существует двадцать таких препятствий, так называемых «мытарств», на каждом из которых истязуется тот или иной грех; пройдя одно мытарство, душа приходит на следующее. И только успешно пройдя все их, может душа продолжить свой путь не будучи немедленно ввергнутой в геенну. Как ужасны эти бесы и мытарства, можно видеть из того факта, что Сама Матерь Божия, когда Архангел Гавриил сообщил Ей о приближении смерти, молила Сына Своего избавить душу Ее от этих бесов, и в ответ на Ее молитвы Сам Господь Иисус Христос явился с Небес принять душу Пречистой

Своей Матери и отвести Ее на Небеса. (Это зримо изображено на традиционной православной иконе Успения.) Воистину ужасен третий день для души усопшего, и по этой причине ей особенно нужны молитвы.

В шестой главе приведен ряд святоотеческих и агиографических текстов о мытарствах, и нет нужды добавлять здесь еще что-либо. Однако и здесь мы можем отметить, что описания мытарств соответствуют модели истязаний, которым подвергается душа после смерти, а индивидуальный опыт может значительно отличаться. Малозначительные подробности типа числа мытарств, конечно, второстепенны в сравнении с главным фактом, что душа действительно вскоре после смерти подвергается суду (частный суд), где подводятся итоги той «невидимой брани», которую она вела (или не вела) на земле против падших духов.

Продолжая письмо мужу умирающей сестры, епископ Феофан Затворник пишет: «У отшедших скоро начинается подвиг перехода через мытарства. Там нужна ей помощь! Станьте тогда в этой мысли, и вы услышите вопль ее к вам: “Помогите!” – Вот на что вам надлежит устремить все внимание и всю любовь к ней. Я думаю – самое действительное засвидетельствование любви будет – если с минуты отхода души, вы, оставя хлопоты о теле другим, сами отстранитесь и, уединясь, где можно, погрузитесь в молитву о ней в новом ее состоянии, о ее неожиданных нуждах. Начав так, будьте в непрестанном вопле к Богу – ей о помощи, в продолжении шести недель – да и далее. В сказании Феодоры – мешец, из которого Ангелы брали, чтобы отделяваться от мытарей, – это были

молитвы ее старца. То же будет и ваши молитвы... Не забудьте так сделать... Се и любовь!».

Критики православного учения часто неправильно понимают тот «мешок золота», из которого на мытарствах Ангелы «платили за долги» блаженной Феодоры; иногда его ошибочно сравнивают с латинским понятием «сверхдолжных заслуг» святых. И здесь также такие критики слишком буквально читают православные тексты. Здесь имеется в виду не что иное, как молитвы об усопших Церкви, в частности, молитвы святого и духовного отца. Форма, в которой это описывается, – вряд ли есть даже необходимость говорить об этом – метафорическая.

Православная Церковь считает учение о мытарствах таким важным, что упоминает о них во многих богослужениях. В частности, Церковь особо излагает это учение всем своим умирающим чадам. В «Каноне на исход души», читаемом священником у одра умирающего члена Церкви, есть следующие тропари:

«Воздушнаго князя насильника, мучителя, страшных путей стоятеля и напраснаго сих словоиспытателя, сподоби мя прейти невозбранно отходяща от земли» (песнь 4).

«Святых Ангел священным и честным рукам преложи мя, Владычице, яко да тех крилы покрывся, не вижу бесчестнаго и смраднаго и мрачнаго бесов образа» (песнь 6).

«Рождшая Господа Вседержителя, горьких мытарств начальника миродержца отжени далече от мене, внегода скончатися хощу, да Тя во веки славлю, Святая Богородице» (песнь 8).

Так умирающий православный христианин готовится словами Церкви к предстоящим испытаниям.

Сорок дней

Затем, успешно пройдя через мытарства и поклонившись Богу, душа на протяжении еще тридцати семи дней посещает небесные обители и адские бездны, еще не зная, где она останется, и только на сороковой день назначается ей место до воскресения мертвых.

Конечно, нет ничего странного в том, что, пройдя мытарства и покончив навсегда с земным, душа должна познакомиться с настоящим *потусторонним* миром, в одной части которого она будет пребывать вечно. Согласно откровению Ангела преп. Макария Александрийскому, особое церковное поминовение усопших на девятый день после смерти (помимо общего символизма девяти чинов ангельских) связано с тем, что до сего времени душе показывали красоты рая и только после этого, в течение остальной части сорокадневного периода ей показывают мучения и ужасы ада, прежде чем на сороковой день ей будет назначено место, где она будет ожидать воскресения мертвых и Страшного Суда. И здесь также эти числа дают общее правило или модель послесмертной реальности и, несомненно, не все умершие завершают свой путь согласно этому правилу. Мы знаем, что Феодора действительно завершила свое посещение ада именно на сороковой – по земным меркам времени – день.

Состояние души до Страшного Суда

Некоторые души спустя сорок дней оказываются в состоянии предвкушения вечной радости и блаженства, а другие – в страхе вечных

мучений, которые полностью начнутся после Страшного Суда. До этого все же возможны изменения в состоянии душ, особенно благодаря принесению за них Бескровной Жертвы (поминовение на литургии) и других молитв.

Учение Церкви о состоянии душ на Небе и в аду до Страшного Суда более подробно изложено в словах св. Марка Эфесского.

Польза молитвы как общественной, так и частной о душах, находящихся в аду, описана в житиях святых подвижников и в святоотеческих писаниях. В житии мученицы Перпетуи (III век), например, судьба ее брата была открыта ей в образе наполненного водой водоема, который был расположен так высоко, что он не мог дотянуться до него из того грязного, невыносимо жаркого места, куда он был заключен. Благодаря ее усердной молитве на протяжении целого дня и ночи, он смог дотянуться до водоема, и она увидела его в светлом месте. Из этого она поняла, что он избавлен от наказания³.

Аналогичный рассказ есть в житии подвижницы, почившей уже в нашем, XX веке, монахини Афанасии (Анастасии Логачевой): «В свое время она предприняла молитвенный подвиг за своего родного брата Павла, в пьяном виде удавившегося. Пошла первоначально к Пелагее Ивановне блаженной⁴, жившей в Дивеевском монастыре, посоветоваться, что бы ей сделать для облегчения загробной участи своего брата, несчастно и нечестиво окончившего свою земную

³ «Жития святых», 1 февраля.

⁴ Ее полное жизнеописание можно читать в книге: «Дивеевская летопись», свят. Серафим (Чичагов), Братство преп. Германа, 1978, с. 530.

жизнь. На совете решено было так: затвориться Анастасии в своей келье, поститься и молиться за брата, ежедневно прочитывать по 150 раз молитву: Богородице, Дево, радуйся... По истечении сорока дней ей было видение: глубокая пропасть, на дне которой лежал как бы кровавый камень, а на нем – два человека с железными цепями на шее и один из них был ее брат. Когда она сообщила о сем видении блаженной Пелагее, то последняя посоветовала ей повторить подвиг. По истечении вторично 40 дней, она увидела ту же пропасть, тот же камень, на котором были те же два лица с цепями на шее, но только брат ее встал, походил около камня, опять упал на камень, и цепь оказалась на шее его. По передаче сего видения Пелагее Ивановне, последняя посоветовала в третий раз понести тот же подвиг. Через 40 новых дней Анастасия увидела ту же пропасть и тот же камень, на котором находился уже только один неизвестный ей человек, а брат ее уходил от камня и скрывался; оставшийся на камне говорил: «хорошо тебе, у тебя есть на земле сильные заступники». После сего, блаженная Пелагея сказала: «Твой брат освободился от мучений, но не получил блаженства»⁵.

Подобных случаев много в житиях православных святых и подвижников. Если кто-то склонен к излишнему буквализму в отношении этих видений, то следует, наверное, сказать, что конечно, формы, которые принимают эти видения (обычно во сне), – не обязательно «фотографии» того, в каком положении находится душа в ином мире, но, скорее, образы, передающие духовную правду об улучшении состояния души по молитвам оставшихся на земле.

⁵ «Душеполезное чтение», июнь 1902, с. 281.

Молитва об усопших

Как важно поминовение на литургии, можно видеть из следующих случаев. Еще до прославления святого Феодосия Черниговского (1896), иеромонах (знаменитый старец Алексей из Голосеевского скита Киево-Печерской Лавры, умерший в 1916 г.), переоблачавший мощи, устал, сидя у мощей, задремал и увидел перед собой Святого, который сказал ему: «Спасибо тебе за труд для меня. Прошу также тебя, когда будешь служить Литургию, упомянуть моих родителей»; и он дал их имена (иерей Никита и Мария). (До видения эти имена были неизвестны. Спустя несколько лет после канонизации в монастыре, где св. Феодосий был игуменом, был найден его собственный помянник, который подтвердил эти имена, подтвердил истинность видения.) «Как можешь ты, Святителю, просить моих молитв, когда сам ты стоишь перед Небесным Престолом и подаешь людям Божию благодать?» – спросил иеромонах. – «Да, это верно, – ответил св. Феодосий, – но приношение на литургии сильнее моих молитв».

Поэтому панихида и домашняя молитва об усопших полезны, как и добрые дела, творимые в их воспоминание милостыня или пожертвование на Церковь. Но особенно полезно им поминовение на Божественной литургии. Было много явлений мертвых и других событий, подтверждающих, как полезно поминовение усопших. Многие, умершие в

покаянии, но не сумевшие явить его при жизни, были освобождены от мучений и получили упокоение. В Церкви постоянно возносятся молитвы об упокоении усопших, а в коленопреклоненной молитве на вечерне в день Сошествия Святого Духа имеется особое прошение «о иже в аде держимых».

Св. Григорий Великий, отвечая в своих «Собеседованиях» на вопрос: «Есть ли нечто такое, что могло бы быть полезно душам после смерти», учит: «Святое жертвоприношение Христа, нашей спасительной Жертвы, доставляет большую пользу душам даже после смерти при условии, что грехи их могут быть прощены в будущей жизни. Поэтому души усопших иногда просят, чтобы о них была отслужена литургия... Естественно, надежнее самим при жизни делать то, что, как мы надеемся, другие будут делать о нас после смерти. Лучше совершить исход свободным, чем искать свободы, оказавшись в цепях. Поэтому мы должны от всего сердца презирать этот мир, как если бы его слава уже прошла, и ежедневно приносить Богу жертву наших слез, когда мы приносим в жертву Его священную Плоть и Кровь. Только эта жертва имеет силу спасти душу от вечной смерти, ибо она таинственно представляет нам смерть Единородного Сына» (IV; 57, 60).

Св. Григорий приводит несколько примеров явления умерших живым с просьбой отслужить литургию об их упокоении или благодарящих за это; однажды также один пленный, которого жена считала умершим и по ком она в определенные дни заказывала литургию, вернулся из плена и рассказал ей,

как его в некоторые дни освобождали от цепей – именно в те дни, когда за него совершалась литургия (IV; 57, 59).

Протестанты обычно считают, что церковные молитвы за усопших несовместимы с необходимостью обрести спасение в первую очередь в этой жизни; «Если ты можешь быть спасен Церковью после смерти, тогда зачем утруждать себя борьбой или искать веру в этой жизни? Будем есть, пить и веселиться»... Конечно, никто из придерживающихся таких взглядов никогда не достигал спасения по церковным молитвам, и очевидно, что такой аргумент является весьма поверхностным и даже лицемерным. Молитва Церкви не может спасти того, кто не хочет спасения или кто никогда сам при жизни не приложил для этого никаких усилий. В известном смысле можно сказать, что молитва Церкви или отдельных христиан об усопшем есть еще один результат жизни этого человека: о нем бы не молились, если бы за свою жизнь он не сделал ничего такого, что могло бы вдохновить такую молитву после его смерти.

Св. Марк Эфесский также обсуждает вопрос о церковной молитве за умерших и облегчении, которое она им доставляет, приводя в качестве примера молитву св. Григория Двоеслова о римском императоре Трояне, – молитву, вдохновленную добрым делом этого языческого Императора.

Что мы можем сделать для умерших?

Всякий желающий проявить свою любовь к умершим и подать им реальную помощь, может наилучшим образом сделать это молит-

вой о них и в особенности поминовением на литургии, когда частицы, изъятые за живых и умерших, погружаются в Кровь Господню со словами: «Омый, Господи, грехи поминавшихся зде Кровию Своею честною, молитвами святых Твоих».

Ничего лучшего или большего мы не можем сделать для усопших, чем молиться о них, поминая на литургии. Это им всегда необходимо, особенно в те сорок дней, когда душа умершего следует по пути к вечным селениям. Тело тогда ничего не чувствует: оно не видит собравшихся близких, не обоняет запаха цветов, не слышит надгробных речей. Но душа чувствует молитвы, приносимые за нее, благодарна тем, кто их возносит, и духовно близка к ним.

О, родные и близкие покойных! Делайте для них то, что нужно и что в ваших силах, используйте свои деньги не на внешнее украшение гроба и могилы, а на то, чтобы помочь нуждающимся, в память своих умерших близких, на Церкви, где за них возносятся молитвы. Будьте милосердны к усопшим, позаботьтесь об их душе.

Тот же путь лежит и перед вами, и как нам тогда захочется, чтобы нас поминали в молитве! Будем же и сами милостивы к усопшим.

Как только кто умер, немедленно зовите священника или сообщите ему, чтобы он мог прочитать «Молитвы на исход души», которые положено читать над всеми православ-

ными христианами после их смерти. Постарайтесь, по мере возможности, чтобы отпевание было в церкви и чтобы над усопшим до отпевания читалась Псалтирь. Отпевание не должно быть тщательно обставленным, но совершенно необходимо, чтобы оно было полным, без сокращения; думайте тогда не о своем удобстве, но об умершем, с которым вы навеки расстаетесь. Если в церкви одновременно несколько покойников, не отказывайтесь, если вам предложат, чтобы отпевание было общим для всех. Лучше, чтобы отпевание было отслужено одновременно о двух или более усопших, когда молитва собравшихся близких будет более горячей, чем чтобы последовательно было отслужено несколько отпеваний и службы, из-за отсутствия времени и сил, были сокращены, потому что каждое слово молитвы об усопших подобно капле воды для жаждущего. Сразу же позаботьтесь о сорокоусте, т. е. ежедневном поминовении на литургии в течение сорока дней. Обычно в церквях, где служба совершается ежедневно, усопшие, которых так отпевали, поминаются сорок дней и более. Но если отпевание было в храме, где нет ежедневных служб, сами родственники должны позаботиться и заказать сорокоуст там, где есть ежедневная служба. Хорошо также послать пожертвование в память усопшего монастырям, а также в Иерусалим, где в святых местах возносится непрестанная молитва. Но сорокадневное поминовение должно начать-

ся сразу же по смерти, когда душе особенно нужна молитвенная помощь, и поэтому поминовение следует начать в ближайшем месте, где есть ежедневная служба.

Позаботимся же об ушедших в иной мир до нас, чтобы сделать для них все, что мы можем, помня, что *блажени милостивии, яко тии помиловани будут* (Мф. 5, 7).

Воскресение тела

Однажды весь этот тленный мир придет к концу и наступит вечное Царство Небесное, где души искупленных, воссоединенные со своими воскресшими телами, бессмертные и нетленные, будут навеки пребывать со Христом. Тогда частичная радость и слава, которую даже ныне знают души на Небе, сменится полнотой радости нового творения, для которой был создан человек; но те, кто не принял спасения, принесенного на землю Христом, будут мучиться вечно – вместе с их воскресшими телами – в аду. В заключительной главе «Точного изложения православной веры» преп. Иоанн Дамаскин хорошо описывает это конечное состояние души после смерти:

«Верим же и в воскресение мертвых. Ибо оно истинно будет, будет воскресение мертвых. Но, говоря о воскресении, мы представляем себе воскресение тел. Ибо воскресение есть вторичное воздвижение упавшего; души же, будучи бессмертными, каким образом воскреснут? Ибо, если смерть определяют как отделение души от тела, то воскресение есть, конечно, вторичное соединение души и тела, и вторичное воздвижение разрешившегося и умершего

живого существа. Итак, само тело, истлевающее и разрешающееся, оно само воскреснет нетленным. Ибо Тот, Кто в начале произвел его из праха земли, может снова воскресить его, после того, как оно опять, по изречению Творца, разрешилось и возвратилось назад в землю, из которого было взято...

Конечно, если только одна душа упражнялась в подвигах добродетели, то одна только она и будет увенчана. И если одна только она постоянно пребывала в удовольствиях, то по справедливости одна только она была бы и наказана. Но так как ни к добродетели, ни к пороку душа не стремилась отдельно от тела, то по справедливости то и другое вместе получают и воздаяние...

Итак, мы воскреснем, так как души опять соединятся с телами, делаемыми бессмертными и со-влекающими с себя тление, и явимся к страшному судейскому Христову седалищу; и диавол, и демоны его, и человек его, т. е. антихрист, и нечестивые люди, и грешники будут преданы в огонь вечный, не вещественный, каков огонь, находящийся у нас, но такой, о каком может знать Бог. А сотворшая благая, как солнце, воссияют вместе с Ангелами в жизни вечной, вместе с Господом нашим Иисусом Христом, всегда смотря на Него и будучи видимы Им, и наслаждаясь непрерывным проистекающим от Него веселием, прославляя Его со Отцем и Святым Духом в бесконечные веки веков. Аминь» (с. 267–272).

*Некоторые недавние отклики православных
на обсуждение вопросов о загробной жизни*

**Архимандрит Киприан,
игумен монастыря св. Киприана и Иустины
(Фили. Греция)**

**Возвращение из мертвых
в современной Греции**

При сем посылаю Вам рассказ известного мне человека, который умер и ожил; полагаю, что он окажется интересен Вам как пример для Вашей серии статей.

Около четырех лет тому назад нам позвонили с просьбой приобщить Святых Таин одну пожилую женщину, вдову, живущую в пригороде Афин. Она была старостильница, и, будучи почти совсем прикована к постели, не могла бывать в церкви. Хотя обычно мы не совершаем таких треб вне монастыря и направляем людей к приходскому священнику, тем не менее в этом случае у меня было какое-то чувство, что я должен идти, и приготовив Св. Дары, я отправился из монастыря. Я обнаружил больную, лежащую в одной комнатке; не имея своих средств, она зависела от соседей, которые приносили ей еду и другие необходимые вещи. Я поставил Св. Дары и спросил ее, хочет ли она в чем-нибудь исповедаться. Она ответила: «Нет, за последние три года на моей совести нет ничего, что уже не было бы исповедано, но есть один старый грех, о котором я хотела бы рассказать Вам, хотя и исповедовала его многим священникам». Я ответил, что если она уже исповедовала его, ей не

следует делать этого снова. Но она настаивала, и вот что она мне рассказала:

Когда она была молода и только что вышла замуж, лет 35 тому назад, она забеременела в тот момент, когда ее семья была в очень тяжелом денежном положении. Остальные члены семьи настаивали на аборте, но она отказалась наотрез. Все же, в конце концов, она против своей воли поддалась на угрозу свекрови, и операция была сделана. Медицинский контроль подпольных операций был очень примитивным, в результате чего она получила серьезную инфекцию и через несколько дней умерла, не имея возможности исповедать свой грех.

В момент смерти, а это было вечером, она почувствовала, что душа ее отделяется от тела так, как обычно это и описывают; душа ее оставалась поблизости и смотрела, как тело обмывают, одевают и укладывают в гроб. Утром она последовала за процессией в церковь, наблюдала за отпеванием и видела, как гроб поставили на катафалк, чтобы отвезти его на кладбище. Душа как бы летала над телом на небольшой высоте.

Вдруг на дороге появились два, как она описывала, «дьякона» в блистающих стихарях и орарях. Один из них читал свиток. Когда автомобиль приблизился, один из них поднял руку, и автомобиль замер. Шофер выбрался, чтобы посмотреть, что случилось с мотором, а тем временем Ангелы начали беседовать между собой. Тот, который держал свиток, содржавший, несомненно, список ее грехов, оторвался от чтения и сказал: «Жаль, в ее списке есть очень тяжелый грех, и она предназначена аду, потому что не исповедала его». – «Да, – сказал второй, – но жаль,

что она должна быть наказана, потому что она не хотела этого делать, а ее заставила ее семья». – «Очень хорошо, – ответил первый, – единственное, что можно сделать – это отослать ее обратно, чтобы она могла исповедать свой грех и покаяться в нем».

При этих словах она почувствовала, что ее тащат обратно в тело, к которому она в этот момент чувствовала неопишное отвращение и омерзение. Спустя мгновение, она очнулась и начала стучать изнутри гроба, который был уже закрыт. Можно вообразить последовавшую за этим сцену.

Выслушав ее историю, которую я изложил здесь вкратце, я преподал ей Святое Причастие, и ушел, славя Бога, даровавшего мне услышать его. Поскольку это касается Исповеди, я не могу разгласить ее имени, но могу сообщить, что она все еще жива. Если Вы считаете, что эта история может быть полезна другим, то Вы имеете мое безоговорочное разрешение на ее опубликование.

Протоиерей Димитрий Дудко

Мертвые являются в современной Москве⁶

Многие теперь, говорят, жалуются, особенно женщины: «Приходят по ночам умершие».

Вот жена похоронила своего мужа. Да, она очень переживала, плакала. Не спалось ей. И вот наступает двенадцать часов ночи – слышит, кто-то вставляет в

⁶ Из его книги «Христос в нашей жизни – Воскресные проповеди», Издательство журнала «Храм», Москва, 1992, с. 54–55, 62–63, 81, 98.

дверь ключ, слышится шарканье ног, кто-то подходит к постели: «Валя, это я». Она в страхе вскакивает. Да, перед ней – умерший муж. Начинается разговор. Следующей ночи она ждет в большом страхе. Приходит и в следующую ночь.

Ей говорят: «Это тебе померещилось». Образованные люди говорят: «У тебя от переживаний – галлюцинации». Психиатры берут на учет...

Но, а дальше, что же это такое?

Человек в основном нормален, а здесь что-то ненормальное. Галлюцинация... Но что такое галлюцинация? Или это просто какое-то явление?

Другой случай. Девушка, мать которой давно умерла, даже не думала об умершей, как вдруг – та приходит к ней, сначала одна, потом с какими-то детьми. Ранее веселая дочь – теперь омрачается. Дочь берут в больницу, лечат. Но что лечить?

Понимаем ли мы, что это такое?

Еще пример. Одна женщина была очень расстроена, собиралась покончить с собой. Ходила мрачной. Однажды ночью она почувствовала, как кто-то вошел к ней. «Вера, ты что задумала?» – и начался душевный, хороший разговор. Женщина успокоилась, та, что приходила, ушла. После ухода той женщина опомнилась, подумала: «Как же она пришла, сейчас ведь поздно?». Посмотрела на часы – два часа ночи. Подошла к двери – дверь заперта.

На следующий день сверилась у соседей, приходила ли та к ним? «Давно уже не была, лет пять, – ответили соседи, – она же давно умерла». Значит, приходила из другого мира, ей хорошо...

Первые два случая – будоражащие, наводящие страх, последний – успокаивающий.

Люди неверующие скажут о том и другом случае: «Галлюцинация, расстроенное воображение...». Так всегда говорят, когда не знают, что сказать. Но разве это что-либо объясняет?

Пойдем дальше в примерах. Разбивается летчик, снится жене. «Дай мне два рубля», – говорит ей во сне. Жена на обращает никакого внимания, а он снится снова и снова. В сердце женщины поднимается тревога. Спрашивает: «Отчего это?».

Одни говорят: «Не обращай внимания...» – это ее не успокаивает. Раньше никогда не ходившая в церковь, не думавшая о Боге, теперь она обращается к церковникам. Те советуют отслужить панихиду. Не знает, как это делать. Ей объясняют. Она заказывает панихиду, и спрашивает: «Сколько это стоит?» «Два рубля», – отвечают ей.

Вот, оказывается, что означают слова: «Дай мне два рубля».

После панихиды муж перестал сниться.

В наше время начинают смещаться границы этого и другого миров⁷. То, что я рассказал, ничего не выдумал, и рассказал – не вычитанное из книг, а то, что случилось в нашей жизни, и не так давно.

Мы перестали думать о воскресении из мертвых, поэтому нам не дают покоя мертвые...

⁷ Сравните со словами св. Григория Двоеслова, сказанными более тысячи трехсот лет назад: «По мере приближения конца этого мира, начинает вырисовываться мир вечности... Конец мира сливается с началом вечной жизни... Духовный мир приближается к нам, проявляя себя в видениях и откровениях». Конец существования этого мира начинается с пришествия Христа, и чувствительные души всегда видят как другой мир «вламывается» в этот мир раньше времени, укаывая на свое существование.

Что такое смерть? Есть ли там жизнь? Пока как будто все благополучно, мы не задумываемся над этими вопросами. Бывают же случаи, когда вдруг разрываются границы этого мира и человек видит то, что потом переворачивает все его сознание.

Может быть, кому-то приходилось читать в дореволюционной книге, как некий человек, по фамилии Иксуль, вдруг оказался на том свете, а потом сам все это описал. До этого он был даже атеистом, не признавал загробной жизни и подшучивал над теми, кто ее признавал, и вдруг... Видит свое оставленное тело, собравшихся людей около него. Ему странно, почему они там собрались. Он ведь не там, а здесь. Хочет сказать им об этом, а голос пропадает в пустоте – они его не слышат, хочет рукой дотронуться, но рука проходит сквозь них, не задевая.

И вот представьте – оказаться в таком положении.

Не будем говорить, что он видел, но только после того видения, возвратившись снова в свое тело, он оставил все удовольствия и посвятил себя Богу..

Такие случаи бывают, чтобы вразумить нас. Сегодня это – не с нами, но будет и с нами.

Те возвратились к жизни, чтобы праведно окончить жизнь, а мы возвратимся ли? Бог весть...

Не будем читать о тех ужасах, которые испытал Иксуль, чтобы обратить на себя внимание: загробный мир соприкасается почти с нашим, казалось бы, какая-то часть миллиметра, но не сходится вплотную. И таких случаев не один...

Да, вот и я слышал о человеке, который сейчас еще живет, хотя пережил клиническую смерть: о нем думали, что он мертв, а он после клинической смерти все рассказал им, что они говорили, как двигались, во всех подробностях.

Человек — это не только тело, материя, прах; человек состоит из тела и души. И душа не умирает подобно телу, она все видит и знает...

Есть ли за гробом жизнь или нет?

Ведь это все воспринимается верой. То, что там есть жизнь, это воспринимаем верой, то, что нет там жизни, опять-таки воспринимаем верой, а чтобы сказать определенно, как говорил мальчик — а устами младенцев говорит сама Истина — надо побывать там. А пока не побывали, то у одних есть вера, от которой они радуются и делают добрые дела; у других есть вера, как у бесов: *и бесы веруют, и трепещут* (Иак. 2, 19). Неверующие все трепещут перед лицом смерти, и сколько бы ни было лекарств, сколько бы ни продливалась земная жизнь их, а смерти они избежать не смогут.

Смерти избежать можно только верой в Господа нашего Иисуса Христа.

Протоиерей Сергей Четвериков ✠

ЗАГРОБНАЯ ЖИЗНЬ *

Условия нашей будущей жизни, после всеобщего Воскресения, будут совсем иные, нежели те, в каких мы сейчас живем: не будет ни времени, ни пространства, и это совершенно меняет характер нашей будущей жизни сравнительно с настоящей. Если не будет времени, значит не будет различия в возрасте живущих, не будем связаны условиями расстояния. Существовая сейчас в условиях времени и пространства, мы недоумеваем, как это Ангелы и Святые могут одновременно слышать молитвы десятков тысяч людей, живущих в разных концах земного шара, и откликаться на них. Мы не понимаем этого потому, что мы связаны условиями времени и пространства, и вне их не представляем себе возможности жизни. Освобождаясь от условий времени и пространства, мы сразу получаем возможность быть везде и нигде, и следовательно, видеть и слышать все существующее независимо от времени и пространства.

Существование такой жизни, жизни вне времени и пространства, подтверждается и Евангелием, и Писаниями Апостолов, и Вселенским Преданием Церкви. Между нами и небесным миром происходит непрерывное общение. Евангелие определенно утверждает существование надмирной жизни. И

* Из рукописи «Правда Христианства».

апостолы говорят о том же. И Церковь – главным содержанием своей жизни имеет постоянное общение с по-ту-сторонним миром, со Святыми и умершими, с Ангелами и Богом. Не будучи похож на нашу жизнь, тот мир не отделяется и не отчуждается от нас, составляя с нами Единую Христову Церковь, и принимая живое участие в нашей жизни. Откуда же это видно? Прежде всего и больше всего из факта воплощения Сына Божия, из Его пребывания с нами на земле, из создания Им на земле Своей Церкви, из ниспослания Им Своим Апостолам и Церкви Святого Духа, из существования в Церкви непрерывного молитвенного и благодатного общения с миром небесным. На наши молитвы мир небесный отвечает исполнением наших молитв, дарует нам благодатное, светлое устроение духа, помогает нам в духовных и телесных нуждах, открывается нам в видениях и откровениях. Существует огромная духовная литература, в которой собраны многочисленные факты этого рода. По учению Церкви никто из нас после смерти не исчезает... Для нас начинается новое существование, светлое или печальное, но всегда сознательное; мы входим в мир существ духовных, сознательных, добрых или злых, святых или грешных, созерцаем Самого Творца мира... Что представляет собою этот таинственный загробный мир, какая жизнь идет там, об этом мы может отчасти судить по слову Божию, по Преданию Церкви и по тем или иным явлениям и откровениям, какие мы получаем из таинственной глубины небесного мира, причем мы должны уметь отличать явления и откровения подлинные от явлений и откровений мнимых, призрачных.

Сохраняется ли нами в будущей жизни какой-либо внешний облик, или мы становимся существами бесплотными? По этому поводу происходила в свое время интересная полемика между двумя выдающимися и почитаемыми епископами Православной Церкви – Феофаном Затворником и Игнатием (Брянчаниновым). Последний утверждал, что и умершие, и Ангелы, как добрые, так и злые, имеют некоторую, хотя и тонкую, материальную оболочку, что подтверждается явлениями Святых и Ангелов людям в видимом образе. Епископ Феофан отрицал это, ссылаясь на свидетельство Отцов Церкви. Спор остался нерешенным: оба мнения имеют своих защитников и своих противников. Мы же лично полагаем, что дух, как самостоятельная сущность, не нуждается в материальной оболочке, и если облачается ею, то лишь для того, чтобы его могли видеть и входить с ним в общение существа, облеченные плотью. Что дух не имеет видимого облика, состоящего из плоти и костей, это видно и из слов Господа, сказанных Им ученикам после Своего Воскресения: *Осяжите Меня и рассмотрите; ибо дух плоти и костей не имеет, как видите у Меня* (Лк. 24, 39).

На вопрос о том, **как происходит наш переход из земного бытия в вечную жизнь**, Православная Церковь отвечает учением о мытарствах. Каждого человека, по исходе его из тела, ожидает ряд притязаний на него со стороны темных сил адских. Все его темные дела, желания и помышления имеются у них на учете, и на этом основании они считают умершего своей собственностью. Ангел-хранитель человека противопоставляет их требованиям добрые дела умершего, или его покаяние и

этим, так сказать, откупается от их притязаний. (Отсюда происходит и само название «мытарств» – «мытарь» сборщик податей, повинностей.) Пройдя благополучно все эти заставы, человек достигает светлой небесной области и поклоняется Господу. Затем ему показывают светлые райские обители, и места мучений грешников. До девятого дня он осматривает обители праведников, и до сорокового дня места мучения грешников. После того и другого осмотра умерший поклоняется Господу. Вот почему в эти дни о нем возносится церковная молитва. В 40-й день участь умершего определяется. Впрочем, это определение не окончательное. Или, правильнее сказать, для праведников оно окончательное, а для грешников не окончательное, и подлежащее изменению к лучшему. Участь грешников может измениться к лучшему по молитвам о них живущих на земле, по совершению в память их добрых дел. Таким образом, загробная участь человека не определяется всецело его единичными данными – добрыми или недобрыми. Ему могут помочь в деле его спасения и другие люди. Дело спасения не есть дело исключительно индивидуальное. Оно есть общее дело верующих, общее дело Церкви, и тем более близких ему и любящих его людей. Так верует и исповедует Православная Церковь, и потому молитва за умерших составляет необходимую, существенную и значительную часть Ее богослужения. Церковь в годовом круге своего богослужения имеет специальные дни для поминовения умерших, помимо обычного, повседневного поминовения. Посмертная жизнь человека – от гроба до всеобщего Воскресения отличается и от его земной жизни,

и от той жизни, которая наступит после всеобщего Воскресения. От земной жизни она отличается тем, что человек в этот период времени живет, не имея тела. Земное свое тело он потерял умирая. Воскресшего же тела еще не получил.

Существует ли в загробной жизни общение между праведными и грешными? Или они совершенно изолированы друг от друга? Судя по притче Господа о богаче и Лазаре, общение между ними возможно. Богатый, находясь в аду, видит Авраама и Лазаря на лоне его. И не только видит, но и беседует с ним. Не существует только перехода от праведников к грешникам, и наоборот. Богач, мучаясь в пламени, просит Авраама: *Умилосердись надо мною, и пошли Лазаря, чтобы омочил конец перста своего в воде, и прохладил язык мой, ибо я мучаюсь в пламени сем.* Авраам отвечает: *Между нами и вами утверждена великая пропасть, так что хотящие перейти отсюда к вам не могут, также и оттуда к нам не переходят.* Когда же богач, после этого ответа, просил Авраама послать Лазаря на землю, в дом отца его предостеречь братьев его, чтобы и они не пришли в *сие место мучения*, Авраам отказался и это исполнить, говоря: *У них есть Моисей и пророки, пусть их слушают.* Богач опять сказал: «Нет, отче Аврааме! Но если кто из мертвых придет к ним, покаются». Авраам снова ответил: *Если Моисея и пророков не слушают, то если бы кто и из мертвых воскрес, не поверят!* (Лк. 16, 24–31). Насколько возможна или невозможна помощь со стороны находящихся в раю тем, кто находится в аду, мы ничего не можем добавить к тому, что сказано в притче. Что же касается помощи со стороны находящихся в раю тем, кто

живет еще на земле, то мы знаем из многочисленных фактов, что эта помощь возможна. И Церковь этой помощи не отрицает. Например: Ангел выводит апостола Петра из темницы; неоднократное исцеление от болезни преп. Серафима Саровского явлением Божией Матери.

Кроме притчи о богаче и Лазаре, Господь и в других Своих словах раскрывает тайны небесной жизни. Так, Он говорит апостолам: *Смотрите, не презирайте ни одного из малых сих* (детей); *ибо говорю вам, что Ангелы их на небесах всегда видят лице Отца Моего Небесного* (Мф. 18, 10). Это значит, что у детей, во-первых, имеются Ангелы-хранители, а, во-вторых, что они защищают детей перед Богом от тех, кто их обижает. Из ответа Господа на лукавый вопрос саддукеев о женщине, состоявшей по очереди в замужестве за семью братьями, чьею женою она будет после всеобщего воскресения, Господь разъясняет, что *в воскресении ни женятся, ни выходят замуж, но пребывают, как Ангелы Божии, на небесах* (ср.: Мф. 22, 30). Такими небольшими отдельными разъяснениями о жизни загробной, разбросанными в разных местах Евангелия, пред нами поднимается в некоторой степени завеса загробной жизни, и открываются ее тайны. Тоже самое мы находим и в Апостольских Посланиях. Например, апостол Павел в одном из своих Посланий раскрывает Коринфянам тайны своих видений небесного мира: *Не полезно хвалиться мне, – пишет он им, – ибо я приду к видениям и откровениям Господним. Знаю человека во Христе, который назад тому четырнадцать лет (в теле ли – не знаю; вне ли тела – не знаю: Бог знает) восхищен был до третьего неба. И знаю о таком*

человеке (только не знаю – в теле ли, или вне тела – Бог знает), что он был восхищен в рай, и слышал неизреченные слова, которых человеку нельзя пересказать. Таким человеком могу похвалиться; собою же не похваюсь, разве только немощами моими (2 Кор. 12, 1–5). Книга «Деяний святых Апостолов» переполнена явлениями и откровениями из небесного мира. А что сказать о Евангелиях, где каждая страница, – от Благовещения Пресвятой Деве Марии и Рождества Христова до явления Святой Троицы на Иордане и Бога Отца на Фаворе и до Вознесения Господня, – переполнена откровениями небесного мира!..

Все, сказанное нами, является вещами, всем хорошо известными, и если мы напоминаем о них, то только потому, что немногие помнят и думают о них, немногие строят свою жизнь в соответствии с этими небесными откровениями, ясно говорящими нам о том, что наша жизнь не кончается нашим земным существованием, и что существует иной мир, небесный, куда мы и должны будем перейти для существования вечного. Мы не можем, однако, не сказать и того, что все, что мы знаем о жизни небесной далеко не передает нам ее подлинного содержания. Говоря о небесной жизни, мы пользуемся словами, данными нам для ориентировки и для обмена мнений в нашем земном мире трех измерений; применяя эти слова к познанию и описанию мира небесного, в котором не существует ни времени, ни пространства, мы естественно впадаем в неточности и недоразумения. И не только слова апостолов, но и слова Самого Господа, как Он говорит нам о предметах мира невидимого, вечного, о Своем, например, втором пришествии и Страшном Суде, – не передают

нам подлинной жизни невидимого мира, а только перелагают ее, насколько это возможно, на язык нашего тварного мира, на языке трех измерений, и в таком только переложении дают нам некоторое познание мира невидимого, Царства Небесного. Поэтому Апостол и говорит: *око человеческое не видело, и ухо человеческое не слышало, и на сердце человеческое не приходило то, что приготовил Бог любящим Его*. Всякое недоумение и всякое непонимание, и все споры книжников и фарисеев с Господом Иисусом Христом и Апостолами происходили именно от того, что они бессознательно или сознательно, неумышленно или умышленно, переносили свое земное понимание вещей в область вечной жизни, а все свои возражения и вопросы относительно жизни небесной делали с точки зрения своих земных понятий, не обращая внимания на то или не сознавая того, что жизнь в тварном мире и жизнь в вечности существуют в совершенно различных условиях.

Переходим к другим вопросам, связанным с загробною жизнью. **С каким духовным содержанием переходим мы в вечную жизнь?** Все ли полученные человеком впечатления в этой жизни, сознательно или бессознательно им воспринятые, уносятся им в будущую жизнь, или же какая-нибудь частица пережитого нами на земле отпадает и совершенно нами утрачивается? Мы позволяем себе думать, что ничто из воспринятого и пережитого человеком на земле им не утрачивается. Наоборот, все оживает и вспоминается им со всею ясностью и отчетливостью, не исключая мельчайших впечатлений самого раннего детства. Мы переходим в вечность со всем запасом нашего духовного содержания, и это только

и дает возможность произвести каждому из нас справедливый и беспристрастный суд. Мы сами себя увидим в полноте нашего содержания, сами увидим и поймем справедливость Божественного о нас определения. Говорят, что такую полноту самосознания переживает иногда человек и в момент угрожающей ему внезапной смерти. Тем более это возможно пред лицом Божиим, когда человеку произносится Божие определение, и когда человек начинает видеть, что иного определения ему и быть не может, по всей его земной жизни и по всем его делам и переживаниям. *Страшно впасть в руки Бога Живаго* (Евр. 10, 31), – говорит апостол Павел. Страшно, потому, что от этих рук исходит справедливое и безусловное обоснованное определение, и иного быть не может.

Возникает далее другой вопрос – **относительно умирающих младенцев и детей**. Каково будет их положение и состояние в будущей жизни среди бесплотных существ? Останутся ли они и там младенцами – двухнедельными, трехмесячными, пятилетними, – или с ними произойдет какая-либо перемена? По учению Церкви, в будущей жизни все будут в одном возрасте, или, точнее сказать, все будут без возраста, потому что не будет времени. Каждый будет там в полноте своих человеческих сил и возможностей. Земное детское состояние подобно состоянию семени, еще не раскрывшего все скрытые в нем возможности. И ребенок и семя, в здешней земной жизни, раскрывает в себе эти возможности мало-помалу, под влиянием внешней обстановки. В будущей жизни эти возможности раскрываются в младенце сами собою в атмосфере вечности, и младенец становится там совершенным человеком, минуя условия земного суще-

ствования. В этом заключается огромное преимущество умирающих младенцев перед взрослыми людьми. Они умирают, не узнав греха и сохранив нетронутыми все свои духовные возможности. Они сразу достигают полноты своего возраста в Царстве Божиим. Поэтому Церковь и называет их «блаженными».

Третий недоуменный вопрос возникает **относительно людей душевнобольных**, так называемых «сумасшедших», «ненормальных», «идиотов» и т. п., что будет с ними в будущей жизни? Все эти болезненные, ненормальные состояния людей суть явления жизни земной, и только земной. Вследствие тех или иных условий нашей земной жизни и плохой наследственности, душа этих людей лишена возможности проявлять себя нормально. Но это не значит, что она перестала быть нормальной душой, созданной по образу и подобию Божию. Если и в земной жизни для нее возможно бывает иногда освобождение от ненормальных условий существования и проявления себя, и она, как говорят, выздоравливает, то тем более это становится для нее возможным тогда, когда она освобождается от своего тела и от всех ненормальных условий своего существования. В будущей жизни душевнобольных, конечно, не будет. Все будут жить полнотою своих естественных, здоровых сил и возможностей, как созданные по образу и подобию Божию. Если Бог смерти не сотворил, как говорит Библия, а она вошла в мир как следствие человеческого греха, то тем более не сотворил Бог сумасшествия или идиотизма, и они суть не что иное, как продукт нашей земной ненормальной жизни, только в ней и существующие, но никак не могут быть явлением жизни вечной, бессмертной, небесной...

Сохранят ли люди в будущей жизни свои индивидуальные особенности? Можно ли будет там отличать апостола Петра от апостола Павла, Святителя Николая от Преподобного Сергия? Несомненно. Это видно уже из притчи о богатом и Лазаре, в которой ясно различаются Авраам и Лазарь; а затем это видно и из явлений умерших святых живущим на земле людям. Пресвятая Богородица являлась преподобному Сергию в сопровождении апостолов Петра и Иоанна, преп. Серафиму – в сопровождении сонма мучениц. Ангелы являлись людям видимым образом: Божией Матери, священнику Захарии, апостолу Петру, сотнику Корнилию и т. д. В каких телах они являлись, этого мы не знаем; знаем только, что являлись видимым образом, и потом становились невидимыми. Так и Господь, по Воскресении Своём, являлся ученикам при запертых дверях, в Своём собственном теле, ел и пил с ними, и потом становился невидимым. Все эти явления выше нашего нынешнего разумения, но, несомненно, вполне действительны.

Существует ли в загробной жизни до всеобщего Воскресения какое-либо **различие между людьми по степени блаженства праведников и по степени мучений грешников?** Несомненно существует, но не в смысле физических страданий, или физических наслаждений, потому что мы ни откуда не знаем, что до всеобщего Воскресения умершие уже имеют какой-либо внешний облик: их земное тело осталось в земле, а новое тело они получают только после всеобщего Воскресения. Но все же умершие каким-то образом и знают друг друга, и имеют между собою общение. Укажем снова на ту же притчу о богатом и Лазаре. Апостол Павел в Послании к Ко-

ринфянам говорит о себе, что он чудесным образом был вознесен *до третьего неба* и слышал там *неизреченные глаголы, которых невозможно передать человеческим языком* (2 Кор. 12, 1–4). Эти слова Апостола ясно показывают, что существуют разные состояния блаженства, как и разные состояния бытия вообще в загробной жизни, о которых мы узнаем, конечно, только на личном, посмертном опыте. Православный Катехизис, на вопрос о том, в чем состоит посмертное блаженство праведников, дает ответ, что «оно состоит в созерцании Бога во свете и славе», и в единении с Ним, и приводит слова апостола: *теперь мы видим, как бы сквозь тусклое стекло, гадательно; тогда же лицом к лицу* (1 Кор. 13, 12), т. е. между мною и Богом не будет тогда никакой преграды, мешающей мне видеть истину, как она есть. А по Евангелисту Матфею: *тогда праведники воссияют, как солнце, в Царстве Отца их* (Мф. 13, 43). И еще у апостола Павла: *Как мы носили образ перстного (т. е. земного, тварного) человека, так будем носить и образ небесного (т. е. прославленного Сына Божия)* (1 Кор., 15, 49). *Ибо будет Бог все во всем* (1 Кор. 15, 28). Все будет проникнуто и наполнено вечной, небесной славой Божией. В ощущении и созерцании этой Божественной славы и будет состоять блаженство праведников. И этому блаженству не может помешать скорбь о состоянии грешников. Все равно, как и блаженное состояние Самого Бога не умаляется оттого, что существуют страдания грешников, хотя Бог и скорбит о них. Но скорбеть о чем-нибудь, это еще не значит – не быть блаженным и радостным. Например, преп. Серафим Саровский не терял радостного состояния духа, хотя и обращался

с грешниками. Но мы опять должны оговориться, что при всех наших попытках понять и представить себе состояние будущей жизни не можем сделать этого в условиях и при средствах нашего земного бытия. Подлинная истина потусторонней жизни откроется нам только тогда, когда мы переступим ее порог и войдем в ее таинственную глубину. Теперь же мы можем делать о ней только одни более или менее вероятные догадки, насколько нам помогают в этом слово Божие и Церковное Предание.

Протоиерей Артемий Владимиров ✝

ПОСЛЕ СМЕРТИ

По-разному мы говорим о том, кто вчера еще был с нами... «Отошел, умер, скончался, преставился, перешел в иной мир, почил о Боже». Но как бы ни сказать, за тем, что произошло, стоит тайна. Я не знаю, доводилось ли кому из моих читателей присутствовать при кончине близкого человека. Но только когда она свершается и душа переходит за хрупкую грань земного бытия в мир духовный, наступает внезапно великий покой. Позади осталось предсмертное томление, борение труженицы-души с разрушающимся телесным составом. Как птица, бьющаяся в тесной клетке, наконец вырывается из нее, так и душа, измученная страданиями, вдруг обретает свободу – и облегченно вздыхает. Свершилось! И если скончался истинный христианин, с надеждой на Господа и верой в жизнь вечную, присутствующим при исходе благочестивой души Бог дает Свою благодать. В наступившей молитвенной тишине никто не промолвит ни единого лишнего слова. Близкие и родные, провожавшие новопреставленного, ощущают мир Христов в своем сердце. Кажется, что узы любви с усопшим стали еще теснее, еще крепче. Верующие словно чувствуют рядом с собой присутствие души, светлой, торжествующей, празднующей день своего духовного рождения. Да-да, духовного рождения, по

отношению к которому вся земная жизнь была лишь подготовкой! И если младенец, исходя из утробы матери плачет, то боголюбивая душа-христианка радуется, ликует, будучи уверенной в милости Господа, Которому до последнего издыхания служила в теле – верой, надеждой и любовью.

Три дня по учению Церкви душе дано пребывать рядом со своим телом. И как ни просвещена она ведением Закона Божия, сколь бы твердые и определительные понятия о Вечности ни усвоила из уст Матери Церкви, выйдя из тела, удивляется удивлением великим тому, что открывается ее взору. Позволь ей вновь войти в свое тело и поведать обо всем, что она видела и слышала там, у нее не нашлось бы слов, которые могли бы передать тайну того мира. *...Не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его.*

И первое, что поражает душу – ее свобода по отношению к телу! Как это так? Я лежу, и я стою?! Я мертвая, и я живая?! (Не тотчас привыкает она к новому своему бытию.) Вот столпились у моей кровати родные, кто-то из них едва сдерживает рыдания, на истомленных лицах – печать скорби. А мне, восклицает боголюбивая ученица Христова, так хорошо, так легко! Она пытается сказать им что-то, прикоснуться – но живущие в теле не внемлют и не чувствуют этого. Разделение между двумя мирами определено Самим Богом! И только вера прозревает тайны загробного бытия. Говорят, что до церковного отпевания благочестивые души новопреставленных стремятся пребывать в тех местах, где преимущественно во дни земной жизни они насыщались

Божией благодатью. Им дано свободно преодолевать земное пространство, никакие вещественные преграды уже не имеют для них значения. В дивном сиянии предстает им родной приходской храм! Душа испытывает неизреченное блаженство при звуках песнопений и, слушая молитвы, просвещается благодатью Духа в такой степени, что напоминает собой солнце. «Как могут иные из пришедших в храм пребывать в такой слепоте?» – вопрошает себя душа и ужасается мрачному духовному состоянию некоторых людей, бесстрашно беседующих между собой во время богослужения. Представьте себе, дорогие читатели, Богом дано душе видеть и то, что обыкновенно сокрыто от нас, пока мы пребываем в теле.

Но вот свершается отпевание. В погребальных песнопениях Церковь ходатайствует пред Богом о прощении грехов новопреставленного раба Божия и даровании ему милости у Всемогущего Судии. Мне не дано, по грубости ума и сердца, уразуметь и выразить словом, сколь прекрасен наш Ангел-хранитель, который в течение всей земной жизни христианина наставляет и просвещает его ведением воли Божией, а после исхода берет душу под свою непосредственную опеку.

Святые угодники Божии описывают его как дивного светозарного юношу в длинных белоснежных ризах, опоясанного по груди крест-накрест диаконской лентой – орарем, и с двумя могучими крылами за спиной.

Говорят, что никто не может, пребывая в теле, лицезреть своего Ангела, такой Божественной славы и величия исполнены небожители. Впрочем, Церкви дано замечательное средство общения с нашим

небесным наставником – молитвенный канон Ангелу-хранителю. (Это молитвенное последование можно найти в православном молитвослове, где обыкновенно помещаются помимо утренних и вечерних молитв каноны Спасителю, Божией Матери, Ангелу-хранителю и правило к Святому Причащению.) Благочестивые христиане, всякий раз готовясь к Святому Причащению читают этот канон, прося святого Ангела приблизиться к ним, осенить их ум, умирить сердце и отогнать злых духов, непрерывно злоумышляющих против чад Божиих.

Если душа имеет милость у Господа, то Ангел-хранитель удостоивает ее беседы, много просвещает ее ведением тайн загробного мира, а главное, своим светоносным мечом защищает от темной силы, демонов, которые еще не теряют надежды, если уличат душу в нераскаянных грехах, завладеть ею.

После отпевания и погребения тела усопшего по православному обычаю Ангел-хранитель повелевает душе начать восхождение к Престолу Божию. Целых сорок дней по земному исчислению времени продолжается таинственное и страшное путешествие, которое никому из христиан не удалось бы пройти благополучно, если бы не покрывающая и защищающая их благодать Господня, усвоенная воинами Христовыми чрез подвиги покаяния, причащения, молитвы и дела благочестия. «Блаженны мертвые, – сказано в книге Откровения, – умирающие в Господе... дела их идут вслед за ними!»

О тех же, кто при земной жизни проявлял небрежение к исполнению заповедей и омрачил душу и тело нераскаянными грехами, сказано иначе: «Смерть грешников люта, ибо страшно впасть в руки Бога Живаго!»

Ангел-хранитель показывает достойной душе горние обители и знакомит с небесной славой угодников Божиих. Если душа на земле особенно чтит кого-либо из святых, молилась им, посещала их гробницы, ей дано бывает великое утешение встретиться с ними лицом к лицу. Надеюсь, вы знаете и почитаете Свяtitеля Николая Чудотворца, Преподобного Сергия Радонежского, святого великомученика и целителя Пантелеимона? Все они помогают душе своими молитвами, дабы она, восходя на Суд Божий, благополучно миновала воздушные заставы, где ее встречают отвратительные по внешнему обличью демоны с намерением выискать в совести новопреставленного какие-либо неисповеданные грехи или обвинить в неизжитых страстях и пороках. Теперь вы понимаете, друзья, почему Господь в Евангелии повелевает скорее мириться с соперником, пока мы еще на пути к кончине? Соперником Он называет неподкупную совесть, то обличающую нас за грехи и дурные поступки, то оправдывающую, когда мы каемся и исправляем нашу жизнь и творим добро. Смотри, предупреждает каждого из нас Господь, чтобы «соперник не отдал тебя судье, а судья не отдал бы тебя слуге, и не ввергли бы тебя в темницу; истинно говорю тебе: ты не выйдешь оттуда, пока не отдашь до последнего кодранта». Не попусти, о Милосердный Боже, светоносным Твоим Ангелам ни на минуту тогда отлучиться от нас, дабы злые и нечистые духи не восторжествовали победу свою над нами! Вид их настолько ужасен, что душа готова была бы лучше умереть (что невозможно), только бы не созерцать их страшные звероподобные лица. Скажу вам, что Сама Пречистая Дева Мария, не сотворившая при жизни ни единого греха, незадолго до блаженной кончины Своей молила Господа,

дабы Он избавил Ее от видения злых духов. Вот почему столь великое значение имеет церковная и домашняя молитва за новопреставленных.

В храмах усердными родственниками и друзьями почившего обыкновенно служатся панихиды, как правило, на девятый и сороковой день, а дома читают Священную Псалтирь, богодухновенные псалмы царя Давида, многие из которых христиане знают наизусть. Существует и благочестивый обычай раздавать милостыню об упокоении души скончавшегося христианина. А самым значимым образом поминовения является соборная молитва на Божественной Литургии, главной церковной службе, во время которой священнослужители опускают в Святую Чашу со Святыми Дарами во оставление всех грехов почившего частицы, вынутые из просфор за упокой души.

Показываются душе и мрачные темницы ада, она убеждается в безотрадности состояния человеческих душ, скончавшихся в безверии с тяжестью смертных грехов, лежащих на совести. Лишь хранимая покровом ангельских крыл может душа пройти эти страшные места.

Вы спросите: «А почему именно на девятый и сороковой день по кончине служатся в храмах панихиды по новопреставленному?» В ответ Церковь откроет вам тайну: на девятый день благочестивой христианской душе даровано бывает воздать поклонение Владыке Христу, Царю неба и земли. О нераскаявшихся же и связанных смертными грехами людях в этом отношении ясно изрекает библейский пророк Исаия: «...нечестивый... не будет взирать на величие Господа». А в сороковой день (в земном исчислении времени) Господь изрекает Свое праведное опреде-

ление о пребывании души до воссоединения ее с телом на Страшном и окончательном Суде Божиим: либо она будет находиться в радостном предвкушении райского блаженства, соцарствования со Христом, либо, обладаемая демонами, будет томиться, сетовать и вздыхать о нечестиво проведенной жизни, угрызаемая бесполезным раскаянием в темнице неведения Божия, ожидая страшной, но справедливой участи по воскрешении грешного тела – всегдашнего сопребывания с духами тьмы в отторжении от Бога, Источника жизни и любви.

Все описанное и рассказанное мною, друзья, есть учение Церкви о тайнах загробного бытия. В душе внимательных читателей возникло много вопросов. С Божией помощью отвечу лишь на некоторые из них.

Дано ли душе православного христианина и после сорокового дня лицезреть Господа Иисуса Христа в ожидании Страшного Суда?

Этой честью, по свидетельству Священного Писания, наслаждаются лишь святые мученики, пролившие кровь свою за исповедание веры Христовой.

Остонавливается ли за гробом духовный рост личности, получившей от Господа милость, или душа возрастает в познании Бога?

Подобно святым Ангелам, которые не могут насытиться лицезрением славы Божией и непрестанно возрастают в богопознании, душа получает все более совершенное ведение Бога и тайн Его Промысла, стало быть, она изменяется силой благодати Божией, непрестанно восходя к духовному совершенству.

За кого из усопших православных христиан преимущественно молится Святая Церковь на

Божественной Литургии? За тех из них, которые при жизни каялись в своих грехах, но все-таки не вошли в состояние святости и духовного совершенства. Милосердный Господь принимает молитвы Церкви за Своих чад и по бесконечной благодати и человеколюбию просвещает души усопших, даруя им изменение к лучшему, водворяя в места упокоения.

Почему Церковь не молится за самоубийц, сознательно наложивших на себя руки? Потому что, в силу своей жесточенности и озлобления, они не могут и не хотят принять за себя умильстительную Жертву.

О Всемилостивый Боже и Господи наш, Иисусе Христе! Да не будет нам во осуждение ведение тайн Твоих, но усоверши нас, чад Церкви Твоей, духовным совершенством, да невозбранно прошедши воздушных истязателей, обретем милость у Тебя, Праведного Судии нашего, молитвами Пречистой Матери Твоей и святых Ангелов-хранителей наших и всех святых, от века тебе благоугодивших! Аминь.

Глава 6 ✦

О БЕССМЕРТИИ

Николай Евграфович Пестов ✦

ТРИ ПЕРИОДА ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДУШИ

*Тленному сему надлежит облечься
в нетление, и смертному сему об-
лечься в бессмертие.*

1 Кор. 15, 53

Человеческая душа была создана *по образу* Божию (Быт. 1, 27) и создана бессмертной. У Бога *все живы*, – говорит Господь (Лк. 20, 38).

Священное Писание раскрывает нам понятие о трех периодах жизни человеческой души с двумя гранями – переходами из одного периода в другой.

1-й период – есть жизнь души в теле, ставшем смертным после грехов. Затем наступает смерть – разложение тела и переход во второй период жизни души вне тела.

Характеризуя этот период, о. Валентин Свенцицкий говорит так: «После смерти тела неведомый нам процесс в смысле окончательного самоопределения души к добру или злу, очевидно, будет продолжаться до Страшного Суда – ибо действительна здесь молитва Церкви».

О характере жизни душ святых в этот период говорилось выше – в главе о Торжествующей Церкви.

2-й период жизни заканчивается воскресением тел перед Страшным Судом, при втором Пришествии

Христа. Читаем в Откровении: *Тогда отдало море мертвых, бывших в нем, и смерть и ад отдали мертвых, которые были в них; и судим был каждый по делам своим* (Откр. 20, 13).

Для истинных христиан этот момент воскресения тел будет моментом торжества и прославления.

Апостол Павел пишет про него: *Говорю вам тайну: не все мы умрем, но все изменимся вдруг, во мгновение ока, при последней трубе; ибо вострубит, и мертвые воскреснут нетленными, а мы изменимся. Ибо тленному сему надлежит облечься в нетление, и смертному сему облечься в бессмертие* (1 Кор. 15, 51–53).

После этого для учеников Христа наступит 3-й период жизни с Богом на «новой земле» и под «новым небом», где вместо солнца будет Сам Господь Бог (см.: Откр. 21, 1; 22, 5).

Интересно, что в Божьем творении можно найти близкую аналогию для состояния души в трех образах при двух переходах.

Жизнь бабочки начинается с довольно непривлекательной гусеницы, ползающей по земле.

Затем гусеница как бы умирает и вместо нее мы видим куколку без каких-либо признаков жизни, завернутую в кокон – как бы пелена и гробик.

Но вот происходит чудо. Кокон разрывается и на свет появляется бабочка изумительной красоты, с крыльями, переливающимися всеми цветами радуги и свободно порхающая над цветами и питающаяся ими.

Какая близкая аналогия с душой человеческой, обезображенной вначале – после рождения тела, задатком первородного греха – с развитием в ней страстей и пристрастий.

Тело умирает. Душа не проявляет себя. Но, очевидно, таинственно преобразуется, если в ней при жизни зародилась любовь к Богу и ближним.

Наступает последний день мира – явление второй раз Христа и преображение души, и преображенные души, блистающие красотами добродетелей, облакаются в новые тела и идут навстречу Христу.

Когда наступает первый переход – от жизни души в теле к жизни вне тела?

Это тайна, которую лишь отчасти приоткрывает нам Священное Писание. Для христианина это нормально должно происходить тогда, когда в душе его воцарится Царствие Божие. Господь говорит: *Царствие Божие подобно тому, как если человек бросит семя в землю... Когда же созреет плод, немедленно посылает серп, потому что настала жатва* (Мк. 4, 26–29).

В этом случае смерть не только естественна, но и необходима для подготовленного к ней. Достигший определенной меры духовного возраста уже не может более жить земною жизнью и ее интересами.

Чем ярче разгорается любовь к Богу, тем тяжелее душе от разлуки с Богом, тем более ее тяготит жизнь на земле. Поэтому такие души желали смерти тела, желали скорее сбросить его узы, чтобы душой соединиться с Господом.

Апостол Павел писал в Посланиях к Филиппийцам: *Имею желание разрешиться и быть со Христом, потому что это несравненно лучше* (Флп. 1, 23). Того же желали и многие святые и праведники. (См. жизнеописание св. Терезы из Лизье.)

Когда иноки спросили старца Иоанна (сподвижника преп. Варсонофия Великого) о смерти игумена

Серида, которая казалась им преждевременной, то тот отвечал им: «Достигши такой меры, он не мог более заботиться о земных вещах, а равно, находясь посреди людей, не мог избавиться от сего и потому Бог взял его».

Итак, серп посылается обычно не ранее, как созреет плод, т. е. душа христианина будет приготовлена для перехода в другой мир.

При этом Господь заботится о том, чтобы все были подготовлены к жатве – к переходу в тот мир, – все имели «духовные плоды», потребные для вечной жизни. В тех же случаях, когда Бог не усматривает таких плодов, то до смерти человек будет испытывать «посещение Божие», которое так описывается в Евангелии: *Некто имел в винограднике своем посаженную смоковницу, и пришел искать плода на ней, и не нашел; и сказал виноградарю: вот я третий год прихожу искать плода на этой смоковнице и не нахожу; сруби ее, на что она и землю занимает. Но он сказал ему в ответ: господин! оставь ее и на этот год, пока я окопаю ее и обложу навозом, – не принесет ли плода; если же нет, то в следующий год срубешь ее* (Лк. 13, 6–9).

Что это за «окапывание»? Это – посещение Господне, которое чаще всего бывает в виде тех или иных вразумлений – скорбей, болезней, напастей и т. д.

Господь этим напоминает о том, что жизнь земная не вечна. Он пробует скорбями размягчить очерствевшую в грехе душу, прежде чем перевести ее в мир, где не будет уже соответствующих условий для «плодоношения», т. е. подвигов, ради спасения и безропотного терпения скорбей.

Но из общего правила имеются и исключения: на жатву, еще до ее полной готовности, могут напасть

вредители – саранча, тля, плесень и т. д. Последние для жатвы то же, что для души грех, страсти и пристрастия.

В этих случаях серп посылается в тот момент, когда порча и зараза еще не успели погубить всего урожая, хотя он еще не совсем поспел.

Иначе говоря, серп смерти посылается душе в наиболее благоприятный момент ее жизни по ее готовности к Царству Небесному. С этого момента, в дальнейшей жизни, душа через грех более теряет бы духовного богатства, чем вновь приобретает бы его.

Этим объясняются смерти, которые могут казаться преждевременными, хотя, конечно, у Бога ничего не может случиться прежде назначенного Им, и потому наилучшего, срока. «Всеведущий и Милосердный Господь всегда пресекает земную жизнь человека в момент, наилучший для его спасения», – пишет протоиерей Валентин Свенцицкий.

Последним объясняется и продление жизни в случае духовного возрождения души человеческой при молитве и покаянии. Как пишет премудрый Соломон: *Страх Господень прибавляет дней, лета же нечестивых сократятся* (Притч. 10, 27).

Эту истину подтверждает история Израильского царя Езекии.

Пророк Исаия объявил ему волю Господню – сделать завещание и готовиться к смерти.

Лежа на одре болезни, Езекия отворотился лицом своим к стене и молился Господу...

И заплакал Езекия сильно.

Пророк Исаия еще не вышел из города, когда было к нему слово Господне: *Возвратись и скажи Езекии...: Я исцелю тебя... и прибавлю ко дням твоим пятнадцать лет* (4 Цар. 20, 5–6).

Итак, путем молитвы, покаяния и исправления жизни своей – вступления на путь правды, милосердия, смирения и послушания заповедям Господним, у всякого человека есть возможность получить от Бога продление жизни своей и приобретения больших «талантов» (или «мин») на те, что были получены им от Господа (см.: Мф. 25, 15; Лк. 19, 13).

Из указанных трех периодов жизни души христианской, первый период исчисляется десятками лет: *Дней лет наших – семьдесят лет, а при большей крепости – восемьдесят лет,* – пишет пророк Давид (Пс. 89, 10).

В качестве исключения из общего правила, История Церкви знает еще четыре особых, чудесных окончаний земной жизни. Два праведника Ветхого завета – Енох и пророк Илия не пережили смерти тела, но взяты были с телом на Небо.

Очевидно, что тело их было при этом преобразовано, если получило бессмертие (см.: Быт. 5, 24; Евр. 11, 5; 4 Цар. 2, 11).

Также не получили тления тела Божией Матери и апостола Иоанна Богослова: их не оказалось в гробах, которые открывались на третий день после смерти.

Второй период простирается до всеобщего Воскресения.

Третий период простирается в вечность и поэтому является самым важным для человека. По словам [свт.] Феофана Затворника: «Истинная жизнь человека за гробом, или вернее, по воскресении, а настоящая жизнь есть только преддверие ее или приготовление к ней».

Таким образом, самым кратким является первый период – он ничто по сравнению с вечностью. Но он

же и самый ответственный, всецело определяющий последующее состояние души за второй и третий период (см.: Мф. 25).

Эта мысль о необычайном значении краткого периода нашей жизни в теле, к сожалению, не господствует постоянно в нашем уме и не управляет всеми нашими поступками.

По существу – в чем разница жизни души в теле и вне тела? И почему по исходе из тела, душа не может уже более изменить в корне свою настроенность и приносить духовные плоды?

Основной особенностью состояния души при жизни тела является зависимость страданий души от страданий тела.

Здесь душа может творить через веру подвиги ради любви к Богу: она молится и работает, несмотря на трудность этого и усталость тела; постится, несмотря на голод и позывы к сластолюбию. Воздерживается, несмотря на потребности тела; лишает часто себя необходимого ради дел милосердия, терпит без ропота болезни, разные скорби и лишения и т. д.

Все это уже не может иметь место по разлучении души от тела. Поэтому-то Господь и призывает нас «собирать сокровища» еще при жизни тела (Мф. 6, 19–20).

Все эти подвиги ведут к переменам в состоянии души: очищается сердце и душа богатеет «стяжанием Святого Духа Божия».

Состояние души в теле – это нестабильное (т. е. способное к изменению) состояние души. По смерти тела наступает (можно думать) в той или иной мере стабилизация этого состояния, так как способность к телесным подвигам отнимается.

Правда, жизнь души продолжается и после смерти тела; при ней остается весь комплекс душевных

стремлений, склонностей, чувствований, привязанностей и пристрастий.

Но ее активность в определенной части уже значительно ограничена. Она уже не может пострадать с телом в каком-нибудь подвиге ради любви к ближнему или ради проявления своего чувства покаяния. У нее, однако, остается возможность молитвы для тех, кто привык к ней еще при жизни.

Все ее взаимоотношения с Богом, можно думать, в какой-то мере стабилизируются (остаются в постоянном состоянии): это тот запас «елея» из притчи о десяти девах, который, согласно притче, уже не подлежит изменению с момента смерти тела (см.: Мф. 25, 10–11). Поэтому, благо тем, кто при жизни накопил запас этого бесценного духовного богатства («елея»).

Далее, по смерти тела, душа как бы обладает некоторым накопленным духовным капиталом. И если он велик (как у святых), то и по смерти тела они имеют дерзновение в молитве и Господь слушает их, как слушал еще при их жизни в теле, а, может быть, и более.

Старец Зосима из Троице-Сергиевой Лавры говорил так своим духовным детям: «Я после смерти буду гораздо более жив, чем сейчас».

И старец Оптинский Варсонофий считал, что после смерти тела молитва может совершенствоваться.

Но горе, если «елея» нет, или его мало. И как люди были далеки от Господа при жизни, по их привязанности к миру, так Он остается далеким от них и по смерти тела.

Преп. Варсонуфий Великий так говорит об этом: «По исходе отсюда, никому нельзя уже преуспеть:

что здесь посеешь, то там и пожнешь. Здесь – дела-ние, там воздаяние, здесь – подвиг, там венцы.

Там никто не преуспевает, но что кто имеет, то имеет отсюда: доброе ли это будет, или гнилое, или усладительное» (Отв. 606 и 613).

Итак, земная жизнь для души является подготовлением к жизни загробной, в смысле начала последней – насаждения ее в душе. Человек, по учению святых отцов, здесь на земле созидает себе то направление души, которое будет продолжением его жизни за гробом.

«Приближаясь к Богу жизнью, делами и учением, более безопасным, приуготовляйтесь, – убеждает св. Григорий Богослов, – к тамошней истине и созерцанию о Христе Иисусе Господе нашем».

Приложение

Явления из загробного мира

В Истории Церкви известно большое количество случаев, начиная с четырехдневного Евангельского Лазаря (см.: Ин. 11, 1–45), когда Господь возвращал на землю души уже умерших людей, почему-либо еще не подготовленных для того мира.

Вернувшиеся из загробного мира рассказывали о своих переживаниях после разлучения их от тела. В этих рассказах неизменно повторяются следующие моменты:

1. Ушедшая из тела душа мыслит, чувствует и переживает события так же, как переживала и мыслила, будучи в теле. Вся жизнь сохраняется в ее памяти.

2. По смерти тела, душа входит в общение с Ангелами или с бесами.

3. Душа подвергается суду за все проступки, слова и намерения, проявленные при жизни тела и не покрытые покаянием.

4. Переживания души после смерти тела сохраняются в памяти после возвращения души в тело и оказывают на душу сильнейшее впечатление.

Обычно эти переживания совершают в душе духовный переворот: нерадивые души начинают жизнь Богоугодную, иногда принимают монашество, а иноки – уходят в затворы и т. п.

Для всех них земная жизнь теряет, обычно, в той или иной мере свою привлекательность, и они начинают думать преимущественно о подготовке к той будущей жизни, реальность которой они познали на своем личном опыте.

О загробной жизни душ мы знаем также и из другого источника. Это явления умерших душ, которые бывают по Промыслу Божию для известных целей, как во сне (спящим), так и наяву.

В духовной литературе можно встретить об этом множество рассказов, достоверность которых засвидетельствована благочестивыми людьми и не может вызвать ни малейшего сомнения в их правдивости.

ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ СМЕРТИ ТЕЛА

Смерть несет в себе свет вечного бытия.
Архиепископ Иоанн

*Смерть сокращает сумму общего зла на
земле.*
Еп. Аркадий (Лубенский)

Адам – первый человек пал. За первым грехом последовали другие, произошло братоубийство – пролилась кровь Авеля; люди развратились – так начался процесс гниения и разложения человеческой души.

Что могло замедлить этот процесс разрушения духовных основ человечества и внести ограничение в этот поток зла, греха и порока, заполнивший землю? Это могла сделать только смерть тела. Она явилась как неизбежное следствие греха и разложения души.

Как пишет митрополит Антоний (Блюм): «В мире, который грех человеческий сделал чудовищным, смерть является единственным выходом.

Если бы наш мир греха был бы зафиксирован, как неизменный и вечный, это был бы ад; смерть – единственное, что позволяет земле, вместе со страданием вырваться из этого ада».

Следует всегда, вместе с тем, учитывать, что в устах атеистов смерть обозначает совершенно иное понятие, чем в устах христианина. Для первых смерть есть полное прекращение жизни. Для христианина – это только переход из одной формы в другую.

Если задуматься над вопросом о духовном значении смерти тела, то по многим причинам можно

понять ее временный характер для падшего человечества в полноте грядущего Воскресения.

И поэтому смерть тела не «нелепа», как говорят про нее люди мира, а необходима и целесообразна.

Как пишет архимандрит (патриарх) Сергей: «Начало греха – плоть всегда остается в человеке, всегда его искушает, всегда препятствует человеку быстро и легко стать святым.

Поэтому и познание Бога и получение блаженства небесного не может быть здесь, на земле, совершенным.

Нужно нашему земному миру обновиться, извергнуть из себя все греховное, чтобы потом во всей полноте и совершенстве воспринять в себя грядущее царство.

В этой нужде обновиться – весь смысл разрушения мира, в этом и смысл смерти каждого человека».

Еп. Аркадий (Лубенский) говорит: «Смерть для многих есть средство спасения от духовной гибели. Так, например, дети, умирающие в раннем возрасте, не знают греха.

Смерть сокращает сумму общего зла на земле. Что представляла бы собой жизнь, если бы вечно существовали убийцы: Каины, Иуды, предающие Господа; Нероны – люди-звери и другие?»

А Н... так пишет в своей книге «Путь чистоты и священного молчания»:

«Откровение тайны смерти – новым, нездешним светом озаряет и жизнь. Вся красота и таинственная, бездонная глубина ее раскрываются лишь перед лицом надвигающейся смерти.

На какой бы ступени духовного развития человек ни стоял, приближение смерти вызывает в нем

прежде всего необычайное обострение чувства жизни¹. Вся красота и ценность жизни, наверное, никем не переживается с такой силой, как приговоренным к смерти.

Человеку кажется тогда, что если бы только удалось ему сохранить жизнь, он не потратил бы даром уже ни одного мгновения. Как величайшее благо воспринимается самая возможность жить и дышать, слышать, видеть и входить в общение с окружающей природой и другими людьми. Поистине, смерть поет самый торжественный и чарующий гимн жизни, потому что только перед лицом смерти дано человеку увидеть ее настоящую красоту.

Образ смерти бесследно рассеивает жалкое марево пошлости и нудных «мелочей жизни», обычно застилающих ее истинный лик от духовного взора человека. В нем единственное лекарство против духовного паралича – плоского самодовольства жизненного квиетизма (пассивности. – *Ред.*)

Физическое бессмертие нашей природы в ее теперешнем состоянии – порабощенности греху – было бы безвыходным духовным тупиком для нее, так как слабый дух наш был бы всецело и навеки захвачен в плен стихийными силами материального и душевного мира».

«Не только смерть, – говорит Лафатер, – одухотворяет наше безжизненное существо, но одна мысль о смерти придает более прекрасную форму жизни.

Через смерть доносится до нас голос вечности и открывается прозрение в иные миры.

¹ Это чувство по существу духовного порядка – может иногда заглушаться физическими страданиями или обессиливаться старческой дряхлостью.

Таинственные голоса жизни, исходящие из ее бездонных глубин, говорят человеку о том, что за пределами видимого и невидимых миров, им переживаемых, пребывает Вечный Первоисточник всего сущего, от Которого все изошло и к Которому все возвратится».

Когда хоронят священников, то совершающие обряд отпевания священнослужители надевают белые одежды, как в день духовного торжества, день конца скорбей и начала радостей для усопшего. Но ведь каждый из христиан принадлежит к *царственному священству* (1 Пет. 2, 9).

Как говорит еп. Феофан Затворник:

«Я всегда был такой мысли, что по умершим не траур нужно надевать, а праздничные наряды... А у нас все вверх ногами перевернулось».

А пастырь о. Иоанн С. пишет:

«Не страшитесь смерти и не скорбите, братья, чрез меру. Иисус Христос, Спаситель наш, Своєю смертью победил нашу смерть и Своим Воскресением положил основание нашему воскресению, и мы каждую неделю, каждый воскресный день торжествуем во Христе воскресшем наше общее будущее воскресение, и предначинаем вечную жизнь, к которой настоящая временная жизнь есть краткий, хотя и тесный и прискорбный путь.

Смерть же истинного христианина есть не более как сон до дня Воскресения, или как рождение в новую жизнь.

Учитесь непрестанно умирать греху и воскресать душами от мертвых дел, обогащайтесь добродетелью и не скорбите безутешно о умерших; научайтесь встречать смерть без ужаса, как определение Отца

Небесного, которое, с Воскресением Христовым из мертвых, потеряло свою грозность».

А старец схимонах Силуан пишет: «Душа, познавшая любовь Божию Духом Святым, умирая, испытывает некоторый страх, когда Ангелы поведут ее ко Господу, потому что, живя в мире, она повинна в грехах.

Но когда увидит душа Господа, то возрадуется от Его милостивого кроткого лица и Господь не помянет ей грехов, по множеству кротости и любви Своей. От первого взгляда на Господа вселится в душу любовь Господня, и она от любви Божией и сладости Духа Святого вся изменится».

1-е Приложение

О состоянии души, покинувшей тело

*Из беседы Иоанна, епископа Смоленского
в день Успения Божией Матери*

«Дух человека скорее и легче, чем тело, отрешается от условий временной жизни, – и в то же время, когда у тела длится еще борьба со смертью – он уже витает, как будто вне тела.

Вот чем объясняются нередкие случаи, что в час кончины, еще не свершившейся, человек, или правильное дух его, в земном образе является в отдалении от тела близким по сердцу людям.

Еще несколько минут – и человек вступает в вечность... Как вдруг изменяется форма его бытия. Дух его видит самого себя, свое собственное существо; он видит предметы (и самые отдаленные) уже не

телесными глазами, а каким-то непонятным нам теперь ощущением.

Он говорит слова не членораздельными звуками, а мыслью; не руками осязает предметы, а чувствами. Двигается не ногами, а одной силой воли; и то, к чему прежде он мог приближаться с великим трудом, медленно, через большие пространства места и времени, теперь он настигает мгновенно; никакие естественные препятствия его не задерживают.

Теперь и прошедшее видно ему, как настоящее, и будущее не так сокрыто, как прежде, и нет уже для него разделения и места, нет ни часов, ни дней, ни годов, нет расстояний ни малых, ни больших, все сливается в один момент – вечность. Что же он видит и чувствует?

Если вы здесь владеете собой, там уже вы ничего не сможете с собой сделать; все в вас и с вами перейдет туда и разовьется в бесконечность...

Душа человека, отрешаясь от тела, с многократной силой продолжает развивать в себе те качества, которые она приобрела в земной жизни...

Вследствие этого праведники бесконечно утверждают в добродетелях и преданности святой воле Божией, а нераскаянные грешники – в нечестии и ненависти к Богу.

К концу мировой истории и на небе и на земле будут только две категории людей: беспредельно любящие Бога праведники и также ненавидящие Его грешники.

Чем же ты сделаешься там, неверующий, грешный человек? Если ты здесь нехорош, то там будешь темным, злым духом. О, тогда ты сам себя не узнаешь,

и понесет тебя твое зло собственным своим тяготением туда, где живет вечное, бесконечное зло, в общество темных злых сил...

На этом пути ты ни остановиться, ни возвратиться не сможешь и во веки веков будешь страдать. Чем? бешенством от своего собственного зла, которое не даст тебе покоя, и от той злой среды, которая будет вечно окружать тебя и терзать без конца.

А что же душа добрая, что будет с ней?

И добро также раскроется во всей полноте и силе; оно будет развиваться со всей свободой, которой здесь не имело, обнаружит все свое внутреннее достоинство, здесь большей частью сокрытое, неузнаваемое, неоценяемое, весь свой внутренний свет, здесь всячески затемняемый, все свое блаженство, здесь подавляемое разными скорбями жизни.

И понесется эта душа, всей силою своего нравственно-развитого и добродетельно возвышенного стремления в высшие сферы того мира, туда, где в бесконечном свете живет Источник и Первообраз всякого добра, в область светлых и чистейших существ и сама делается Ангелом, т. е. таким же светлым, чистым, блаженным существом.

Она будет уже навеки тверда теперь в добре, и никакое зло, ни внутреннее, ни внешнее, не сможет уже ни колебать ее, ни изменить, ни повредить ее блаженному состоянию.

Но и не праздно будет жить душа и наслаждаться блаженством: она будет действовать своим просвещенным умом в созерцании и постижении тайн, здесь неразгаданных и неизвестных: тайн Бога, мироздания, себя самой и вечной жизни».

О будущей жизни

*Из работы Е.Е. Голубинского
«Премудрость и благодать Божия»*

«Состояние наше в будущей жизни не будет состоянием бездеятельного покоя, мертвым квиетизмом: оно будет представлять гармоническое, всецелое удовлетворение всех потребностей и стремлений нашей души, путем непрерывного бесконечного развития.

Ум, сердце и воля человека найдут для себя много достойных предметов и обильную пищу в этом развитии. Непосредственное общение с Богом, как всеозаряющим светом, должно раскрыть нам всю беспредельность законов бытия: пред нами откроется такой кругозор, о котором мы в настоящей жизни не можем иметь и понятия.

Тогда только удовлетворится та духовная жажда знания, которой томится человек в настоящей жизни.

Один Бог – беспредельное море сущности – будет уже служить неисчерпаемо-возвышеннейшим предметом для нашего ума в его вечном стремлении – постигнуть Виновника всего существующего.

Вторым предметом нашего духовного созерцания будет дело нашего искупления, совершаемое Сыном Божиим, то великое и чудное дело, в которое желают проникнуть и ангельские умы, которым наше человеческое естество возведено в Лице Бого-человека на Престол Божества.

Третьим предметом нашего познания будет мир Ангельский и мир совершенных, чистейших душ.

Само человечество в его прошедших судьбах и настоящем его состоянии будет также предметом, размышление о котором будет представлять для нас высочайший интерес, как представляет и теперь, при наших ограниченных средствах познания.

Наконец, – преобразенный и обновленный мир во всей его красоте и разнообразии будет привлекать к себе наш умственный взор и возбуждать чувство удивления и благоговения к Сотворившему все премудростию.

К этому следует прибавить высокое нравственное удовлетворение, которое будут испытывать праведники, вследствие взаимного сближения между собою. Не будет между ними ни зависти, ни ненависти, ни вражды, ни лжи, ничего такого, чем так полна и постоянно отравляется наша жизнь на земле.

Братская любовь, ничем не нарушаемый мир, полнейшее согласие, чистейшая правда будут царствовать среди блаженных обитателей Нового Иерусалима, на небесах. Какая необъятная область ведения и жизнедеятельности. Какой неисчерпаемый источник блаженства!».

ЦАРСТВО НЕБЕСНОЕ (РАЙ)

*Приидите, благословенные Отца Моего,
наследуйте Царство, уготованное вам
от создания мира.*

Мф. 25, 34

В доме Отца Моего обителей много.

Ин. 14, 2

У некоторых христиан имеется узко материальное представление о рае, как о месте, где все будет прекрасно: глаз будут радовать прекрасные цветы и деревья, слух будет наслаждаться райским пением, вкус – райскими плодами и т.д. Словом – рай будет идеально оформленным садом, где будут наслаждаться наши внешние чувства.

Такое представление близко к представлению о рае мусульман. Здесь в духовную область переносятся ощущения тела и строится представление о блаженстве рая на чисто материальной основе. Это, конечно, неверно.

По учению святых отцов, сладость рая заключается не во внешнем великолепии и оформлении рая, а в переживаниях души: внешняя красота только дополняет внутреннее блаженство – создавая гармонию внешнего и внутреннего.

Как пишет архиепископ Иоанн: «Рай начинается уже в этом мире. Все ученики Господа всех времен и народов свидетельствуют, что Рай для человека, устремленного к небесной правде, начинается уже здесь на земле.

Ад, как рай, есть лишь внутреннее состояние души, которое и делается внешней обстановкой там, где нет разницы между внутренним и внешним, т. е. в жизни будущего века».

Можно думать, что те же ощущения, в какой-то степени, характеризуют и душу человека, находящуюся в раю. Там они будут еще более очищены и развиты в большей степени, так как – *когда же наступит совершенное, тогда то, что отчасти, прекратится* (1 Кор. 13, 10), – говорит апостол Павел.

Как пишет о. Иоанн Сергиев: «В мире действует непрестанно нравственный закон Бога, по которому всякое добро награждается внутренно, а всякое зло наказывается; зло сопровождается скорбью и теснотой сердца, а добро – миром, радостью и пространством сердца.

Этот закон неизменен: он закон Неизменяемого, Всесвятого, Праведного, Премудрого и Вечного Бога. Делавшие или исполнители этого нравственного или Евангельского закона (он тоже нравственный закон, только совершеннейший) будут непременно награждены вечной жизнью, а нарушители и не покающиеся в нарушении будут наказаны вечной мукой.

Здесьнее же состояние наших душ предызображает будущее. Будущее будет продолжением настоящего состояния внутреннего, только в измененном виде относительно степени его».

«Что доброго приобрел кто здесь, то самое, – по словам преп. Макария Египетского, – и в онный день будет для него жизнью».

Как говорил старец Парфений Киевский: «Подобно небесному и на земле есть рай, есть и ад, только невидимые, так как и Бог на небеси, Он же и на земле; только здесь все невидимо, а там все видимо, – и Бог, и рай, и ад».

Отцы Церкви вообще представляют себе жизнь человека непрестающим развитием, которое начинается здесь, на земле и продолжается за гробом.

Поэтому не нужно думать, что в Царстве Небесном состояние душ остается уже неизменным, и не будет идти дальнейшего совершенствования.

Старец Варсонофий из Оптиной пустыни высказывал такие мысли об этом:

«Бога познавать могут люди по мере того, как будут совершенствоваться еще здесь на земле, но главным образом, в будущей жизни. На небе все бесплотные блаженные души все время совершенствуются, подражая низшие высшим».

В описании видений благочестивым христианам умерших близких им христианских душ, иногда упоминается о том, что в том мире эти христиане включаются в особые обители (наподобие земных монастырей) и поручаются духовным отцам-руководителям.

Преп. Исаак Сириянин говорит: «О Царствии Небесном говорят, что оно есть духовное созерцание. Обретается оно не делами помыслов, но может быть внушаемо по благодати. Пока не очистит себя человек, не имеет он достаточных сил и слышать о нем, потому что никто не может приобрести этого изучением.

Рай же есть любовь Божия, в которой наслаждение всеми блаженствами».

Отсюда атмосфера рая – это атмосфера Христовой любви: там место лишь тем, кто научился любить не себя, а ближних.

Там все и на всех изливают свою любовь и поэтому каждый обладает неоценимым капиталом – всеобщей любовью. Там каждый – центр всеобщей любви: но это лишь тогда, когда он сам до конца отдал себя на служение всем. Поэтому там радость от пере-

живания всеобщей любви вырастает в каких-то огромных степенях, непостижимых разуму.

В Царстве Божиим не может быть и разномыслия. И если у каждого из земных людей своя воля, то на небесах она одна у миллиардов небожителей – воля Господня.

Итак, вхождение человека в радость райских ощущений достигается приобщением к Божественной любви – деятельным служением ближним, развитием смирения, стремлением к чистоте сердца и развитием вкуса к духовным переживаниям.

Если сердце человеческое будет достойно и успеет научиться ценить эти переживания и жить ими, то благо ему.

Если же телесные ощущения, удовлетворение страстей, любопытство и вся прочая суета мира не уступят в сердце места для высших и духовных радостей, то невозможно человеку попасть в рай; его слух будет глух для райских песнопений и те нежные струны души, которые звучали бы в унисон с мелодиями рая, они окажутся не развитыми, не существующими.

Вот как об этом пишет еп. Феофан Затворник, выражая святоотеческое учение:

«Удел блаженства каждому присудится и дан будет такой, сколько кто вместить может в себя сего блаженства; вместимость же сия определяется тем, как кто раскрыл свое естество для принятия небесных благ, а раскрытие это зависит от трудов над собой.

Если разны сии труды – разно раскрытие естества; если раскрытие сие разно – разна вместимость; если разна вместимость, разна и степень блаженства» (Исаак Сириянин).

Преп. Никита Стифат говорит, что «стяжавшие внутреннее Царство Божие в жизни сей, имеют свободный переход в Царство Небесное, а для не стяжавших его в этой жизни, переход в будущее бывает со страхом. Блажен тот, кто приготовил себя здесь к свободному переходу в Царство Небесное».

А преп. Исаак Сириянин пишет: «Спаситель многими обителями у Отца называет различные меры духа водворяемых в Царство Небесное, т. е. отличия и разность духовных дарований, какими наслаждаются по мере духа. Ибо не по разности мест, но по степени дарований назвал обителями многими.

Как чувственным солнцем наслаждается каждый, соразмерно чистоте и приемлемости силы зрения, и как от одного светильника в одном доме освещение бывает различно – так в будущем веке все праведные нераздельно водворяются в одной стране, но каждый в своей мере озаряется одним мысленным солнцем, и по достоинству своему привлекает к себе радость и веселие, как бы из одного воздуха, от одного места, престола, зрелища и образа.

И никто не видит меру друга своего, как высшего, так и низшего, чтобы если увидит превосходящую благодать друга и свое лишение, не было это для него причиною печали и скорби.

Да не будет сего там, где нет ни печали, ни воздыхания. Напротив того, каждый, по данной ему благодати, веселится внутренне в своей мере.

Вне же всех одно зрелище и одна страна, и кроме этих двух ступеней нет иной промежуточной степени, разумею же одну степень горнюю, другую дольную, посреди же их разнообразие в разности воздаяний».

О том же пишет так и архимандрит Иоанн:
«На Суде откроется каждое сердце. И навеки делается внешней обстановкой жизни каждого.

Милость Господня будет оказана тогда не только в даровании человеку соответственной его обители Царства, но и в удержании от него высших обителей радости, которые были бы для его меры столь же мучительны, как и низшие...».

Следует отметить, что при вхождении в Царство Небесное будут учитываться не только совершенные на земле дела, но и тайные стремления сердца, хотя бы они и не нашли на земле осуществления. Архимандрит Иоанн так пишет об этом:

«В способности страдать, когда нет возможности или сил провести в жизнь закон Евангелия, в способности духовно томиться от сознания своего неполного исполнения воли Христовой и даже ее неполного искания – обнаруживается тайный зов духа — ход сердца в Царство Божие».

СМЕРТЬ ДУШИ

Предоставь мертвым погребать своих мертвецов.

Мф. 8, 22

Как пишет преп. Симеон Новый Богослов: «Бывает смерть (душевная) прежде смерти физической, и прежде воскресения тел бывает воскресение душ – делом, опытом, силою и истиною».

Мы боимся, обычно, смерти тела, но Господь заповедает нам: *не бойтесь убивающих тело и потом не могущих ничего более сделать* (Лк. 12, 4). Но если не должна нас страшить смерть тела, то нас должна ужасать смерть нашей души – ее бесчувственное, оцепенелое состояние во грехе.

Одному из пришедших к Нему, Господь сказал: *предоставь мертвым погребать своих мертвецов* (Мф. 8, 22), указывая этим, что живя телом, можно быть «живым трупом», умершим душой от греха, лени и нерадения.

Как пишет преп. Антоний Великий: «Смерть для людей, которые понимают ее, есть бессмертие, а для простецов, не понимающих ее, есть смерть. И этой смерти не следует бояться, а (бояться надобно) погибели душевной, которая есть неведение Бога. Вот что ужасно для души».

О том же пишет преп. Макарий Великий: «Истинная смерть внутри, – в сердце, и она сокровенна: ею умирает внутренний человек. Поэтому, если кто перешел от смерти к жизни сокровенной, то он истинно вовеки живет и не умирает. Даже если тела таких и разрушаются на время, то снова будут

воскрешены во славе, потому что освящены. Поэтому смерть христиан называем сном и успением».

По определению св. Григория Паламы – «Смерть собственно состоит в разлучении души от Божества и соединении со грехом. Это, для имеющих разум – смерть истинная и страшная...

Все оставим... Что разлучает нас от Бога и производит такую смерть. Убоявшийся этой смерти и сохранившийся от нее, не убоится приближения плотской смерти, имея в себе жительствующую истинную жизнь, которую плотская смерть соделывает лишь неотъемлемою».

Как пишет о. Александр Ельчанинов: «И ад, и рай уже отчасти имеем здесь на земле – в страстях наших и в опыте добра.

Не придет Царствие Божие приметным образом, и не скажут: вот оно здесь, или: вот там. Ибо вот, Царство Божие внутри вас есть (Лк. 17, 20–21). Не то же ли самое можно сказать о геенне огненной? Не настал ли уже ад и теперь для многих людей?»

Что такое по существу духовная смерть и каковы признаки ее приближения?

На этот вопрос так отвечает еп. Аркадий (Лубенский):

«Как есть признаки приближения физической смерти (болезни, дряхлость, ослабление слуха, зрения и т. п.), так есть и признаки смерти духовной:

1. Постепенное притупление совести, которая привыкает ко греху и человек приучается прощать себе все: совесть не требует более покаяния и спит при грехе.

2. Такое состояние, когда грех обращается в страсть, которая отнимает у человека здравый ум,

лишает способности чувствовать Бога, грех, зло и добро.

3. Охлаждение к молитве, к чтению книг духовного содержания, отсутствие интереса к духовным беседам, скука во время богослужения, сонливость во время молитвы.

4. Легкая восприимчивость соблазна на грех, раздражительность, озлобление, чувство мести, ненависти и т. п.

5. Все вышеприведенные состояния души – все вместе создает человека духовно больного, что отражается и на внешнем его виде и поведении (мрачный взгляд, озлобленное лицо, грубость манер, неприятно-резкий голос и т. п.) и постепенно низводит человека до полного духовного омертвения».

Вышеприведенное краткое перечисление признаков духовной смерти, конечно, далеко не достаточно для освещения этого важнейшего для христианина вопроса. К нему мы будем постоянно возвращаться в дальнейшем тексте.

Следует указать, что нарушение каждой из заповедей Христа и отступление человека от христианских добродетелей уже ведет человека по пути к смерти души.

АД. «ТЬМА ВНЕШНЯЯ». «ОГОНЬ И МУКА ВЕЧНАЯ»

*Как ты вошел сюда не в брачной одежде?
Связав ему руки и ноги, возьмите его и
бросьте во тьму внешнюю; там будет
плач и скрежет зубов.*

Мф. 22, 12–13

*Идите от Меня, проклятые, в огонь веч-
ный, уготованный диаволу и ангелам его.*

Мф. 25, 41

По словам преп. Никодима Святогорца: «Когда по смерти человек предстанет на Суд Божий, то он будет похвален и ублажен Богом, Ангелами и святыми, если украсил ум свой и свое воображение светлыми, божественными и духовными образами и представлениями.

Напротив, он будет посрамлен и осужден, если наполнил свое воображение картинами страстными, срамными и низкими».

«Грех (существо которого и есть себялюбие), доставляя человеку наслаждение в этой жизни, вместе с тем приносит ему неизмеримо большее страдание в жизни загробной: Богом установленный миропорядок оказывается пагубным для себялюбия и с необходимостью ведет его к наказанию».

А преп. Макарий Великий говорит: «Душа поступает туда, где ум ее имеет свою цель и любимое место».

Как пишет архимандрит Иоанн:

«Откровение Церкви утверждает, что не освободившаяся от той или иной страсти душа переносит эту свою страсть в потусторонний мир, где ввиду отсутствия тела (до воскресения) невозможно будет эту страсть удовлетворять, отчего душа будет

пребывать в непрестанном томлении самосторания, непрестанной жажде греха и похоти без возможности эту страсть удовлетворять.

Гастроном, только и думавший в своей земной жизни, что о еде, несомненно будет мучиться после своей смерти, лишившись плотской пищи, но не лишившись душевной жажды к ней стремиться. Пьяница будет невероятно терзаться, не имея тела, которое можно удовлетворить, залив алкоголем, и тем успокоить на время мучающуюся душу. Блудник будет испытывать то же чувство. Деньголюбец тоже... Курильщик — то же».

О том же пишет митрополит Филарет Московский:

«Опасно придти в мир духов без духовного приготовления, с одними привычками и пристрастиями к земному и чувственному.

Душа в том находит удовольствие и в том живет, к чему применялись ум и воля; лишение этого есть для нее голод, скорбь, страдание, смерть. Отторжение же ума и воли от одного предмета и прилепление к другому, по порядку природы, не совершается мгновенно...

Пришедшая в незнакомый мир духовный, душа мечтает о привычках, занятиях земных, жаждет привычных чувственных удовольствий, но их там нет.

Напротив того, там есть возвышеннейшие предметы созерцания, чистейшие источники радости и блаженства: но они чужды ее уму и воле. Что же для нее остается? Ее внутренняя пустота, голод, скорбь, страдание, что и составляет ее смерть».

Как говорит пастырь о. Иоанн С.: «Страшная истина — грешник в будущем веке связывается по рукам и ногам (говорится о душе) и ввергается во тьму

крошечную, как говорит Спаситель – *связав ему руки и ноги, возьмите его и бросьте во тьму внешнюю* (Мф. 22, 13), т. е. он совершенно теряет свободу всех сил душевных, которые будучи созданы для свободной деятельности, терпят через это какую-то убийственную бездейственность для всякого добра.

В душе сознает грешник свои силы, и в то же время чувствует, что силы эти связаны нерасторжимыми какими-то цепями: *в узах греха своего он содержится* (Притч. 5, 22).

К этому прибавьте страшное мучение от самих грехов, от сознания безрассудства своего во время земной жизни, от представления прогневанного Творца. Поэтому нераскаянные грешники после смерти теряют всякую возможность измениться к лучшему и, значит, неизменно остаются преданными вечным мучениям (грех не может не мучить). Чем доказать это?

Это с очевидностью доказывается состоянием некоторых грешников и свойством самого греха – держать человека в плену своем и заграждать ему все исходы...

Время и действия благодати (для пробуждения покаяния) – только здесь: после смерти – только молитвы Церкви и то на раскаянных грешников могут действовать – на тех, у которых есть приемлемость в душах, свет добрых дел, унесенный ими из этой жизни, к которым может привиться благодать Божия или благодатные молитвы Церкви».

В богословии имеется еще такое объяснение мучений ада.

В этой жизни грешному человеку не дано ощущать грех в его природе, силе, действиях и его сущности, как обложенному плотию и духовно слепому.

Но в будущей же жизни, при раскрытии самосознания, он неизбежно ощутит всю пагубу греха, его ядовитость и вкусит всю его губительную силу.

Хотел бы тогда человек избыть грех, как мучительное для его души зло, но сделать этого уже не может, потому что он проник в состав души и срастворился с сознанием, чувством и волей.

Итак, горе тем, кто не запасся *елеем мудрых дев* – и в нем не будет развита любовь, смирение, послушание и все другие христианские добродетели. По словам Евангелия, горе ему: сосуд души пустым быть не может. Найдя его пустым, в него вселятся, по словам Спасителя *семь других духов, злейших себя* (Лк. 11, 26).

Вместо смирения в нем будет господствовать богопротивная гордость, вместо любви – эгоизм, немилосердие, черствость к людям и т. д. Это создает в душе еще на земле атмосферу ада с его душевными муками. В чем сущность этих мук?

Господь говорит в Евангелии о геенне, *где червь их не умирает и огонь не угасает* (Мк. 9, 44).

Как пишет еп. Аркадий (Лубенский):

«По разъяснению Ангела преп. Макарию, земные вещи надо принимать за самое слабое изображение духовных, так как человек не может постичь и уразуметь исключительно духовных предметов: поэтому они показываются ему в виде образов, которые он привык видеть на земле.

“Червь” и “огонь” – вещественны, они души человека ни глотать, ни опалить не могут, так как по смерти тела человек остается бестелесным. “Червь” и “огонь” – есть муки души, например, муки проснувшейся совести; муки от неудовлетворения все растущей страсти или еще сему подобные муки души».

Однажды старец Зосима (Верховский) молился так: «Господи, дай мне познать мучения грешников, чтобы мне от великих Твоих милостей ко мне недостойнейшему никогда не забыться, что я великий грешник».

«Недолго спустя после такой молитвы в один день (говорит сам о себе о. Зосима) – вдруг я почувствовал неизъяснимое страдание во всем существе моем, в душевном, телесном и духовном. Этого ужасного страдания невозможно выразить никакими словами: душа известилась, что это адское мучение грешников.

Я не видел ничего и не слышал, но только все во мне страдало и томилось непостижимо: душа, сердце, все тело, каждый, кажется, волос на голове страдал; томление духа, мрак, тоска... положение ужаснейшее, – такое, что если бы оно продлилось еще несколько минут, то или душа вышла бы из тела, или пришел бы я в неистовство ума.

Все сказанное мною слабо в сравнении с тем страданием: оно ужасно и неизъяснимо.

И я в трепете упал на молитву перед Господом, но произнести ничего не мог, как только с крепким воплем воззвал: «Господи, помилуй».

И Он помиловал, и вдруг все миновалось и слезы умиления и благодарения сами собой полились обильно».

Тот же старец так говорил о посмертных муках сожалений: «Попав в ад, наши сердца более чем при всех видах земных страданий и мук, – будут болеть о навеки утраченном благе».

А игумен Иоанн пишет: «Непокоренная Богу воля человеческая этим самым создает себе ад, отвергая

неизреченное блаженство рая, т. е. выполнение Божией воли».

Если для рая и Царства Небесного основным признаком является взаимная любовь, то царство сатаны – ад, характеризуется прежде всего злобой, ненавистью и потребностью мучить друг друга, потребностью удовлетворять своим страстям.

Других интересов душа при жизни не знала. А за гробом у нее уже не будет возможности приучать себя к высоким, чистым и светлым желаниям и стремлениям.

Совершенно естественно, что всякая душа стремится жить в той духовной среде, которая наиболее отвечает ее склонностям, вкусам, стремлениям и взглядам. Лишь в такой среде она чувствует себя удовлетворительно. Другая среда мучает ее и это мучение тем сильнее, чем дальше она отстоит от господствующих в этой среде стремлений.

Здесь – на земле, люди часто не в силах бывают подобрать себе соответствующую им духовную атмосферу. Поэтому эти стремления могут подавляться временами несоответствующей средой для нее и тогда она будет страдать от неудовлетворенности.

Но когда она разрешится от тела, то ничто уже не будет мешать развитию в ней глубочайших стремлений, и она войдет в созвучную ей среду.

Потому души, горящие Христовой любовью, попадают в среду всеобщей любви. Наоборот, души, чуждые любви, будут погружены в атмосферу эгоизма, вражды и ненависти – что и составляет атмосферу ада.

Весь ужас их положения и жалкого состояния и будет в том, что лишь там они будут чувствовать себя

в своей среде и атмосфере. Среда любви для них нестерпима, как для льда – огонь. В этом отношении ад является для них местом наиболее приемлемого для них существования за гробом.

Отсюда понятны будут слова святых отцов, что на Страшном Суде каждая душа будет сама судить себя.

Я, – говорит Христос, – не сужу его, ...а слово, которое Я говорил, оно будет судить его в последний день (Ин. 12, 47–48).

Как пишет П. Иванов: «Не Бог, а нечистая совесть не допускает грешника в Царство Божие – в мир любви.

Человеку дана жизнь и свобода делать добро и зло и, если он противится и живет не во Христе, а по собственной воле, как ему нравится, он не будет в состоянии перейти в жизнь вечную и останется во тьме внешней (в тесной могиле своих грехов).

Помогая человеку в течение его жизни делать добро и не делать зла, Бог не может по окончании жизни человека превратить его злую душу в добрую, ибо раз Он сказал: *Я даю свободу человеку, но делаю его ответственным за злоупотребление этой свободой.*

Бог не может изменить Своему слову, Бог есть правдивое Существо, а не лукавое, Он не решает сегодня так, а завтра иначе. Все сказанное Им, и открытое есть истина т.е. неизменное во веки веков».

Напрасно же некоторые из верующих во Христа, но не прилагающих усилий для освобождения себя от страстей, надеются на то, что им будут прощены все их пороки. Св. Иоанн Богослов пишет так про Царство Небесное: *не войдет в Него ничто нечистое* (Откр. 21, 27).

А старец Варсонофий из Оптиной пустыни говорит: «Человеку, не победившему страсти, невозможно быть в раю, – задушат на мытарствах. Но предположим, что он вошел в рай, однако, остаться там он будет не в состоянии, да и сам не захочет. Как тяжело невоспитанному быть в благовоспитанном обществе, так и человеку страстному – в обществе бесстрастных. Завистливый и в раю останется завистливым; гордый и в раю не сделается смиренным».

Как говорит старец Силуан: «Гордого если и силою посадишь в рай, он и там не найдет покоя, и будет недоволен и скажет: «Почему я не на первом месте?» А смиренная душа исполнена любви и не ищет первенства, но всем желает добра и всем бывает довольна».

Иногда можно слышать слова: «В будущей жизни могу ли я радоваться в раю, если буду знать, что мой брат или сестра мучаются в аду? Для меня неприемлем такой рай».

Здесь и большое неразумие и гордое самомнение – ставить свое суждение выше Суда Божия.

Здесь непонимание того, что в состоянии душ человеческих, подошедших к рубежу жизни и смерти, имеет место беспредельное разнообразие.

Надо ли жаворонку, поющему в небе Божию славу, жалеть червя, пресмыкающегося в навозе? Ведь у каждого из них свои потребности.

Надо ли орлу, парящему в высоте, жалеть ползущую мокрицу, живущую под камнем и питающуюся плесенью?

Не такая ли бездна различия существует и между душами просветленными и святыми, и душами,

погрязшими в пороке, – жестокости, разврате, гордости, крайнем эгоизме и т. п.

Поэтому нельзя думать, что таким людям нужен рай с его атмосферой любви и Божьего славословия.

Надо мириться с тем, что у Бога есть сосуды – *одни в почетном, а другие в низком употреблении* (2 Тим. 2, 20) и преклониться перед непостижимыми нами Божиими Премудростью, Милосердием и Справедливостью.

Как учит Церковь, душа после смерти идет на мытарства. Что это такое? Это испытание склонностей души. И если в этом мире душа не возненавидела пороки и была причастна к каким-либо из них, то она должна быть включена в область господствующих в ней пороков.

Поэтому «мытарства» – это анализ состояния души, – работа по классификации, которую производят Ангелы и темные духи после смерти тела. Они определяют степень развития в душе умершего всех положительных и отрицательных склонностей и по данным всех определений указывают соответствующее ей место.

Как пишет преп. Макарий Великий: «Когда душа человеческая выйдет из тела, тогда совершится при сем великое некое таинство. Ибо если повинна она во грехах, то приходят толпы демонов, и недобрые ангелы и темные силы душу ту берут в собственную свою область.

Никто не должен удивляться этому, потому что если душа в этой жизни, находясь в веке сем, им подчинилась и повиновалась, и была их рабою, то тем более удерживается ими и в их остается власти, когда отходит от мира.

А что касается до части благой, то должен ты представлять себе, что дело бывает так. При святых рабах Божиих еще ныне пребывают Ангелы, и святые духи их окружают и охраняют. И когда они отходят от тела, тогда лики Ангелов приемлют души их в собственную свою чистую область, и таким образом приводят их к Господу».

Так как может быть очень много сочетаний и комбинаций в степени развития разных добродетелей и пороков, то и «обителей» рая и ада должно быть множество. Об этом так говорит и Сам Господь (см.: Ин. 14, 2) и все святые отцы.

Как пишет еп. Феофан Затворник: «Разности мучений будут соответственны степени погружения в грехи и ожесточению в них».

Некоторые соблазняются тем, что грешники осуждаются в ад на вечные муки.

Термином «вечность» иногда соблазняются те из людей (и даже из числа верующих христиан), которым кажется жестоким наказание «вечным» мучением за грехи короткого времени жизни.

Но может ли Всеблагий Бог, с Его неизмеримой любовью к миру – Своему творению – быть жестоким и несправедливым?

Здесь нам следует преклониться перед неисчерпаемыми доказательствами Его милосердия и к грешному миру и с детской доверчивостью верить в Его неизмеримой любви и справедливости.

Смиримся же при сознании ограниченности наших представлений о «вечности». Будем помнить о печатях тайны, скрывающей от нас, по воле Божией, вполне ясное представление о сущности загробной жизни.

Итак, душа через свои склонности приобщится еще здесь на земле или к блаженству рая или к мучениям ада. Этим она сама предопределяет свою участь за гробом. Там она получит лишь полноту развития тех склонностей, которые зародились у нее здесь на земле.

Приложение

*О состоянии души после смерти
и до Страшного Суда*

В Римско-католической Церкви существует учение о так называемом «чистилище» – промежуточном состоянии умерших душ, между блаженством рая и адскими муками.

В чистилище души в течение известного времени искупают страданиями свои грехи, доступные отпущению, и приходят в ту чистоту, которая необходима для райского блаженства.

Православная Церковь не разделяет мнения о существовании «чистилища», но вместе с тем учит, что молитвы Воинствующей (земной) Церкви и милостыня за усопших могут много способствовать облегчению их загробной участи и достижению Царства Небесного.

Как пишет еп. Аркадий (Лубенский): «До Страшного Суда за гробом человек не живет полной жизнью, а как бы половинчатой без тела; сразу же после перехода его от земли, полного и окончательного суда над ним не произносится...

По милости Своей, за молитвы Церкви и милос-
тыню, подаваемую за душу, Господь может извести ее
из места мучений и водворить в место блаженства.

Если грешник умер не богоборцем, а хотя бы с
крупинкой веры и добродетели, то на том свете, со-
греваемый лучами Божией любви, обливаемый тока-
ми слез молитвенного предстательства близких,
родных и утучняемый милостыней, он может сподо-
биться очищения от грехов; крупница добродетели
увеличится в нем, и душа его будет переведена в веч-
ные блаженные обители».

Протоиерей Валентин Свенцицкий ✦

О БЕССМЕРТИИ *

Неизвестный. Я пришел к тебе не исповедоваться. Мне просто надо поговорить с тобою, но, может быть, это невозможно?

Духовник. Почему?

Неизвестный. Да видишь ли, я хочу говорить о вере, но сам человек совершенно неверующий.

Духовник. Зачем же тогда говорить со мной?

Неизвестный. Ты разрешишь мне на этот вопрос ответить откровенно?

Духовник. Да.

Неизвестный. Я не только не верую, я не могу себе представить, как можно верить при современном состоянии науки. Мне хочется понять: что же в конце концов стоит за верованием образованных людей, которых нельзя назвать заведомыми обманщиками? Я решил, если ты не откажешься, поговорить с тобой начистоту и, так сказать, с глазу на глаз: в чем же тут дело?

Духовник. Я несколько не сомневаюсь в истинности своей веры и готов защищать ее.

Неизвестный. Прекрасно. Но вот еще что: о чем я могу с тобой говорить? Все ли вопросы ты считаешь возможным обсуждать с человеком неверующим и совершенно не известным?

* Из книги «Диалоги».

Духовник. Говори обо всем, что найдешь нужным.

Неизвестный. Прежде всего я хотел бы говорить о бессмертии. Назначь мне время, когда ты будешь свободен.

Духовник. Говори сейчас.

Неизвестный. Я боюсь, что наш разговор затянется.

Духовник. Тогда мы продолжим его в следующий раз.

Неизвестный. Хорошо. Только не требуй от меня последовательности. Я буду говорить так, как думаю, когда остаюсь один... Бессмертие... Что это такое – жизнь после смерти? Кто же будет жить? Кто-то или что-то во мне находящееся, что не уничтожится после уничтожения моего тела? Если меня бросят в огонь, от моего тела – мозга, сердца, костей – останется горсть пепла. И вот я должен почему-то верить, что я все-таки где-то буду продолжать свое существование. Какие основания для этой веры? Не простое ли желание вечно жить и боязнь уничтожения? Мой разум отказывается представить себе какое бы то ни было бытие без материальной основы. Я не могу рассматривать человека как видимый футляр, в котором помещается невидимая душа. Футляр сломался. Его можно сжечь, а душу вынуть и положить в другое место? И что значит это другое место? Оно будет занимать некоторое пространство? Или эта таинственная, бессмертная душа мало того что невидима, но еще и безпространственна? Что же она такое? Для меня она абсолютная бессмыслица. И какие основания могут заставить мой разум поверить в эту бессмыслицу?.. На этом я пока остановлюсь.

Духовник. Прежде чем ответить на твой вопрос: «Какие основания для этой веры?», попробуем рассмотреть, такая ли уж это абсолютная бессмыслица для твоего разума, как кажется с первого взгляда. Возьми чисто физическую область. Брошенный камень падает на землю. Это видят все. И все знают, что причина падения камня – притяжение Земли. Но никто эту силу, именуемую притяжением, не видит.

Неизвестный. Но что общего у силы с душой? Чтобы сила действовала, нужна материальная среда. А вы считаете, что душа может существовать без тела, то есть безо всякой материальной среды.

Духовник. Совершенно верно. Я и говорю тебе, что беру область чисто физическую. Естественно, что здесь явления могут быть только в материальной среде. Я хочу указать тебе, что и в области физической возможны различные свойства бытия, вот, например, силы не имеют всех свойств материи. Видны лишь действия сил.

Неизвестный. Да, конечно. Свойства сил и материи различны, но это сравнение неубедительно для вопроса о существовании души вне тела. Научные опыты с несомненностью устанавливают, что так называемая психическая жизнь является результатом физико-химических процессов, и поэтому нельзя совершенно отделять ее от материи. А отсюда следует, что с уничтожением этих физико-химических процессов в живом организме должна уничтожиться и вся жизнь. Значит, никакой души остаться не может.

Духовник. О каких опытах ты говоришь?

Неизвестный. О тех опытах, которые устанавливают, что мысль есть результат определенных

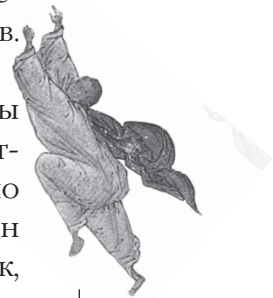
физико-химических процессов мозга. Искусственное раздражение некоторых желез вызывает определенные психические явления. Повреждение определенных клеток в результате дает, как механическое следствие, изменение определенных психических состояний и т. д. Ты, конечно, знаком с этим. Неужели эти факты не доказывают неопровержимо, что все явления душевной жизни есть простое следствие тех изменений и процессов, которые происходят в нашем теле?

Духовник. Доказывают, но не совсем то. Они доказывают, что душа, соединяясь с веществом, находится с ним в некотором взаимодействии и для своего выражения в вещественном мире требует определенных материальных условий. Это лучше всего опять-таки пояснить примером из физической области. Возьми электрическую энергию и электрическую лампочку. Когда лампочка в порядке, электрическая энергия дает свет, лампочка горит. Но вот лопнул волосок. Ток оборвался. Лампочка не горит. Значит ли это, что электричества не существует и что лампочка и электрическая энергия одно и то же? Электричество существует вне лампочки. Но для того, чтобы проявить себя, оно требует целого ряда материальных условий. Точно так же и та энергия, которую мы именуем душой. Если ты повредишь материальный аппарат, который служит для выражения душевной жизни, например, ту или иную часть мозга, душевная жизнь не сможет выразить себя или будет выражать себя неправильно. Но из этого совсем не следует, что мозг твой и есть твоя душа или что душевная жизнь твоя – результат физико-химических процессов в мозговых клетках. Как не следует, что

электрическая лампочка и электрическая энергия одно и то же.

Неизвестный. Но ведь существование электрической энергии доказывается не только электрической лампочкой, но и множеством других опытов. Чем же доказывается бытие души?

Духовник. Подожди. Об этом позже. Пока мы говорим только о том, можно ли считать абсолютной бессмыслицей для разума какое бы то ни было бытие без материальной основы. Затем я должен тебя спросить: считается ли элементарный рассудок, который больше всего и препятствует вере, считается ли он с научным представлением о материи? Ведь, по этому научному представлению, материя совсем не то, что ты видишь. Разве ты видишь непрерывно движущиеся атомы, которые составляют неподвижную для глаз материю? Разве ты видишь множество движущихся электронов в недрах этих движущихся атомов? И можешь ли отнестись без всякого внимания к указаниям философии, что, постигая вещественный мир, ты постигаешь лишь те субъективные состояния своего сознания, которые зависят от твоих внешних чувств, а потому о сущности самого вещества ты ничего не можешь знать. Будь у тебя иные органы зрения, иные органы слуха, осязания и вкуса – весь мир представлялся бы тебе иным. Можешь ли ты совершенно откинуть указания философии и на то, что пространство и время есть не что иное, как категории твоего разума? Если принять в соображение все это, не покажется ли тебе вопрос о материи столь сложным, что совершенно невозможным сделается упрощение его до грубого и уж совсем ненаучного материализма?

Неизвестный. Допускаю, что это так. Но какие выводы ты делаешь отсюда?

Духовник. Пока выводы очень незначительны. Я утверждаю, что о сущности материи мы знаем гораздо меньше, чем думаем, и что явления совершенно несомненные дают нам основания не считать обычное вещественное бытие, постигаемое пятью внешними чувствами, единственно возможной формой материального бытия вообще.

Неизвестный. Но из этого нельзя же сделать вывод о существовании такого бытия, как душа.

Духовник. Разумеется. И я такого вывода пока не делаю. Больше того, я должен сказать тебе, что если бы даже в окружающей жизни действительно не было никаких признаков бытия без материальной основы, то одно это ни в коем случае не решало бы вопроса, может ли существовать такое бытие. Мы облечены в материальную форму, все наши органы подчинены материальным законам. И нет ничего удивительного, что этим мы постигаем лишь то, что имеет материальную основу. Но будем рассуждать дальше. Какие же основания для нашей веры в бессмертие. Можно ли бессмертие доказать? Ведь я тебя понял правильно? Ты ставишь вопрос именно так?

Неизвестный. Да.

Духовник. Что ты разумеешь под словом «доказательства»?

Неизвестный. Под этим я разумею или факты, или логические рассуждения, общеобязательные для человеческого разума.

Духовник. Хорошо. Применительно к вопросу о бессмертии какие доказательства тебя удовлетворили бы?

Неизвестный. Прежде всего, конечно, факты. Если бы с того света были даны какие-либо свидетельства о жизни человеческой души, продолжающейся после смерти тела, я считал бы вопрос решенным. Этого нет. Остается другое – логика. Логика, конечно, менее убедительна, чем факты, но до некоторой степени может заменить их.

Духовник. Свидетельств, о которых ты говоришь, множество. Но таково свойство неверия. Оно всегда требует фактов и всегда их отрицает. Трудно что-нибудь доказать фактами, когда требуют, чтобы сами факты, в свою очередь, доказывались.

Неизвестный. Но как же быть, нельзя же достоверными фактами считать рассказы из житий святых?

Духовник. Можно, конечно, но я понимаю, что тебе сейчас такими фактами ничего не докажешь, потому что эти факты для тебя нуждаются в доказательствах не менее, чем бессмертие души.

Неизвестный. Совершенно верно.

Духовник. Мы подойдем к решению вопроса иначе. Мы тоже будем исходить из фактов. Но из факта для тебя несомненного – из твоего собственного внутреннего опыта.

Неизвестный. Не совсем понимаю.

Духовник. Подожди, поймешь. А пока я спрошу тебя. Допустим, ты видишь своими собственными глазами зеленое дерево. Тебе докажут путем логических доводов, что никакого дерева на самом деле нет. Скажешь ли тогда: «Неправда – оно есть»?

Неизвестный. Скажу.

Духовник. Ну вот. Именно такой путь выбираю и я в своих рассуждениях. Я беру то, что ты видишь и в чем ты не сомневаешься, затем условно встаю на

точку зрения отрицания бессмертия. Доказываю тебе, что то, что ты видишь и в чем ты не сомневаешься, бессмыслица и на самом деле этого не существует. Скажешь ли ты мне тогда: «Неправда, существует – я это знаю»?

Неизвестный. Скажу.

Духовник. Но тогда тебе придется отказаться от основного моего положения, допущенного условно: от отрицания бессмертия.

Неизвестный. Все это для меня не совсем ясно.

Духовник. Тебе станет ясно из дальнейшего. А теперь скажи мне, признаешь ли ты в человеке свободную волю?

Неизвестный. Конечно, признаю.

Духовник. Признаешь ли ты какое-либо моральное различие в поступках людей, то есть одни поступки считаешь хорошими, другие плохими?

Неизвестный. Разумеется.

Духовник. Признаешь ли ты какой-нибудь смысл в своем существовании?

Неизвестный. Да, признаю. Но оставляю за собой право этот смысл видеть в том, что мне кажется смыслом. Для меня он в одном, для других может быть совершенно в другом.

Духовник. Прекрасно. Итак, несомненными фактами для тебя являются свобода воли, различие добра и зла и какой-то смысл жизни.

Неизвестный. Да.

Духовник. Все это ты видишь, во всем этом ты не сомневаешься?

Неизвестный. Да.

Духовник. Теперь на время я становлюсь неверующим человеком и никакого иного мира, кроме

материального, не признаю. Начинаю рассуждать и прихожу к логически неизбежному выводу, что несомненное для тебя на самом деле бессмыслица: нет ни свободы воли, ни добра, ни зла, ни смысла жизни. И если в моих доказательствах ты не найдешь ни малейшей ошибки, скажешь ли ты все-таки, что я говорю неправду, что свобода воли существует, существуют добро и зло и смысл жизни, что это не бессмыслица, а несомненный факт?

Неизвестный. Да, скажу.

Духовник. Но если ты это скажешь, не должен ли ты будешь отвергнуть основную посылку мою, из которой сделаны эти выводы то есть мое неверие?

Неизвестный. Да... Пожалуй...

Духовник. Теперь тебе ясен путь моих рассуждений?

Неизвестный. Да.

Духовник. Так начнем рассуждать. Перед нами вопрос о свободе воли. Что разумеется под этим понятием? Очевидно, такое начало, действия которого не определяются какой-то причиной, а которое само определяет эти действия, являясь их первопричиной. Воля человека начинает ряд причинно-обусловленных явлений, сама оставаясь свободною, то есть причиной не обусловленною. Ты согласен, что я верно определяю понятие свободы воли?

Неизвестный. Да.

Духовник. Можем ли мы признать существование такого начала? Разумеется, нет. Для нас, материалистов, понятие свободы – вопиющая бессмыслица, и наш разум никаких иных действий, кроме причинно-обусловленных, представить себе не может. Ведь мир состоит из различной комбинации атомов и

электронов. Никакого иного бытия, кроме материального, нет. Человек не составляет исключения. И он своеобразная комбинация тех же атомов. Человеческое тело и человеческий мозг можно разложить на определенное количество химических веществ. В смысле вещественности нет никакого различия между живым организмом и так называемой неодушевленной вещью. А мир вещественный подчинен определенным законам, из которых один из основных – закон причинности. В этом вещественном мире нет никаких бессмысленных и нелепых понятий свободных действий. Шар катится, когда мы его толкаем. И он не может катиться без этого толчка и не может не катиться, когда толчок дан. И он был бы смешон, если бы, имея сознание, стал бы уверять, что катится по своей свободной воле и что толчок – это его свободное желание. Он не более, как шар, который катится в зависимости от тех или иных толчков, будучи вещью, напрасно воображает себя каким-то свободным существом.

Все сказанное может быть заключено в следующий логически неизбежный ряд: никакого иного бытия, кроме материального, не существует. Если это так, то и человек – только материальная частица. Если человек, только материальная частица, то он подчинен всем законам, по которым живет материальный мир. Если мир живет по законам причинности, то и человек, как частица вещества, живет по этим же законам. Если материальный мир не знает свободных беспричинных явлений, то и воля человека не может быть свободной и сама должна быть причинно-обусловленной. Итак, свободы воли не существует. Ты согласен, что я рассуждаю строго логически?

Неизвестный. Да.

Духовник. Ты согласен с этим выводом?

Неизвестный. Нет, конечно, не согласен. Я чувствую свою свободу.

Духовник. Будем рассуждать дальше. Перед нами вопрос о хороших и дурных поступках. Один человек отдал последний кусок хлеба голодному. Другой отнял последний кусок у голодного. Признаешь ли ты нравственное различие этих двух поступков?

Неизвестный. Признаю.

Духовник. А я утверждаю, что никакого материального различия между этими поступками нет, потому что вообще понятия добра и зла – полнейшая бессмыслица. Мы уже показали бессмысленность понятия свободы воли в вещественном мире. Такою же бессмыслицей мы должны признать и понятия добра и зла. Как можно говорить о нравственном поведении шара, который двигается, когда его толкают, и останавливается, когда встречает препятствие? Если каждое явление причинно-обусловленно, то в нравственном смысле они безразличны. Понятия добра и зла логически неизбежно предполагают понятие свободы. Как можно говорить о дурных и хороших поступках, когда и те и другие одинаково не зависят от того лица, которое их совершает?

Представь себе автомат, который делает только те движения, которые обуславливает заведенная пружина; разве ты скажешь, что автомат поступил нравственно или безнравственно, опустив руку? Он опустил руку, потому что не мог сделать иначе, потому что такова его пружина, и поэтому его механические действия никакой моральной оценки иметь не могут.

Но чем же отличается живой человек от автомата? Только тем, что пружина автомата видна, а пружина живого человека не видна. Но как тот, так и другой – лишь кусочки вещества, и потому они никаких действий, кроме механических, то есть причинно-обусловленных, производить не могут.

Все сказанное заключим опять в последовательный логический ряд: никакого иного мира, кроме вещественного, не существует. Если это так, то и человек – только частица вещества. Если он частица вещества, то подчинен законам вещественного мира. В вещественном мире все причинно обусловлено, потому и у человека нет свободной воли. Если у него нет свободной воли, то все его поступки, как механически неизбежные, в нравственном смысле безразличны.

Итак, добра и зла в вещественном мире не существует. Ты согласен, что я рассуждаю совершенно логично?

Неизвестный. Да, я не заметил никакой ошибки в твоих рассуждениях.

Духовник. Значит, ты согласен с моими выводами?

Неизвестный. Нет, не согласен.

Духовник. Почему?

Неизвестный. Потому что во мне есть нравственное чувство, и я никогда не соглашусь, что нет морального различия между подлым и благородным поступком.

Духовник. Очень хорошо. Будем рассуждать дальше. Перед нами вопрос о смысле жизни. Ты признаешь, что какой-то смысл жизни существует?

Неизвестный. Да, признаю.

Духовник. А я утверждаю, что никакой цели и никакого смысла у человеческой жизни нет, потому что ни о каком смысле не может быть речи там, где отрицается свобода воли и где вся жизнь рассматривается как цепь механических явлений. Когда ты говоришь: я протянул руку, чтобы взять стакан, – ты имеешь два факта, связанных между собой, как цель связывается со средством. Цель – взять стакан, средство – протянутая рука. И хотя ты, как частица вещества, лишен свободы воли, потому и цель твоя, и средство твое суть не более, как механические явления, но все же в известном смысле можно сказать, что в твоём движении руки была цель. Если ты возьмешь всю свою жизнь в её совокупности и поставишь вопрос о цели этих, связанных друг с другом целесообразных фактов, то такой цели при отрицании вечной жизни быть не может. Смерть прекращает твою жизнь, тем самым прекращает и цель, какую бы ты ни поставил в оправдание всей своей жизни, и делает её бесцельной. Отрицая бессмертие и признавая только вещественный мир, можно говорить о цели в самом ограниченном смысле – о цели отдельных поступков, всегда при этом памятуя, что каждый этот поступок есть не что иное, как механически обусловленное действие автомата. Ты согласен с этим?

Неизвестный. Нет, не согласен. Разве не может быть целью человеческой жизни такое возвышенное стремление, как счастье грядущих поколений?

Духовник. Нет, не может быть. Во-первых, нет ничего возвышенного и нет ничего низменного, коль скоро все совершается одинаково несвободно, автоматически, по тем или иным законам вещества. Если

один умирает за грядущее счастье людей, а другой предает их, то не потому, что один поступает возвышенно, а другой низко, они поступают по-разному, как два разных автомата, у которых разные пружины, обуславливающие разные автоматические действия. Но если рассмотреть вопрос и с другой стороны – с точки зрения условной целесообразности этих явлений, то никак эта возвышенная цель не может оправдать жизнь человеческую. В самом деле, если человеческая жизнь не имеет цели, то почему эту цель может дать счастье грядущих поколений? Ведь жизнь каждого из представителей этих грядущих поколений также не имеет никакой цели. Каким образом может осмыслить жизнь человеческую счастье бессмысленно живущих людей? В какую бы даль ни отодвигали бессмыслицу и бесцельность, она не приобретает от этой дальности расстояния ни цели, ни смысла.

Неизвестный. Однако люди, совершенно отрицающие вечную жизнь, во имя этой цели жертвуют собой не на словах, а на деле. Очевидно, для них счастье грядущих поколений не пустой звук. За пустой звук не отдашь свою жизнь.

Духовник. Во-первых, они отдают свою жизнь не почему-либо иному, как все по той же основной причине: так комбинируются атомы, так действует механическая причина, что иначе они поступить не могут. Но, конечно, оставаясь верным логике, мы должны назвать такую жертву совершенно бессмысленной. И если ты скажешь человеку: иди умирать за счастье людей, которые будут жить через несколько десятков лет, – он вправе ответить: а какое мне дело до счастья этих ненужных людей, чтобы я отдал за них свою собственную жизнь?

Неизвестный. Ужасные выводы все-таки.

Духовник. Да, ужасные. Но их следует сделать неизбежно. И если ты не хочешь, не можешь их принять, чувствуешь их неправду, ты должен отвергнуть основную посылку, то есть отвергнуть отрицание бессмертия. Ведь эти выводы, в конце концов, гораздо бессмысленнее для твоего разума, чем признание бытия без материальной основы или беспространственности души.

Неизвестный. Да, конечно. Особенно трудно принять вывод об отсутствии смысла жизни. Так величественна история человечества, так много создано человеческим гением, так прекрасны произведения искусства, наконец, в своей собственной жизни столько возвышенных стремлений, столько внутренней борьбы, столько страданий, что дикою кажется мысль о бесцельности всего этого. Но что меняется в этом вопросе при вере в бессмертие?

Духовник. Все меняется совершенно! Вечная жизнь, как нечто, не имеющее предела и потому не нуждающееся для своего оправдания в чем-то последующем, может быть самодовлеющей целью и потому может осмыслить весь предшествующий ряд явлений, то есть все конечные моменты земной жизни. Остановимся на этом подробнее. Со стороны формальной земная жизнь человеческая есть последовательный ряд причин и следствий, который, с точки зрения целесообразности, может рассматриваться как ряд средств и целей. Например: я иду по улице, чтобы купить хлеб. Я совершаю ряд движений, которые являются средством для достижения цели – покупки хлеба. Какова цель покупки хлеба? Мне хочется есть, и я хочу утолить голод. Эта цель совершенно

достаточно, чтобы дать смысл покупке хлеба. Но можно ли сказать: цель моей жизни – утолить голод? Такая цель не может оправдать жизнь, потому что конечное само определяется чем-то последующим, что является для него целью. Целью окончательной, дающей смысл всем предыдущим преходящим моментам, может быть только то, что остается всегда и потому не нуждается в последующей цели как своем оправдании. Такая цель и есть жизнь вечная. В ней заключается смысл жизни земной.

Неизвестный. Как же ты определишь этот смысл? Для чего надо жить, если есть бессмертие?

Духовник. Ответ ясен и прост. Надо жить для того, чтобы в процессе земной жизни достигнуть наилучшего устройства бессмертной своей души. Нас ждет жизнь вечная, и в зависимости от достигнутого здесь духовного состояния, будет тем или иным наше вечное бытие. Освещаемая этой вечной задачей, вся земная жизнь до последней мелочи приобретает великий смысл. При отрицании бессмертия самые крупные события ничтожны, потому что вся жизнь твоя в своей совокупности бессмысленна, а потому и ничтожна. При вере в бессмертие, напротив, самое ничтожное событие приобретает великий смысл, потому что великий смысл приобретает вечная твоя жизнь. Для верующего человека нет в жизни мелочей. Все может иметь положительное или отрицательное значение для внутреннего устройства, потому что все в жизни важно, все связано с вечным ее началом в положительном или отрицательном смысле.

Неизвестный. Да, ответ ясен. Но сколько опять поднимается вопросов и недоумений! Зачем тогда

рождаются идиоты? Какой смысл в рождении сейчас же умирающих младенцев и прочее, прочее?..

Духовник. Да, много есть вопросов, на которые мы не можем ответить. Потому что многое нам не открыто в Божественном Откровении и для человеческого разума, без высшего откровения, недоступно. Но разве на все вопросы могут ответить признающие только вещественный мир и разве все явления для них понятны? Однако это не заставляет тебя сомневаться в том, что ты считаешь основными истинами о веществе. Так же и здесь. Если на какой-либо вопрос мы не имеем ответа – это нисколько не должно нас смущать, коль скоро мы поняли главное: что мир имеет потустороннее бытие кроме видимого вещественного и человек кроме тела имеет бессмертную душу. Что же касается вопросов твоих о младенцах и идиотах, то они до некоторой степени могут быть объяснены нами. Мы знаем, каков смысл жизни у человека, живущего на земле. Но совершенно не знаем, и это тайна премудрости Божией, зачем нужно, чтобы он родился, зачем нужно соединение души и тела. Очевидно, самое соединение это является необходимым условием той вечной жизни, которую даровал людям Господь. Если так, то и младенцы, и идиоты это условие имеют как вечной жизни участники. И этим уже оправдывается явление их на свет. Неведомо только нам, почему процесс жизни земной для одних душ нужен полностью, для других вовсе не нужен, и они умирают, лишь облекшись в материальную форму, третьи, наконец, как идиоты, должны понести физическое возрастание, имея душу, совершенно загражденную слабостью разума.

Неизвестный. Еще вопрос. Если смысл жизни где-то там, на небесах, то все здешнее делается безразличным. Зачем бороться со злом? Терпи. Умрешь – там будешь блаженствовать. Но против перенесения смысла жизни в загробную область во мне протестует мое право на жизнь здесь, на земле.

Духовник. То, что ты говоришь, – это ходячее и совершенно ложное обвинение. Напротив, вера в бессмертие вливает энергию в борьбу со злом. Человек не кусок материи, который сгниет, а нечто имеющее великую ценность, потому что он является носителем вечного, бессмертного начала. Поэтому все существо верующего человека охватывает желание бороться с тем, что калечит и губит эту вечную ценность.

Верующему человеку настолько важнее бороться со злом, чем человеку неверующему, насколько вечность больше краткого мгновения земной жизни. Если неверующие люди, для которых человек не более, как кусок материи, живущий неизвестно зачем 50–60 лет и потом распадающийся на составные части, борются со злом, то как же должен бороться с ним тот, для кого человек имеет вечную, бессмертную душу?

Неизвестный. Все это так сложно, так отвлеченно и так трудно принять!

Духовник. Простота неверия кажущаяся. Неверующие люди поступают недобросовестно. Они отрицают бессмертие и этим освобождают себя от тех нравственных обязательств, которые возлагает на человека религия. Неверие дает простор в удовлетворении страстей, и безудержный эгоизм становится главной движущей силой. Но, освободив себе путь

для эгоистической жизни, они в то же время не хотят сделать всех выводов, к которым их обязывает неверие. Если бы они эти выводы сделали добросовестно, получился бы такой ужас, что им ничего не осталось бы другого, как бежать от своего неверия и искать спасения от безнадежного отчаяния в религии. Вместо этого они предпочитают грубый самообман. Они продолжают употреблять слова, не имеющие в их устах решительно никакого смысла: свобода, добро и зло, цель жизни – и этими словами спасают себя от ужаса неизбежных выводов неверия. Но эти слова чужие. Только религия дает им действительное содержание. Самообман ловкий, очень удобный, но не прочный. Отвергнув религию, потому что так удобнее, и позаимствовав от нее слова, на которые не имеет права (потому что так тоже удобнее), неверие не может удовлетворить человеческую совесть. Она непременно скажет более или менее слышно, что сказал ты: я чувствую свободу воли. Значит, человек не вещь. Я чувствую различие добра и зла. Значит, есть иной, не только вещественный мир. Я чувствую смысл жизни. Значит, неверие – ложь. Против насилия повседневного элементарного рассудка протестует бессмертный дух наш и побуждает совесть искать истину. Не рассудок, а сама душа знает и таинственное, непостижимое начало свободы, которая дарована ей, и коренное различие добра и зла, и высший, вечный смысл человеческой жизни. Потому и можно сказать положительно: добросовестное неверие всегда приводит к вере.

Неизвестный. А что, если окажется легче принять ужас, чем веру? Что, если ты меня убедишь, что свобода, добро и зло, смысл жизни – чужие слова и

надо выбирать: или полный отказ от этих слов и признание всех ужасающих выводов последовательного неверия, или право на эти слова и вместе с тем религиозную их основу. И что, если при такой постановке вопроса я не смогу выбрать второе и выберу все-таки первое, как ты тогда будешь убеждать меня в истинности твоей веры?

Духовник. Тогда я не буду убеждать тебя, вот и все.

Неизвестный. Почему?

Духовник. Один великий человек сказал, что абсолютная истина и абсолютная нелепость одинаково не требуют доказательств.

Неизвестный. Как не требуют? Выводы, к которым ты пришел в своих рассуждениях, ужасны. Но нельзя заставить себя верить из страха перед неизбежностью принять их. Твои рассуждения могут привести человека к такому безнадежному решению: ничего, кроме материи, не существует. Я в этом убежден. Из этого следует, что человек – автомат, добра и зла не существует и жизнь человеческая не имеет никакого смысла. Это ужасно. Но пусть так. Если эти выводы неизбежны, я принимаю и эти выводы. Что можешь сказать ты такому человеку в защиту веры? Чем опровергнешь его неверие? Неужели, по-твоему, с таким человеком просто не стоит разговаривать?

Духовник. Нет, ты не понял меня. В конечном итоге вера и неверие логически одинаково недоказуемы. Что может сделать логика? Она может вскрыть ложь основной посылки, показав, к каким нелепым выводам эта ложная посылка приводит. Но если человек лучше готов принять явно нелепые выводы, чем отказаться от этой посылки, тут логика

бессильна. Такому человеку можно помочь иным путем. Ему не надо доказывать, а надо раскрыть положительное содержание истины. И если непосредственное чувство подскажет ему, что это действительно истина, он ее примет.

Неизвестный. Какого метода ты будешь держаться со мной?

Духовник. И того, и другого. Говоря о бессмертии, я пользовался логическим методом, потому что ты обещал мне в случае явно нелепых выводов остаться при своих убеждениях о свободе воли, добре и зле и смысле жизни и отказаться от неверия в бессмертие как основной посылки. Что же касается всех наших разговоров в их совокупности, я надеюсь, что они дадут то, что достигается вторым методом, то есть раскроют перед тобою самое содержание истины. Но это касается будущего. А теперь вернемся к нашим рассуждениям и подведем итог сказанному.

Неизвестный. Хорошо. Подводи итог, но потом я должен сказать тебе еще нечто.

Духовник. Прекрасно. Итак, рассмотрение веры в бессмертие нас привело к следующим выводам. Во-первых, вера в бессмертие не так противоречит разуму, как кажется с первого взгляда, потому что и в материальном мире есть явления, не вполне совпадающие с обычным нашим представлением о веществе. Во-вторых, условно допустив истинность отрицания всякого бытия, кроме вещественного, мы пришли к целому ряду логически неизбежных нелепых выводов, таких, как отрицание свободы воли, различия добра и зла и смысла жизни.

В-третьих, эти нелепые выводы, противоречащие непосредственным и несомненным данным

нашего сознания, заставили нас отвергнуть основную посылку, из которой они вытекали, то есть наше утверждение, что никакого иного мира, кроме вещественного, не существует и человек является лишь частицей этого вещественного мира.

Неизвестный. Да, правильно. Только последнее я бы не мог принять в столь категорической форме. Я бы сказал так: эти выводы поставили под сомнение истинность основной посылки о том, что человек только частица вещества.

Духовник. Пусть для тебя это будет так – твоё субъективное состояние от моей логики не зависит. Но логически, то есть объективно, я утверждаю, что неизбежно не только поставить под сомнение эту основную посылку, а отвергнуть её совершенно.

Неизвестный. Допустим. Но для меня важна не только отвлеченная, или, как ты говоришь, объективная, истина, а именно субъективная уверенность. Вот к этому имеет отношение и то, что я хотел тебе сказать.

Духовник. А именно?

Неизвестный. Можно ли назвать верой то, что дают какие бы то ни было рассуждения?

Духовник. Конечно, нет.

Неизвестный. Вот видишь, и ты согласен с бесплодностью рассуждений. Меня, по крайней мере, убедить могут только факты, потому что безусловную уверенность всегда дает опыт. Отвлеченные доказательства в лучшем случае приводят к мысли: а может быть, и так. Если бы логика в отвлеченных вопросах имела силу математических доказательств, тогда да, она могла бы заменить факты. Но этого нет. И если я не знаю, что тебе возразить, из этого не следует, что ты убедил меня. У меня силу твоих рассуждений

подтачивает мысль: а как же другие? Сколько великих ученых не имеют веры и признают только материальный мир! Неужели им неизвестны эти рассуждения? Очевидно, возражения есть, только я их не знаю. Иначе все должны были бы стать верующими. Ведь все признают, что Земля движется вокруг Солнца и что сумма не меняется от перемены мест слагаемых. Значит, бессмертие не математическая истина. Эти соображения превращают для меня твою истину в простую возможность. Но возможность в вопросах веры – это почти ничто.

Духовник. Представь себе, я согласен со многим из того, что ты сказал. Но выводы мои совсем иные. Прежде чем говорить об этом, уклонюсь в сторону: об ученых и математических доказательствах. Ведь нам с тобой придется говорить о многом, и это пригодится. Вот ты сказал о неверующих ученых, что в тебе их имена подтачивают безусловную веру. Но почему тогда имена верующих великих ученых не подтачивают безусловной твердости твоего неверия? Почему ты так же не хочешь сказать: «Неужели им неизвестны рассуждения неверующих людей? Очевидно, возражения есть, только я их не знаю. Иначе все должны бы стать неверующими». Ведь тебе известны слова Пастера: «Я знаю много и верую, как бретонец, если бы знал больше – веровал бы, как бретонская женщина». Ты прекрасно знаешь, что великий Лодж, председательствуя в 1914 г. на международном съезде естествоиспытателей, заявил в публичной речи о своей вере в Бога. Ты знаешь, что наш Пирогов в изданном после его смерти «Дневнике», подводя итог всей своей жизни, говорит: «Жизнь-матушка привела наконец к тихому пристанищу.

Я сделался, но не вдруг, как многие, и не без борьбы, верующим...». «Мой ум может ужиться с искреннею верою, и я, исповедуя себя очень часто, не могу не верить себе, что искренне верую в учение Христа Спасителя... Если я спрошу себя теперь, какого я исповедания, отвечу на это положительно – православного, того, в котором родился и которое исповедовала моя семья». «Веру я считаю такою психологическою способностью человека, которая более всех других отличает его от животного...».

А Фламарион, Томсон, Вирхов, Лайель? Не говоря уже о великих ученых, философах и писателях. Неужели все эти великие ученые чего-то не знали, что знаешь ты, и неужели они знали меньше, чем рядовой современный человек (неверующий)? Почему эти имена не заставляют тебя сказать о неверии хотя бы то же, что ты говоришь о вере: «Эти соображения превращают для меня неверие в простую возможность». Теперь о математических истинах. Даже здесь не все так безусловно, как тебе кажется. Иногда элементарные математические истины находятся в видимом противоречии с математическими истинами высшего порядка. В элементарной геометрии мы знаем математическую истину, что все точки двух параллельных линий отстоят друг от друга на равном расстоянии. Но высшая математика утверждает, что параллельные линии в бесконечности пересекаются. Из элементарной арифметики мы знаем математическую истину, что сумма не меняется от перемены мест слагаемых. Но механика утверждает, что сумма сил от перемены их мест меняется.

Вернемся теперь к вопросу о значении рассуждений в деле веры. Да, ты прав, когда говоришь, что

безусловную веру может дать опыт. Не факты, а именно опыт. Каждый факт можно взять под сомнение. Опыт – дело другое. Опыт и есть самое твердое основание веры. Таким образом, из твоей верной оценки относительно значения отвлеченных рассуждений вывод должен быть такой: пока у человека не будет религиозного опыта, ни факты, ни рассуждения не дадут ему настоящей веры. Без этого опыта он может лишь допускать истинность того, чему учит вера, но всегда с оговоркой: «А может быть, и не так». Если ты видишь солнце своими собственными глазами, неужели твоя уверенность, что оно существует, хоть сколько-нибудь зависит от того, что его видят и другие. И неужели, если бы большинство потеряло способность видеть солнце и стало утверждать, что его нет, ты поколебался бы в том, что видел собственными глазами и стал бы говорить о солнце, что, может быть, оно существует.

Неизвестный. Но я не понимаю, какой опыт может дать уверенность в бессмертии.

Духовник. Тот внутренний опыт, который у религиозных людей столь же несомненен и так же утверждает для них реальность невидимого, как утверждает для тебя реальность видимого опыт твоих внешних чувств.

Неизвестный. Скажи подробнее, что ты разумеешь под этим внутренним опытом?

Духовник. Внутреннее чувство своего духовного бессмертного начала.

Неизвестный. Но солнце видят все, а чувствование, о котором ты говоришь, имеют некоторые.

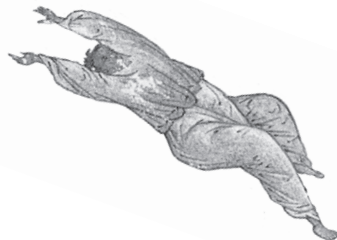
Духовник. Да. И на это есть свои причины. Большинство людей живет не духовной жизнью. Высшее

таинственное начало в человеке, которое именуется духом, остается вне их жизни. Естественно, что теряют они и самое чувство своей духовной природы. Оно совершенно заслонено и подавлено реальными чувственными впечатлениями и переживаниями. Все они живут телесной жизнью, и потому все имеют чувственный опыт. Но не все живут духовной жизнью, и потому не все могут иметь духовный опыт. Надо глубоко заглянуть в свой внутренний мир. Надо вызвать к жизни заглушенное духовное начало, надо начать питать его духовною пищею. Тогда мало-помалу в этих внутренних переживаниях все несомненное и несомненное раскроется реальность души, подлинность вечного в ней начала, существенное различие в человеке его телесности и того, что не подлежит тлению. Все, что касается внутренней жизни, трудно выразить словами. Поэтому трудно описать и тот опыт, о котором ты спрашиваешь. В этом опыте ты чувствуешь жизнь совершенно по-новому, ты как будто погрузишься в нее весь, и это откроет тебе, что сущность ее совершенно иная, чем вещество. Ты будешь ощущать какое-то соприкосновение через это ощущение жизни с другим миром, невещественным, и иными человеческими душами, ты будешь улавливать такие оттенки внутренних состояний, которые раньше не замечал и которые явно неземного происхождения. Тебе откроется постоянное действие на тебя сил, каких-то неведомых для тебя, ничего общего не имеющих с теми силами, которые действуют в вещественном мире. Ты начнешь входить через эти переживания своей душой в совершенно иной мир, и твоё тело, и мир вещественный станут тяготить тебя своей

косностью и тяжеловесностью. Ты с радостью будешь уходить в себя, чтобы побыть в том, другом мире, который станет для тебя дороже, ближе и роднее, чем косный и тяжеловесный материальный мир. И чем более духовен человек, тем непреложнее для него свидетельствует этот внутренний опыт об особом, непостижимом, но несомненном духовном мире, к которому принадлежит и его бессмертный дух. Неверие, то есть отсутствие этого непосредственного знания бессмертия, начнет казаться таким же странным, каким показалась бы человеку, имеющему зрение, потеря не у слепого человека способности видеть солнце. В самом деле, создается такое положение: стоит человек, имеющий в себе живое, неопровержимейшее доказательство иного, невещественного мира и вечной своей жизни, и утверждает, что никакой вечной жизни нет и что его разум не может принять такой бессмыслицы, как бессмертие.

Казалось бы, и размышлять нечего, и логики никакой не требуется, и никаких других фактов не надо, кроме одного, который в тебе самом, перед твоим внутренним зрением, но который ты упорно не желаешь видеть: «Докажи бессмертие», «Заставь меня поверить», «Приведи факты». Ну, конечно, самое убедительное, что могло бы быть, это не философские рассуждения о свободе, о добре и зле, о смысле жизни, а собственный опыт, то есть если бы человек мог заглянуть в свою душу и там ощутить свое бессмертие. <...>

Преподобный Иустин (Попович) ✠**ОСУЖДЕННЫЕ НА БЕССМЕРТИЕ**

Люди осудили Бога на смерть, Воскресением Своим Он их осудил на бессмертие. За побори воздал им обьятием, за оскорбление – благословением, за смерть – бессмертием. Никогда люди не явили такой ненависти к Богу, чем тогда, когда распяли Его; и никогда Бог не явил большей любви к людям, чем тогда, когда Он воскрес. Люди хотели даже Бога сделать смертным, но Бог Воскресением Своим соделал людей бессмертными. Воскрес распятый Бог и убил – смерть. Нет больше смерти. Бессмертие окружило человека и все его миры.

Людская природа Воскресением Богочеловека необратимо увлечена путем бессмертия, и стала страшной для самой смерти. Ибо до Христова Воскресения смерть была страшна человеку, а после Христова Воскресения человек стал страшен смерти. Если человек живет верой в Воскресшего Богочеловека, он живет над смертью, недостижимый для нее; она есть подножие ногам его. Смерть, где твое жало? ад, где твоя победа? И когда Христов человек умирает, он только оставляет тело как одежду, в которую снова облачится в день Страшного Суда.

До Воскресения Богочеловека смерть была второй природой человеческой; жизнь – первой, а смерть – второй. Человек привык к смерти как чему-то естественному. Но Своим Воскресением Господь

все изменил: бессмертие стало второй природой человека, стало естественным для человека, а смерть – неестественной. Как до Христова Воскресения естественно было людям быть смертными, так после Христова Воскресения стало естественно людям быть бессмертными.

Грехом стал человек смертен и преходящ; Воскресением Богочеловека он становится бессмертен и вечен. В этом сила, в этом могущество, в этом всемогущество Христова Воскресения. Без него не было бы христианства. Среди всех чудес это – величайшее чудо. Все остальные чудеса вырастают из него и к нему сводятся. Из него вырастают и вера, и любовь, и надежда, и молитва, и боголюбие. Смотрите: ученики-беглецы, убежавшие от Иисуса, когда тот умер, возвращаются к нему, потому что Он воскрес. Смотрите, сотник исповедовал Христа как Сына Божия, когда увидел Воскресение из гроба. Смотрите, все первые христиане стали христианами потому, что Господь Иисус воскрес, потому что победил смерть. Это то, чего не имеет ни одна другая вера; это то, что поднимает Господа Христа над всеми богами и людьми; это то, что самым несомненным образом показывает и доказывает, что Иисус Христос – единственный истинный Бог и Господь во всех мирах.

Ради Христова Воскресения, ради Его победы над смертью люди становились, становятся и всегда будут становиться христианами. Вся история христианства есть ничто иное, как история одного-единственного чуда, а именно чуда Воскресения Христова, которое продолжается непрерывно сквозь все христианские сердца изо дня в день, из года в год, из века в век – до Страшного Суда.

Человек действительно рождается не тогда, когда мать родит его на свет, а тогда, когда уверует в Христа Воскресшего, ибо тогда он рождается для жизни вечной, а мать родит дитя для смерти, для гроба. Воскресение Христово есть мать всех нас, всех христиан, мать бессмертных. Верую в Воскресение человек рождается заново, для вечности рождается. Это невозможно! – замечает скептик. А ты послушай, что говорит Воскресший Богочеловек: все возможно верующему! А верует тот, кто всем сердцем, всей душой, всем существом живет по Евангелию Воскресшего Господа Иисуса.

Вера есть наша победа, которой мы побеждаем смерть. Вера в Воскресшего Господа Иисуса. Смерть, где твое жало? А жало смерти – грех. Господь «притупил жало смерти». Смерть – змея, а грех – ее жало. Через грех смерть вливает отраву в душу и тело человеческие. Чем больше грехов имеет человек, тем больше в нем жал, через которые смерть вливает в него свой яд.

Когда оса ужалит человека, он всеми силами старается извлечь жало. А когда его ужалит грех, это жало смерти, что надо сделать? Надо верой и молитвой призвать Воскресшего Господа Иисуса, чтобы Он извлек из души его жало смерти, и Он всемилостиво сотворит это, ибо изобилует милостью и любовью. Когда много ос нападут на тело человека и исколют его своими жалами, тело отравляется и умирает; то же происходит и с душой человеческой, когда множество грехов исколют ее своими жалами – она отравляется и умирает смертью без воскресения.

Побеждая Христом грех в себе, человек побеждает смерть. Если ты прожил день, и не победил ни одного греха своего, знай – ты стал смертным. Победишь

же один, два, три греха свои – смотри: ты стал молоде молодостью, которая не стареет, молоде бессмертием и вечностью. Никогда не забывай: верить в Воскресшего Господа Христа значит – вести непрерывную борьбу с грехами, со злом, со смертью.

Если человек борется с грехами и страстями, это доказывает, что он воистину верует в Воскресшего Господа; если он борется с ними, он борется за вечную жизнь. Если же не борется, тщетна вера его. Если вера человеческая не есть борьба за бессмертие и вечность, тогда скажи мне, в чем она состоит? Если верой во Христа мы не достигаем воскресения и жизни вечной, тогда зачем нам она? Если Христос не восстал, значит грех не побежден, смерть не побеждена. А если не побеждены ни грех, ни смерть, тогда зачем верить во Христа? Тот, кто верой в Воскресшего Господа борется с каждым своим грехом, постепенно укрепляет в себе ощущение, что Господь воистину воскрес, воистину притупил жало греха, воистину победил смерть на всех полях сражений.

Грех постепенно умаляет душу в человеке, загоняет ее в смерть, превращает из бессмертной в смертную, из непреходящей в преходящую. Чем больше грехов, тем смертнее человек. Если человек не ощущает себя бессмертным, знай – он во грехах, в кущих мыслях, вялых ощущениях. Христианство есть призыв: бороться со смертью до последнего дыхания, бороться до окончательной победы над ней. Всякий грех есть отступление, всякая страсть – бегство, всякий порок – поражение.

Не надо удивляться, что и христианин умирает телом. Это потому, что умирание тела – сеяние. Сеется тело смертное, говорит апостол Павел, и оно

прорастает, растет и вырастает в тело бессмертное. Тело распадается, как посеянное семя, чтобы Святой Дух оживил его и усовершенствовал. Если бы Господь Христос не воскресил тело, какую пользу имело бы оно от Него? Он не спас бы целого человека. Если тело не воскресло, зачем тогда Он воплотился, зачем принял на Себя плоть, если не уделил ей ничего от Своего Божества?

Если Христос не воскрес – тогда зачем веровать в Него? Честно говоря, я никогда бы не уверовал во Христа, если бы Он не воскрес и не победил этим смерть. Нашего величайшего врага победил и бессмертие нам даровал. Без этого наш мир – шумная выставка отвратительных бессмыслиц. Единственно Своим славным Воскресением чудесный Господь освободил нас от бессмыслицы и отчаяния, ибо ни на небе, ни под небом нет бессмыслицы большей, чем этот мир без Воскресения, и нет отчаяния большего, чем эта жизнь без бессмертия. И ни в одном мире нет существа более несчастного, чем человек, который не верует в Воскресение мертвых. Лучше было бы такому человеку никогда не родиться...

В нашем человеческом мире смерть есть величайшее мучение и наисвирепейший ужас. Освобождение от этого мучения и ужаса и есть спасение. Такое спасение даровал роду человеческому только Победитель смерти – Воскресший Богочеловек. Он поведал нам всю тайну спасения Своим Воскресением. Спасти́сь означает – телу своему и душе своей обеспечить бессмертие и вечную жизнь. Чем же достигнуть этого? – Ни чем иным, как богочеловеческой жизнью, новой жизнью, жизнью в Воскресшем Господе и ради Воскресшего Господа.

Для нас, христиан, наша жизнь на земле – это школа, в которой мы учимся, как обеспечить себе воскресение и жизнь вечную. Ибо какая нам польза от этой жизни, если мы не можем ею стяжать жизнь вечную? Но, чтобы воскреснуть с Господом Христом, человек должен сначала пострадать с Ним и Его жизнь прожить как свою. Если он сделает это, то сможет на Пасху вместе с Григорием Богословом сказать: «Вчера – был я распят с Ним, сегодня – оживаю с Ним; вчера – был погребен с Ним, сегодня – воскресая с Ним».

Всего в четыре слова сведены четыре Христова Евангелия. Вот эти слова: Христос воскрес! – Воистину воскрес!.. В каждом слове по Евангелию, а в четырех Евангелиях – весь смысл всех миров Божиих, видимых и невидимых. И когда все ощущения человеческие и все мысли сливаются в гром пасхального поздравления: Христос воскрес! – тогда радость бессмертия потрясает все существа и ликующе гремит в ответ: Воистину воскрес!..

Архиепископ Иоанн (Шаховской) ✠

СЛАБОСТЬ И СИЛА ЧЕЛОВЕКА

Апостол Иаков так обратился к людям, слишком самоуверенным в своих человеческих планах: *Теперь послушайте вы, говорящие: «сегодня или завтра отправимся в такой-то город и проживем там один год, и будем торговать и получать прибыль»; вы, которые не знаете, что случится завтра: ибо что такое жизнь ваша? Пар, являющийся на малое время, а потом исчезающий. Вместо того, чтобы вам говорить: «если угодно будет Господу, и живы будем, то сделаем то или другое», – вы, по своей надменности, тщеславитесь: всякое такое тщеславие есть зло* (Иак. 4, 13–16).

Казалось бы, это совершенно бесспорная истина, проверяемая на опыте каждого человека и каждого дня, – жизнь на земле есть *пар, являющийся на малое время*. Можно ли строить слишком расчетливо жизнь на этом «паре»? Пар долго не держится, как и земная жизнь. Однако, расчеты человеческие обычно ведутся именно таким образом. В твердом убеждении своей прочности и непоколебимости, человек строит свою жизнь, борется, планирует, – не видя всей шаткости своей в мире, зависимости от непредвиденных обстоятельств, а за ними – всегда и во всем – от Бога. Бог есть Хозяин видимого и невидимого бытия, настоящего и будущего (которое есть для нас уже мир

невидимый). Мы, люди, так часто «тщеславимся» в своих планах и намерениях! И вместо того, чтобы говорить, как советует апостол: *если угодно будет Господу, и живы будем, то сделаем то или другое*, мы сразу, безапелляционно и самоуверенно говорим, что мы это – обязательно сделаем, то – построим и выполним, того – непременно победим и одолеем...

Всякое такое тщеславие есть зло; ибо им мы пытаемся Господа Бога устранить из мира; и так как Господь Бог есть истинный Хозяин всего, то мы сами себя лишаем его помощи и благословения. Да, слишком часто люди выражают эту неосновательную мысль, что их жизнь, успех и удача зависят только от них самих; и многие в мире даже хвалятся этим. Но таковые воззрения все время рушатся пред глазами всего мира: «неожиданные» болезни наступают на людей; стихийные бедствия, землетрясения, войны, от которых все страдают; быстрое разрушение, казалось бы, налаженных семейств и целых обществ, гордых правящих партий и могущественных государств; «преждевременные» (как люди выражаются) смерти, – находят на человечество, невзирая на возраст людей, и льется поток людской через край этого мира – в вечность. Поколения за поколением исчезают, и история прошлых веков остается, как сон, иногда – как кошмар человечества; старые и молодые люди отходят в неизвестную даль, уходят неожиданно для окружающих, среди своих планов и начатых дел... Логика человеческих расчетов рушится все время. И нет вычислений, посредством которых можно было бы предвидеть будущий час и день каждого человека. Жизнь всех сохраняется лишь в Промысле Творца, и пределы каждого определяются только Им.

Но человек все легкомысленно повторяет свое старое заблуждение, которое было замечено и так хорошо выражено почти 20 веков назад: *сегодня или завтра отправимся в такой-то город, и проживем там один год...* и т. д. Неизменность житейской логики! Постоянство физических феноменов смены дня и ночи, прилива и отлива, всегдашняя горячность огня и холодность льда, – увлекает поверхностную мысль человека к выводу, что и его «завтра» и «послезавтра» с несомненностью и логичностью физических законов вытекают из его «сегодня»... Эту неосновательную мысль и ложную веру в постоянство и прочность земных ценностей и феноменов надо заменить истинной верой в то, что люди всегда и во всем зависят прежде всего от решений святой и великой воли Господней. *Если угодно будет Господу, и живы будем, то сделаем то или другое,* – вот непогрешительная формула, относящаяся к нашему будущему, не только личному, но и всего человечества. Если мы вытесним, хотя бы немного, из своего сознания это неестественное отношение к жизни, вытекающее только из нашего самомнения и самоуверенности, – мы сейчас же увидим всю невозможность и неразумность построений своего будущего только на таком песке, или лучше сказать – на таком паре, каковым является наша человеческая воля и наша физическая жизнь: *Ибо что такое жизнь ваша? Пар, являющийся на малое время, а потом исчезающий...*

Но вот что удивительно: при всей своей слабости и смертности, человек есть, одновременно, и удивительная сила. Не физическая, не материальная, а духовная: огромная духовно-созидательная или огромная духовно-разрушительная сила. Человек

покоряет горы и океаны, хозяйничает в недрах земли, утверждает свою власть над воздухом, строит быстро и столь же быстро разрушает многое. Будучи физически слабее, недолговечнее и во многих отношениях несовершеннее животных и даже растений, он господствует над ними... Откуда у человека такая власть над миром? Откуда у него такая сила над стихиями, среди всей паутинности его жизни? Ответ один: от духа, от невидимой глазами его духовной сущности, драгоценной печати высшего мира на нем. Эту сущность и печать силы нездешней пытаются отрицать или выводить ее существование из материи; однако, сама энергия и сила этого отрицания в материалистах идет не от материи, а от их духа, – пусть слепого и больного, но духа, носящего на себе печать высшего мира.

БЕССМЕРТИЕ ЧЕЛОВЕКА

В атеистической теории, переоценивающей мудрость тех, кто глядит только на одну землю, своеобразно преломилась идея современного техницизма... В нашу эпоху нарождаются всевозможные специалисты во всех областях. Вера в «специалистов» – характерная черта нашего времени. Эта ставка «на специалиста» привела в тоталитарных странах к ставке на партийного работника, и дело управления человеческим обществом дошло тут до тупика очень болезненного. Весьма нелегко положение народов, очутившихся под опекой этих «специалистов» по вопросам одной только земли. Нельзя сказать, чтобы эти специалисты по земле прибавили людям счастья. Неудобство же их активности выявляется отчетливо для человечества. И как они стараются всюду, чтобы человек забыл свою небесную Родину.

В действительности же, ценно не бегство людей от неба – к материи, а ценен процесс обратный: от материи – к духу, от земли – к небу. «Per aspera ad astra», как говорили древние римляне: «Через тернии к звездам»... Это настоящий путь человечества.

Культура есть возвышение и одухотворение жизни человека. Земля есть только путь людей, только станция в человеческой судьбе. Человека ждет бессмертная жизнь. Как бы долго ни останавливался он на земле, и какие бы «высотные» здания он ни строил на земной скорлупке, она не перестанет быть лишь хрупкой скорлупкой над огненным океаном. И человеку предлежит отправляться далее в путь... Земля есть лишь ничтожная песчинка мироздания, которой суждено, рано или поздно, сгореть со всеми делами своими, как говорит апостол Петр.

Духовная же сущность человека пойдет на Суд к Богу... Куда же денется атеистический коммунизм? Что станет с его «строительством»? Где будут его строители? И в каком положении очутятся те, которые во имя этого строительства обманули и самих себя, и бесчисленное множество душ, уверив их в прочности только одной земли и в призрачности духовных ценностей жизни?..

*Смерть и время царят на земле,
Но владыками их не зови,
Все кружась исчезает во мгле,
Неподвижно лишь солнце любви.*

Так верно сказал Владимир Соловьев.

А Ф. М. Достоевский, в своем «Дневнике писателя» от октября 1876 года очень справедливо высказывается об атеистической вере в нуль, в смерть души человека. Он поясняет, как материалист по неотразимой логике своего атеизма приходит к самоубийству, поняв все бессмыслие своей жизни, если нет Бога. «Для чего устраиваться и употреблять столько страданий устроиться в обществе людей правильно, разумно и нравственно-праведно? Все, что мне могли бы ответить, это: чтоб получить наслаждение. Да, если б я был цветок или корова, я бы и получил наслаждение. Но, задавая, как теперь, себе беспрерывно вопросы, я не могу быть счастлив, даже при самом высшем непосредственном счастье любви к ближнему и любви ко мне человечества, ибо знаю, что завтра же все это будет уничтожено: и я, и все счастье это, и вся любовь, и все человечество – обратится в ничто, в прежний хаос. А под таким условием я ни за что не могу принять никакого счастья, – не от нежелания согласиться принять его, не от

упрямства какого, из-за принципа, а просто потому, что не буду и не могу быть счастливым под условием грозящего завтра нуля. Ну, пусть бы я умер, а только человечество осталось бы вместо меня вечно, тогда, может быть, я все же был бы утешен. Но ведь планета наша не вечна и человечеству срок – такой же миг, как и мне. И как бы разумно, радостно, праведно и свято ни устроилось на земле человечество, – все это тоже приравняется завтра к тому же нулю. В этой мысли заключается какое-то глубочайшее неуважение к человечеству», – такова мысль Достоевского о материалистической вере в нуль. Таков конец материалистической веры – в одну только землю...

Эта вера не может преодолеть смерти, она носит в себе смерть, является самой смертью. Только вырываясь из умерщвляющих объятий материализма, человеческая душа находит в Живом Боге свою жизнь.

Митрополит Антоний Сурожский ✝

ПОБЕДА ВОСКРЕСЕНИЯ

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

*Ка*ждую неделю, в течение всего года, из века в век Православная Церковь возвещает Воскресение Христово. Каждую неделю мы вновь переживаем радость о том, что воскрес Господь. И эта радость настолько глубока, что сама она свидетельствует: мы ликуем не только о том, что воскрес Господь, но и о том, что Его Воскресение для нас самих – начало новой, обновленной жизни. В «Слове» Иоанна Златоустого, читаемом в ночь Воскресения Христова, говорится: Воскресе Христос, и мертвый ни один во гробе... И эту весть мы продолжаем проносить из столетия в столетие. Однако, правда ли это? Разве мы не видим, что смерть косит вокруг нас, разве не стоят гробы и в христианских церквах? Как же мы можем говорить, что «мертвый ни один во гробе», что Христос смертью смерть победил?

Мы можем так говорить, потому что смерть имеет два совершенно различных оттенка, и гробы действительно опустошены. До пришествия Христова каждый человек, умирая, праведен он был или нет, бывал отлучен от радости встречи с Богом. В ветхозаветном представлении грех наших прародителей Адама и Евы отлучил весь человеческий род от

сияния, от радости и славы Божией. Всякий, кто умер, сходил в бездну ужаса разлуки со своим Богом и, следственно, разлучения со своими ближними. И смерть была двоякая, не только смерть земная, когда душа, разлучившись от тела, вспорхнет, и взлетит к Богу и поклонится у Престола Господа, Который утешит ее от скорби земной. Была и вторая смерть, вторая разлука. Пока человек жил на земле, он мог какой-то гранью своей души касаться хоть края ризы Господней, но после смерти разлука была окончательная, страшная. И из тысячелетия в тысячелетие люди ожидали Спасителя, Того, Кто соединит Небо и землю, Бога и тварь. Но пока не пришел Господь, Спаситель наш Иисус Христос, разлука эта была темная и страшная.

Но вот пришел Господь, и умер Он на Кресте смертью человека, приобщился Он к ужасу предсмертного томления и одиночества. Помните Гефсиманский сад: *Если можно, Отче, пусть пройдет эта чаша мимо...* Приобщился Он к ужасу этой разлуки, когда с Креста возопил Богу: *Боже Мой, Боже Мой, зачем Ты Меня оставил?..* И сошел в ад, сошел в ад!..

И ад широко разверзся в радости и в надежде, что теперь побежден и пленен непобедимый на земле его Противник, Враг. Ад отверзся, как говорит тот же Иоанн Златоустый, раскрылся, чтобы принять плоть – и приразился Божеству. Ад открылся, чтобы пленить воплощенного Сына Божия, ставшего человеком, – и перед ним предстал, в него вошел Живой Бог, все Собой заполняющий, вступающий в ад и уничтожающий его до конца: ад – уже не древний ужасный ад разлуки, потому что и в нем – Живой Бог.

Пророк Давид видением своим таинственным говорил: *Куда мне бежать от Твоего лица? На небе Престол Твой; сойду ли в преисподнюю – и там Ты...* Для нас это кажется простым, потому что для нас уже нет этого ада бесконечного, безнадежного отсутствия Божия. Но для ветхозаветного человека это было недоуменное слово: как же может Бог быть там, где место разлучения? Давид предвидел, пророчески провозгласил это сошествие Господне и прекращение этой конечной разлуки.

Теперь для нас смерть стала иной, теперь смерть стала успением. Телом человек засыпает для тревоги земли, покой сходит на его плоть. Лежит она теперь, как бы во образ Христа лежащего во гробе в ту таинственную, благословенную Субботу, когда почил Господь от дел Своих, от дел спасения человека, от дел страдания, и Креста, и распятия. Всякий, кто теперь умирает, усыпает во Христе, засыпает плотью до дня, когда и плоть его восстанет при последней трубе, в день воскресения мертвых. Блаженны отныне умирающие о Господе, – говорил в своем видении Иоанн.

Вот почему не страшна христианину смерть; вот почему человек, который много значил для меня, мог мне говорить: «Ожидай смерть твою так, как юноша ожидает невесту свою». С таким же трепетом, с таким же ликованием души можем мы смерти сказать: «Приди, отверзи мне врата вечной жизни, чтобы успокоилась многмятежная плоть, и вспорхнула и взлетела душа в вечные обители Божии». Вот почему правдиво и истинно можем мы говорить, что Христос Своей смертью победил смерть, можем говорить, что мертвый ни один во гробе: гроб перестал быть тюрьмой, местом окончательного страшного

плена; он стал местом, где тело ожидает воскресения, пока душа вырастает в свою меру к вечной жизни.

А смерть, разлука смертная осталась все-таки в какой-то мере еще на земле. Она побеждена там, где было ее царство, но сам человек продолжает, отлучая другого от тайны любви, на земле увековечивать эту разлуку. Посмотрите на наше человеческое общество; не смотрите далеко от себя: взгляните на семью, на самых близких, на друзей, на приход, на Церковь. Разве мы можем сказать, что мы так объединены любовью, что нет на земле смерти, нет этой разлуки, отлучения от Бога, взаимного отлучения? Увы, победил Бог везде, но в сердце человеческом должен победить сам человек.

А смерть и любовь неразлучны между собой; и потому так страшно бывает нам любить. Любить слегка, любить безответственно, любить так, что завяжутся отношения и развяжутся, когда станет больно и трудно и страшно – мы все умеем. Но любить так, как нас полюбил Господь, – нет, мы не умеем. Апостол Павел нам говорит: Принимайте друг друга, любите друг друга, как Господь вас полюбил... Знаете ли, как нас полюбил Господь? Он так нас полюбил, что Сам стал человеком. Он так нас полюбил, что не захотел остаться чужим для нас, и сделался одним из нас, человеком среди людей, – и не на время, а на веки вечные, навсегда, – со всей тяжестью, со всем ужасом этого приобщения. Слава Господня потухла в Воплощении, никто Его не узнавал, победа Его казалась поражением. Он стал Тем, о Ком Священное Писание говорит: *Он Муж, изведавший страдания*. Он навсегда с нами соединился. Умеем ли мы так друг с другом соединяться? Умеем ли мы любить так,

чтобы сказать: навсегда, – и в горе и в радости, и в ужасе и в ликовании, что бы ни было, что бы ни случилось – я останусь с тобой навсегда?.. Если бы так было, какая была бы дивная наша земля, какая дивная была бы наша Церковь, какой был бы приход, какая была бы семья, какие были бы друзья!.. Но наши встречи подобны встрече в море корабля с другим: встретились и разошлись. Не хватило глубины, не хватило верности, не хватило готовности сделать то, что Христос сделал: сойти в ад, в ад страдания того, кого мы любим, в ад его соблазна, в ад его горя, в ад его гибели. Мы стоим на берегу, призываем другого: «Спасись, приплыви – я протяну тебе руку!..» Но сами не сходим в этот ад, и так страшно нам говорить о любви, так трудно любить – потому что любить надо только так, как нас возлюбил Господь. Смерть и любовь переплелись, потому что полюбить – это значит так себя забыть, чтобы даже не существовать, не вспомнить о себе; другой тебе так дорог, что мысль о себе мешает; хочется сказать себе самому то, что Христос сказал Петру, когда тот встал поперек Его пути к Голгофе: *Отойди от Меня, сатана, ты думаешь о земном, а не о небесном...* Умеем ли мы так себя забыть, умеем ли так полюбить, умеем ли так умереть?

А вместе с этим, пока этого с нами не случается, мы касаемся только края ризы Господней, мы только с края приобщаемся свету, сиянию, лучезарному свету и сиянию Воскресения Господня. Жить воскресением можно, только пройдя смерть и по ту сторону смерти, но не земной смерти, не вещественной, не телесной, а той смерти, которая называется любовью, когда человек о себе забудет и так полюбит, что

он жизнь и душу свою положит за други своя. Моисей был назван другом Божиим в Священном Писании, и что он говорит: Господи, если Ты не простишь народу Твоему грехов его, зачеркни мое имя из Книги Жизни, не хочу жить, если другие уходят в смерть (см.: Исх. 32, 32). Апостол Павел говорил, что предпочел бы, если можно, быть отлученным от Христа, скорее чем видеть погибель народа Израильского... Безумные слова, – безумные тем, что когда человек вкусит такой любви, он по ту сторону смерти; но по-человечески это все, что мы можем сказать: да, лучше мне погибнуть, чем одному человеку быть отлученным... Вот какую меру нам показывают Крест и Воскресение, которые неразлучны друг от друга.

Итак, из недели в неделю, когда вы будете слышать весть о том, что воскрес Христос, вспоминайте: мы призваны все уже на земле быть воскресшими людьми; но для этого надо так полюбить, чтобы пройти врата смертные, сойти крестом в ад, любовью приобщиться страданию ближнего, забыть себя – и вдруг обнаружить: я жив – жив Божественной жизнью Христа! Аминь.

Слово, произнесенное за всенощной в субботу
29 мая 1971 г. в храме Св. Иоанна Предтечи,
что на Красной Пресне (Москва)

Протоиерей Артемий Владимиров ✝

ЖИЗНЬ ВЕЧНАЯ *

Приходилось ли вам, читатели, встречать людей, которые на вопрос о вечной жизни и воздаянии, уготованном от Бога праведным, пожимая плечами, говорили бы: «Как это можно знать? Разве кто был там? И рассуждать, и думать об этом нечего!» О человеческая гордыня, о плачевное невежество! Сбывается на таких русская пословица: «На куче золота сидеть будешь – и от голода погибнешь». Мы с вами действительно никогда не переступали за грань земного бытия и не сподоблялись откровения великих тайн. Но зато мы имеем Священное Писание, верного и неложного свидетеля того, что было и что будет. Все, что нам нужно знать для нашего спасения, запечатлено на страницах Ветхого и Нового Заветов. Какого же осуждения мы достойны, если, имея под руками Книгу жизни, остаемся во мраке неведения! Поистине не Господь в этом виноват! Напротив, он Духом Святым повелел Апостолам записать все potřebное для нас в Божественных книгах. Какими словами начинается святой Апокалипсис? *Откровение Иисуса Христа, которое дал Ему Бог, чтобы показать рабам Своим, чему надлежит быть вскоре. И Он показал, послав оное чрез Ангела Своего рабу Своему Иоанну... Блажен читающий и слушающие*

* Из книги «Учебник жизни».

слова пророчества сего и соблюдающие написанное в нем; ибо время близко.

А что написано в завершении этой вещи Книги? Святой Иоанн Богослов получает повеление: *не запечатывай слов пророчества книги сей; ибо время близко; Се, грядущему скоро: блажен соблюдающий слова пророчества книги сей.*

Следовательно, нам с вами должно не только со тщанием вникать в содержание этой таинственной Книги, но и исполнять написанное в ней ради нашего спасения. А так как времени осталось мало, то, помолясь сердечно, приступим к изложению предметов, относящихся к блаженному и вечному пребыванию с Господом Богом помилованных и спасенных народов после Страшного Суда.

Откровение о последних судьбах человечества запечатлено, как вы уразумели, любимым учеником Господа, святым апостолом и евангелистом Иоанном Богословом.

Пусть никто не задается недоуменным вопросом, где же разместит Бог всех удостоенных спасения. *И увидел я новое небо и новую землю, – свидетельствует святой Иоанн, – ибо прежнее небо и прежняя земля миновали, и моря уже нет.* Каким же предстанет очам праведников их новое место обитания? Никакое человеческое постижение не может вместить ту славу и величие Небесного Царствия, что сокрыты в следующих словах: *И я, Иоанн, увидел святой город Иерусалим, новый, сходящий от Бога с неба, приготовленный как невеста, украшенная для мужа своего. И услышал я громкий голос с неба, говорящий: се, скиния¹ Бога с человеками, и Он будет обитать с*

¹ Скиния – шатер, служащий образом храма Божия.

ними; они будут Его народом, и Сам Бог с ними будет Богом их. И отрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет, ибо прежнее прошло. И сказал Сидящий на престоле: се, творю все новое... И сказал мне: совершилось!

Как бы ни был на земле счастлив человек, какой бы полнотой жизни ни наслаждался, ему никогда не вкусить подлинного блаженства там, где все непрочно и непостоянно, где бесконечные искушения и соблазны, где нас окружают болезни и несчастья, где, наконец, смерть еще пожинает свои плоды. А там изменения к худшему уже не будет. Там опасаться лукавого змия, губительных его искушений нечего! Там уже не будет места страданиям и смерти, ибо диавол и смерть, и все соблазны найдут свое место в озере огненном. Спасенные народы будут ходить во свете Агнца Христа, *и цари земные принесут в него славу и честь свою*. Святой Иоанн продолжает свое богооткровенное свидетельство: *И вознес (Ангел) меня в духе на великую и высокую гору, и показал мне великий город, святой Иерусалим, который нисходил с неба от Бога*. Что же было средоточием этого дивного города? Может быть, улицы его, подобные чистому золоту, прозрачному стеклу, вели к великому храму? *Храма же я не видел в нем, ибо Господь Бог Вседержитель – храм его, и Агнец* (Сын Божий, Господь Иисус Христос).

Если весь город подобен чистому золоту, а стена городская построена из драгоценного камня ясписа, то сколько в нем света ясным днем! Но как же освещается город в ночное время? *..Город не имеет нужды ни в солнце, ни в луне для освещения своего; ибо*

слава Божия осветила его, и светильник его – Агнец», подобный драгоценному камню, как бы «камню ястису кристалловидному. Ворота его не будут затираться днем, а ночи там не будет. ...И не будут (рабы Агнца) иметь нужды ни в светильнике, ни в свете солнечном, ибо Господь Бог освещает их.

Много ли ворот в большой и высокой стене города? *С востока трое ворот, с севера трое ворот, с юга трое ворот, с запада трое ворот.* На этих двенадцати воротах стоят двенадцать Ангелов, каждые ворота были из одной жемчужины: двенадцать ворот – двенадцать жемчужин.

Друзья, подумаем, какими нужно быть, чтобы дерзнуть пройти сквозь жемчужные ворота в небесный град! Что говорит об этом Откровение?

И не войдет в него ничто нечистое, и никто преданный мерзости и лжи, а только те, которые написаны у Агнца в книге жизни... Блаженны те, которые соблюдают заповеди Его, чтобы иметь им право на древо жизни и войти в город воротами. А вне – псы и чародеи, и любодееи и убийцы, и идолослужители и всякий любящий и делающий неправду.

Что значит пребывание вне святого града кого-либо из людей? *И ничего уже не будет проклятого (во святом граде). Боязливых же и неверных, и скверных и убийц, и любодеев и чародеев, и идолослужителей и всех лжецов – участь в озере, горящем огнем и серою.*

Страшно, но и спасительно все, открываемое нам Писанием. Неверными оно называет людей, не пожелавших принять Святое Крещение в лоне Святой, Соборной и Апостольской Церкви, к чему призывает нас вера в Спасителя мира Иисуса Христа. Очевидно,

достойны наказания и все те, кто, приняв Крещение, отступили от верности Христу и запятнали себя перчисленными пороками, так никогда и не очистив совесть покаянием. Ничто нечистое не войдет, ибо и не может войти в святой град! Какую же должно соблюдать нам чистоту ума и сердца, чтобы сподобиться помилования на Суде Господнем и иметь участие в Небесном Иерусалиме! Поистине без Покаяния, Таинства Исповеди и Причащения во оставление грехов – не спастись никому! Какие еще особенности этого дивного града? *Город расположен четвероугольником, и длина его такая же, как и широта.* Золотой тростью Ангел измерил город и оказалось, *что длина и широта и высота его равны.* Во всем наблюдаются Божественная мера. Так и мы, христиане, во всем должны соблюдать меру и проявлять рассудительность. «То, что не в меру, то от лукавого», – сказали святые отцы.

Стена города имеет двенадцать оснований, и на них имена двенадцати Апостолов Агнца. Понимаете теперь, почему мы именуем Церковь Христову – Град великого Царя – Апостольской?

Основания стены города украшены всякими драгоценными камнями. Далее святой Иоанн перечисляет наименования этих камней, на каждом из которых начертано имя одного из двенадцати Апостолов. Среди камней – яспис, сапфир, топаз, гиацинт, аметист... Смогли бы вы поразмышлять, на каком камне имя какого Апостола начертано? В толковании Апокалипсиса святым мужем древности Андреем Кесарийским есть об этом упоминание. Любознательнейшие из наших читателей найдут эту замечательную книгу.

А что можно узнать об упомянутом святым Иоанном древе жизни? – *И показал (Ангел) мне чистую реку воды жизни, светлую, как кристалл, исходящую от престола Бога и Агнца. Среди улицы его (града), и по ту и по другую сторону реки, древо жизни, двенадцать раз приносящее плоды, дающее на каждый месяц плод свой; и листья дерева – для исцеления народов. И ничего уже не будет проклятого; но престол Бога и Агнца будет в нем (во граде), и рабы Его будут служить Ему. И узрят лице Его, и имя Его будет на челах их.*

Если кто из нас возжелал прикоснуться к чудному древу жизни, на земле должен с любовью почитать и носить на себе малое подобие этого древа – нательный крестик. И не только носить его, но и иметь в сердце своем Крест Господень, который дает нам силу побеждать грехи и сокрушать все козни лукавого.

Осмелимся же задать тайнозрителю Иоанну еще одно вопрошение: дозволено ли будет рабам Божиим вкусить от этой светлой, словно кристалл, реки? *Жаждающий пусть приходит, и желающий пусть берет воду жизни даром.*

Вот такова милость и любовь нашего Владыки! Ибо нам с вами, чадам Его непорочной Невесты, Церкви Христовой, сказано это. И каждый из читателей да употребит все усилия веры, чтобы еще здесь на земле напитать свою бессмертную душу водой живой – благодатью Святого Духа. Слышите! Христос подает ее даром – всякому, кто верует в Него и творит дела правды: приняв Святое Крещение, кается, молится, причащается и в простоте сердца любит тех, кого любит Бог – людей, созданных по Его образу и подобию.

Приклоним же ухо, дабы услышать еще раз грозный глас Спасителя и Судии нашего: *Я есмь Альфа и Омега, начало и конец, Первый и Последний* (Откр. 22, 13). *Неправедный пусть еще делает неправду; нечистый пусть еще сквернится; праведный да творит правду еще, и святой да освящается еще. Се, грядущи скоро, и возмездие Мое со Мною, чтобы воздать каждому по делам его.*

Архимандрит Кирилл (Павлов) ✠

О ВОСКРЕСЕНИИ ХРИСТОВОМ И ОБЩЕМ ВОСКРЕСЕНИИ

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

*Д*орогие братья и сестры, сегодня мы празднуем отдание – последний день – великого и светлого праздника Воскресения Христова. Ни одно событие в истории Христианской Церкви и в истории всего нравственного мира, ни одно событие и в жизни Господа нашего Иисуса Христа не празднуется с такою радостью, торжественностью и продолжительностью как Воскресение Христа Спасителя. Вся Светлая седмица пасхальная, по намерению Церкви, должна праздноваться как один всерадостный день, посвященный торжественному воспоминанию победы Христа над смертью. Целых сорок дней со дня Воскресения святая Церковь оглашается восторженным пением всерадостной песни «Христос воскрес!» Долго празднуем мы этот светлый праздник, не в пример никакому другому празднику. Поистине светлое Воскресение Христово есть праздников праздник и торжество из торжеств христианского мира. Но не только потому празднуется этот праздник так долго. Настоящая причина в том, что Сам Господь по Воскресении Своем долго, так сказать, проповедовал Свое Воскресение. В продолжение сорока дней Он являлся то мироносицам, то апостолам, и из них то

одному, то нескольким, то многим совокупно, и каждый раз поселял в душах их радость и уверенность в истинности Его Воскресения.

Вот поэтому и мы целых сорок дней празднуем Пасху, вспоминаем и прославляем Воскресшего Господа и Спасителя нашего до самого Вознесения Его на небо, которое последовало в сороковой день по воскресении Его, во время последнего явления Его апостолам. Святой писатель книги Деяний святых апостолов евангелист Лука в начале книги Деяний так повествует об этом событии: *Первую книгу написал я к тебе, Феофил, о всем, что Иисус делал и чему учил от начала до того дня, в который Он вознесся, дав Святым Духом повеления апостолам, которых Он избрал, которым и явил Себя живым, по страданиям Своим, со многими верными доказательствами, в продолжение сорока дней являясь им и говоря о Царствии Божиим* (Деян. 1, 1–3). Господь в течение сорока дней являлся святым апостолам и учил Царствию Небесному, как устроить Церковь Божию на земле со всеми ее спасительными Таинствами. И хотя о содержании Его бесед о Царствии Небесном не упоминается, но, по мнению святых отцов Церкви, в это время Господь преподавал учение о Таинствах Церкви, которые служат источниками благодатных дарований для верующих и о которых в Евангелии не так ясно и подробно повествуется или совсем умалчивается.

Воскресение Христово есть торжество и утверждение нашей веры, торжество и опора нашей надежды, торжество любви христианской, торжество всего наиболее дорогого, святого для нас. И понятна причина всерадостного непрерывного празднования Воскресения Христова. Если бы Христос не воскрес, то не было бы и веры нашей святой, мы были бы самыми

несчастливыми из всех созданий, не было бы у нас никакой надежды на спасение, и погибли бы мы тогда во грехах своих во глубине ада. *Если Христос не воскрес*, – говорит святой апостол Павел, – *то вера ваша тщетна: вы еще во грехах ваших* (1 Кор. 15, 17). Поэтому только в Воскресении Христовом мы удостоверяемся, что грехи наши искуплены Его смертью и страданиями, и в Нем мы имеем упование и надежду нашего будущего воскресения. Поистине, если воскрес Христос из мертвых, воскрес Своею собственною Божественною силою, то может ли быть после этого сомнение в том, что Он есть истинный Сын Божий, истинный Бог, имеющий владычество над жизнью и смертью, Который может воскресить всех людей Своею Божественною силою? Ведь главная сила христианства заключается в том, чтобы признавать Господа Иисуса Христа Спасителем мира, добровольно подъявшим на Себя грехи всего мира. А чтобы в Нем можно было признать это могущественное качество, нужно совершенно удостовериться, что Он есть Сын Божий и истинный Бог.

Воскресение Христово есть торжество и нашей надежды. Ведь все благие надежды христианина в этой жизни сводятся к тому сладостному чаянию, что люди после скорбей и лишений здешней, земной жизни и после смерти телесной в predetermined Богом время воскреснут из мертвых, войдут в Царствие Божие, и все возлюбившие Бога будут вечно блаженствовать телом и душой.

Эта святая надежда услаждает горечь настоящей жизни, помогает нам терпеливо и мужественно переносить все труды, лишения, скорби, несчастия, не падая под их бременем, но безропотно неся возложенный на нас Промыслом Божиим крест. Но что может

быть для христианина ручательством тому, что надежда эта не посрамит его, что за скорбями здешней жизни действительно наступит вечно блаженная жизнь, а не уничтожение человека? Что дает нашей надежде жизнь, что сообщает силу нашему непоколебимому чаянию будущего воскресения? Слово Божие Ветхого и Нового Завета вещает убедительно, что при конце мира последует общее воскресение мертвых. В Ветхом Завете пророк Исаия взывает ко Господу: *Оживут мертвецы Твои, восстанут мертвые тела! Воспряните и торжествуйте, поверженные в прахе: ибо роса Твоя – роса растений, и земля извергнет мертвецов* (Ис. 26, 19). А пророк Иезекииль даже созерцал величественное зрелище всеобщего воскресения людей; он зрел в видении, как по повелению Божию *стали сближаться кости умерших, кость с костью своею, как жилы были на них, и плоть выросла, и кожа покрыла их сверху, и как вошел в них дух, и они ожили, и стали на ноги свои – весьма, весьма великое полчище* (Иез. 37, 7–10). В Новом Завете Господь говорит: *Истинно, истинно говорю вам: наступает время, и настало уже, когда мертвые услышат глас Сына Божия и, услышав, оживут... и изыдут творившие добро в воскресение жизни, а делавшие зло – в воскресение осуждения* (Ин. 5, 25, 29).

Какое отрадное, ясное учение, могущее окрылить надежду христианина на будущее воскресение из мертвых и жизнь вечную! Но для восприятия этого слова нужна тоже сильная вера, чтобы на вере в него непоколебимо утвердить надежду на будущее воскресение, колеблемую постоянными примерами смерти и разрушения без случаев воскресения. Правда, некоторые случаи воскресения мы встречаем и в чудесном житии святых пророков Илии и Елисея, и

в Новом Завете – воскрешения, совершенные Господом Иисусом Христом и святыми Его учениками. Но эти примеры воскресения мертвых не служат непроборимым доказательством всеобщего воскресения мертвых. *Если Христос не воскрес, – говорит апостол Павел, – то и проповедь наша тщетна, тщетна и вера ваша* (1 Кор. 15, 14). Почему же так? Потому что воскрешенные Иисусом Христом и святыми угодниками воскресли в том же бренном теле, в каком живем и мы, и воскресли только на короткое время и снова умерли. А в день последнего воскресения люди воскреснут в теле совсем другом – духовном, бессмертном, никогда не умирающем. Вот почему эти примеры не могут ручаться за истину всеобщего воскресения, они суть только образы будущего воскресения. Но есть событие в жизни Богочеловека, делающее веру нашу в воскресение и нашу надежду непоколебимой: это Воскресение Христово. Воскрес из мертвых Христос – и истина нашего всеобщего воскресения становится несомненной. *Христос, воскреснув из мертвых, уже не умирает: смерть уже не имеет над Ним власти* (Рим. 6, 9).

Таким образом, Воскресение Христово есть верное свидетельство о воскресении с телом духовным, нетленным. Воскрес Христос из мертвых – и наше воскресение становится несомненным, наша надежда становится несокрушимой. Воскресение Христово находится в неразрывной, органической связи с нашим воскресением. *Христос воскрес из мертвых, Первенец из умерших. Ибо, как смерть через человека, так через человека и воскресение мертвых. Как в Адаме все умирают, так во Христе все оживут, каждый в своем порядке: первенец Христос, потом Христовы, в пришествие Его* (1 Кор. 15, 20–23). Итак,

Воскресение Христово есть утверждение нашей надежды, величайшее торжество ее.

Наконец, Воскресение Христово есть величайшее торжество и любви христианской. Любовь христианская требует от христианина тяжелых трудов, борьбы, опасностей, страданий, самоотвержения до смерти. Любовь к Богу требует от христианина самоотречения, готовности положить свою жизнь во славу Божию, за святую веру Его, за закон Его. Любовь к ближнему требует от нас неусыпных трудов во благо ближним до готовности жертвовать всеми своими сокровищами, даже самой жизнью, во благо ближним. Истинная любовь к самому себе требует от христианина духовной нищеты, самоумерщвления, самоисправления, самоусовершенствования, непрерывных трудов для очищения своей растленной природы.

Все эти жертвы для нашей самолюбивой природы подчас бывают весьма тяжелы. Стоит ли подвергать себя всем этим лишениям и трудам, не лучше ли жить в свое удовольствие и делать таким образом свою жизнь приятною? Так внушает нам часто наше плотоугодливое самолюбие. Нет, не лучше! Ибо *что посеет человек, то и пожнет: сеющий в плоть свою от плоти пожнет тление* (Гал. 6, 7–8). Самолюбивая жизнь ведет человека к погибели, напротив, самоотверженная любовь приносит обильные плоды. Любовь Христова – очевидное доказательство этой истины. Господь Иисус Христос любил и любит Отца Своего Небесного беспредельною любовью. По любви и послушанию Отцу Небесному Он положил душу Свою за искупление человеческого рода. Ради спасения людей Он претерпел поругания, оплевания, заушения, бичевания, страшные страдания и ужасную смерть на Кресте.

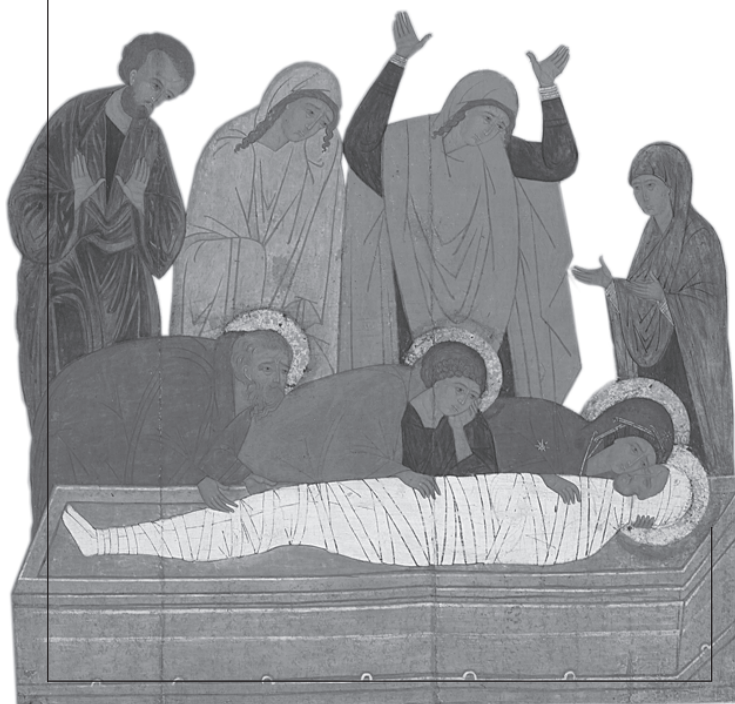

И каков же плод этой самоотверженной любви к Богу и ближним? Плод бесценен и для Самого Иисуса Христа, и для Отца Небесного, и для человеческого рода. Иисус Христос после Своих тяжких страданий и ужасной смерти, любвеобильный Господь, в третий день воскрес во славе в нетленном прославленном теле и получил от Бога Отца всякую власть на Небе и на земле. Своею смертью Он прославил Отца Своего Небесного на земле, явил миру любовь к нему Отца Небесного. Своею крестною смертью Он даровал возможность Отцу Небесному сокрушить на земле диавола и основать благодатное царство Сына Его – Церковь Христову. А для людей плодом любви Христовой было их искупление, дарование вечного блаженства. Вот каковы бесценные плоды любви Христовой. И сколько же душ человеческих под влиянием любви Христовой, при свете Воскресения Христова возжгли в своих сердцах ответную любовь к Богу и к ближним – не подлежит счету! Таким образом, Воскресение Христово есть истинное торжество любви Христовой.

«Сей день, егоже сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся вонь!» Провожая этот величайший светносный праздник и получив от него величайшее утешение и радость, будем всегда помнить Воскресение Христово – торжество из торжеств, и этой истиною будем окрылять себя в вере, надежде и любви. С несомненною верою в наше будущее воскресение за все всегда будем благодарить благодетеля Бога, с несомненною верою во все возвещенное нам в святом Евангелии, и в последний раз от всего верующего сердца скажем: «Христос воскрес!» Аминь.

Глава 7 ✠

ПОМИНОВЕНИЕ УСОПШИХ

Святитель Димитрий Ростовский ✠

О ТОМ, ЧТО НЕ ДОЛЖНО ПРЕДАВАТЬСЯ НЕУМЕРЕННОМУ СЕТОВАНИЮ ПО УСОПШИМ

Да не смущается сердце ваше, ни устрашает. Аще бысте любили Мя, возрадовалися бысте (убо), яко рех: иду ко Отцу.

Ин. 14, 27–28

Великую печаль и сокрушение сердца причиняет разлука между людьми, любящими друг друга. Апостол Павел, располагаясь идти в Иерусалим, созвал пастырей Ефесской Церкви и, предав им душеполезное наставление, сказал: *Ныне, се, аз вем, яко к тому не узрите лица моего вы вси, в нихже проидох проповедуя Царствие Божие* (Деян. 20, 25). Когда он прекратил свою беседу к ним, тогда *много же бысть плач всем: и нападше на выю Павлову, облобызаху его; скорбяще наипаче о словеси, еже рече, яко кому не имут лица его узрети* (Деян. 20; 37–38). Так печальна и прискорбна бывает разлука между любящими, и особенно в то время, когда разлучившиеся не могут видеть друг друга. Величайшая же бывает скорбь, когда любящие друг друга разлучаются смертью; ибо смерть есть разлучение души от тела, от друзей и сообщников. О, как болезненна бывает эта смертная разлука! Когда братья продали Иосифа в Египет и, обагрив кровью ризу его, послали ее к отцу

своему; тогда Иаков, узнавши одежду сына своего и полагая, что он похищен лютым зверем, растерзал ризы¹ свои, возложил на себя вретиче и несколько дней плакал от сильной душевной скорби. Сыны и дочери утешали его, но он не хотел принимать никаких утешений и говорил: *Яко сниду к сыну моему селуя во ад* (Быт. 37, 35).

Возвещено было Давиду, что Авессалом, злонаправный и мятежный сын его, убит на брани, которую он беззаконно воздвиг на отца своего. Можно было ожидать, что Давид возрадуется о погибели такого сына или, лучше сказать, врага своего; но и здесь смертная разлука причинила горький плач. *И смятеся Царь, –* говорит Божественное Писание, *– и взыде на горницу яже на вратех, и плакася: и тако глаголаше, егда плакаше: сыне мой, Авессаломе, кто даст смерть мне вместо тебе? Аз вместо тебе, Авессаломе, сыне мой* (2 Цар. 18, 33).

Спаситель наш перед смертью Своею, когда надлежало Ему разлучиться с любившими Его Апостолами, возвестил им о сей разлуке, сказав: *Еще с вами мало есмь: взыщите Мене и не обрящете, яко аможе Аз иду, вы не можете прийти* (ср.: Ин. 13, 33). Как подействовало это на Апостолов? Они поражены были невыразимой скорбью, так что не могли при сем произнести ни одного слова. Сам Спаситель о том свидетельствует: *Ныне же иду к Пославшему Мя, и никтоже от вас вопрошает Мене, камо идеши? Но яко сия глаголах вам, скорби исполних сердца ваша* (Ин. 16, 5–6).

Итак, не подлежит сомнению, что разлука любимого с любящим, и особенно разлука смертная, при-

¹ Риза – верхняя одежда, хитон.

чиняет людям печаль: разлука друга с другом, братьев с братьями, детей с родителями, родителей с детьми не бывает без горького плача. Но так ли это должно быть, особенно в новой благодати? На этот вопрос я хочу получить и передать сетующим ответ Самого Господа из Божественного Писания. Скажи нам, Христос Спаситель, следует ли безмерно скорбеть, когда кто из любимых нами Твоим изволением отлучается от нас временной смертью? Ответствует нам Господь то же самое, что говорил сетовавшим Апостолам: *Да не смущается сердце ваше, ни устрашает* (Ин. 14, 27). Как бы так сказал Спаситель наш: «Не о том помышляйте, что Я оставляю вас и что Меня разлучает с вами смерть безчестная, в летах еще непреклонных, но о том, что я иду к Отцу, отхожу от многопечальной жизни сей к жизни безконечной, где нет ни болезни, ни печали, ни воздыхания». А что сказал Он Апостолам, то сказано всем верующим в Него, дабы они в скорбях, особенно при смертной разлуке, могли находить утешение в том, что верующий во Христа, в каких бы летах и какую бы смертью ни умирал, переходит от жизни сей, исполненной бедствий и скорбей, к Отцу Небесному.

*Да не смущается сердце ваше, ни устрашает...
Аще бысте любили Мя, возрадовалися бысте убо, яко рех: иду ко Отцу* (Ин. 14, 27–28).

Если позволительно сетовать о разлуке с любимым человеком, то разве в таком только случае, когда разлучившийся друг переходит из лучшего состояния в худшее. А смерть верующих во имя Христово не что иное есть, как разлучение души от тела, а с тем вместе – освобождение от бедствий мира сего и переход к благам Небесным. Дабы более увериться в

истине сей, рассудим: что есть настоящая жизнь, или что есть человек, пребывающий в жизни сей?

Для разрешения предложенного вопроса не будем искать пособия в мирских науках, ни у древних мудрецов. Вопросим Духа Святого, глаголюща в Писании, и собственный наш опыт: что есть настоящая жизнь? Это есть испытание многих бедствий в короткое время. Так описывает ее праведный Иов: *Человек бо рожден от жены малолетен и исполнь гнева: или яко же цвет процветый отпаде; отбеже же, яко сень, и не постоит* (Иов. 14, 1–2). Кратковременная жизнь эта подобна цветку, который утром процветает, а к вечеру отпадает: *Утро яко трава мимо идет, утро процветет и преидет: на вечер отпадет, ожестеет и изсхнет* (Пс. 89, 6). Желая изобразить краткость жизни человеческой, Иов говорит, что она протекает быстрее скорохода, быстрее корабля, ветром носимого, быстрее птицы, летящей на корм: *Житие же мое есть легчае скоротечца: отбегоша и не видеша. Или есть кораблем след пути, или орла летяща, ищуща яди?* (Иов. 9, 25–26). Скоро протекает жизнь, но в малом времени много различных бед наводит на человека. *Жена егда раждает, скорбь имать, яко прииде год ея; егда же родит отроча, к тому не помнит скорби за радость, яко родися человек в мир* (Ин. 16, 21). Она радуется о новорожденном, а не рассуждает, на радость ли родила его; не рассуждает, что человек происходит на свет для трудов, болезней и печалей, как птица для летания. На радость ли мать родила Моисея? *Роди, – говорит Писание, – мужеский пол; видевшие же его лепа, крыша его три месяцы* (Исх. 2, 2). Радостно ли было укрывать Моисея от смерти? Но и эта плачевная радость

продолжалась только три месяца. Не могли долее скрывать младенца, мать положила его в ковчежец² и пустила на воду. Вот на какую радость родился он, – на то, чтобы из чрева материнского быть перенесенным в волны речные.

На такие же радости и все мы рождаемся в мир сей. Едва человек произойдет на свет, как вдруг начинают обуревать его на море житейском свирепые волны бесчисленных бедствий. Для удостоверения в этом рассмотрим хоть некоторые постигающие его в жизни бедствия, как телесные, так и душевные. О, как много испытывает их тело человеческое! Во-первых, само оно есть существо бренное, внутри нечистое, извне неблаговидное в наготы своей, подлежащее тлению и всем немощам, а потому требующее врачей, лекарств, кровопускания, теплиц и пр.; по временам терпит холод и жар, алчет и жаждет; когда ест и пьет мало, – ропщет, а когда много, – отягчается. Второе, во всяком возрасте есть свои бедствия, недостатки или неприятности; в детстве – слабость, несмысленность, учение, страх; в юности – непостоянство, легкомыслие; в мужеских летах – труды, заботы, гонения, вражда, ревнование; в старости – всегдашняя немощь, лишение памяти, уничижение. Третье, самые чувства нередко служат более к мучению, нежели к пользе человека, более погубляют, нежели пособляют. Сколько зол и своих, и чужих мы видим глазами; сколько оскорбительного мы слышим ушами – укоризны, досаждения, оклеветание; сколько страдает вкус, когда нужда, например, голод, заставляет употреблять пищу, не свойственную природе человеческой! Что же сказать о бедствиях душевных,

² Ковчежец – сумка, кошелек, ящик.

внутренних? Душа подлежит грехам и многим опасностям падения: ибо она имеет внутреннего и неотлучного неприятеля – похоть, которая, как некое бремя, преклоняет человека к плотским вожделениям, так что он должен непрестанно бороться с ними, если не хочет уподобиться скоту и погибнуть. Посему-то Иов говорит: *Не искушение ли житие человеку на земли?* (Иов. 7, 1). Что сказать еще о бедствиях душевных внешних: о зависти, ненависти и напастях, кои от других кому-либо или от него другим наносимы бывают? Они неизбежны во всяком состоянии и во всяком роде жизни. Если ты в высоком звании, то какое множество козней видишь против себя! Сколько подвергаешься зависти, проискам, ненависти. Если же состоишь в низком звании, то ты с прискорбием видишь себя уничиженным и подлежащим власти сильнейших. Откуда проистекают столь многие жалобы и воздыхания? Кто стоит высоко, тот хочет взойти еще выше; кто имеет много, желает большего; кто мало имеет, ищет многого, а кто ничего не имеет, тот хочет иметь. Но кто исчислит все бедствия, постигающие человека в краткое время жизни его? Если бы, впрочем, и не было ни одного из этих бедствий, то довольно было бы и того, что всем нам предстоит смерть. Одного этого зла достаточно, чтобы лишить нас всех утешений и радостей земных. Тот, кому объявлен смертный приговор, не может веселиться, зная, что он осужден на смерть. Можем ли посему и мы предаваться радости и мирским утехам, слыша определение Божие, изреченное в Небесном Судилище и написанное святым Павлом: *Лежит³ человеком единою умрети, потом же суд* (Евр. 9, 27)?

³ Лежит – положено.

Но не одно это зло, а и многие совмещаются в краткой земной жизни. Помыслите о бедственном состоянии заключенных в темнице, таково именно состояние души, доколе она обитает в теле, – ибо тело есть темница ее, и потому-то Псалмопевец взывает к Богу: *Изведи из темницы, т. е. из тела сего, душу мою* (Пс. 141, 8). Вспомните, какие неприятности сопровождают людей в чужих странах, незнакомых и отдаленных от Отечества: те же неприятности и с каждым случаются во временной жизни, – ибо жизнь сия есть странствие, как говорит Божественный Павел: *Живущие в теле отходим от Господа* (2 Кор. 5, 6). Представьте себе бедствия пребывающих в изгнании из города, из дома, из Отечества: все они случаются в жизни каждого человека, – ибо жизнь сия есть изгнание, ссылка, по словам того же Апостола: *Не имамы zde пребывающаго града, но грядущаго взыскуем* (Евр. 13, 14). Помыслите, какое несчастье быть в плену, в оковах, в смертной опасности; все это случается в жизни каждого, – ибо временная жизнь есть не что иное, как плен и повседневная смерть, по сказанию Апостола Павла: *Окаянен аз человек, кто мя избавит от тела смерти сея?* (Рим. 7, 24). Представьте страх живущих в храмине, угрожающей падением—это есть изображение жизни нашей: *Вемы бо, яко аще земная наша храмина тела разорится* (2 Кор. 5, 1). От того-то святые Божии желали лучше умереть и жить со Христом, нежели продолжать жизнь на земле. *Кто мя избавит от тела смерти сея?* – вопиял святой Павел (Рим. 7, 24). *Ибо суцши в теле сем въздыхаем отягчаеми: понеже не хоцем совлещися, но пооблещися, да пожерто будет мертвенное животом* (2 Кор. 5, 4). Посему гораздо счастливее те,

которые исполняют смертный долг в юных летах, нежели те, которым достается в удел долголетняя жизнь; ибо умирающие в юности и телесных бедствий менее претерпевают, и душевных зол гораздо менее соделывают, и скорее переходят за Христом к Отцу Небесному в жизнь безбедную и беспечальную.

Да не смущается убо сердце ваше, родители, лишаящиеся чад своих в юном возрасте. Если вы любите их, то должны более радоваться тому, что они изволением Божиим от плачевной жизни сей скоротечно восходят к Отцу Небесному. По родительской любви вы желали бы жить с ними неразлучно, но в настоящей жизни это невозможно. Желайте быть неразлучно с ними в жизни вечной; а на земле – доколе Бог изволит. Вы не лишились, не потеряли умершего, но препослали его из страны изгнания в Отечество, из плена и оков – на свободу, от земли – на Небо, от смерти – к Жизни. Да сподобит премилосердый Господь и вас, после многовременной жизни, достигнуть сего блага и Вечного Веселья с Ним и с Ангелами и со всеми Святыми, и славословить Отца, и Сына, и Святого Духа, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Протоиерей Димитрий Смирнов ✦

ПОМИНАЯ УСОПШИХ, ПОДУМАЕМ И О СЕБЕ

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Сегодня Церковь совершает Вселенскую родительскую субботу, день поминовения всех усопших. Помимо рядового Евангелия, где евангелист Лука приводит слова Спасителя о дне Страшного Суда, мы слышали также Евангелие от Иоанна, которое всегда читается во время отпевания или когда совершается заупокойная литургия. Эти два евангельских чтения удивительным образом сочетаются. Потому что будет день Последнего Суда, когда все люди, начиная от Адама и кончая нашими днями (если этот день случится завтра), воскреснут. А те, кто к тому времени будут живы, изменятся, то есть их плоть претерпит изменение – как Христос воскрес, и Его Тело стало другим после воскресения, такое изменение плоти ожидает и каждого человека. Потому что когда человек умирает, его душа отделяется от тела, и он в своей целостности перестает существовать. Душа продолжает жить в загробном мире, а тело – кого сожгут, кого в земле черви съедят, а иногда и рыбы морские, всякое бывает. Конечно, такое бытие не есть полнота.

И вот Христос стал Первенцем из мертвых, как на Пасху поем: «смертию смерть поправ» – потому

что Он уничтожил этот окончательный для нас смертный приговор. Придет время – и все люди воскреснут. Одни воскреснут для жизни вечной со Христом, а другие воскреснут для вечной муки, потому что они жизни со Христом лишились.

Евангелист Иоанн в Евангелии, которое мы обычно называем заупокойным, приводит слова Христа Спасителя: *Истинно, истинно говорю вам: слушающий слово Мое и верующий в Пославшего Меня имеет жизнь вечную, и на суд не приходит, но перешел от смерти в жизнь. У любого человека спроси: скажи, дорогой, хотел бы ты не умирать, а перейти прямо от смерти в жизнь? – Ну, а что, неплохо бы. – Хорошо, но это только при одном условии: если человек слушает слова Христа Спасителя. Потому Господь и именуется Спасителем, что только Он может спасти. Но как человека спасти, если он слушать о спасении не хочет?! Вот представим себе: кто-то попал в водоворот, и его прямо-таки засасывает. Мы говорим: отгребни сюда, здесь мелкое место, и тихо, и вода с ног не сшибает. А он не слушает, он продолжает грести в противоположную сторону. Ну и что? Понятное дело, он утонет. Почему? Потому что не слушает того, что ему говорят.*

Так и большинство людей совершенно равнодушны к тому, что говорит Бог. От чего происходит это равнодушие? Не оттого, что эти люди преодолели страх смерти. Нет, это происходит вот от чего. Каждый человек трехсоставен: у нас есть тело, у нас есть душа, и у нас есть дух. Что такое тело – объяснять не надо, все мы это хорошо знаем, свое тело лелеем и очень беспокоимся о нем. Более того, большинство людей считают, что главное – это здоровье,

то есть поддержание своего тела в здоровье – это главная цель жизни. Для многих это важнее даже денег, важнее всего. Человеку 90 лет – все равно: «главное – здоровье». И так ему все и желают: «Подольше тебе еще пожить, и чтобы здоровье было, до 150-ти, до 270-ти, чтоб только ты был здоров – это самое главное».

С душой уже сложнее, тут все не так очевидно. Хотя даже если атеисту скажешь: ты человек бездушный, – он обижается. Потому что даже самый зяблый атеист понимает, что душа-то у него все-таки есть, и понимает, что душу эту нельзя ни потрогать, ни ощутить, ни измерить каким-нибудь гальванометром. Душа – она внутри, и вот эта-то душа и страдает, и думает, и обижается, когда скажут: ты бездушный.

А есть еще внутри нашей души самая важная, сокровенная часть. Это наш дух. Об этом многие даже и не подозревают, а многие, хотя об этом и рассуждают, но не совсем правильно понимают, что это за часть существа. Дух – это есть средоточие нашего «я», нашей личности. Дух – это то, собственно, что я собой представляю как таковой. Дух – это то, что отличает меня от животного. И вот у большинства людей он находится в совершеннейшем забвении.

Всех людей, условно, конечно, можно распределить на три категории: кто больше заботится о своем теле – тот человек телесный; кто больше живет жизнью своей души – тот человек душевный. Вот, например, сидят люди за столом. Посидели, выпили, поговорили. Один встает, говорит: «О, отлично поели!» А другой говорит: «Как душевно посидели!». То есть для одного важно поесть, а для другого важнее поговорить. Ему не важно, что был салат с крабами

или блины с красной икрой, ему главное, что пообщались. Поэтому одному главное выпить, а другому главное – с кем. Не так важно – что, главное – с кем. Вот такое противоречие душевного и телесного.

А как же с духовным-то быть? Духовное молчит. И в этом нет ничего удивительного. Большинство людей на земле совершенно равнодушны к хорошей музыке, а слушают всякую ерунду. Большинство людей совершенно равнодушны и не понимают, в чем суть хорошей литературы, допустим, поэзии. Я уж не говорю о живописи, это вообще почти никому недоступно. Почему? Потому что человек в этом плане совершенно не развит. Ему что Рафаэль, что Айвазовский – разницы нет. Айвазовский даже лучше, потому что там море, волны, чайки летают. А здесь какая-то Мадонна, какие-то складки, какие-то пейзажи. А сердце на все это не откликается. Причем не потому, что человек плохой, – нет, упаси Бог! Мы же не говорим про ребеночка, который в колясочке лежит, что он плохой, если он не понимает Рафаэля. Мы говорим, что он маленький и еще не развит.

Так же и у большинства людей на земле дух совершенно не развит. До человека совершенно не доходит смысл слов о спасении – он слова-то слышит и интонации различает, но до сердца ничего не доходит. Как часто учителя литературы бьются с учениками: «Ну, почитай, посмотри, как это прекрасно!» А ученику это совершенно неинтересно, ему давай какую-нибудь песенку, где два-три слова: бу-бу-бу да бу-бу-бу, и все. Ему говорят: это же примитивно. А он неразвитый человек, ему проще «есть» примитивное.

Вот в этом вся наша беда и заключается, что мы вроде и крещеные все, и в церковь ходим, и слушаем,

что здесь происходит, но не все в нас входит. Поэтому большую часть того, чего от нас ждет Господь, мы в силу нашей духовной неразвитости отторгаем. Как кто-то сказал: музыка – это скучнейший из шумов. Шумов всяких много: автомобили, лес шумит, море, а музыка – это из всех шумов самый скучный. Поэтому для большинства людей посещение консерватории, зала Чайковского – это адская мука; он либо спит, либо ерзает, либо думает, куда бы только уйти, потому что как это можно – придти, сесть и час сорок сидеть и слушать какие-то непонятные звуки.

Можно прожить без хорошей музыки, люди прекрасно без этого обходятся. Совсем без музыки не могут жить, но можно же пользоваться суррогатами: вместо цейлонского чая можно морковку сухую заваривать и вполне этим обойтись. Можно обойтись и без большей части той пищи, которую мы употребляем. Можно вместо одежды переодеться в телогрейки и ходить в кирзовых сапогах, а когда сыро – в резиновых. И вполне можно прожить жизнь, и никакого для нас ущерба не будет. Но если мы проживем жизнь, не развившись духовно, то тогда произойдет нечто самое страшное – мы жизнь нашу проживем зря, потому что мы эту свою жизнь потеряем. Потому что цель жизни есть спасение.

У каждого из нас очень много всяких сложностей, трудностей, страданий, болезней и потерь – в общем, у каждого жизнь тяжелая и трудная. И как обычно, если человек что-то такое делает тяжелое, хотелось бы, чтобы был какой-то результат, чтобы из этого что-то вышло. То есть если мы занимаемся выращиванием хлеба, то трудно и грязь месить, и семена доставать, и все это выращивать, и с вредителями бороться. Но

цель – чтобы была буханка хлеба. Если в конце этого ничего не будет, тогда этот труд бессмыслен. Вот так же и наша жизнь. Все наши страдания, весь наш жизненный опыт – это все будет никому ненужное и пустое дело, прямо противоположное делу нашего спасения, если мы не усвоим себе дело спасения. И нам нужно это усвоить.

Поэтому хотим мы того или не хотим, легко нам или трудно, а нам необходимо постигать слово Божие. Сам Господь нам это заповедал. Он сказал: *Исследуйте Писание, ибо оно свидетельствует обо Мне*. Без этого невозможно спастись. Недаром Христа Церковь именует воплощенным Словом Божиим. Откуда можно узнать истину? Спросить у такого же грешного человека, как ты сам? Он тебе так посоветует, что потом всю жизнь не расхлебашь. В сегодняшнем Евангелии есть удивительные слова. Господь говорит: *Я ничего не могу творить Сам от Себя. Как слышу, так и сужу, и суд Мой праведен; ибо не ищу Моей воли, но воли пославшего Меня Отца* (Ин. 5, 30). То есть то, что нам говорил Господь Иисус Христос, это прямо от Отца Небесного, Который нас, как детей, хочет спасти. В Евангелии как раз все и посвящено тому, как нам спастись. И нужно глубоко понять, изучить, что там написано. Потому что в противном случае жизнь наша не имеет смысла.

Конечно, многое за тысячу лет, пока наш народ был православным, мы как-то с молоком матери усвоили... Даже газетчики часто пишут: «не хлебом единым жив человек». Слава Богу, цитируют Священное Писание. То есть в нашей культурной среде слово Евангелия существует. Храмы повсюду стоят и крестами своими свидетельствуют о том, что главное

все-таки не здоровье, а главное – спасение. Поэтому крест ставят выше всего, на самый купол. А если бы главным было здоровье, то Христос прожил бы, может быть, двести лет и умер бы здоровеньким и богатеньким, если бы это тоже было главным. Но Господь в 33 года на Крест взошел, и Его убили, и Он на это пошел добровольно – вот что главное. Более того, Он и нам заповедал: *возьми крест свой и следуй за Мной*.

Что такое нести крест – каждый русский человек хорошо знает. Этого у нас достаточно. А вот что значит «следуй за Мной» – это не очень понятно. Как это за Ним? В Иерусалим всем съездить? Это не всем по деньгам получается. Нет, имеется в виду идти за словом Божиим! Необходимо слово Божие постоянно изучать и вникать в него. Это очень трудно. Большинство людей, живущих на земле, книжки вообще читать не могут, некоторые еще могут газеты читать, а для большинства и это труд невыносимый. Потому что прочел абзац и уже запутался, тяжело, засыпает, неохота, проще телевизор смотреть. А по телевизору, к сожалению, это все не преподается.

Поэтому Господь сказал: *Царствие Божие нудится, и только употребляющие усилие восхищают его*. Только если мы с вами начнем этот труд: если мы начнем читать Евангелие, начнем исполнять то, что в нем написано, пусть сначала в каких-то малых вещах, каких-то пустяках, – то потом постепенно появится возможность того, что Евангелие станет всей нашей жизнью; что мы будем руководствоваться не тем, как соседи живут; не тем, как учили нас родители, потому что они сами часто ничего не понимали, а будем руководствоваться Евангелием.

Конечно, сложно вот так взять и исправить свою жизнь. Это очень трудное дело, но только это и означает идти вслед за Христом. И если мы этот путь не совершаем, хотя бы в какой-то малой степени, то никакого спасения мы не увидим как своих ушей. Мы проживем жизнь, может быть, хорошую, дай Бог. Если о нас люди будут хорошо вспоминать – слава Богу! Это, конечно, лучше, чем если бы плевали в ту сторону, где прах нашего тела был развеян. Это лучше, но это совершенно непринципиально для того, что будет испытывать наша душа.

Давайте представим, что сегодня вечером мы с вами умрем – и что мы будем делать этой ночью? Что будет душа моя делать, если я сегодня вечером умру? Этот вопрос перед нами, как правило, не стоит. А ведь мы можем умереть: сосуд лопнул – и все. Или просто сердце остановилось, а врачи говорят: сердечная недостаточность. Что будет делать наша душа? Мы ничего не знаем, мы как впотьмах.

Если мы будем живы, то мы знаем, что мы будем делать завтра. Я, например, знаю, что если буду жив, то буду служить здесь литургию. А если я буду мертв? Готов ли я к этому? Ведь что значит – умереть? Это значит, что твоя душа пойдет на встречу с Богом, с Господом Иисусом Христом. И что ты Ему скажешь? Ты жил, тебе дали жизнь, тебе дали крест, тебе дали веру, тебе дали детей. Ты веруешь в Бога – молодец. А где твои дети? Как ты их воспитал? Чему ты их научил? Ты своих детей хоть одной молитве научил? Как твои дети постятся? Как твои дети живут со своими женами? Что за слова у них изо рта периодически вылетают?

Что мы на все эти вопросы ответим? Большинству из нас сказать будет нечего. И так во всем. И

оказывается, что жизнь-то наша прожита зря. Потому что все наши вещички, все наши дома, которые есть у нас здесь, на земле, – они здесь и останутся. А для души, для духа своего что мы приобрели? Ничего. Мы должны были приобрести духовный плод, а его у нас как раз и нет: ни любви, ни радости, ни благодости, ни мира, ни воздержания – никакого духовного совершенства. Мы не только этого не искали, мы об этом и знать-то не знали. Хотя это еще не самое страшное, а самое страшное – не хотели знать. Вот в чем дело! Это самая большая печаль – такая наша косность, что мы даже *не хотим* ничего делать для своего спасения.

И на что нам остается надеяться? Не на что. Потому что наша надежда на то, что Бог за нас все сделает, – это надежда безумная. Почему? Да потому, что Он уже все сделал: Он пришел, Он создал Церковь, Он дал Таинства, с помощью которых любой грешник может начать вести жизнь небесную, – святое Покаяние, святую Евхаристию, святое Крещение, святое Елеосвящение, святое Таинство брака. Все дал, а нам хоть бы что! При этом мы еще и благодушествуем. Действительно, на краю деревни уже дома горят, а мы смотрим: у, до нас еще далеко. Какое *далеко*! Все всё равно будем умирать, все будем судимы. Надо об этом нам все время крепко думать. И не просто так, на кухне, подперев щеку кулачком, а мы должны попытаться реально себе все это представить. Если будет плохо представляться, можно сходить на кладбище, сесть там на лавочку, открыть паспорт, посмотреть, какого ты года рождения, и посмотреть вокруг, какие там покойники лежат – начиная от младенчества, и поинтересоваться, много ли таких,

как ты, твоего года рождения? И окажется, что полным-полно.

Смерть может наступить и завтра, и послезавтра, да хоть через 50 лет – все равно они быстро пролетят. Если мы откладываем решение проблемы на потом, значит ли, что она исчезнет? Нет, не исчезнет, она только усугубится. Потому что кому легче начать свое спасение: здоровому мужчине в 25 лет или старцу в 75? Кому легче учиться, читать, поститься, поклоны делать, в храм ходить? Тому, у кого все болит, кто уже ничего не понимает, кому душно, и плохо, и непонятно, что вокруг происходит, – или человеку в расцвете сил? Если всё это хорошенько себе представить, то состояние наше отчаянное – если бы не милость Божия.

Незадолго до Великого поста в храме читается притча о блудном сыне. Любой человек, как бы он плохо ни прожил, но если у него в сердце хоть чуть-чуть что-то зашевелится – совесть, желание спасения, если он начнет задумываться о своей жизни, о смерти и если он захочет придти на встречу с Богом – Господь Сам выбежит ему навстречу. Не выйдет, а выбежит – так сказано в Евангелии. Вот какая милость Божия. Поэтому, если мы с вами не спасемся, то этому виной будет только наша собственная лень и предпочтение собственной плоти и души своему духу. Выбираем сами. Каждый сам выбирает, куда ему идти: на базар или в церковь. Каждый выбирает сам: поститься ему или не поститься. Каждый выбирает сам: причащаться ему Святых Христовых Таин или отложить на потом. Потом? Ну, потом так потом. Была бы честь предложена. А честь предложена – Христос Себя распял на Кресте.

Так вот, Господь от нас ждет, чтобы мы от этого равнодушия к духовной жизни были исцелены. Нам нужно в этом покаяться, нам нужно обязательно это все пересмотреть, переосмыслить. Тогда каждый день, отпущенный нам, будет приобретать большой смысл. Потому что каждый день можно думать только о том, сколько заработал, или сколько посуды перемыл, или сколько внуков посетил, или как на кладбище убрал цветами могилы своих сродников. И то сделал, и это – как хорошо, весело на душе, пей, душа, и веселись. А можно думать: приблизился ли ты за этот день к Царствию Небесному или не приблизился? Сделал шаг к Богу или не сделал? А чтобы сделать шаг к Богу, что для этого нужно? Вот возьми и почитай! Тяжело, трудно? Ничего, потрудись, помучайся. Царствие Божие нудится. Если с помощью денег можно другого заставить на себя работать, то усвоить слово Божие таким образом невозможно. Невозможно кому-то сесть на шею, чтобы кто-то за тебя трудился, и въехать так в Царствие Небесное. Как часто считают: вот вы священники – вы и молитесь.

Очень интересное явление – сегодня видел, как многие люди подходят к будочке рядом с храмом, прямо там отдают свечку, записочку и пять рублей к этому. И человек идет дальше, не заходя в храм, и на душе у него спокойно, что «они там помолятся за мои пять рублей», и свечка сторит, и все в порядке. А что ты, собственно, дал? Ты дал сколько-то рублей. Это, конечно, неплохо, что ты пожертвовал, но где участие твоей души? Где твоя молитва? За тебя «дядя» будет молиться? Но ведь это же наше общее дело! А человек думает, что все само собой произойдет. Нет! Само, без

участия нашей души, без нашей молитвы ничего не получится.

Это не значит, что молитва Церкви недействительна. Но ведь понятно, что если ты знаешь, что за человек стоит за каждым именем в записке: Петр, Февронья, Харитон, Иван, Пелагея, – если ты знаешь, как они жили, как страдали, от чего умерли, ты же с особым теплом в сердце будешь молиться. И только формальный акт, пусть даже сопряженный с какой-то жертвой, – это еще не все. Молитва имеет два крыла: милость и пост. А получается, что человек милость оказал, пожертвовал, то есть одно крыло есть, но взлететь нельзя, потому что нет второго крыла – поста, труда, воздержания. Нет самой молитвы!

Обязательно нужно во всем употреблять усилие. Тяжело трудиться, тяжело учиться, вообще всякие упражнения души тяжелы, а все духовное еще труднее. Но мы должны себя, как проржавевшую гайку, обязательно прокрутить, чтобы появилось в нас какое-то движение. Потому что когда мы крутим, то гайка по резьбе вперед идет. В нас все проржавело, надо это осознать, это очень опасное положение. Если мы не сумеем прокрутить эту гайку так, чтобы пошла она все-таки вперед, по направлению к Богу, то значит, мы прожили жизнь зря. Никакого смысла не имеет ни такая наша вера, ни такое наше хождение в храм.

Поэтому давайте, братья и сестры, устрашимся, и в этот день, когда мы поминаем всех усопших, которые отошли к Богу до нас, подумаем еще и о себе. Потому что мы-то молимся за них, за тех, кто ушел от нас, а за нас с вами помолиться, может, будет и некому. Потому что дети наши в основном безбожные,

родственников у нас церковных нет. Наша душа будет совершенно одинока. Грешные люди, которые не вошли в Царство Небесное, а мучаются в преисподней, получают сейчас великую отраду от того, что мы за них молимся. А мы с вами и этого можем не получить, потому что молиться за нас будет некому.

Каждый из нас, придя домой, пусть задаст себе вопрос: когда я умру, кто за меня будет молиться? Отпевать-то принесут, но при этом почти никто не будет молиться. Я, когда отпеваю, смотрю на лица. Придут человек 20 – 30 с покойником, и никто не молится. Стоят, о чем-то думают: цветы класть в гроб или не класть, вырыли ли могилу, пришла ли машина, купили ли венки, нарезали ли салаты и будет ли водка – вот такие заботы. Но чтобы кто-то молился рядом с покойником?! Певчие молятся да батюшка, а родным не до этого. Отпеть-то отпели, но главное же – это поминки. Вот что главное! Сколько купить, сколько чего нарезать и чтобы не чокаться. Избави Бог чокаться, потому что нельзя! Важно – чтобы никто не чокнулся! Вот в чем для большинства состоит главная задача на поминках. А чтобы кто-то помолился – этого нет. В основном люди даже не знают что сказать: «пусть земля тебе будет пухом» – и прочая такая ахинея. Вот и все, а больше и сказать-то, как правило, нечего.

И вот это все нас ждет. Мы на это все насмотримся, потому что в течение трех дней душа бывает около тела, до похорон. Так что мы это все увидим, как никто за нас молиться не будет. Поэтому нужно выбирать, какую ты хочешь себе загробную участь. И если мы хотим, чтобы кто-то за нас помолился, нам нужно усердствовать вдвойне. Нам нужно кого-то

Протоиерей Димитрий Смирнов

так облагодетельствовать, чтобы он этого всю жизнь не мог забыть. Чтобы как родительская суббота – так его прямо с кровати бы поднимало: пойду в церковь молиться за этого человека, потому что он мне нечто такое сделал великое и так мне помог, что я за него век буду молиться. Понятно, что от детей мы этого не дождемся, от племянников тем более. Таких людей надо искать в церковной среде. Поэтому будем усердствовать.

Слава Богу, что мы все пришли. И, молясь за наших усопших, подумаем и о своей душе. Помогите нам в этом, Господи. Аминь.

1 марта 1997 г.

Протоиерей Александр Шаргунов ✝

СЛОВО НА ВСЕЛЕНСКУЮ РОДИТЕЛЬСКУЮ СУББОТУ

В народе принято расспрашивать об умерших: «Снился ли он тебе?» и «Как он тебе снился? С каким лицом? Что сказал? Не просил ли о чем?» Мы с большой осторожностью должны относиться к снам и видениям, потому что они могут быть от лукавого. Но там, где крест, где страдание и сострадание, где погибающие зывают о помощи, где не стихает наша дневная и ночная печаль о судьбе дорогих и близких, там не может быть обмана. В неложных видениях с Евангельскими знаками самого последнего Суда Господь попускает являться умершим, и многие знают, как умершие просят о молитве, приходя к ним в разорванной или грязной одежде, или дрожа от холода, или избитые и израненные, или немым криком кричат, умоляя, хотя бы о крошке хлеба, или, как одному человеку явилась умершая соседка и сказала: «Мы здесь, как в больнице, и у каждого своя болезнь». Помните, как преподобный Серафим Саровский говорит, что есть такие отделения ада, где душа грешника одиноко качается в сумерках, как на коечке?

Кончился путь земной, истекло время, отпущенное для пожизненной пробы. Столько людей, в том числе и крещеных, уходят без настоящего покаяния! Приближается неумолимо день Страшного Суда. Что

могут сделать теперь они, чтобы все изменилось, чтобы можно было дать ответ на последнем экзамене на предельно простые, заранее всем известные Христовы вопросы? Нет у них больше рук, чтобы ухаживать за больными, нет у них ног, чтобы посетить в темнице узников, нет языка, чтобы утешить отчаявшихся. Но есть у каждого из них душа, которая плачет в позднем раскаянии, взывая к нашему состраданию. Содрогнемся от ужаса и помолимся за них, всею глубиною нашей души, насколько это нам возможно! И в память их, вместо них, сотворим то, что они уже не могут сделать сами. В этом – наша связь с умершими, потому что, так поступая, мы их утешим в болезнях, их навестим в темницах адовых, их накормим голодных.

Одна женщина еще на пороге своей веры с изумлением рассказывала, как после смерти ее матери ей позвонила нищая в дверь и спросила, нет ли чего-нибудь из старой одежды. А в ночь на родительскую субботу она увидела сияющую свою маму в этом самом костюме, который она отдала нищей. Мама радостно благодарила ее и просила за нее молиться. Разве это не похоже на известную историю со святым Мартином Турским, который в военном походе отдал нищему, не имея ничего другого отдать, половину своего солдатского плаща, а на следующую ночь ему было видение Христа, одетого в этот плащ. И Господь сказал, обращаясь к Ангелам: «Смотрите, Мартин еще не принял Крещения, а уже одел Меня, когда Я был наг. И за это Я одену его Своею славою».

Пока мы еще на земле, прежде всего научимся состраданию, чтобы помиловал нас и наших близких Господь. Как спасение наше, Он дает нам эту

заповедь, умоляет, грозно предупреждает, что спросит с нас за каждую душу: *То, что вы сделали другому, то сделали Мне*. «Когда мы совершаем крестное знамение, говорит священномученик Косма Албанский, мы изображаем тайну этой заповеди. Три соединенных вместе пальца означают любовь Пресвятой Троицы. От лба, который есть небо, мы проводим линию вниз, в знак Его воплощения и крестной смерти за нас. И когда запечатлеваем крест на правом плече, напоминаем себе о тех, кто, научившись заповеди Христовой любви, станет одесную Его в последний день, и когда на левом – о тех, кто ошуюю».

До последнего предела, до Страшного Суда, верно молит о всех крещеных святая Церковь: «Со святыми упокой!» Господи милосердный, Ты Сам уврачуй их неисцельные раны, Сам посети их в темнице вечности, Сам накорми их Собою в час, когда приносится в храмах бескровная Жертва, Сам одень их души светом радости – Духом Твоим Святым!

25 февраля 1995 г.

О ЖИЗНИ И СМЕРТИ (РАДОНИЦА)

Христос воскрес! При отпевании блаженного епископа Иоанна Максимовича, нашего современника, литургийного чудотворца, было у всех ощущение пасхальной радости, и такое, мы знаем, бывает нередко, и не только с великими праведниками. Одна прихожанка, старая бабушка, рассказывала, как убила ее мужа в Великую Отечественную войну: она увидела его во сне, среди страшного взрыва (все потом подтвердилось), и он сказал: «Не плачь, мне хорошо».

Молодой мужчина рассказывал о своей дочери, маленькой девочке, которую сбила на улице машина: ужас охватил его, когда ее увезли на «скорой» в больницу, но потом вдруг все заполнила благодатная уверенность, что все с ней хорошо. Он уже не думал, что она в реанимации – вместо этого наступила легкость и ясное чувство, что его дочь уже в блаженном покое будущей жизни с Господом.

Священнику во время отпевания часто приходится слышать подобные свидетельства. К сожалению, не всегда подобные: иногда человек исчезает, как будто проваливается в пустоту, а особенно – когда вся жизнь без Бога, без Церкви, а в храм плачущие родственники привозят только мертвое тело. Но бывает благодатная уверенность, когда становится очевидным, что смерть – не закрытая дверь, но дверь, ведущая в жизнь, бесконечно более прекрасную, чем мы можем представить здесь. И не нужно ничего представлять, потому что это дается здесь и сейчас, и мы начинаем понимать, почему апостол Павел говорит: *Имею желание разрешиться и быть с Господом, ибо смерть для него – приобретение*, и почему священномученик иеромонах Василий, год назад убиенный в Оптиной в пасхальную ночь, за восемь лет до этого, когда ему впервые открылась реальность Воскресения, как свидетельствуют его близкие друзья, говорил, как будто молился: «Хорошо умереть на Пасху!»

Царство Божие, которое внутри нас, означает разрыв с жизнью мира, и здесь, и там, более решительный и полный, чем разрыв смерти, отделяющий этот мир от того. Сама смерть разорвана, и весь мир, тот и этот, телом Воскресшего Христа, нашею

любовью и молитвой погружается в сияние пасхального света, которое сокровенно. Нет двух миров, когда один наступает после другого, или когда они противостоят друг другу, но есть откровение вечной жизни, погружение силою смерти в источник жизни того и этого мира. Смерть не перестает быть тем, что она есть: убийственным, невыносимым разрывом, знаком несоответствия времени и вечности, но она становится также обязательным переходом от жизни временной – к вечной, и она открывается, как место перехода, как Пасха. Смерть – самое страшное, что есть для людей, открывается, как высший дар всему роду человеческому от Господа, после смерти Его. Если бы мы не умирали, мы не имели бы никакого отношения к Его смерти, и значит, к Его Воскресению. И особая милость от первомученика и первовоина Христа – всем от века невинно убиенным, всем православным воинам, живот свой на поле брани за Веру и Отечество положившим: в мире существует смерть, чтобы через нее мы учились Христовой любви; нет большего причастия этой любви, как кто душу свою положит за друзей своих. Переход происходит здесь и сейчас – узкий путь через послушание заповеди о любви, через смерть, к простору вечной жизни. Никогда Бог не бывает нам столь близким, как в смерти. Один знакомый рассказывал мне про своего друга, как умер его отец, и он сказал, что он неверующий, и хочет похоронить его «по-человечески» – не надо никаких панихид, отпевания, молитв. И когда гроб привезли в крематорий и пришло время последнего прощания с покойником, все почтительно отступили, чтобы дать сыну побыть у гроба наедине. Была длинная пауза, и вдруг он зарыдал с

криком: «Ради Бога, есть тут хоть кто-нибудь, кто умеет молиться!» Были пасхальные дни, и мой знакомый, церковный человек, тихонько запел: «Христос воскрес из мертвых, смертью смерть поправ» — и все стоящие там не очень уверенно стали подпевать ему.

Я не знаю, как изменилась жизнь этого человека, но наверно, это было началом нового пути, пусть не таким ярким, как у преподобного Дионисия Печерского, подвижника XV века, когда он на Пасху вошел в ближние Антониевы пещеры, чтобы покадить тела усопших святых, и от переполнявшей его сердце радости воскликнул: «Отцы и братия, Христос воскрес!» — и услышал в ответ, как гром, тысячеголосое: «Воистину воскрес!» Небесный огонь охватил его душу и тело, и он ушел после этого в затвор, и до конца дней так молился и так жил, что стяжал святость, приобрел навеки дар Христовой, сжигающей сердце любви. Сколько раз давал нам Господь благодать, сколько раз переживали мы близость нездешнего мира среди праздников церковных, и в смерти наших родных и друзей! Что же нам нужно ждать еще, чтобы понять: есть только эта реальность, единственное место, где истинно все, где подлинны и совершенны наши отношения с Богом и со всеми людьми? Чтобы изменилась наконец наша жизнь, и так нам жить, так совершать свой переход, чтобы сердце рвалось поделиться радостью «Христос воскрес!» с небом и с землей. С небом — с земли, и с неба — с землей, чтобы небо и земля христосовались друг с другом, в ликующем согласии отвечая: «Воистину воскрес!» — и зажигали полуживые души здесь и там пасхальным огнем.

10 мая 1994 г.

Протоиерей Артемий Владимиров ✝

СЛОВО НА ДИМИТРИЕВСКУЮ РОДИТЕЛЬСКУЮ СУББОТУ

*П*оздравляю вас, дорогие братья и сестры, со значимым днем Димитриевской родительской субботы, когда мы поминаем воинов православных, за веру и Отечество живот свой положивших. Мы завершили панихиду провозглашением вечной памяти, и это молитвенное обращение к Богу означает не столько память об усопших здесь, на земле, где ничто не вечно под солнцем, все проходит – стирается и память самих усопших вместе с теми, кто поминает их. Но это прошение говорит о том, что у Бога все живы. Как еще до сотворения неба и земли Господь Бог предопределил, по преизбытку благости Своей, каждому из нас войти в этот мир, и все мы были, таким образом, задуманы Творцом, мысль о нас в Божественном уме пребывала еще прежде видимого и невидимого мира. Так и по завершении краткого земного подвига, бессмертные души находятся в хранилищах Божиих, если они оживотворены Духом Святым, если они подвигом любви и веры оправдали свое христианское звание. Они пребывают во свете и вкушают ту полноту бытия, которая дарована человеку, вступившему в живой союз с Богом. Мы молимся об упокоении душ наших близких, желая им покоя во Христе. Это означает, что по завершении

многомятежной, многотревожной, многоскорбной жизни, где мятется и страждет человеческое сердце, боголюбивые души входят в вышеестественный покой Христов, где «нести ни болезни, ни печали, ни воздыхания».

В святой Библии открыто, что Сам Иисус Христос отрет всякую слезу с очей страдальцев, то есть веровавших и претерпевших до конца. Этот покой вкушают благочестивые христиане по разрешении от тела потому, что для них завершается время непрестанной брани, сражения с падшим духом, не имеющим ни минуты покоя, но всегда своими ядовитыми стрелами (помышлениями, злыми чувствами) уязвляющего верных рабов Божиих. Упокоится христианин по разрешении от тела потому, что перестает страдать самое тело, а ведь с болезнями тела страждет и человеческая душа. Отходят все болезни, которые являются неизбежным крестом ученика Христова, ибо терпением скорбей свершается незримое очищение души. Терпением скорбей освящается и самое тело.

Вечный покой вкушают благочестивые усопшие еще и потому, что их пресекает свет лица Божия. Они находятся в области Божественного света, где уже нет никакой тьмы. Все, что относилось ко грехам человеческим, прощено. Все, что относилось к страстям человеческим, изжито. Вот почему древний Пророк, провидев блаженство праведников за гробом, восклицал: *Смерть! где твое жало? ад! где твоя победа?..* (Ос. 13, 14)

И здесь, на земле, нам дано вкушать иногда начатки этого покоя и мира – именно в час полнокровной, искренней исповеди из глубины души, когда

благодать Духа Святого воцаряется в нас, свидетельствуя нам о прощении всех наших грехов заслугами Искупителя Господа Иисуса Христа. Такой покой вкушает сердце причастника Святых Таин Христовых, когда Сам Христос Спаситель пребывает в нас, а мы в Нем. Начатки этого покоя познаются людьми единокорными и единомысленными, сохраняющими себя от греха осуждения, неприязни и, напротив, старающимися укорениться в любви Христовой, то есть в смирении, милости, милосердии и любви.

Этот покой дает о себе знать, когда наша душа высвобождается из-под гнета житейских помыслов, но, всецело возгораясь молитвенным устремлением к Богу, познает нравственную свободу, тишину, мир и покой, беседуя с Небесным Отцом. Особенный покой даруется нам в храме Божиим, обильная благодать которого делает христианина неуязвимым для искушений нечистого духа. Но то, что мы вкушаем здесь в начатках и лишь по временам (вследствие неочищенности ума и сердца), благочестивые наши почившие сродники вкушают в сугубой степени, будучи овеваны, пронизаны благодатью, освящены светом Божественных энергий.

Вот почему дни поминовения усопших, когда мы от сердца, как можем, сердечно поминаем наших близких, бывают днями покоя для нашей души, когда отходят тревога, печаль, уныние, суетность, и мы чувствуем, что душа как бы расправляет крылья, и если бы она могла, то полетела бы туда, где в избытке сияет этот Божественный свет.

Постараемся, братья и сестры, провести сегодняшней день свято, воздержно, так, чтобы ничто и никто не сумел нарушить ту тишину, тот мир, ту

отраду, которую благодать Господня пролила в наши сердца, в награду за соборное поминовение усопших православных христиан и, прежде всего, воинов, положивших живот свой за веру, Царя и Отечество. Да упокоит Господь и сродников каждого из нас, всех новопреставленных. И пусть наши усопшие своей молитвой отзовутся в ответ на наше тщательное и сердечное поминовение их имен.

СЛОВО НА РОДИТЕЛЬСКУЮ СУББОТУ

Сегодня, совершая богослужение Вселенской родительской субботы, мы помолились от сердца за наших усопших сродников и за всех, от века почивших православных христиан, всякого чина, звания, рода и состояния; за всех, кто, искренно веруя в Господа Иисуса Христа, нес свой жизненный крест, освящаясь в Таинствах Матери Церкви. Среди них – и византийские государи, и благоверные цари и царицы, князья и княгини, собиравшие воедино наше Отечество, – все, кто нес в своей жизни тяжелейшее бремя власти, принятое от Христа Спасителя. Особенно усердно мы поминали воинов, на полях сражений живот свой за Отечество положивших, ибо Господь вместо временного дает им вечное, вместо тленного – нетленное, как потрудившимся и кровь пролившим во славу Его Святого имени. Молились мы и о наших сродниках, ведь все мы связаны единой цепью, составляя порознь отдельные звенья ее. И лучшую службу, которую мы с вами можем принести

нашим близким, – это сердечно помянуть их, вверяя бесконечной милости Божией.

Святая Церковь свидетельствует, что усопшие отнюдь не остаются безучастными, равнодушными к нашим земным молитвенным трудам. Особенно, если эти немощные человеческие молитвы соединяются со всемогущей, в отношении наших усопших, всего видимого и невидимого мира, молитвой Церкви, молитвой, которая воскуряется здесь, на земле, восходя на Небо во время совершения Божественной Литургии. Усопшие готовы поделиться с нами тем сокровищем, тем богатством, которым они обладают ныне, по вере и человеколюбию нашего Спасителя.

Действительно, угодившие Богу православные христиане, завершая свою земную жизнь, худшее меняют на лучшее, страдание меняют на предначатие нескончаемого блаженства, существо которого – в единении с Источником блаженства, всесвятым, вечным Богом, создавшим мир и введшим в этот мир нас, грешных, дабы сделать нас причастниками той полноты, которую Он имеет Сам в Себе, почему и именуется Всеблаженным.

Здесь, на земле, многие люди много ошибаются в поисках счастья и блаженства, часто достигая сугубых бедствий, вкушая скорби именно потому, что полагают свое бытие вне Христа, вне угождения Творцу, вне верности вечному нравственному закону, который Самим Господом начертан в наших сердцах. Но если христианин прожил жизнь достойно, с покаянием и любовью к Богу, то, восполняя немощь человеческую, Господь Бог силою Духа Святого усовершенствует душу человека и преселяет ее в светлые обители, где она находится в предвкушении сугубой

радости, когда, облекшись в воскресенное тело, она будет приглашена в Царство Божие, дабы лицезреть Самого Христа Воскресшего, составляя с ним единую Церковь. Когда мы усердно поминаем наших благочестивых сродников, нашим сердцам передается в отзвуках, в начатках та радость, тот покой, тот мир и та отрада, которые объемлют их существо.

Здесь, на земле, человеку свойственно обуреваться страхами и тревогой, страдать от уныния и печали. Здесь нам досаждают страсти, живущие внутри нас самих и еще не изжитые нашим подвижническим трудом. Мы не имеем покоя от диавола, который неусыпно старается вредить христианам, желая отдалить их от благодати Божией. Часто и ближние не могут найти с нами общего языка, по самости и самоутверждению, составляющим, к сожалению, темные пятна нашей души. Нет покоя, нет отрады вне Христа Спасителя!

Но едва лишь мы входим в дом Божий, едва лишь осеняем себя крестом, раскрываем сердце в молитве, глубоко каюсь в своих несовершенствах, молимся об упокоении усопших, – они тотчас отзываются на наши сердечные воздыхания и молятся за нас. Наше сердце вкушает тогда начатки того покоя и мира, к которым стремится всякая душа и которые она имеет счастьем и блаженством. Вот почему Церковь нарочито ввела родительские дни, дабы, осиянные благодатию Божией, несколько умиротворенные и примиренные друг с другом и с собственной совестью, а главное, с Богом, мы хранили этот мир, этот покой, не позволяя никаким искушениям, никаким соблазнами вновь овладевать нами.

Архимандрит Кирилл (Павлов) ✝

ПОМИНОВЕНИЕ УСОПШИХ

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

*В*озлюбленные братья и сестры, вы хорошо поступили, что пришли сегодня и собрались, чтобы вознести совместно свои горячие молитвы ко Престолу Божию об отшедших отцах, братьях, сестрах, сродниках наших, о всех скончавшихся православных христианах. *Блажени милостивии, яко тии помиловани будут* (Мф. 5, 7). Долг любви к ближним обязывает нас молиться за усопших, которые отошли в вечность и участь которых нам неизвестна. Мы непременно должны молиться за них, потому что это для них очень хорошо и для нас от этого великая польза. Совершая молитву за усопших, мы тем самым свидетельствуем свою любовь к ближним, выражаем сострадание, милосердие. А Господь сказал, что *блажени милостивии, яко тии помилованы будут*. К тому же, если наш ближний, за кого мы молимся, угодил Господу, то он уже имеет дерзновение пред Господом и за нас может возносить свои молитвы пред Господом.

Обычай молиться за усопших Церковь приняла от самих апостолов, и во все времена Церковь молится и будет молиться за усопших до скончания века. Святитель Иоанн Златоуст пишет: «Не напрасно

узаконено апостолами поминать умерших при Страшных Тайнах. Они знали, что великая бывает от того польза для усопших, великое благодеяние». Святые отцы и учителя Церкви всех времен проповедовали в слух всех о том, что возможна перемена участи усопших до Суда всеобщего. Вот слова святителя Иоанна Златоуста: «Есть возможность облегчить наказание умершего грешника. Если будем творить частые молитвы за него и раздавать милостыню, то, хотя бы он был и недостоин сам по себе, Бог услышит нас». Блаженный Августин говорил: «Не надобно отвергать того, что души умерших получают облегчение от благочестивых, когда приносится за них жертва ходатая или раздается милостыня для их пользы; но такие дела благочестия приносят пользу только тогда, когда умершие заслужили, чтобы те были полезны... Подлинно есть образ жизни, который не столько чист, чтобы не требовал помощи по смерти, и не столько худ, чтобы не послужило ему это в пользу по смерти».

Много имеется примеров, когда усердная молитва за усопших избавила усопших от мучительного состояния. Приведем один пример достоверный, описанный святой мученицей III века Перпетуею. «Однажды, – свидетельствует мученица, – в темнице во время общей молитвы я нечаянно произнесла имя моего умершего брата Динократа. Пораженная нечаянностью, начала я молиться и воздыхать о нем пред Богом. В следующую ночь было мне видение. Вижу, будто из темного места выходит Динократ в сильном жару и измученный жаждою, нечистый видом и бледный, на лице у него рана, с которою он помер. Между мною и им была великая пропасть, так что мы

не могли приблизиться друг к другу. Подле того места, где стоял Динократ, был полный водоем, край которого был гораздо выше, чем рост моего брата, и Динократ вытягивался, стараясь достать воды. Я жалела, что высота края препятствует моему брату напиться. Тотчас после этого я проснулась и узнала, что мой брат в муках. Веруя, что молитва может помочь ему в страданиях, я дни и ночи молилась в темнице с воплем и слезами, чтобы он был мне дарован. В тот день, в который мы оставались связанными в оковах, было мне новое явление: место, которое прежде я видела темным, стало светлым, и Динократ, чистый лицом и в прекрасной одежде, наслаждается прохладой. Где у него была рана, там вижу только след ее, а край водоема теперь был вышиною не более как по пояс отроку, и он мог без труда доставать оттуда воду. На краю стояла золотая чаша, полная воды; Динократ, подошедши, стал пить из нее, и вода не убавлялась. Тем видение кончилось. Тогда я уразумела, что он освобожден от наказания». Блаженный Августин в пояснение сего повествования говорит, что Динократ был просвещен святым Крещением, но увлекся примером отца-язычника и был нетверд в вере, и умер после некоторых, обыкновенных в его возрасте, грехопадений. За такую неверность святой вере он терпел страдания, но по молитвам святой сестры своей избавился от них.

Поэтому, дорогие мои, пока остается на земле воинствующая Церковь, участь умерших грешников еще может измениться на лучшую пособиями Святой Церкви. Как много утешений для скорбного сердца, как много света для недоумевающего ума в христианстве! Лучи света льются из него и в мрачное

царство мертвых. Дорогие братья и сестры, благодать Спасителя предоставила нам средства облегчать участь умерших братьев. Не будем невнимательны к воле благодати небесной, не будем жестоки и к ближним нашим. Будем творить для них возможное для нас, будем молиться за них молитвами Святой Церкви, будем подавать за них милостыню. Если не для них, то для себя будем милостивы, потому что будет ли к нам милостив Господь, когда мы были немилостивы к искупленным Кровию Его? Будем ли мы христианами, если не будем творить дел любви?

Совершая поминовение усопших, мы должны всегда помнить, что ведь и мы – не ныне, так завтра – должны отправиться вслед за ними в другую, вечную жизнь, потому что человек бесследно не исчезает, так как он имеет бессмертную душу, которая не умирает. То, что мы видим умирающим, есть видимое грубое тело, а то, что живет в человеке, есть невидимая тонкая сила, которая обыкновенно называется душой. Тело само свидетельствует о своей смертности, потому что оно разруσιμο и делимо, душа же, напротив, имеет несложное духовное неразрушимое существо и разлагаться на составные части, как тело, и умирать не может. Душа бессмертна. Душа имеет нераздельное единство, она во все время жизни чувствует в себе одно постоянное бытие. Тело наше участвует в жизни как бы поневоле, будучи приводимо в движение силой души, всегда тяготя ее своей леностью. Душа, напротив, всегда продолжает свою независимую жизнь и деятельность, когда деятельность тела останавливается сном, или болезнью, или смертью.

Вера в бессмертие души существовала у всех народов и в древние времена, даже среди языческих

и диких племен. Что служит доказательством бессмертия нашей души? Прежде всего, что душа человеческая бессмертна, в том убеждает нас слово Божие. Еще в Ветхом Завете Екклезиаст говорил: *И возвратится прах в землю, чем он и был; а дух возвратится к Богу, Который дал его* (Еккл. 12, 7). И в другом месте премудрый Соломон говорит: *Бог создал человека для нетления и соделал его образом вечного бытия Своего* (Прем. 2, 23). Испытание Иову Бог попустил только над телом и над его имуществом, а до души касаться не допустил. Новый Завет весь – утверждение нашей веры в бессмертие души и нашей надежды на будущее воскресение. Господь Иисус Христос Своим учением и делами утверждал сию веру и надежду, когда говорил, что Он пришел в мир для того, *да всяк веруяй в Онъ не погибнет, но имать живот вечный* (Ин. 3, 15). *Аминь, аминь глаголю вам: аще кто слово Мое соблюдет, смерти не имать видети во веки* (Ин. 8, 51). Господь заповедует христианам, в особенности проповедникам слова Божия: *Не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более Того, Кто может и душу и тело погубить в геенне* (Мф. 10, 28). Этим Господь ясно говорит, что душа бессмертна. Апостол Павел также говорит: *Ибо знаем, что, когда земной наш дом, эта хижина, разрушится, мы имеем от Бога жилище на небесах, дом нерукотворенный, вечный* (2 Кор. 5, 1).

Истину бессмертия души человеческой должен признать и сам здравый смысл человеческий. Посмотрите внимательно на человека: чего ищет его сердце, к чему оно стремится? Отчего душа его в мире сем ничем не насыщается, не удовлетворяется?

Иной имеет все возможные наслаждения на земле и, однако, опять чего-то ищет и не находит. Иной напрасно думает утолить жажду души своей мирскими удовольствиями и забавами, но все это только оставляет в душе одну пустоту, томление духа, и человек ищет новых каких-то наслаждений и опять их не находит. Все это доказывает ту истину, что душа человеческая ничем в мире сем не может удовлетворить своей внутренней жажды к блаженству. Бог для того пробудил в душе человеческой такую ненасытную жажду к блаженству, чтобы через то указать ему на другую, лучшую, жизнь, чтобы человек не останавливался на удовольствиях временных, но стремился к почести высшего звания Божия. А если обратить внимание на устремление нашей души к познаниям? Какой обширный круг ее познаний, какой обширный запас предметов заключает в себе память, какое бесконечное пространство в один миг пробегает воображение, какие высокие предметы воспринимает и объясняет рассудок! И чем обширнее круг познаний человека, тем большая пробуждается в душе жажда к приобретению их. Что же означает ничем не утолимая жажда человека к познанию, как не то, что полное насыщение души познаниями должно быть там, за гробом?

Если обратить внимание на самую жизнь человека, то и в ней можно найти сильное доказательство бессмертия души человеческой. В чем проходит большая часть жизни человека? Не в скорбях ли и бедствиях? Иной борется с болезнями, другой с несчастиями, иной страдает от бедности и лишений, иной переносит злобу врагов своих или терпит скорбь от зависти и клеветы. Трудно найти человека,

который бы не был знаком с несчастьями, который бы мог сказать: я счастлив и блажен! А сколько таких страдальцев, которые еще с самой колыбели встречают скорби и болезни и не расстаются с ними до самой могилы...

Как же себе объяснить цель человеческого бытия, если отнять от души человека бессмертие? Уже ли участь бессловесных животных и человека одна и та же? Чем же тогда человек превосходит бессловесных животных? Разве только тем, что человек больше переносит скорбей и несчастий, чем бессловесные. Но слово Божие разрешает это недоумение, говоря: когда разрушится этот наш земной дом, *мы имеем от Бога жилище на небесах, дом нерукотворенный, вечный...*

ПРИТЧА О ДЕСЯТИ ДЕВАХ *

Дорогие братья и сестры, вот мы прошли поприще Святой Четыредесятницы и вступили в самые великие дни святых Страстей Христовых. Дни этой Страстной Седмицы называются великими, потому что в эти дни совершились неизреченные и великие Божии дела по спасению человеческого рода. Человеческому роду Господь в эти святые дни преподал великие дарования. В эти святые дни упразднена смерть вместе с диавольским мучительством, Бог с

* Мф. 25, 1–13.

человеками примирился, небо отверзлося и человеки со Ангелы соединилися.

Эти неизреченные Божии дары и милости к нам, грешным, возлагают и на нас долг быть достойными своего звания и совершенного Господом нашего спасения. Церковь заботится о нашем спасении и своими песнопениями и Евангельскими чтениями пробуждает нас, нашу уснувшую душу и предостерегает, чтобы мы душевно бодрствовали на всякое время. На утрене мы слышали чудное песнопение: «Се, Жених грядет в полунощи, и блажен раб, егоже обрящет бдяща; недостоин же паки, егоже обрящет унывающего. Блюди убо, душе моя, не сном отяготися, да не смерти предана будеши, и Царствия вне затворишися; но воспрями зовущи: Свят, Свят, Свят еси, Боже, Богородицею помилуй нас»¹. Это песнопение составлено по притче Господней, где Господь Царствие Небесное уподобляет десяти девам, которые, по древнему обычаю, взяв светильники свои, выходили на встречу жениху (см.: Мф. 25, 1–13). Приведем здесь и объясним вкратце это Евангельское сказание.

Святые отцы толкуют эту притчу и говорят, что десять дев, из которых пять было мудрых, а пять неразумных, означают нас, христиан, из которых одни мудры по своей вере, добродетельной жизни и готовности к смерти, другие же – неразумны по своему маловерию или холодности, равнодушию к вере, по своей порочной плотской жизни, по своей неготовности к смерти и тотчас за нею следующему суду, так как *лежит человеком единою умереть, потом же суд* (Евр. 9, 27). Неразумные, сказано, взявши светильники свои, не взяли масла с собою. Что же это за

¹ Тропарь Страстной Седмицы.

светильники и что значит масло для этих светильников? Светильники – это души наши. Масло – милосердия, по изъяснению святителя Иоанна Златоуста, или вообще добрые дела. Итак, неразумные христиане, вышедшие навстречу Жениху, не приготовили для душ своих добрых дел, которые бы могли поддержать их духовную жизнь. Мудрые же, сказано, взяли масло в сосудах со светильниками своими, то есть они запаслись добрыми делами, чтобы достойно встретить Жениха. Кто же Жених? Иисус Христос. Когда же и как мы выходим на встречу Ему? Вся наша жизнь должна быть приготовлением сначала к частной встрече Его, потому что всякая душа по смерти своей должна явиться к Нему с ответом как к Начальнику жизни, и потому всю жизнь свою мы должны заботиться о приобретении и сохранении в сердцах своих живой веры и горячей любви ко Господу, чтобы по смерти нашей непостыдно и неосужденно предстать у страшного Престола Господа славы. На общую же встречу к Нему мы выйдем по воскресении нашем из мертвых, когда все сущие во гробех *услышат глас Сына Божия... и изыдут сотвориши благая в воскресение живота, а сотвориши злая в воскресение суда* (Ин. 5, 25, 29). Жених коснит (Мф. 25, 5), то есть Иисус Христос медлит пресекать жизнь нашу смертью, *не хотя, да кто погибнет* во грехах, *но да вси в покаяние придут* (2 Пет. 3, 9); равно медлит и со Вторым славным и страшным Пришествием Своим для того, чтобы умножались более и более сыны Царствия Небесного. Между тем, обольщаемые временною сладостью греха, ненаказанностью его, и видя, что мир стоит прочно, и думая, что он будет так стоять бесконечно, люди, пользуясь прочным

здоровьем и другими вещественными благами, погружаются в душевную дремоту, нерадят о своем исправлении и спят греховным сном. Но вот в самую полночь греховного сна, когда никто из грешников и не думает о страшной опасности, раздается громкий голос: *Се, жених грядет, исходите в сретение его* (Мф. 25, 6). Тогда все вострепнулись и возжгли светильники свои, то есть напрягли душевное внимание.

Хорошо будет в это время мудрым христианам: их души будут гореть огнем сладчайшей любви ко Господу. Но худо неразумным: души этих последних, как светильники без масла, будут гаснуть, то есть будут темнеть и хладеть от недостатка любви к Богу, Источнику любви, и начнут предвкушать муки ада. Попросят елея, то есть добрых дел, у мудрых христиан, но те не дадут, чтобы и у них не оказалось недостатка; пойдут покупать у продающих, то есть спохватятся делать добрые дела и пойдут искать случая для этого, но в это именно время придет Жених, то есть в то самое время, как они захотят делать добрые дела, их застигнет смерть, и поставят их, смердящих своими беззакониями, без всяких добродетелей, пред Небесным Судиею...

Об авторах сборника «Свет будущей жизни»

1. Митрополит НИКОЛАЙ (ЯРУШЕВИЧ), Крутицкий и Коломенский (1892–1961), окончил Санкт-Петербургскую Духовную Академию, был настоятелем Александро-Невского собора в Ковно, наместником Свято-Троицкой Александро-Невской Лавры с возведением в сан архимандрита, позже в сан митрополита. Неоднократно предпринимал поездки за рубеж и многое сделал для воссоединения русских православных церквей с Матерью-Церковью. В 1949 г. ему была присвоена степень доктора богословия за совокупность богословских трудов, после чего он стал первым русским архиереем, удостоенным почетной степени доктора богословия шестью зарубежными академиями и институтами.

2. Святитель ДИМИТРИЙ РОСТОВСКИЙ (1651–1709) принял монашеский постриг и проповедовал слово Божие в Украине, Литве и Белоруссии. Был настоятелем нескольких монастырей. Составил Четыи Минеи – 12-томный свод житий святых, охватывающий весь годовой круг. В 1701 г. указом Петра I был вызван в Москву для архиерейской хиротонии и назначен на Ростовскую кафедру. Свт. Димитрий оставил несколько томов своих сочинений: летопись библейской истории, сказание о чудесах Черниговской-Ильинской иконы Богоматери, обличительные и поучительные наставления, пастырские послания, духовные песнопения, проповеди, в которых поколения русских богословов и священнослужителей черпают духовные силы для творчества и молитвы.

3. Митрополит АНТОНИЙ СУРОЖСКИЙ (БЛУМ) (1914–2003) – выдающийся проповедник и богослов, оказавший большое влияние на современное поколение православных людей. Изданы многочисленные сборники его бесед и проповедей: «Человек перед Богом», «Школа молитвы», «Любовь всепобеждающая», «О покаянии» и др.

4. Праведный ИОАНН КРОНШТАДТСКИЙ (1829–1908) – великий молитвенник Земли Русской. Окончив Архангельскую Духовную Семинарию и Петербургскую Духовную Академию, служил в Кронштадтском Андреевском соборе и преподавал Закон Божий в Кронштадтской гимназии. Прославлен бесчисленным множеством чудес. Блестящий проповедник, автор известного, пользующегося популярностью у верующих, пастырского дневника «Моя жизнь во Христе».

5. Преподобный СИЛУАН АФОНСКИЙ (1866–1938) – родом из крестьян Тамбовской губ. По окончании военной службы уехал на Афон, в русский Свято-Пантелеимонов монастырь. Был на послушании эконома. Все, написанное преп. Силуаном, было опубликовано в 1952 г. его учеником архимандритом Софронием (Сахаровым), и эту книгу многие считают новым «Добротолюбием».

6. Святитель ИГНАТИЙ (БРЯНЧАНИНОВ), еп. Кавказский и Черноморский (1807–1867) – великий подвижник и духовный писатель, глубоко освоивший и переложивший предшествующий святоотеческий опыт духовной жизни на язык, доступный современному человеку. Автор таких трудов, как «Приношение современному монашеству», «Аскетические опыты», «Аскетическая проповедь», «Отечник», «Слово о смерти» и др.

7. Николай Евграфович ПЕСТОВ (1892–1978) – известный духовный писатель и религиозный мыслитель, автор многотомного труда «Современная практика православного благочестия».

8. Священник АЛЕКСАНДР ЕЛЬЧАНИНОВ (1881–1934) – священник Русской Православной Церкви Зарубежом. Родился в России, в г. Николаеве. Окончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского Университета, учился в Московской Духовной Академии. С 20-х гг. поселился с семьей во Франции, в Ницце, где и был рукоположен в

1926 г. По свидетельствам современников, обладал высшим даром пастыря и духовника. После его смерти на основе записей была составлена книга.

9. Протоиерей ДИМИТРИЙ СМИРНОВ – настоятель храмов Благовещения Пресвятой Богородицы, Свт. Митрофана Воронежского, Свт. Николая в Заяицком и др. Председатель Синодального отдела по взаимодействию с Вооруженными Силами и правоохранительными учреждениями. Известный московский проповедник. Изданы несколько сборников проповедей и многочисленные статьи.

10. Протоиерей ВАЛЕРИАН КРЕЧЕТОВ – настоятель храма во имя Покрова Пресвятой Богородицы в подмосковном селе Акулове, старший духовник Московской епархии. Издан сборник проповедей «Марфа или Мария?».

11. Архимандрит КИРИЛЛ (ПАВЛОВ) – почитаемый православным народом старец-духовник Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. Прошел войну, участвовал в обороне Сталинграда, боях за освобождение Венгрии. После окончания Духовной Семинарии поступил в Московскую Духовную Академию. В 1953 г. принял монашеский постриг. Изданы многочисленные сборники проповедей и поучений.

12. Святитель ИОАНН (МАКСИМОВИЧ), митрополит Тобольский, (1651–1715) окончил Киево-Могилянскую Академию, там же и преподавал. Принял монашеский постриг и в 1697 г. был посвящен в сан архиепископа Черниговского. Основал Духовную Семинарию. В 1712 г. был назначен митрополитом Тобольским и всея Сибири. Много сил отдал распространению Православия среди сибирских народов. Выдающийся церковный просветитель народа, он оставил немало духовных сочинений: стихов, проповедей, богословских трудов.

13. Архиепископ ИОАНН САН-ФРАНЦИССКИЙ (ШАХОВСКОЙ) (1902–1989) – родился в Москве, служил в Белой

армии, эвакуировался в 1920 г. из Крыма, принял постриг на Афоне, с 1950 г. – архиерей Американской Православной Церкви, известный миссионер и проповедник, автор многочисленных книг и статей.

14. Святитель ФЕОФАН ЗАТВОРНИК (1815–1894) – великий подвижник и духовный писатель. Принял монашеский постриг после окончания Духовной Академии. Служил в духовных учебных заведениях, в Русской Духовной миссии в Иерусалиме и Константинополе. В 1859 г. был рукоположен в сан епископа. 22 года провел в затворе. По просьбе афонских монахов, переложил книгу старца НИКОДИМА СВЯТОГОРЦА «Невидимая брань» на русский язык, переделав и заново составив многие главы.

15. Протоиерей АРТЕМИЙ ВЛАДИМИРОВ – настоятель храма во имя Всех святых, что в Красном Селе, духовник и преподаватель православной школы во имя Святого благоверного князя Александра Невского, преподаватель Московской Духовной Семинарии, руководитель братства святителя Филарета, автор известной книги «Учебник жизни».

16. Иеромонах СЕРАФИМ (РОУЗ) (1934–1982) учился в теологической школе, учрежденной архиепископом Иоанном (Максимовичем). Организовал братство Православной миссии в Америке. Построил монастырь в память Преп. Германа Аляскинского в Платине (Калифорния, США). В 1970 г. принял монашеский постриг. В 1977 г. рукоположен в священнический сан. Подвижник благочестия, видный духовный публицист, автор книг «Православие и религия будущего», «Душа после смерти» и др.

17. Архиепископ ИОАНН (МАКСИМОВИЧ) (1896–1966) учился на богословском факультете в Университете Белграда. В 1926 г. принял монашеский постриг с именем Иоанн в честь своего предка святителя Иоанна (Максимовича) Тобольского. После возведения в сан епископа отбыл в Шанхай.

В 1951 г. был назначен правящим архиереем Западноевропейского Экзархата Русской Зарубежной Церкви. С 1962 г. вел миссионерскую деятельность в Сан-Франциско. Уже при жизни Владыки верующие искали его молитвенной помощи в болезнях и скорбях, не иссякает поток чудотворений по его молитвам и поныне. В 1994 г. прославлен Русской Зарубежной Церковью в лике святых.

18. Протоиерей ДИМИТРИЙ ДУДКО (1922–2004) по окончании Московской Духовной Академии служил в московском храме Святых апостолов Петра и Павла, позже – в одном из подмосковных храмов. Кроме своей пастырской деятельности известен как автор книг, многие из которых вышли первоначально на Западе: «О нашем уповании. Беседы», «Верю, Господи», «Воскресные беседования» и др.

19. Протоиерей СЕРГИЙ ЧЕТВЕРИКОВ (1867–1947) окончил Московскую Духовную Академию в 1896 г. и в том же году был рукоположен в священник сан. Был духовником Русского студенческого христианского движения, выпускавшего книги, направленные на духовное становление Русского Зарубежья и современной России. Был настоятелем церкви Введения во храм Пресвятой Богородицы в Париже. Основные творения – «Русский пастырь», «Оптина пустынь», «Путь чистоты», «О внутренних препятствиях на пути ко спасению» и др.

20. Протоиерей ВАЛЕНТИН СВЕНЦИЦКИЙ (1882–1931) окончил Московский Университет. В 1917 году был рукоположен в священник сан. Принимал участие в гражданской войне, будучи священником в Белой армии. Во время своего служения в храме Священномученика Панкратия в переулке на Сретенке вел регулярные беседы с прихожанами, составленное позже его духовными детьми в «Полное собрание сочинений протоиерея Валентина Свенцицкого» в 9-ти томах, куда вошли «Диалоги» – наиболее значительное произведение отца Валентина.

21. Преподобный ИУСТИН (ПОПОВИЧ) (1894–1979) – выдающийся подвижник и исповедник Сербской Православной Церкви, христианский философ и богослов. Учился в Оксфорде на курсе богословия. В 1921 г. защитил диссертацию в Афинах. Преподавал Священное Писание и догматику в Святосаввской и Битольской семинариях (Сербия). Много потрудился на научном поприще в качестве патролога, агиографа и догматиста, его труды вошли в сокровищницу православной литературы.

22. Протоиерей АЛЕКСАНДР ШАРГУНОВ – настоятель храма Святителя Николая в Пыжах. Преподают в Московской Духовной Академии и Семинарии. Автор многочисленных сборников проповедей и выступлений. С 1994 г. по благословению Святейшего Патриарха возглавляет комитет «За нравственное возрождение Отечества».

Содержание

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ	5
ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА	6
Глава 1	
ЧТО ТАКОЕ СМЕРТЬ...	7
Митрополит НИКОЛАЙ (ЯРУШЕВИЧ) О СМЕРТИ, ВОСКРЕСЕНИИ МЕРТВЫХ И ЖИЗНИ ВЕЧНОЙ	9
Святитель ДИМИТРИЙ РОСТОВСКИЙ ЧТО ТАКОЕ СМЕРТЬ И СКОЛЬ ПОЛЕЗНО ПАМЯТОВАНИЕ О НЕЙ	32
ПОЧЕМУ ГОСПОДЬ НЕ УНИЧТОЖИЛ СМЕРТИ НА ЗЕМЛЕ	42
Митрополит АНТОНИЙ СУРОЖСКИЙ О СМЕРТИ	47
Праведный ИОАНН КРОНШТАДТСКИЙ ЦЕЛЬ НАШЕЙ ЖИЗНИ НА ЗЕМЛЕ	71
Преподобный СИЛУАН АФОНСКИЙ МЫСЛИ ОБ ИСХОДЕ	89
Глава 2	
О ПАМЯТИ СМЕРТНОЙ	93
Святитель ИГНАТИЙ (БРЯНЧАНИНОВ) ПРИГОТОВИМСЯ К ВЕЧНОСТИ	95
Митрополит НИКОЛАЙ (ЯРУШЕВИЧ) ЗЕМНАЯ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА – ПРИГОТОВЛЕНИЕ К ЖИЗНИ ВЕЧНОЙ	112
Святитель ДИМИТРИЙ РОСТОВСКИЙ ДОБРЫЕ СОВЕТЫ О ПАМЯТИ СМЕРТНОЙ	118
Николай Евграфович ПЕСТОВ ПАМЯТЬ СМЕРТНАЯ	123
Священник АЛЕКСАНДР ЕЛЬЧАНИНОВ СМЕРТЬ ВЕРУЮЩЕМУ НЕ СТРАШНА	133

Протоиерей ДИМИТРИЙ СМИРНОВ КАК ПРИГОТОВИТЬСЯ К ВЕЧНОЙ ЖИЗНИ	148
Протоиерей ВАЛЕРИАН КРЕЧЕТОВ В СВЕТЕ БУДУЩЕЙ ЖИЗНИ	158
Архимандрит КИРИЛЛ (ПАВЛОВ) О ПАМЯТОВАНИИ СМЕРТИ	178
Глава 3 О КРЕСТЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ СТРАДАНИЙ	183
Святитель ИОАНН (МАКСИМОВИЧ) ЦАРСКИЙ ПУТЬ КРЕСТА ГОСПОДНЯ	185
К читателю – 185. Вступление на путь крестный – 186. Крест – верный путь к небу, и всем должно идти по сему пути – 190. Что есть крест и как он многообразен – 195. Почему крест необходим христианину – 202. С каким намерением должно нести крест? Во-первых, должно не- сти крест как наказание за грехи и ради избавления от вечных мучений – 208. Должно нести крест, во-вторых, в надежде на мздовоздаяние – 213. Должно, в-третьих, не- сти крест из любви ко Христу – 218.	
Архиепископ ИОАНН (ШАХОВСКОЙ) О РАЕ И КРЕСТЕ	225
Глава 4 О ЧАСЕ СМЕРТНОМ	229
Святитель ИГНАТИЙ (БРЯНЧАНИНОВ) О ЧАСЕ СМЕРТНОМ	231
Смерть непостижима человеку и открывается ему Бо- гом – 232. Участь тела по смерти – 233. Участь души по смерти – 234. Разлучение души с телом – 237.	
Преподобный НИКОДИМ СВЯТОГОРЕЦ НЕВИДИМАЯ БРАНЬ	251
О том, что не следует слишком сильно желать освобож- дения от претерпеваемых скорбей, предаваясь всецело в волю Божию – 251. О приготовлении к брани с врагами в час смертный – 253. О четырех, бывающих в час смер- ти, искушениях вражеских. Первое искушение против веры и о способе преодоления его – 255. Второе искуше- ние в час смерти – отчаянием – 257. Третье искушение в час смерти – тщеславием – 259. Четвертое искушение в час смерти – призраками – 260.	

Протоиерей АРТЕМИЙ ВЛАДИМИРОВ КОНЧИНА	262
Глава 5 ДУША ПОСЛЕ СМЕРТИ	269
К. ИКСКУЛЬ НЕВЕРОЯТНОЕ ДЛЯ МНОГИХ, НО ИСТИННОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ	272
Иеромонах СЕРАФИМ (РОУЗ) ДУША ПОСЛЕ СМЕРТИ	297
Явления Ангелов и бесов в час смерти – 297. Подлинные христианские опыты Неба: 1. Место «нахождения» Неба и ада – 309. 2. Христианские опыты Неба – 314. 3. Свойства истинного опыта Неба – 323. Краткое изложение православного учения о посмертной судьбе души: <i>Архиепископ ИОАНН (МАКСИМОВИЧ). ЖИЗНЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ</i> – 328. Начало духовного видения – 331. Встреча с духами – 332. Первые два дня после смерти – 333. Мытарства – 336. Сорок дней – 339. Состояние души до Страшного Суда – 339. Молитва об усопших – 342. Что мы можем сделать для умерших? – 344. Воскресение тела – 347. Приложение. Некоторые недавние отклики православных на обсуждение вопросов о загробной жизни – 349. <i>Архимандрит КИПРИАН. ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ МЕРТВЫХ В СОВРЕМЕННОЙ ГРЕЦИИ</i> – 349. <i>Протоиерей ДИМИТРИЙ ДУДКО. МЕРТВЫЕ ЯВЛЯЮТСЯ В СОВРЕМЕННОЙ МОСКВЕ</i> – 351.	
Протоиерей СЕРГИЙ ЧЕТВЕРИКОВ ЗАГРОБНАЯ ЖИЗНЬ	356
Протоиерей АРТЕМИЙ ВЛАДИМИРОВ ПОСЛЕ СМЕРТИ	369
Глава 6 О БЕССМЕРТИИ	378
Николай Евграфович ПЕСТОВ ТРИ ПЕРИОДА ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДУШИ	379
Приложение. Явления из загробного мира – 387.	
ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ СМЕРТИ ТЕЛА	389
Приложение. <i>Епископ ИОАНН.</i> О состоянии души, покинувшей тело – 393. <i>Е.Е. ГОЛУБИНСКИЙ.</i> О будущей жизни – 396.	

ЦАРСТВО НЕБЕСНОЕ (РАЙ)	398
СМЕРТЬ ДУШИ	404
АД. «ТЬМА ВНЕШНЯЯ». «ОГОНЬ И МУКА ВЕЧНАЯ»	407
Приложение. О состоянии души после смерти и до Страшного Суда – 417.	
Протоиерей Валентин СВЕНЦИЦКИЙ	
О БЕССМЕРТИИ	419
Преподобный Иустин (ПОПОВИЧ)	
ОСУЖДЕННЫЕ НА БЕССМЕРТИЕ	446
Архиепископ ИОАНН (ШАХОВСКОЙ)	
СЛАБОСТЬ И СИЛА ЧЕЛОВЕКА	452
БЕССМЕРТИЕ ЧЕЛОВЕКА	456
Митрополит АНТОНИЙ СУРОЖСКИЙ	
ПОБЕДА ВОСКРЕСЕНИЯ	459
Протоиерей АРТЕМИЙ ВЛАДИМИРОВ	
ЖИЗНЬ ВЕЧНАЯ	465
Архимандрит КИРИЛЛ (ПАВЛОВ)	
О ВОСКРЕСЕНИИ ХРИСТОВОМ	
И ОБЩЕМ ВОСКРЕСЕНИИ	472
Глава 7	
ПОМИНОВЕНИЕ УСОПШИХ	479
Святитель ДИМИТРИЙ РОСТОВСКИЙ	
О ТОМ, ЧТО НЕ ДОЛЖНО ПРЕДАВАТЬСЯ	
НЕУМЕРЕННОМУ СЕТОВАНИЮ ПО УСОПШИМ	481
Протоиерей ДИМИТРИЙ СМИРНОВ	
ПОМИНАЯ УСОПШИХ, ПОДУМАЕМ И О СЕБЕ	489
Протоиерей АЛЕКСАНДР ШАРГУНОВ	
СЛОВО НА ВСЕЛЕНСКУЮ РОДИТЕЛЬСКУЮ СУББОТУ	503
О ЖИЗНИ И СМЕРТИ (РАДОНИЦА)	505
Протоиерей АРТЕМИЙ ВЛАДИМИРОВ	
СЛОВО НА ДИМИТРИЕВСКУЮ	
РОДИТЕЛЬСКУЮ СУББОТУ	509
СЛОВО НА РОДИТЕЛЬСКУЮ СУББОТУ	512
Архимандрит КИРИЛЛ (ПАВЛОВ)	
ПОМИНОВЕНИЕ УСОПШИХ	515
ПРИТЧА О ДЕСЯТИ ДЕВАХ	521
ОБ АВТОРАХ СБОРНИКА	525

СВЕТ БУДУЩЕЙ ЖИЗНИ
О смерти и бессмертии

Цензор — архимандрит Лука (Пинаев)

Директор издательства — С.Л. Дубинкин

Главный редактор издательства — В.Ю. Малягин

Редактор-составитель — Т.В. Петрова

Художник — А.Е. Григорьев

Компьютерный дизайн — Д.И. Клыгин

Компьютерная верстка — О.А. Гришина

Компьютерный набор — Т.Е. Божевольнова

Корректор — В.И. Никитина

Лицензия ЛР № 030571 от 20 октября 1998 г.

Подписано к печати 16.01.2006.

Формат 60×90 ¹/₁₆. Печ. л. 33,5. Тираж 10 000 экз.

Заказ №

Издательство «ДАНИЛОВСКИЙ БЛАГОВЕСТНИК»

115191, Москва, Даниловский вал, 20

E-mail: blagovestnik@msdm.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов во ФГУП ИПК

«УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»

432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

при участии ПФ «Сашко»

ОПТОВАЯ КНИЖНАЯ ТОРГОВЛЯ

Данилова монастыря

предлагает

Более 1200 наименований книг православных издательств, в том числе книги издательства Данилова монастыря «Даниловский благовестник», богослужебную литературу, календари, подарочные издания, аудио- и видеокассеты.

Также в продаже свечи, лампадное масло и другие товары *по предельно низким оптовым ценам.*

У нас вы можете сделать предварительный заказ на любые необходимые вам книги по телефону или по факсу.

Крупнооптовым покупателям высылаем полный каталог по факсу или почтой.

При необходимости обеспечиваем доставку книг железнодорожными контейнерами, автотранспортом, бесплатную доставку на любой ж/д вокзал г. Москвы.

Часы работы: 9.00–18.30, кроме воскресных дней и праздников.

Адрес оптовой торговли:

Даниловский вал, 13-а, двухэтажное желтое здание напротив Святых врат монастыря.

Адрес розничной торговли:

Даниловский вал, 22, в стене монастыря, в храме преподобного Серафима Саровского.

Телефон: 952-72-89

Факс: 952-34-08

E-mail: opt@msdm.ru

Http://www.saintdaniel.ru

Проезд:

ст. м. «Тульская», 7 мин. пешком или трамв. 3, 35, 38, 39 до остановки «Данилов монастырь».